

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

On “Age-old Russian Backwardness”

Escaping in 20th century Russia

The USSR at the Paris 1937 Exposition
Internationale

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 6 | 2018 | № 1

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

E d i t o r - i n - C h i e f: Prof. **Francine-Dominique Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Editor: Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Corresponding Member of RAS, Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Dr **Vladislav Rjeoutski** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, University of Sofia); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples “L’Orientale”); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor’ Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенай** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор: проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); член-корр. РАН проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **Ф.-Х. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<i>Francine-Dominique Liechtenhan.</i> Avant-propos 7	<i>Francine-Dominique Liechtenhan.</i> Avant-propos 7
<i>Larisa Soboleva.</i> The Life of a State in the Human Dimension 11	<i>Larisa Soboleva.</i> The Life of a State in the Human Dimension 11

Scientia et vita

<i>Райнхард Нахтигаль.</i> Жизнь и труды немецкого историка и филолога Готфрида Шрамма (1929–2017) .17	<i>Reinhard Nachtigal.</i> The Life and Work of the German Historian and Philologist Gottfried Schramm (1929–2017) .17
--	--

Problema voluminis

Второе путешествие Петра Великого в Европу: события и люди	Peter the Great's Second Journey to Europe: Events and People
<i>Emmanuel Le Roy Ladurie.</i> Réflexions sur la Régence (1715–1723) (en français, en russe).....29	<i>Emmanuel Le Roy Ladurie.</i> Reflections on the Regency (1715–1723) (in French, in Russian) 29
<i>Татьяна Базарова.</i> Путешествие вице-канцлера П. П. Шафирова в Западную Европу (1716–1717) .. 46	<i>Tatiana Bazarova.</i> The Journey of Vice- Chancellor Pyotr Shafirov to Western Europe (1716–1717) .. 46
<i>Kristina Kuentzel-Witt.</i> Peter the Great's Intermezzo with G. W. Leibniz and G. Delisle: The Development of Geographical Knowledge in Russia. 63	<i>Kristina Kuentzel-Witt.</i> Peter the Great's Intermezzo with G. W. Leibniz and G. Delisle: The Development of Geographical Knowledge in Russia. 63
<i>Владислав Ржеуцкий, Дмитрий Гузович.</i> Вербовка иностран- ных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I ... 79	<i>Vladislav Rjéoutski, Dmitri Gouzévitch.</i> Recruitment of Foreign Specialists from France and French-speaking Switzerland during the Reign of Peter I. 79
<i>Артур Мустафин.</i> Роль барона А. Х. Любераса в коллегиальной реформе Петра I: новые документы 99	<i>Arthur Mustafin.</i> New Information about Baron A. Ch. Luberas and his Role in the Collegiate Reform of Peter I 99
<i>Екатерина Андреева.</i> Второе евро- пейское путешествие Петра I и приезд французских мастеров в Петербург 114	<i>Ekaterina Andreeva.</i> Peter I's Second European Journey and the Arrival of French Masters in St Petersburg 114
<i>Роксана Реброва.</i> Дворец Федора Апраксина и «образцовый дом» Ж.-Б. Леблона: деятельность фран- цузского архитектора в Петер- бурге по новым источникам ...130	<i>Roksana Rebrova.</i> Fyodor Apraksin's Palace and J.-B. Le Blond's “Model Home” : New Data on the French Architect's Plans for St Petersburg. 130

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Александр Лавров. Между империей и царством: путешествие подьячих из Архангелогородской губернии на театр Северной войны в 1716–1718 гг. 139

Alexander Lavrov. Between Empire and Tsardom: The Trip of Clerks from Arkhangelsk Province to the Theatre of the Great Northern War, 1716–1718 139

Искусство и дипломатия

Art and Diplomacy

Людмила Будрина. Пара малахитовых ваз екатеринбургских мастеров в имперской дипломатии 151

Lyudmila Budrina. Two Malachite Vases by Yekaterinburg Masters in Imperial Diplomacy 151

Евгения Коньшева. «Комплекс превосходства»: павильон СССР на Всемирной выставке в Париже и советская культурная дипломатия 161

Evgeniya Konyshcheva. Superiority Complex: The Pavilion of the USSR at the Exposition Internationale in Paris and the Soviet Cultural Diplomacy 161

Conceptus et conceptio

Александр Каменский. К проблеме «вековой русской отсталости» . 185

Alexander Kamensky. On 'Age-old Russian Backwardness' 185

Андрей Епимахов. Теория фронта и археология бронзового века Урала 207

Andrei Epimakhov. The Frontier Theory and Bronze Age Archaeology in the Urals 207

Lewis H. Siegelbaum, Leslie Page Moch. Escaping in Twentieth-Century Russia 220

Lewis H. Siegelbaum, Leslie Page Moch. Escaping in Twentieth-Century Russia 220

Олег Горбачев. Мигранты и Российское государство в XX веке: возможности и ограничения . . 240

Oleg Gorbachev. Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations . . 240

Disputatio

Валерий Юнгблуд, Артем Збоев. Деятельность американских неправительственных организаций на постсоветском пространстве в 1990-е гг. 251

Valery Yungblud, Artyom Zbojev. The Activity of American Non-Governmental Organisations in the Post-Soviet States during the 1990s. 251

Controversiae et recensione

Ольга Кошелева. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты 269

Olga Kosheleva. Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects 269

Юлия Матвеева. В мире псевдонимов русского зарубежья 290

Yulia Matveeva. In the World of Pseudonyms of the Russian Abroad 290

Юлия Подлубнова. Цена Арктики 299

Yulia Podlubnova. The Price of the Arctic 299

Об авторах 306

On the authors 306

Сокращения 311

Abbreviations 311

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2018.1.277

AVANT-PROPOS

En France, le tricentenaire du voyage de Pierre le Grand fut célébré avec faste. L'exposition organisée au Grand Trianon (Versailles) attira près de 300 000 visiteurs, plusieurs colloques firent salle pleine dont celui organisé en juin 2017 par la Sorbonne, l'Institut historique allemand (Paris) et le Centre des Archives diplomatiques (Paris, La Courneuve). Cette rencontre avait pour objectif de retracer, par le biais de ce long périple, l'histoire des relations internationales aux lendemains de la paix d'Utrecht, d'évoquer la difficulté de la Russie à trouver sa place parmi les puissances européennes malgré ses succès militaires, sans oublier d'analyser l'impact économique et culturel de ce parcours de près de deux ans. Il associait ainsi des contributions consacrées à des sujets très spécialisés, basées sur des recherches dans les archives, et des aperçus plus généraux sur cette époque charnière ou d'« ouverture » de l'histoire de l'Europe¹.

Le présent volume s'ouvre avec un essai du grand historien français, dernier représentant de cette génération qui marqua tant l'École des Annales, *Emmanuel Le Roy Ladurie*. La dureté du gouvernement de Louis XIV, les investissements exagérés en bâtiments et palais de toutes sortes, les guerres interminables, la lourde fiscalité, rendaient la succession du Roi Soleil délicate. Il fallait réformer le régime pour le conserver. Plusieurs tendances se dessinaient à la cour comme à la ville : une plus forte participation de l'aristocratie aux affaires gouvernementales, la relance de l'économie par l'inflation et le rapprochement de la France des puissances maritimes, libérales et protestantes. Au moment où Pierre séjournait en Occident, ce fut ce dernier parti qui dominait l'esprit du Régent, neveu du défunt souverain. Depuis plusieurs mois, et contre toute attente, Philippe d'Orléans s'était rapproché du roi d'Angleterre, George Ier, et ils conclurent une triple alliance, en y associant les Provinces-Unies (janvier 1717). Fort du soutien de la France, George refusa désormais de recevoir les représentants russes et de négocier une éventuelle alliance avec eux. Le roi durcit le ton : il fallait mettre un terme à la présence « moscovite » dans l'Empire germanique, en l'occurrence le Mecklembourg. Le stationnement prolongé des troupes ne répondait pas aux conventions signées entre les alliés et perturbait les affaires de l'Europe. Le Hanovrien ne mâcha pas ses mots : les Russes n'avaient pas à s'intéresser au continent ! Par sa volte-face en faveur de la

---

¹ Plusieurs contributions furent déjà publiées dans un précédent volume de *Quaestio Rossica* (vol. 5, no 2, 2017) ; Il s'agit des articles de Lorenz Erren, Armelle Le Goff en coopération avec Olga Okouneva, Anne Mézin, Alexey Morokhine, Steven Peter Müller, Dimitri Rédine et Dimitri Serov.

France, il renversait le système d'alliances issu des négociations d'Utrecht. Une fois de plus, Pierre s'était marginalisé parce qu'il ne maîtrisait pas tous les méandres de la diplomatie. Un nouvel ordre géopolitique était né, dans lequel la Russie ne semblait pas avoir sa place. Le tsar, sous-estimant ce bouleversement, imagina alors trouver un dernier recours pour officialiser ses conquêtes et rétablir la paix : la France.

La Régence représentait une période d'ouverture positive : le régime apprenait désormais à vivre avec ses contradicteurs (dissidents, protestants, aristocrates, parlementaires...), à les supporter, à les contrôler en évitant de les persécuter ou de les intimider comme ce fut le cas sous Louis XIV. Il s'agissait désormais moins de transformer le régime que de l'adapter, de l'aménager, de l'équilibrer, en tenant compte du désir qu'avaient les élites de maintenir au mieux leurs privilèges. Les contestataires ne proposaient pas de nouveaux projets politiques, sociaux ou constitutionnels ; ils désiraient établir à leur usage propre un espace de liberté ou de non-conformisme, notamment religieux janséniste ou protestant voire athée, mouvements que Pierre découvrit non sans stupéfaction. Cela ne changeait pas le quotidien de l'immense majorité silencieuse dont la pauvreté avait frappé le tsar dès son arrivée en France. Selon Emmanuel Le Roy Ladurie, la Régence nous amène à définir la notion de transition conservatrice, ou de phase d'adaptation contrôlée. Cette France en pleine mutation déconcerta Pierre ; il ne cessa d'interroger des personnes de toutes conditions, de scruter les réalités de ce pays qui lui laissa une forte impression d'ambiguïté, entraînant de sa part un comportement non moins équivoque.

Lorsque Pierre quitta Saint-Pétersbourg pour ce long voyage en Europe, il était très isolé sur la scène internationale ; la présence de troupes russes en Allemagne du Nord suscitait le malaise à Vienne, Londres et Paris, garante de l'intégrité des territoires de l'Empire depuis le traité de Westphalie de 1648. Depuis plusieurs mois, le roi de Prusse, Frédéric-Guillaume, et Pierre négociaient la répartition des possessions territoriales des Suédois en Poméranie. Stettin devait revenir à la Prusse, s'ils parvenaient à chasser Charles XII du continent. Les deux souverains se rencontrèrent à Havelberg, le 24 novembre 1716 pour préparer une déclaration commune sur leurs aspirations territoriales. Or, pour ce faire, il fallait l'approbation des autres puissances continentales, du moins de la France. L'idée naquit de prolonger le voyage jusqu'à Paris, ceci avec un triple objectif ; faire reconnaître les conquêtes russes sur le pourtour de la mer Baltique, engager la France comme médiatrice dans le conflit entre la Suède et la Russie et parvenir à signer une alliance, fût-elle commerciale. Pierre était aussi impatient de voir ce pays lointain, à peine sorti du régime louis-quatorzien, dont les splendeurs culturelles étaient déjà entrées dans la légende. Se rendait-il compte des profonds changements qu'avait subi cette France absolutiste ?

Pierre arriva à Paris le 7 mai 1717 dans la soirée. Hyperactif, désireux de tout voir, il ne s'accordait pas beaucoup de temps pour s'occuper des négociations diplomatiques. Le Régent ayant désigné le maréchal de Tessé comme interlocuteur, le tsar laissa les discussions à Kourakine et à Chafirov. Or la

France n'entendait pas reconnaître les annexions de Pierre dans la Baltique. Les ministres russes devinrent menaçants. Le tsar continuerait la guerre contre la Suède, il était prêt à se battre pendant vingt ans ! Tessé, Chafirov et Kourakine s'entendirent néanmoins sur un point ; une convention entre Versailles et Pétersbourg n'avait pas grand sens sans la participation de Berlin. Le Français ne mâchait pas ses mots : « Nous n'entrons en société avec le tsar que par rapport au roi de Prusse puisque sans la Prusse le tsar nous est entièrement inutile². » Les négociations s'enlisèrent, car les intérêts des différents partis divergeaient. Les Russes revenaient sur la garantie des conquêtes de Pierre et évoquaient un traité de commerce donnant à la France le statut de « nation la plus privilégiée », titre réservé depuis des décennies à la Grande Bretagne. La proposition d'établir des relations économiques semait le malaise. Versailles ne voulait pas compromettre ses liens avec la Hollande et l'Angleterre, qui étaient aussi les principaux partenaires de la Russie pour le commerce. Après d'interminables négociations, la signature du traité, par les représentants du tsar, du Régent et de Frédéric-Guillaume, eut lieu à Amsterdam, le 2 septembre 1717, alors que Pierre visitait la région. Cette convention à caractère économique était un chef-d'œuvre de la rhétorique diplomatique puisque chaque partie était persuadée d'avoir atteint ses objectifs. Toutes les questions délicates avaient été écartées. Les partenaires se devaient une parfaite solidarité pour garantir la sécurité et la paix établies par le traité d'Utrecht et pour ratifier une convention, à venir, sur la pacification du Nord. Un traité de navigation et de commerce était prévu, des commissaires devant se rencontrer dans les huit mois. Les trois signataires reconnurent la France comme médiateur dans le Nord et Philippe d'Orléans s'engageait à respecter l'impartialité requise.

La France avait opté pour une alliance avec l'Angleterre et avait habilement manœuvré pour ne pas s'engager envers la Russie. Saint-Simon qualifia le « fol mépris » du Régent envers Pierre « d'irréparable ruine³ ». Grâce aux écrasantes victoires de Pierre dans le Nord, la Russie commençait à s'imposer dans les affaires de l'Europe. En lui préférant l'Angleterre voire la Prusse, le Régent et Dubois montraient leur méfiance envers le grand pays slave, mais, en signant un traité certes insignifiant, ils cherchèrent à le garder dans leur sphère d'intérêt.

Pierre avait-il compris toutes ces ambiguïtés, sentait-il que sa position était en train de changer ? Lors de la soirée d'adieu, il aurait dansé jusqu'à minuit, fort satisfait de son voyage. Il n'avait certes pas recueilli les alliances souhaitées, mais les tergiversations des têtes couronnées allaient lui permettre, dès le mois d'août 1717, à commencer les négociations de paix avec la Suède, sans médiateur dans un premier temps.

Pierre avait d'autres raisons pour être satisfait de son séjour en Occident. Pendant son trajet, il avait rencontré Leibniz qui avait encouragé son idée

² Mémoires et lettres du maréchal de Tessé : 2 vols. / éd. Ph.-H. de Grimoard. Paris : Treuttel et Würtz, 1806. Vol. 2. P. 330 sq.

³ *Saint-Simon A. de*. Mémoires : 43 vols. / éd. A. de Boislisle. Paris : Hachette, 1920. Vol. 31. P. 390.

d'instaurer un nouveau système d'enseignement et de créer une Académie à Saint-Pétersbourg. La réception solennelle du tsar à l'Académie française conforta celui-ci en son dessein. Guillaume Delisle lui insuffla l'idée de donner à l'astronomie et à la géographie le statut de disciplines scientifiques en Russie et de multiplier les expéditions dans les régions les plus lointaines de son empire afin de procéder à une cartographie systématique du pays (*K. Küntzel-Witt*). Le frère cadet de Guillaume, Joseph-Nicolas Delisle, fut un des premiers Français à accepter l'invitation officielle du tsar à venir travailler en Russie et à développer les sciences en son pays.

Le tsar pouvait aussi se targuer d'avoir recruté plusieurs dizaines de spécialistes, en particulier des artisans d'art (*D. Gouzévitch, V. Rjéoutski*). Or la France ne laissa pas partir les meilleurs d'entre eux. Malgré les conditions de travail optimales en Russie, et sur le plan de la tolérance religieuse et des conditions juridiques, nombre d'entre eux exigèrent de retourner dans leur pays ou furent, *manu militari*, expulsés pour cause de dilettantisme.

Ce ne fut pas le cas d'Alexandre Le Blond (*O. Rebrova*). Pierre rencontra cet architecte fin juin 2016 à Bad Pyrmont et l'engagea pour trois ans. Il sut réaliser l'« hôtel type », demeure réservée à l'aristocratie, qui devint un des modèles de l'école architecturale russe et la base de certains projets urbains, notamment sur l'île Vassilievski.

P. P. Chafirov seconda Pierre dans les négociations diplomatiques ; même s'il émettait des réserves par rapport au rapprochement avec Versailles, il fut le maître d'œuvre du traité associant la France, la Russie et la Prusse. Chafirov avait d'autres tâches, entre autres celle de recruter des spécialistes et d'acheter des objets d'art pour les collections du tsar (*T. Basarova*). Il disposait de 40 000 livres par des lettres de change et de l'argent en espèces pour réaliser les rêves de son maître. 30 000 pièces de monnaie supplémentaires étaient destinées à embaucher des marins en Hollande. Le vice-chancelier, accusé d'avoir gaspillé cet argent rencontra de sérieux problèmes juridiques par la suite.

La deuxième série d'articles issus du colloque de juin 2017 se clôt sur un document exceptionnel : le récit de voyage de deux clercs d'Arkhangelsk vers la Poméranie où stationnaient les troupes russes (*A. Lavrov*). Il s'agit d'une relation de voyage destinée à un usage privé. Le récit du parcours entre Moscou et Pétersbourg et une première description de la capitale par des Russes rendent ce texte unique, même si les deux clercs portaient surtout leur attention sur les éléments religieux, attitude significative de leur origine sociale et professionnelle.

Cette série d'articles illustre, avec des textes inédits à la base, les tractations réalisées en marge du deuxième grand voyage de Pierre en Occident. Un troisième numéro de *Quaestio Rossica*, basé, en partie, sur les contributions du colloque commémoratif du deuxième grand voyage de Pierre en Europe sera consacré aux relations internationales à cette époque.

Francine-Dominique Liechtenhan
(Centre Roland Mousnier, CNRS Sorbonne Universités)

THE LIFE OF A STATE IN THE HUMAN DIMENSION

The human dimension of state transformations is a delicate and controversial matter. Unrestrained human desires and the emotionality of human relationships have contributed equally to the historical background of events, while the unpredictability of human destiny has animated and painted historical patterns in vivid colors, thus causing ambiguity and nonlinearity in social movements. Such nonlinearity attracts the attention of modern scholars reassessing events during the reign of Peter the Great and the participation of domestic and foreign experts in nation-building. The notion of public good was a precondition for preserving information about the individual fates of people, something that is reflected in collections of documents.

In the *Problema voluminis* section, *Quaestio Rossica* follows up the theme raised at a conference in Paris in 2017: the process of familiarizing Russia with European culture as a public act, the results and implementation of which can be seen in the lives of different social classes. Peter the Great's second voyage to Europe (1716–1717) caused a wave of events that influenced the careers of Peter's statesmen, the promotion of reforms and the emergence of new artefacts. The articles that focus on this important journey were presented as papers at the aforementioned Paris conference; the selection offered here is discussed in detail in the editorial by Professor *Francine-Dominique Liechtenhan* (Université Paris-Sorbonne (Paris IV), the journal's editor-in-chief).

The second part of this section features original materials on cultural diplomacy, thus discussing the notion of 'soft power' that has gained new significance today. The ability to use art in diplomacy was typical in imperial history, as is shown in the study by *Ludmila Budrina* (Ekaterinburg Museum of Fine Arts). Budrina demonstrates how the unique works of stone-carving masters from the Urals – giant luxurious vases carved from precious malachite – served as investment projects and the expressions of imperial gratitude. The article by *Evgeniya Konyshева* (South Ural State University, Chelyabinsk) about the USSR Pavilion at the 1937 World Fair in Paris investigates the way in which Stalin's cultural diplomacy combined grandiosity and the audacity of modern forms and materials in order to establish a personality cult of the leaders of the Revolution. The tragic fates of the creators of the 'Soviet miracle' pavilion were apparently a repayment for the paradoxical combination of genius and mendacity embodied in the Parisian exhibition.

Quaestio Rossica is pleased to introduce a new section, *Conceptus et conceptio*, and invites scholars to present new theories and controversial concepts in it. The section opens with an article by *Andrey Epimakhov* (Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of RAS, Ekaterinburg) on frontier theory and the archaeology of the Bronze Age in the Urals. The

value of this interesting theoretical article is certainly increased by the default 'resistance' of the concepts and materials that qualify archaeology as a science. *Alexander Kamensky* (Higher School of Economics, Moscow) has devoted his piece to the popular myth of 'centennial Russian backwardness'. The author deconstructs the constituents of this concept and considers the limits of this stereotypical understanding of Russian history, inviting the reader to rethink convenient trivialities. An *ad hoc* dialogue between Russian historians and scholars at the University of Michigan on processes of migration throughout Russian history is offered by the article of *Oleg Gorbachev* (Ural Federal University, Ekaterinburg): this elegantly mirrors the work co-authored by *Lewis H. Siegelbaum* and *Leslie Page Moch*.

The *Disputation* section of *Quaestio Rossica* hosts an article on NGOs in the post-Soviet space by the historians *Valery Yungblud* and *Artyom Zboev* (Vyatka State University, Kirov). A hot theme with the Russian authorities and society alike, it presents an impartial and objective analysis based on the reports submitted by the NGOs themselves.

In the *Scientia et vitae* section, Dr Reinhard Nachtigal (University of Freiburg) pays tribute to the German historian and philologist Gottfried Schramm (1929–2017), presenting his academic biography to readers of the journal with great affection. Schramm's research was distinguished by a particular understanding of scientific integrity and the ability to confront common beliefs. His competence in defending argumentative statements demanded not just audacity, but also true courage in a very direct sense of the word. His research was focused on understanding language as a key to world culture, including the Slavic part of it.

The *Controversiae et recensiones* section features an expertly composed analytical review by *Olga Kosheleva* (Institute of World History, RAN, Moscow) concerning the controversial characteristics of the pre-Petrine era. The findings of the article most certainly deserve the closest attention of the reader, both in terms of the coverage of important research and the conceptual interpretation of the material. *Yulia Matveeva* (Ural Federal University, Ekaterinburg) reviews an exceptionally informative and valuable study of the aliases of the Russian literary diaspora, edited by M. Shrubu and O. Korosteleva. The study is an indispensable aid for scholars studying Russian overseas literature. The work accomplished by the authors demonstrates a meticulous approach to, and truly comprehensive coverage of, the material, making the article an absolute must for studying Russian literature in the diaspora. *Yulia Podlubnova* (Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of RAS, Ekaterinburg), reviewing the book of A. Bruno about the exploration of the Arctic during Soviet times, correctly notes the work's relationship with modern environmental theories, an interesting twist that turns it into a study of the Soviet environmental experience in global context.

Larisa Soboleva
(Ural Federal University)

Человеческое измерение государственных преобразований – тонкий и противоречивый инструмент. Необузданность желаний и эмоциональная составляющая людских взаимоотношений также формировали событийный исторический фон, а непредсказуемость человеческих судеб оживляла и раскрашивала разными красками исторические закономерности, заставляя сомневаться в однозначности и прямолинейности векторов социального движения. Эти сложности привлекают внимание современной гуманитарной науки в связи с осмыслением событий Петровской эпохи, участия отечественных и иностранных специалистов в государственном строительстве. Государственные интересы были условием хранения информации о судьбах людей, отражаясь в комплексе документов.

В рубрике *Problema voluminis* продолжается тема, поднятая на конференции в Париже в 2017 г.¹, – процесс приобщения России к европейской культуре как государственное деяние, результаты и выражение которого претворяются в судьбах разных сословий. Второе путешествие Петра Первого в Европу вызвало волну событий, повлияло на карьеры сподвижников государя, привело к продвижению реформаторских идей и появлению новых артефактов, что демонстрируют посвященные ему исследования. Статьи, представленные в данной части рубрики, звучали как доклады на парижской конференции и освещаются в размышлениях главного редактора журнала профессора Ф.-Д. Лиштенан, которыми мы открыли первый выпуск шестого тома *Quaestio Rossica*.

Во второй части рубрики приведены оригинальные материалы о культурной дипломатии – той «мягкой силе», которая обретает сегодня новые достоинства.

Умение использовать в дипломатии предметы искусства было свойственно имперской истории, как показывает исследование *Людмилы Будриной* (Екатеринбургский музей изобразительных искусств). Уникальные произведения камнерезных мастеров Урала – малахитовые вазы – становятся факторами инвестиционных проектов и выражением имперской благодарности. Сталинская культурная дипломатия, сочетающая грандиозность замысла, смелость и даже дерзость использования современных форм и материалов для утверждения культа личности вождей революции, описана в статье *Евгении Конишевой* (Южно-Уральский университет, Челябинск) о павильоне СССР на Всемирной выставке 1937 г. в Париже. Трагические судьбы творцов советского чуда явились платой за парадоксальное сочетание гениальности и фальши, свойственное парижскому феномену.

С этого номера журнал вводит рубрику *Conceptus et conceptio*, приглашая ученых к изложению новых теорий и спорных концепций. Открывает ее статья *Андрея Епимахова* (Институт археологии и истории УрО РАН) о теории фронта и археологии бронзового века на уральском материале. Ценность статьи возрастет, если учесть сопротивление

---

¹ Публикацию результатов конференции см.: *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 3.

концепции и материала, присущее археологии как науке с преимущественным вниманием к «вещественности» культуры. Распространенному мифу о «вековой русской отсталости» посвящена статья *Александра Каменского* (Высшая школа экономики, Москва). Автор рассматривает грани данного концепта и ограниченность стереотипного понимания российского исторического пути, приглашая к переосмыслению прежних тривиальных истин. Своеобразный диалог российской научной школы и ученых Мичиганского университета относительно процесса миграции в российской истории представлен статьей *Олега Горбачева* (УрФУ), ставшей репликой к совместной статье *Льюиса Сигельбаума* и *Лесли Мох* (Университет Мичигана, США).

Волнующая в последнее время российскую власть и общество тема деятельности НПО на постсоветском пространстве раскрывается в объективном анализе, основанном на отчетах обществ, данном в статье историков *Валерия Юнгблуда* и *Артема Збоева* (Вятский университет) (рубрика *Disputatio*).

Трудный, требующий огромной эрудиции и аналитических навыков жанр обзора представлен в статье *Ольги Кошелевой* (Институт истории РАН, Москва). Он касается противоречивой характеристики предпетровского времени (рубрика *Controversiae et recensiones*). Выкладки ученого достойны самого пристального внимания русскоязычного читателя как в плане освещения важных исследований, так и в плане новых концептуальных трактовок материала. Рецензия на чрезвычайно информативную и полезную работу – исследование псевдонимов русского зарубежья под редакцией М. Шрубы и О. Коростелева, как показывает *Ю. Матвеева* (УрФУ), становится необходимой книгой для филологов, изучающих этот пласт литературы. Проделанная авторами работа отличается тщательностью и поистине всеобъемлющим охватом материала, что придает ей функцию необходимого справочника для исследователя зарубежной русской литературы. В рецензии *Юлии Подлубновой* (Институт истории и археологии УрО РАН) на книгу А. Бруно об освоении Арктики в советское время отмечается ее связь с современными теориями экологии земли, что превращает ее в исследование, касающееся осмысления советского опыта в мировом контексте.

Лариса Соболева
(Уральский федеральный университет)

Scientia
et vita

Готфрид Шрамм
Gottfried Schramm
(1929–2017)

Scientia
et vita

DOI 10.15826/qr.2018.1.279

УДК 929Шрамм+94(430)+81-112.2+94(470)

**ЖИЗНЬ И ТРУДЫ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА
И ФИЛОЛОГА ГОТФРИДА ШРАММА
(1929–2017)***

Райнхард Нахтигаль

Фрайбургский университет им. Альберта и Людвига,
Фрайбург, Германия

**THE LIFE AND WORK OF THE GERMAN
HISTORIAN AND PHILOLOGIST GOTTFRIED
SCHRAMM (1929–2017)**

Reinhard Nachtigal

Albert-Ludwigs-Universität Freiburg,
Freiburg, Germany

The well-known idea that the development of science is determined, among other things, by enthusiasts whose entire lives are devoted to the search for truth acquires a deeper meaning when considered through the prism of the dramatic lives of said people. They are always few in any country, and they tend to follow their own paths, thus putting their lives on the line (in despotic states) or risking being misunderstood (under more lenient regimes): they do so because they regard cognition and new discoveries as the essence of their lives. Gottfried Schramm, who recently passed away, was one such person. In his academic life, he combined historical and linguistic interests, and his perfect command of languages provided him with a key to the history of peoples. This article analyses his bravery as a researcher and the paradoxes of ideas formed during his career of a scholar. Special attention is paid to the system of ideas about the phenomenon of revolution and the ideology of communism, in which, according to Schramm, the negation of the preceding epochs did not bring about new constructive ideas. Gottfried Schramm was not only a talented researcher but also a remarkable teacher: his authority and manner attracted many gifted students. The article describes

---

* *Citation:* Nachtigal, R. (2018). The Life and Work of the German Historian and Philologist Gottfried Schramm (1929–2017). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 17–26. DOI 10.15826/qr.2018.1.279.

Цитирование: Nachtigal R. The Life and Work of the German Historian and Philologist Gottfried Schramm (1929–2017) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 17–26. DOI 10.15826/qr.2018.1.279 / Нахтигаль Р. Жизнь и труды немецкого историка и филолога Готфрида Шрамма (1929–2017) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 17–26. DOI 10.15826/qr.2018.1.279.

a number of his most important works, which illustrates the state of Slavic studies in Germany.

Keywords: Gottfried Schramm; Freiburg University; Slavic studies; history of Germany; Russian and Soviet history.

Общеизвестная мысль, что развитие науки предопределяется не в последнюю очередь энтузиазмом людей, для которых поиск истины составляет смысл жизни, открывается новыми гранями, когда соотносится с драматургией жизни этих ученых. Их число всегда невелико, и в любой стране, при любом режиме они даже с риском для жизни или в более либеральном варианте – с риском быть непонятыми идут по своему неповторимому пути, ставя выше всех благ радость познания и обретения нового. К таким профессиональным и масштабным исследователям принадлежал Готфрид Шрамм, ушедший недавно в иной вечный мир. В его научной деятельности переплелись исторические и филологические интересы, а совершенствование знания языков стало ключом к истории народа. В статье анализируются смелость и парадоксальность суждений, которые складывались на протяжении исследовательской биографии профессора истории. Особое внимание отводится системе представлений о феномене революции и идеологии коммунизма, в которой, по мысли Шрамма, отрицание предшествующих эпох не сменилось открытием новых конструктивных смыслов. Талант исследователя совмещался и дополнялся талантом учителя: авторитет и своеобразие преподавания Готфрида Шрамма привлекали к нему способных учеников. Приведенные наиболее существенные работы немецкого исследователя дополняют информационную картину изучения славянского мира в Германии.

Ключевые слова: Готфрид Шрамм; Университет Фрайбурга; славистика; история в Германии; российская и советская история.

26 октября 2017 г. ведущий немецкий историк Восточной Европы Готфрид Шрамм скончался в своей квартире во Фрайбурге/Брайсгау. Его труды и влияние на научный мир дают достаточно оснований для разговора об исследовательской и преподавательской работе этого немецкого ученого, отличавшегося разнонаправленностью интересов. Готфрид Шрамм, второй сын известного немецкого медиевиста Перси Эрнста Шрамма (1894–1970) и представительницы дворянского рода из Померании Эренгард фон Тадден, родился 11 января 1929 г. в Гейдельберге. Наряду с классическими трудами о власти в средневековой Германской империи, Перси Шрамм известен как автор дневника боевых действий Вермахта за 1943–1945 гг. Его сын Готфрид, выросший в Геттингене, в дальнейшем сознательно избрал другие направления гуманитарных наук. В последние недели Второй мировой войны он в возрасте 16 лет нес службу в стройотряде Имперской трудовой службы (Рейхсарбейтсдинста) и в мае попал в британский

плен. В 1946 г. он, тем не менее, сдал экзамен на аттестат зрелости. В 1948–1952 гг. изучал в университетах Геттингена, Тюбингена и Эрлангена германистику, историю и славистику. Путь к славистике или, точнее, к русистике он избрал, самостоятельно изучая иностранные языки, в том числе и русский, когда ему стала очевидна необходимость этого важного для мировой культуры языка.

Сдав университетский экзамен, он защитил в 1953 г. кандидатскую диссертацию о старогерманских именах; проходя в 1954 г. научную стажировку в Парижском университете, продолжал самостоятельно изучать иностранные языки; последиplomную практику проходил в Институте европейской истории в Майнце и в Марбургском университете. Два с половиной года работал преподавателем в одном из учебных заведений Шварцвальда, после чего снова вернулся в науку и в 1957–1958 гг. в Марбурге защитил докторскую диссертацию (Habilitation) о польской шляхте в эпоху Реформации (1548–1607). Как много лет спустя, будучи уже на пенсии, признавался историк, обращение к польской теме было вызвано восстаниями 1956 г. в Польше и Венгрии. В тот год ему стало ясно: «Умирало не прошлое, умирал сталинизм». В Марбурге он был научным ассистентом видного восточноевропейского историка (и полиглота) Петера Шайберта, которого в течение всей жизни почитал как большого педагога. В 1962 г., в период осторожного сближения между западногерманскими учеными и историками Польской Народной Республики, Г. Шрамм вел научную работу в Варшаве, где усовершенствовал свое знание польского языка.

Следующие 29 лет Шрамм преподавал на специально созданной для него кафедре новейшей и восточноевропейской истории во Фрайбургском университете имени Альберта-Людвига. Он занимался широким спектром научных тем, в первую очередь историей России XVIII–XX вв. и историей Польши. Кроме того, на основе ономастического подхода, первоначально примененного в кандидатской диссертации Г. Шрамма о двучленных именах в немецком языке, в 1973 г. было написано его исследование об исторических названиях рек, протекающих из Восточно-Европейской низменности к Черному морю [Schramm, 1973]¹. В конце жизни он рассказывал, что в его семье высказывались опасения в связи с многообразием его интересов: такая всеохватность якобы не давала сосредоточиться на чем-либо конкретном. Однако к концу карьеры он как ученый пользовался глубоким уважением именно благодаря своим универсальным познаниям в области истории и филологии, включая литературоведение и языкознание. К гуманитарным наукам добавились и естественные, такие как гидрография, климатология и почвоведение. Наконец, познания в области теологии и истории религии появились в поздних трудах Г. Шрамма.

---

¹ Русский перевод: [Шрамм].

Ему оказывали почтение не только коллеги по специальности, но и целое поколение учеников, которые высоко оценивали его педагогические методы, включавшие семинарские диалоги, открытый толерантный обмен мнениями и уважение к иной точке зрения. В процессе научного обсуждения царил строгая дисциплина, направленная на исправление ошибок и проверку усвоенного, на достижение конкретных результатов. Для Г. Шрамма не были характерны поучающие объяснения в виде тезисов или гипотез, он прежде всего выделялся формулировкой вопросов, способствующих разрешению проблем. С годами он стал сторонником «небольших конференций» (workshops) с участием ограниченного круга специалистов; при этом он видел мало пользы в классических научных конференциях и конгрессах.

С 1983 г. Г. Шрамм вместе с ординарными профессорами восточноевропейской истории Клаусом Цернаком (Берлин) и Манфредом Гельманном (Мюнстер) был ответственным редактором многотомного «Handbuch der Geschichte Russlands» («Справочника по истории России»), третий том которого (вышедший в двух полутомах в 1983 и 1992 г.) о периоде с 1856 по 1945 г. он не только редактировал, но и частично писал. Стремлению к полному библиографическому охвату публикаций и их краткому комментированию он противопоставил дидактическую цель – дать студентам и ученым удобный, пусть и не всеобъемлющий справочник, содержащий четко выверенный обзор материала. Это смелое предприятие, продолжавшееся более десяти лет, потребовало от историка много усердия, времени и стараний. Хотя с момента издания первых томов справочника появились новые данные, он и сегодня сохранил свое значение. Один из ведущих учеников Г. Шрамма Штефан Плаггенборг продолжил в 2002 и 2004 г. издание справочника, включив в него позднюю Советскую эпоху.

После ухода на пенсию в 1994 г. Шрамм продолжал в течение последующих семи лет вести в университете коллоквиум по истории Польши на польском языке и семинар по истории России. Три раза в семестр он приглашал избранных участников на домашний коллоквиум по истории Восточной и Юго-Восточной Европы. Эти приглашения охотно принимались студентами, посещавшими его курсы и после произошедшего в 1998 г. несчастного случая, который на много месяцев приковал ученого к постели.

В этот период он посвятил себя изучению тем, которые очень редко или вообще никогда не затрагивал в своих семинарах и лекциях. Он рассматривал под новым углом многие области знаний, иногда заново открывая их для себя. Так, например, возникла новая сфера его интересов – история переселения народов и раннего обращения в христианство жителей Балкан. По этим темам он написал несколько монографий и исследование о переселенческих потоках балканских народов [Schramm, 1981].

В 1994 г. появилась его работа об обращении в христианство племен на территории Албании, которая через пять лет вышла вторым изданием и в 2006 г. была даже переведена на албанский язык [Schramm, 1994; Schramm, 2006c]. В этом исследовании ученый приходит к выводам о том, что ни албанцы, ни румыны не селились первоначально на территориях сегодняшней Албании и Румынии. Вероятнее всего, они пришли туда с юга. Кроме того, в процессе их окончательного поселения важную роль сыграло раннее обращение в христианство, которому в конце VI в. н.э. угрожало вторжение славян на Балканский полуостров.

В этот период появились новые издания прежних трудов ученого и переводы его исследований, посвященных анализу филологических заключений в сравнении с историческими событиями и даже теологическими и историко-религиозными взаимосвязями, в которых ставились весьма специальные вопросы. Годы глубоких размышлений материализовались в основанной на ранних исследованиях и методах книге 1997 г. о происхождении, языке и этничности румын Карпатской дуги [Schramm, 1997], которая была частично переведена на румынский язык и издана в Клуже (Румыния) [Schramm, 2006a].

Филологически-исторический метод нашел применение и в большой работе о ранней Руси [Schramm, 2002]. В этом труде представлены взгляды датского ученого Вильгельма Томсена и российского историка Василия Ключевского. Г. Шрамм воссоздал картину обширных, но не укрепленных владений варяжских князей, владения которых простирались, как правило, вдоль рек (Волхов – Ловать, Западная Двина, Припять, Десна, Днепр и Волга); по ним они объезжали свои владения в теплое время года. Так же осуществлялась и выездная торговля.

В 2004 г. вышло масштабное исследование ученого, посвященное всемирной истории и ее переломным моментам; он считал его своим наиболее важным трудом [Schramm, 2004]². К этому глубокому исследованию, которое было переведено на несколько языков, в том числе на китайский, он приступил, базируясь на истории России. Долгое время его интересовал вопрос, как небольшой группе радикальных идеологов удалось совершить революцию (вернее, переворот) 1917 г., перекрыть общество и на протяжении 70 лет удерживать власть. Считая Октябрьскую революцию основообразующим событием XX в., он проанализировал предшествовавшую ей историю человечества. Возвращаясь не к Французской революции 1789 г., а к войне североамериканских колоний за независимость 1776 г., прорыву протестантской Реформации и от-

---

² Польский перевод: [Schramm, 2009]; английский перевод: [Schramm, 2014]. Также вышли чешский и китайский переводы.

делению от старой (западной) церкви в XVI в., он дошел до возникновения монотеистических религий – христианства в первом столетии после рождения Иисуса Христа и иудаизма как следствия культа солнца египетского властителя Эхнатона. В своем хронологическом исследовании, глубоко затрагивающем историю религий, Готфрид Шрамм выделил следующие тезисы:

– Крупные исторические перевороты происходят не в центрах власти, знаний или культур, а на перифериях («культурные окраины», или «предполья»: Моисей в пустыне; Иисус в селах и среди язычников; Лютер в малоизвестном университете на окраине старой империи; 13 американских колоний как форпосты британской империи без дворян; Россия как совокупность аграрных общин на окраине индустриальной Европы). Каждому из этих переворотов предшествует подготовительный период в несколько десятков лет. Первоначальная цель революционных сил – не устранение существующих порядков, а их реформирование, соответственно, улучшение или обновление.

– Как новая ветвь на старом стволе дерева, новое путеводное направление развивается самостоятельно, по возможности разветвляется, оставаясь при этом частью старого ствола. Именно этот процесс ученый назвал «разветвлением»: оба направления, как старое, так и новое, сохраняют тенденцию к продуктивному развитию.

– Каждое «разветвление» сопровождается краткими, ясными и понятными нормативными высказываниями, которые впоследствии сохраняют решающий и обязательный характер в виде текстов (десять заповедей, тезисы Лютера, Конституция США).

Лишь последнее из «разветвлений» представлялось Г. Шрамму не соответствующим разработанной им типологии: коммунизм отрицал все достижения предыдущих переломов, но сам ничего продуктивного не создал³.

Данная работа, ставшая итогом многолетнего интенсивного изучения русской истории и наследия русской интеллигенции, охватывает три тысячелетия истории человечества. Она вызвала определенный резонанс у представителей различных научных дисциплин в немецкоязычном мире. Этот смелый эксперимент напоминает далеко идущие эсхатологические примеры средневековых всемирных летописей со своей типологией очередности возникновения мировых держав. Ученый в своем исследовании исходил из причин Октябрьской революции, а анализ ее последствий представляет собой конечную цель его хронологического исследования. Думается, что этот труд может быть интересен и русскоязычному читателю, поэтому стоит подумать о его переводе на русский язык.

---

³ Г. Шрамм еще раз лаконично пояснил замысел своей фундаментальной работы в специальной статье [Schramm, 2006b].

Последним крупным трудом Г. Шрамма стало опубликованное в 2008 г. исследование о поэтических отражениях бурных перемен в русском обществе в течение ста лет, от Пушкина до 1930-х гг. [Schramm, 2008]. Ученый проявил себя тонким знатоком избранных произведений русских классиков Золотого века⁴, описывая настроения и взгляды Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Лескова, Достоевского, Толстого, Чехова и Горького, которых интересовала русская история, и особенно пути радикализации части русской интеллигенции. Эта книга, в которой исследователь обобщил свой опыт преподавания наиболее важной эпохи русской истории, была воспринята немецкими читателями с искренним интересом.

Помимо интенсивной научной работы, Г. Шрамм выполнял различные служебные обязанности в университетском самоуправлении. Так, например, он неоднократно был директором исторического семинара, а в 1970 г. стал проректором университета. В течение 23 лет он организовывал *Studium generale* – традиционные для Германии общеобразовательные лекции ученых по различным темам. С 1974 по 2017 г. он был одним из издателей *Freiburger Universitätsblätter* – журнала междисциплинарного характера фрайбургской *alma mater*. Под его научным руководством было защищено 35 кандидатских диссертаций. Десять его учеников заведовали и заведуют кафедрами в других немецкоязычных университетах. Некоторые из них уже ушли на пенсию. Это Йоахим Бальке, Йорг Ганценмюллер, Хайко Хауманн, Пекка Кауппала, Юрген Клостерхус, Хайнц-Дитрих Лёве, Ральф Мельвил, Штефан Плаггенборг, Йоахим фон Путкамер, Хайнц Шиллинг, Томас Штефенс, Ральф Тухтенхаген, Йорг Штадельбауер (как географ) и многие другие.

В течение последнего года жизни ученый был прикован к постели. Он пережил кончину своего одногодки – товарища по учебе в Геттингене и фрайбургского коллеги, историка Эрнста Шулина (1929–2017)⁵. Г. Шрамм не узнал об уходе близкого друга и коллеги, берлинского почетного профессора Клауса Цернака (1931–2017), умершего на неделю позже него [In memoriam]. Кроме совместных научных интересов, их объединяла многолетняя дружба.

Г. Шрамм был весьма восприимчив к новым научным идеям, в том числе и далеким от собственных интересов, он умел увлекаться. Это помогало ему устанавливать международные контакты и поддерживать многолетнюю дружбу с коллегами из разных стран. Особенно здесь следует подчеркнуть контакты с учеными из стран бывшего Варшавского договора, в первую очередь из Чехословакии и Польши,

---

⁴ В книгу не вошли представители русского символизма и Серебряного века, так как она была ориентирована на немецкоязычных читателей.

⁵ Эрнст Шулин защитил кандидатскую диссертацию под руководством отца Готфрида Шрамма Перси Шрамма [Ernst Schulin].

которые были наиболее давними и оставались самыми интенсивными. Научные связи существовали также с учеными из Румынии, Венгрии, России, Финляндии и Швеции.

На протяжении многих лет ученый выступал за взаимопонимание и примирение с Польшей. Еще во времена Польской Народной Республики он установил контакты с польскими коллегами и всегда пользовался среди них уважением. В 1999 г. он был удостоен офицерского креста польского Ордена Службы (*Order Służby*) – одной из многих полученных им наград. Ученый рано стал членом Социал-демократической партии Германии (СДПГ), вероятно, следуя примеру своей матери и из глубокого уважения к ней. Это не было само собой разумеющимся в консервативном родительском доме, где он получил воспитание лютеранского христианина. В начале 2004 г. после нескольких лет колебаний он вышел из партии, будучи не согласным с намерением ввести сборы для студентов, а также со слишком мягкой немецкой политикой по отношению к Турции.

После смерти жены в 2011 г. Г. Шрамм остался один. Навещавшие его друзья и коллеги видели в нем человеческого, открытого для общения собеседника, важными чертами которого были доброта и обходительность. Будучи еще молодым, Шрамм хорошо знал немецкую поэзию, а в зрелом возрасте научился играть на флейте. Для него многое значил обмен мнениями с другими университетскими преподавателями, в том числе совершенно иных научных направлений, например, детской психологии, этологии, государственного права или философии права.

Готфрид Шрамм не основал собственной школы или собственного научного направления. Его учебная и исследовательская деятельность были слишком разнонаправленны. Но его ученики унаследовали его точный научный стиль. Он не занимался отвлеченной теорией, надуманными проблемами; ему были присущи ясность изложения, точность постановки вопросов и конкретность результатов. Читатель, сдавший экзамен на аттестат зрелости, должен понимать тексты, созданные историком. Этот призыв в конце представленного здесь обзора остается актуальным не только для немецкого научного сообщества.

Список литературы

Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья : Историко-филологическое исследование из названий в ранних веках / пер. с нем. А. В. Назаренко. М. : Eastern Communications, 1997. 160 с.

Ernst Schulin // Wikipedia [website]. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Ernst_Schulin (mode of access: 15.12.1017).

In memoriam Prof. Dr. Dr. h. c. mult. Klaus Zernack // Deutsches Historisches Institut Warschau [website]. URL: <http://www.dhi.waw.pl/aktuelle-meldungen/detail/news/in-memoriam-prof-dr-dr-hc-mult-klaus-zernack.html> (mode of access: 15.12.2017).

Schramm G. *Altrußlands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert*. Freiburg im Breisgau : Rombach, 2002. 700 S.

Schramm G. *Anfänge des albanischen Christentums : Die frühe Bekehrung der Bessen und ihre langen Folgen*. Freiburg im Breisgau : Rombach, 1994. 270 S.

Schramm G. *Destine timpurii ale românilor : Opt teze referitoare la localizarea continuității latine în Europa Sud-Est*. Cluj-Napoca : Komp-Press, 2006a. 122 S.

Schramm G. *Ein Damm bricht: Die römische Donaugrenze und die Invasion des 5.–7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörtern*. München : Oldenbourg, 1997. 397 S.

Schramm G. *Ein langer Strang der Weltgeschichte: fünf Wegscheiden mit ähnlichen Grundmustern: Ein Autor rafft und reflektiert sein jüngstes Buch // Saeculum*. 2006b. Vol. 57. Iss. 1. S. 17–36.

Schramm G. *Eroberer und Eingesessene: Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr*. Stuttgart : Hiersemann, 1981. 468 S.

Schramm G. *Fillet e krishterimit shqiptar : Konvertimi i hershëm i besëve dhe pasojat e tij të gjata*. St. Gallen : Albanisches Inst., 2006c. 315 S.

Schramm G. *Five Partings of Way in World History : A Comparison*. Frankfurt a/M : Peter Lang, 2014. 381 p.

Schramm G. *Fünf Wegscheiden der Weltgeschichte: Ein Vergleich*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 391 S.

Schramm G. *Nordpontische Ströme: Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1973. 254 S.

Schramm G. *Pięć rozdroży w dziejach świata. Porównanie*. Warszawa : Państwowy Inst. Wydawniczy, 2009. 376 s.

References

Ernst Schulin. In *Wikipedia* [website]. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Ernst_Schulin (mode of access: 15.12.1017).

In memoriam Prof. Dr. Dr. h. c. mult. Klaus Zernack. In *Deutsches Historisches Institut Warschau* [website]. URL: <http://www.dhi.waw.pl/aktuelle-meldungen/detail/news/in-memoriam-prof-dr-dr-hc-mult-klaus-zernack.html> (mode of access: 15.12.2017).

Schramm, G. (1973). *Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. 254 S.

Schramm, G. (1981). *Eroberer und Eingesessene. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr*. Stuttgart, Hiersemann. 468 S.

Schramm, G. (1994). *Anfänge des albanischen Christentums. Die frühe Bekehrung der Bessen und ihre langen Folgen*. Freiburg im Breisgau, Rombach. 270 S.

Schramm, G. (1997). *Ein Damm bricht. Die römische Donaugrenze und die Invasion des 5.–7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörtern*. München, Oldenbourg. 397 S.

Schramm, G. (1997). *Reki Severnogo Prichernomor'ya. Istoriko-filologicheskoe issledovanie iz nazvanii v rannikh vekakh* [The Rivers of the Northern Black Sea Coast. Historical and Philological Research from Names in Early Centuries] / transl. by A. V. Nazarenko. Moscow, Eastern Communications. 160 p.

Schramm, G. (2002). *Altrußlands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert*. Freiburg im Breisgau, Rombach. 700 S.

Schramm, G. (2004). *Fünf Wegscheiden der Weltgeschichte. Ein Vergleich*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. 391 S.

Schramm, G. (2006a). *Destine timpurii ale românilor. Opt teze referitoare la localizarea continuității latine în Europa Sud-Est*. Cluj-Napoca, Komp-Press. 122 S.

Schramm, G. (2006b). *Ein langer Strang der Weltgeschichte: fünf Wegscheiden mit ähnlichen Grundmustern. Ein Autor rafft und reflektiert sein jüngstes Buch*. In *Saeculum*. Vol. 57. Iss. 1, pp. 17–36.

Schramm, G. (2006c). *Fillet e krishterimit shqiptar. Konvertimi i hershëm i besëve dhe pasojat e tij të gjata*. St. Gallen, Albanisches Inst. 315 S.

Schramm, G. (2008). *Von Puschkin bis Gorki. Dichterische Wahrnehmungen einer Gesellschaft im Wandel*. Freiburg im Breisgau, Rombach. 374 S.

Schramm, G. (2009). *Pięć rozdroży w dziejach świata. Porównanie*. Warszawa, Państwowy Inst. Wydawniczy. 376 s.

Schramm, G. (2014). *Five Partings of Way in World History. A Comparison* / transl. by B. Schmidt and B. Roberts. Frankfurt a/M, Peter Lang. 381 p.

The article was submitted on 11.12.2017

Problema voluminis

PETER THE GREAT'S SECOND JOURNEY TO EUROPE: EVENTS AND PEOPLE
ART AND DIPLOMACY

Problema voluminis

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ЕВРОПУ: СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
ИСКУССТВО И ДИПЛОМАТИЯ

PETER THE GREAT'S SECOND JOURNEY TO EUROPE: EVENTS AND PEOPLE

DOI 10.15826/qr.2018.1.280

УДК 94(44)"17"+327+316.44

RÉFLEXIONS SUR LA RÉGENCE (1715–1723)*

Emmanuel Le Roy Ladurie

Collège de France,
Paris, France

REFLECTIONS ON THE REGENCY (1715–1723)**

Emmanuel Le Roy Ladurie

College of France,
Paris, France

In this article, the authors reflect on an interesting and complex period in French history, that which occurred after the death of Louis XIV when the country was ruled by Philippe II, the Duke of Orléans. The authors consider the relatively brief regency (1715–1723) as an example of a special type of historical epoch, which they denote with the term “conservative transition”. Characteristic of monarchical and authoritarian regimes, such epochs are distinguished by a comparatively peaceful transition of power in conditions of social instability that threaten revolution and/or or coup d'état. As a result of such transitions, the authorities are strengthened and power is transferred to the same social group in whose hands it lay before the beginning of the crisis. The experience of Philippe of Orléans and his advisor Guillaume Dubois demonstrates that guaranteeing a conservative transition requires extraordinary political and economic measures and the skilful mobilisation of the ruling class. This discussion of the regency allows the authors to offer a concise description of France at the moment of Peter I's visit (April–June 1717) and to propose a new view of this extremely controversial period in French history.

Keywords: Regency; Louis XIV; Philippe of Orléans; Guillaume Dubois; John Law; Peter I; social history; conservative transition; typologies of political systems.

В статье приведены авторские размышления об интересном и сложном периоде во французской истории, когда после смерти Людовика XIV страной правил его племянник Филипп II, герцог Орлеанский. Относительно ко-

---

* Работа выполнена при участии профессора Ф.-Д. Лиштенан (Университет Париж – Сорбона, Франция).

** *Citation:* Le Roy Ladurie, E. (2018). Réflexions sur la Régence (1715–1723). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 29–45. DOI 10.15826/qr.2018.1.280.

Цитирование: Le Roy Ladurie E. Réflexions sur la Régence (1715–1723) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 29–45. DOI 10.15826/qr.2018.1.280.

роткий период Регентства (1715–1723) авторы рассматривают как пример особого типа исторических эпох, которые они объединяют под зонтичным термином «консервативный переход». Такие эпохи, характерные для монархических и авторитарных режимов, характеризуются относительно мирным транзитом власти в условиях явной социальной нестабильности, грозящей перерасти в революцию и/или государственный переворот, причем в результате этого транзита власть укрепляется и передается тем же социальным группам, в чьих руках она находилась до наступления кризиса. Опыт Филиппа Орлеанского и его советника, а позднее первого министра аббата Дюбуа показывает, что обеспечение консервативного перехода требует принятия неординарных политико-экономических мер и умелой мобилизации правящего класса. Рассуждения о Регентстве, с одной стороны, позволяют авторам дать сжатое описание того состояния, в котором пребывало Французское королевство в момент его посещения Петром I (апрель–июнь 1717 г.), с другой – предложить новый взгляд на этот весьма неоднозначный период французской истории.

Ключевые слова: Регентство; Людовик XIV; Филипп Орлеанский; аббат Дюбуа; Джон Ло; Петр I; социальная история; консервативный переход; типология политических систем.

La mort de Louis XIV (1715) laissait ouvertes bien des questions. La régence de Philippe d'Orléans (1715–1723) est à ce point de vue un petit chef d'œuvre. Le règne de Louis XIV, à bien des égards admirable, à d'autres points de vue parfaitement odieux (révocation de l'Edit de Nantes en 1685) suggérait une transition difficile en direction de la période ultérieure. On était donc en quête d'une alternative : soit une période dommageable et prolongée de troubles, voire de guerre civile, soit la destruction révolutionnaire du système et son remplacement par un autre.

La régence a su brillamment éviter ces écueils. Elle assura aux moindres frais la remise en marche d'un système politique et plus généralement socio-économique que la politique belliciste et couteuse de Louis XIV avait mené quasiment jusqu'au point de rupture. La régence inaugure aussi la grande croissance du XVIIIe siècle et avec elle le règne entier de Louis XV qui sera sur ce point l'un des plus brillants de notre histoire. A ce titre, les trois mille jours de Philippe d'Orléans méritent d'être revisités par un historien de l'Ancien Régime ; et cela sans vertuisme, sans passion excessive, et pourquoi pas avec empathie sinon sympathie. Le présent exposé s'offre comme une réinterprétation ou simplement une réflexion sur le matériau existant, qu'il s'agisse bien sûr des mémoires de Saint-Simon, Buvat, Barbier, Dangeau ; du grand œuvre de Dom Leclercq et pourquoi pas de l'historiographie plus récente.

Quelques mots s'imposent d'abord sur la situation et l'état du royaume, à l'été ou à l'automne de 1715, dans les mois qui précèdent ou qui suivent la mort de Louis XIV. Certes la paix est rétablie depuis les traités d'Utrecht, Rastatt, Baden, etc., mais les rapports avec les pays voisins, Espagne mise à part, demeurent empoisonnés. On ne sort pas impunément d'un quasi-siècle de

guerres (1635–1715) au cours desquelles l'entretien de l'armée fut pour l'Etat souci primordial et dévorant. Les relations avec l'Angleterre et le monde protestant demeurent mauvaises, obérées qu'elles sont par le soutien officieux de la France à la restauration des Stuart. Les Pays-Bas, en paix avec le royaume des Bourbons, entreprennent ainsi sur nos frontières, en conformité avec le traité de la barrière (1715), des fortifications. La méfiance règne ! L'Espagne « néo-bourbonienne » de Philippe V demeure notre seule alliée d'importance mais cette amie s'avère encombrante aux français. Philippe V soutient en effet dans notre Cour le parti réactionnaire et bigot.

Louis XIV disparu laisse derrière lui des élites qui sont à la fois atomisées et frustrées. Le premier de ces adjectifs se rapporte à leur impuissance passée, le second à leur révolte toujours possible au cours d'une régence à venir. Le parlement subjugué depuis l'après-fronde enregistre sans protester en 1714 et 1715, divers édits : ils déclarent les bâtards du Roi aptes à succéder à la Couronne et les affirment princes du sang à part entière. Les parlementaires refusent pourtant, premier signe de désobéissance, par la bouche du procureur général d'Aguesseau, l'enregistrement pur et simple de la Constitution papale Unigenitus (antijanséniste). Ce refus allait-il crever l'abcès ? Les jansénistes, minorité agissante et pieuse, demeuraient quasiment hors-la-loi dans l'église de France jusqu'en 1715. Ils n'étaient pourtant pas réduits à l'état lamentable des protestants, marginalisés depuis la Révocation. Le parti de Jansénius pouvait compter sur de nombreux amis parmi les clercs et les moines. Au nombre de ses alliés potentiels figuraient les Parlements de province, de Paris, la Sorbonne, et, à la Cour, la puissante famille des Noailles : le cardinal de Noailles, archevêque de Paris, professe en effet quelque indulgence pour la théologie augustinienne.

Le consensus national, ou ce qui en tient lieu, menace ruine. Certes, le cercueil de Louis XIV, contrairement aux légendes, n'a pas été hué par la foule lors du cortège d'inhumation. On admit pourtant que la France, selon une formule fameuse, comptait au changement de règne environ 20 millions de sujets, sans compter les sujets de mécontentement. Bien sûr, on n'en était plus aux horreurs de 1709–1710 : le royaume d'alors, sous le coup de la guerre, du grand hiver, de la disette et des épidémies concomitantes était littéralement aux abois par moments. Depuis cette date, la paix d'Utrecht (1713) avait réamorcé une certaine reprise, initiée dès 1711. La consommation du sel et l'effectif des actes de notaire remontaient jusqu'à des niveaux qui certes demeuraient encore bas mais qui surplombaient dorénavant leurs homologues de la grande crise (1709–1710). Cependant, les terres en non-valeur, abandonnées récemment par suite de la dépression économique ou de la dépopulation demeuraient nombreuses et vastes en 1715. Desmarets, contrôleur général des finances et ami des rentiers, par une impitoyable politique de déflation avait fait remonter progressivement en 1715 le contenu en métal précieux de la livre tournois, lui faisant ainsi gagner plus de 43 % par rapport à son creux du printemps 1709. Une telle politique était séduisante pour l'Etat et les créanciers, mais rude aux innombrables endettés : leur charge se regonflait par la déflation, à l'inverse

de ce qui se passera sous John Law. Bref, les causes de frustration étaient suffisamment nombreuses et profondes, plus qu'en tout autre époque, pour qu'à la crise des élites se surajoute la révolte des masses, jusqu'à dégénérer en Régence catastrophique comme le furent en d'autres temps les régences des années 1560, 1610 et 1640, jusqu'en 1653.

En fin de compte, de 1560 à 1793, la seule succession régencière presque totalement réussie, sans catastrophe fut gérée de 1715 à 1723 par Philippe d'Orléans, neveu de Louis XIV. Il faut donc, au vu d'une telle exception, que l'équipe philippine ait usé de stratégies habiles. Lesquelles ? Comment s'y prirent Orléans et les siens pour assurer à Louis XV une jeunesse heureuse, qui sera suivie d'une maturité sans désastres, fut-elle impopulaire sur le tard ?

Louis XIV, par la force de l'habitude, par l'habitude de la force et par la grâce d'un long règne, gouvernait avec le soutien implicite des élites, dont il avait marginalisé nombre d'éléments ; contentes de goûter aux profits du système elles laissaient faire le pouvoir ministériel. Philippe, dont le pouvoir était neuf, donc fragile, se devait de rechercher à son propre profit les éléments d'une sympathie et d'une participation au moins momentanée ; les éléments aussi d'une concorde élargie, même relative : il s'agissait pour lui d'obtenir un consensus qu'il allait solliciter des élites, et qui serait plus ou moins actif au niveau des groupes supérieurs et passif, au minimum, de la part des classes moyennes, voire inférieures. De cette recherche philippine du consensus jusqu'à un certain point, l'exemple du jansénisme portera premier témoignage. Jansénisme, autrement dit théorie de la grâce divine toute puissante contre laquelle l'individu ne peut rien, sinon se démontrer à lui-même qu'il bénéficie effectivement de cette grâce favorable et cela par la production d'actes vertueux, témoignant ainsi qu'il est sur le droit chemin de l'action vertueuse.

La Polysynodie, invention farfelue de Saint-Simon, autrement dit le gouvernement par conseils, espèce de soviets de la haute aristocratie, naît avec la Régence. Cette polysynodie, cacophonique en fait, disparaît à l'automne 1718. La Régence ex-libérale devient autoritaire à la Dubois. Philippe avait créé les conseils en 1715, pour faire plaisir à Saint-Simon, sans y croire, et il les abolit trois ans après. La phase semi-libérale de la régence n'a duré que 3 ans, à peine. Orléans et Dubois, voire Law avaient créé les conseils pour incarner leurs propres idées puis les ont dissous. Philippe peut désormais se passer du soutien des crocodiles de la vieille cour qu'il continue à financer quand même par les billets de la banque de Law.

Les contestations fleurissent : contestation nobiliaire heureusement divisée, contestation militaire et spécifiquement bretonne, donc limitée (1719). Au total, les jansénistes sont apaisés, le Parlement de Paris est amadoué. La politique extérieure passe au premier plan.

Ensuite, rompant avec feu Louis XIV, trop espagnol, les Philippiens se rapprochent des puissances maritimes, protestantes, libérales et capitalistes, Angleterre et Pays-Bas, en 1716. Percée conceptuelle. Rupture avec l'Espagne, rapprochement avec la modernité atlantique. Il y a moins de Pyrénées, davantage de Channel et de Rhin. Contre les Stuart et les Bourbons d'Espagne se regroupent les Hanovre, protestants ou du moins anglicans, et les Orléans,

libéraux. L'abbé Dubois qui fut précepteur du jeune Philippe est un Anglophile sincère, très influent, que par définition les Britanniques aiment peu.

Petitement né, il est quand même conseiller d'Etat en 1716. Dubois pousse son maître Philippe dans les bras de l'Angleterre. Il y a donc alliance entre deux familles marginales, les Hanovriens, aujourd'hui Windsor, et les Orléans. L'alliance entre Hanovre et Orléans est mal vue, mais géniale. Dans cette affaire, il y a double renoncement : de l'Espagne pourtant bourbonique au trône de France, de l'Empire à la Couronne d'Espagne. Il y a coexistence entre cinq puissances : Angleterre, France, Hollande, Empire, Espagne que la Russie, par son intrusion sur le continent, vient troubler.

Les groupes indigènes en France se dessinent d'autant mieux : le groupe Orléans/Dubois, accède au conseil de Régence objectivement dès 1715 mais décidément à partir de 1717. Les pro-Dubois regroupent des nobles, des magistrats, des financiers, des intellectuels. A l'encontre, on trouve les pédants de la vieille Cour, survivant du lobby Colbert. En 1718, Dubois renverse le ministre Noailles, de naissance dix fois plus haute que la sienne. L'abbé Dubois ambitionne maintenant d'être cardinal.

Son ambition croise celle de l'Ecossois John Law. Génial à sa manière, Law comprend ce que peut apporter une monnaie papier comme liquidatrice, par la simple inflation, des dettes d'un très grand nombre de français, ruraux et citadins. Le système Law utilise la croissance économique post-1713 et la stimule. Au bout de quelques années on va passer, Law aidant, de la Régence libérale à une Régence plus autoritaire.

L'Ecossois devient l'un des hommes clés du groupe du Régent. La diffusion des billets de banque à la Law stimule d'abord l'économie. Il n'est plus question de réévaluer la livre tournois, tant pis pour les rentiers. En mai 1717, se produit une dévaluation brutale de la monnaie papier, chère à Law. L'inflation ronge les revenus des prêteurs. L'abondance des liquidités autorise tous les remboursements. Heureux les Endettés, aristocrates inclus ; les taux d'intérêts s'effondrent : malheureux rentiers ! La Banque d'Angleterre est un train sage fidèle à ses rails, mais celle de Law, hélas, est un train fou. Il va échapper au contrôle. Le Parlement de Paris, prêteur, devient anti-Law à 100 % car ses prêts seront remboursés en « monnaie de singe ». La monnaie papier fond comme neige au grand soleil de l'inflation, ceci aussi sous les yeux de Pierre qui demeure alors à Paris.

En 1718, le Parlement, anti-Law, est domestiqué par un lit de justice. La vieille cour est humiliée, le parti philippin *alias* régenciel triomphe momentanément. La haute noblesse s'écrie : « En or, mes billets ! » Des aristocrates courent jusqu'à la banque pour se débarrasser de leurs billets et pour récupérer de l'or en lieu et place. Ce petit jeu ne va pas durer longtemps.

Fort heureusement, le passage à la Régence autoritaire, ne copie pas les excès de l'autoritarisme à la Louis XIV. Les Philippiens, sendurcissent, et débusquent toujours davantage la vieille cour... ils donnent aussi un petit coup de barre antijanséniste. On dissout le Conseil de conscience ainsi que presque tous les autres conseils ci-devant régenciels. Le passage à la Régence autoritaire (été 1718) concerne les finances (Law), l'antijansénisme,

l'anglophilie diplomatique et culturelle, puis les rangs et l'Etat. Putsch technocratique : après une vaine tentative régence de gouvernement par Conseil, on n'ose pas parler de Soviets aristocratiques, les secrétariats d'Etat reviennent au premier plan.

Dubois, philippin tant et plus, devient en 1718 secrétaire d'Etat aux affaires étrangères : prodigieux bond en avant de ce fils de commerçant, originaire du sud-ouest. La chute du Conseil des affaires du dedans expulse les grands nobles du pouvoir. Leur « règne », fût-il philippin première manière a été extrêmement bref. Dans ce contexte, les aristocrates de la Cour proprement dite et les prélats reprennent bien vite un certain pouvoir. Le Régent et Dubois remettent sur le pavois les vieilles outres des secrétariats d'Etat, jadis chers à Colbert, mais les remplissent du vin nouveau d'une diplomatie imaginative.

Le système de Law par billets de banque vite dévalués est maximal en 1719, et s'écroule en 1720. La reprise économique amorcée dès 1713-1714 et due à la paix d'Utrecht gonfle les voiles de l'Ecosais. En Angleterre, le crédit papier est contemporain de la banque (française) de Law... le tout jusqu'au naufrage du *South Sea Bubble*, bulle financière (anglaise) vite crevée. Positivité de Law de toute manière : l'Etat paie ses dettes, ses officiers, ses courtisans toujours en papier : on rétablit la Marine, on accroît le budget-recette, on liquide l'endettement, on relance l'agriculture, le négoce ; bref, la monnaie circule. Law fraye pourtant le chemin à la stabilisation de la livre tournois et tout simplement du franc de 1726 à 1914. Les billets de Law réussissent mieux que leurs homologues fin Louis XIV et que les assignats : bienfait de la paix d'Utrecht.

Le Parlement, jusqu'à son exil en mai 1720, restera anti-Law. Les dinosaures titrés et mitrés de la vieille Cour perdent leurs postes polysynodiques mais récupèrent une fortune en billets de banques juteusement échangés ensuite contre de l'or anti-inflationniste par définition : d'Antin et Bourbon-Condé font ou refont des fortunes. Orléans au passage couvre de pots-de-vin ses adversaires de haut parage. Equilibre tridimensionnel, août 1718 : le Parlement est court-circuité mais point anéanti, la vieille Cour est grassement payée, le groupe orléaniste est au pouvoir. Le Régent, à peine dissimulé, persiste à soutenir les jansénistes. La fille de Philippe d'Orléans, à son tour, prend parti contre l'*Unigenitus*, antijanséniste comme chacun sait. En décembre 1720, le Parlement de Paris enregistre hypocritement l'*Unigenitus* pour parvenir à ses fins propres... et obtient le départ de Law, ennemi juré des magistrats. En d'autres termes, ce départ est une concession majeure aux parlementaires. Pierre, qui avait rencontré Law à Paris, invite celui-ci à s'exiler en Russie, mais l'économiste préfère fuir en Italie.

En 1721, l'essentiel pour Dubois reste sa politique extérieure : accord avec les pays maritimes, protestants, libéraux et capitalistes, Angleterre et Pays-Bas, avec un *leadership* fécond du Royaume-Uni. L'Espagne est fermement priée de s'y rallier. Dubois défend cette politique progressiste auprès d'Orléans ; et Stanhope ainsi que Stair jouent le même rôle auprès du roi d'Angleterre.

Dubois rompt ainsi avec un siècle de guerres françaises ou franco-anglaises, cardinalices ou louis-quatorziennes : c'est une construction politique qui n'est plus étroitement nationale, mais anglo-continentale donc relativement libérale du fait même de l'introduction de la Grande-Bretagne dans ce jeu.

De mars à juillet 1721, sont successivement négociées la double alliance France-Espagne et la triple alliance France-Angleterre-Espagne. Un axe franco-britannique, appuyé sur l'Espagne, est en construction.

Les mariages espagnols de juillet 1721 doivent unir le jeune Louis XV et la fille d'Orléans à deux enfants de Philippe V. La perspective est européenne, pacifique, pro-anglaise, voire pro-protestante. L'Espagne est cadennassée dans un réseau dont les clés sont anglo-françaises, régenciennes et relativement libérales. Dubois renonce pour ce faire à une base française en Floride, une autre près de Dunkerque, et au monopole de l'*asiento*¹. Dubois valorise la fructueuse alliance franco-anglaise : on l'accuse d'avoir été payé pour cela !

Le chapeau de cardinal conféré à Dubois, politicien malhonnête mais génial coûtera huit millions de livres tournois à la France. Argent bien placé ? Ce de quoi, le nouveau cardinal occupe la première place au Conseil de Régence. Il prend le pas au Conseil sur les pairs et maréchaux de France, eux-mêmes furieux d'être évincés de la sorte par un fils d'apothicaire. Vexé, le parti des pairs et maréchaux quitte le Conseil du Roi. Les vieux crabes de la vieille Cour, Villars, d'Antin, Noailles, d'Aguesseau et Torcy sont ainsi dévalorisés pour certains d'entre eux. Le Conseil s'enrichit simultanément de nouveaux clans « duboisiens », les Le Peletier – Armenonville et les frères Paris. Ce même Conseil inclut les Condé, le comte de Toulouse et puis quelques séides de Philippe et de Dubois. Dès la mort de Louis XIV, la Cour s'était installée à Paris, puis elle va revenir à Versailles. L'an 1723 marque le triomphe libéral d'Orléans et Dubois, et leur double décès. Le quasi-septuagénaire cardinal Fleury devient premier ministre de son jeune élève Louis XV et le restera vingt ans, encore un Méridional mûri sous le chapeau cardinalice.

Bilan « Régentiel », les « débauches » de Philippe doivent être judicieusement remises à leur place qui n'est pas essentielle quoi qu'en aient pensé divers chroniqueurs quant à cette époque. En fait, on reprochera au libéral Philippe son ouverture à l'Angleterre, au Parlement, aux aristocrates. Jugons Philippe sur son bilan : il veut transmettre à son neveu Louis XV une puissance intacte. Il veut éviter à tout prix un épisode frondeur. Il y parvient par petites touches, impressionniste, on dirait plutôt rococo-pompadour. C'est bien le style Régence, moins rude que le despotisme éclairé.

Pour la Régence convient en tout cas la métaphore du dégel : le régime apprend désormais à « vivre avec » ses contradicteurs (dissidents, protestants, aristocrates, parlementaires...), à les supporter, à les contrôler, tout comme si l'on souffrait d'un prurit inévitable ; et cela au lieu de les écraser à l'instar de ce qu'avait plus ou moins pratiqué le précédent règne. Le changement n'étant pas une valeur en soi, il s'agit moins de transformer le régime

---

¹ Monopole peu glorieux, franco-espagnol, sur le commerce des esclaves africains.

que de l'adapter, de l'aménager, de le « réguler », en tenant compte du désir qu'a l'élite de maintenir au mieux ses privilèges et ses privilégiés. La Régence ne réprime plus que mollement les contestataires, ou bien les amadoue ; à plusieurs reprises, on les traite, purement et simplement par le *benign neglect*. Ces trouble-fêtes en tout état de cause sont d'autant moins périlleux pour la perpétuation du régime qu'ils ne se conduisent pas en opposants véritables ; ils ne sont pas porteurs d'un nouveau projet politique, social ou constitutionnel : ils se comportent dans les cas les plus « extrêmes » en dissidents ; ils désirent constituer « hors jeu » à leur usage propre un espace de liberté ou de non-conformisme, notamment religieux voire janséniste ou protestant sinon... athée. Cet espace minime n'empiète pas sur les pacages traditionnels où se cantonne l'immense majorité silencieuse. La Régence nous amène ainsi à définir la notion de transition conservatrice, ou de phase d'adaptation contrôlée, voire virage quelque fois dangereux ; le tout homologue de telle transition ou phase qu'on peut rencontrer ailleurs, dans l'évolution d'un système différent, autoritaire lui aussi, mais ancré dans un autre siècle. La transition conservatrice est le cas de figure le plus réussi de ce qui pourrait devenir autrement une crise de succession, affectant dans les cas les plus graves la légitimité du régime en place. Il s'agit, pour l'historien, d'effectuer « l'analyse concrète d'une situation concrète » ; cette analyse « vise à connaître ou plutôt à reconnaître l'évènement dont l'appartenance à une catégorie déjà repérée d'évènements similaires donne matière à une réflexion comparative ». L'histoire comparée, pour la circonstance, s'intéresse à des processus homologues (transitionnels ou transitifs) mais ceux-ci affectent des systèmes qui sont profondément différents les uns des autres, différents chronologiquement, structurellement, existentiellement. Et cela même et surtout quand ces systèmes, monarchique dans un cas, dictatorial dans l'autre, ont comme dénominateur commun, toutes choses étant inégales par ailleurs, le fait de pratiquer ou de préconiser une gestion autoritaire voir « absolue » du Politique, sinon du Social. Après tout, la monarchie d'Ancien Régime et la dictature totalitaire bénéficient également du privilège de la durée. Toutes deux sont capables de survivre aux générations successives, comme au temps de vie individuel des dirigeants ; elles doivent donc, de temps à autre, affronter des crises de succession ; il n'est pas interdit de comparer celles-ci les unes aux autres, dans le cadre d'une typologie plus générale de la succession, de la transition, voire de la crise.

* * *

Смерть Людовика XIV (1715) оставила открытыми немало вопросов. С этой точки зрения регентство Филиппа Орлеанского (1715–1723) стало своего рода шедевром. Правление Людовика XIV, во многих отношениях превосходное, хоть и одиозное в других проявлениях (вспомним отмену Нантского эдикта в 1685 г.), само по себе предполагало непростой переходный период. Необходимо было найти альтернативу двум прогнозируемым исходам: либо период социальных

волнений и даже гражданской войны, либо революционное разрушение системы и ее замена другим строем.

Регентство позволило успешно пройти между этими Сциллой и Харибдой. Оно обеспечило – и притом с наименьшими потерями – установление новой политической и – шире – социально-экономической системы, отличной от воинственной и весьма дорогостоящей политики, которую проводил Людовик XIV, практически доведя систему до того состояния, когда она готова была развалиться. Регентство ознаменовало собой начало великого подъема XVIII в., а вместе с ним открыло дорогу и правлению Людовика XV, которое в этом смысле станет наиболее выдающимся периодом во французской истории. В этой связи тысяча дней правления Филиппа Орлеанского заслуживает пересмотра со стороны историков старой школы. И сделать это следует спокойно и беспристрастно, проявляя эмпатию и даже симпатию. Данное эссе мыслится нами как реинтерпретация этого периода или, проще говоря, размышление над существующим материалом, к которому мы, разумеется, относим воспоминания Сен-Симона, Бюва, Барбье, Данжо, выдающееся сочинение Анри Леклерка, но также и (почему бы и нет) современные исторические публикации.

Прежде всего следует сказать несколько слов о положении и состоянии королевства к лету и осени 1715 г., в месяцы, предшествовавшие и непосредственно следовавшие за смертью Людовика XIV. Несмотря на то, что благодаря Утрехтскому, Раштаттскому и Баденскому договорам удалось достичь мира, отношения с соседними государствами, исключая Испанию, оставались сложными. Невозможно выйти безнаказанным из более чем полувекового периода войн (1635–1715), в течение которого содержание армии было для государства важнейшей заботой, не оставлявшей времени для решения прочих проблем. Отношения с Англией и протестантским миром оставались плохими, что усугублялось еще и той неофициальной поддержкой, которую Франция оказала реставрации Стюартов. В соответствии с «барьерным договором» (1715)² Нидерланды, хоть и находившиеся в мире с Бурбонами, строили крепости вблизи французской границы. Царило недоверие. «Необурбонская» Испания Филиппа V оставалась нашим единственным важным союзником, но и эта дружба оказалась для Франции непростой: при французском дворе Филипп V в действительности поддерживал партию реакционеров и святош.

После смерти Людовика XIV элиты оказались разобщены и напуганы. Первое из этих определений характеризует их бессилие в прошлом, второе – угрозу бунта, возможность которого в период Регентства исключать было нельзя. Прирученный после Фронды парламент

---

² Фр. *Traité de la Barrière* – договор, подписанный 15 ноября 1715 г. между Австрией, Великобританией и Республикой Соединенных провинций Нидерландов, в соответствии с которым Соединенные провинции получали право держать свои гарнизоны и укрепления на территории Австрийских Нидерландов (совр. Бельгии) для защиты от возможного нападения со стороны Франции. – *Прим. пер.*

покорно регистрирует в 1714 и 1715 г. различные эдикты: он признает бастардов короля законными наследниками и объявляет их полноправными принцами крови. В то же время устами генерального прокурора д'Агессо парламентарии отказывают в простой регистрации антиянсенистской папской буллы *Unigenitus* (первый признак неповиновения!). Переполнит ли этот отказ чашу? Янсенисты, составлявшие деятельное и набожное меньшинство во французской церкви, до 1715 г. оставались практически вне закона. Впрочем, их состояние нельзя сравнить с тем бедственным положением, в котором оказались протестанты после отмены Нантского эдикта. Янсенисты могли рассчитывать на многочисленных друзей среди клира и монашества. Среди их потенциальных союзников были парижский и провинциальные парламенты, Сорбонна, а при дворе – влиятельное семейство Ноайев: кардинал де Ноай, архиепископ Парижа, открыто демонстрировал определенное снисхождение к янсенистскому учению.

Национальный консенсус или то, что казалось таковым, рисковал окончательно распасться. Вопреки легендам, гроб с телом Людовика XIV во время прохождения погребального кортежа никто, конечно, не освистывал. И все же стоит признать, что если во Франции на тот момент насчитывалось 20 млн подданных, количество поводов для народного недовольства было едва ли меньшим. Да, минули ужасы 1709–1710 гг.: тогда под ударами войны, тяжелой зимы, неурожая и эпидемий королевство находилось на грани краха. С тех пор Утрехтский мир (1713) способствовал усилению начавшегося в 1711 г. экономического подъема. Потребление соли и суммы, отражаемые в нотариальных актах, выросли. Разумеется, они были еще очень низкими, но все же они уже превосходили показатели кризисного периода 1709–1710 гг. Впрочем, количество неиспользуемых земель, недавно заброшенных вследствие экономического кризиса и депопуляции, и в 1715 г. оставалось весьма значительным. Демаре, генеральный контролер финансов и друг рантье, посредством безжалостной дефляции к 1715 г. постепенно увеличил золотое содержание турецкого ливра³, в результате чего его стоимость выросла на 43 % по сравнению с пиком падения весной 1709 г. Такая политика была привлекательной для государства и кредиторов, но она тяжело сказалась на должниках: в результате дефляции их долговое бремя стремительно выросло – в противоположность тому,

³ Турский ливр – одна из основных денежных единиц Франции с начала XIII по конец XVIII в. С 1542 г. – официальная валюта королевства. В конце XVII в., в период стабильного курса, один луидор равнялся 11 ливрам, один экю – 3 ливрам. Золотое содержание ливра устанавливалось королем в зависимости от текущей экономической ситуации и собственных интересов, так как король мог быть как должником, так и кредитором. С 1683 г. начинается длительный период постепенной девальвации турецкого ливра, связанный с необходимостью покрытия военных расходов: с 1686 по 1709 г. его официальный курс менялся около 40 раз. Однако в конце правления Людовика XIV генеральный контролер финансов Николя Демаре начал политику ревальвации ливра. Как следствие, один луидор, равнявшийся в 1713 г. 20 ливрам, к 1715 г. равнялся уже 14 ливрам. Эта политика, с одной стороны, привела к дефляции (снижению цен), с другой – к тому, что долговое бремя заемщиков в пересчете на золото существенно возросло. – *Прим. пер.*

что позже произошло при Джоне Ло⁴. Одним словом, причины страха были достаточно многочисленны и глубоки, более многочисленны и более глубоки, чем в любую другую эпоху – настолько, что к кризису элит вполне могло добавиться и восстание масс. Существовал реальный риск того, что Регентство обернется катастрофой, как это уже произошло с регентствами в 1560, 1610 и 1640–1653 гг.

И тем не менее, в период с 1560 по 1793 г. единственным успешным регентским правлением, не приведшим к катастрофе, было именно регентство Филиппа Орлеанского, племянника Людовика XIV, правившего с 1715 по 1723 г. Раз так, команда Филиппа, должно быть, прибегла к какой-то умелой стратегии. Но к какой? Как Филипп Орлеанский и его сподвижники сумели обеспечить Людовику XV счастливую юность и безоблачную зрелость, пусть он и утратил впоследствии свою популярность?

Людовик XIV, используя силу привычки и привычку к силе, а также благодаря особенностям всякого долгого царствования управлял страной при незримой поддержке элит, многих членов которой он так или иначе маргинализировал; довольные возможностью пожить от тех доходов, что получала система, они не вмешивались в дела королевских министров. Филипп, чья власть была новой и оттого хрупкой, вынужден был искать симпатии и участия, пусть даже сиюминутного, стремясь к широкому, хоть и относительному согласию: ему нужно было добиться консенсуса, к которому ему предстояло склонить и элиты, причем так, чтобы консенсус этот был более или менее активным на высших этажах социальной лестницы и пассивным – в средних и низших слоях общества. Первым свидетельством этого поиска консенсуса со стороны Филиппа может стать пример янсенизма – теории Божественной благодати, против которой человек бессилён, будучи в состоянии лишь продемонстрировать самому себе эффект этого Божественного воздействия посредством совершения добродетельных поступков, свидетельствующих о том, что он находится на правильном пути.

Вместе с Регентством появляется на свет Полисинодия, причудливое изобретение А. де Сен-Симона, иначе говоря, правление посредством советов высшей аристократии⁵. Эта какофоническая Полисинодия исчезает осенью 1718 г. Одновременно с этим некогда либеральное Регентство становится авторитарным – в духе Дюбуа⁶. Филипп создал

---

⁴ Джон Ло (Law) (1671–1729) – шотландский финансист, министр финансов Франции в период Регентства (1720). – *Прим. пер.*

⁵ Полисинодия – тип государственного управления, установленный Филиппом Орлеанским (1715–1718), при котором прежние государственные секретариаты, состоявшие из чиновников (министров, руководителей департаментов и т.д.), были заменены сначала шестью, а затем восьмью советами, состоявшими из представителей высшей аристократии. По замыслу регента, такая система должна была консолидировать аристократию. – *Прим. пер.*

⁶ Аббат Гийом Дюбуа (1656–1723) – священник, кардинал (с 1721 г.), государственный деятель, воспитатель молодого Филиппа Орлеанского. В период Регентства был назначен главным государственным министром (1718–1723). – *Прим. пер.*

советы в 1715 г., сам в них не веря, только чтобы угодить Сен-Симону. Спустя три года он их упраздняет. Полулиберальный период Регентства продлится лишь три года. Герцог Орленский, Дюбуа и даже Ло создавали советы, чтобы с их помощью проводить в жизнь собственные замыслы, затем они их распускали. Отныне Филипп смог обходиться без поддержки представителей старого двора, которых он, однако, продолжал финансировать с помощью билетов банка Ло. Начинается недовольство – недовольство аристократии, к счастью, разобщенной, и недовольство военных, впрочем, ограниченное Бретанью (1719). В конечном счете янсенисты успокоены, Парижский парламент задобрен. На первый план выходит внешняя политика.

Порывая с внешнеполитическим курсом покойного Людовика XIV, слишком происпанского, Филипп и его сподвижники в 1716 г. сближаются с Англией и Нидерландами – морскими протестантскими либеральными капиталистическими державами. Концептуальный прорыв. Происходит разрыв с Испанией и сближение с прогрессивными атлантическими государствами. Все меньше внимания Пиренеям, и все больше – Рейну и Ла-Маншу. Против Стюартов и испанских Бурбонов объединяются Ганноверы (протестанты или, во всяком случае, англиканцы) и либеральная Орлеанская ветвь. Аббат Дюбуа, духовный наставник молодого Филиппа, был искренним и очень влиятельным англофилом, который, однако, по определению не очень нравился британцам.

Будучи небогатого происхождения, Дюбуа становится в 1716 г. государственным советником. Он толкает своего хозяина Филиппа в объятия Англии. Возникает альянс между двумя побочными родами: Ганноверами, именуемыми сегодня Виндзорами, и Орлеанским домом. Этот альянс воспринимается настороженно, но сам по себе он гениален. Он ведет к двойному отказу: отказу Испании, пусть и с Бурбонами во главе, от французского трона, и отказу Империи⁷ от испанской короны. Наступает период сосуществования пяти держав – Англии, Франции, Голландии, Империи и Испании, которое нарушит своим вторжением на Европейский континент Россия.

Тем лучше вырисовываются внутривнутриполитические группировки во Франции. Группа Филиппа Орлеанского и Дюбуа объективно получает доступ к регентскому совету в 1715 г., но окончательно берет власть в свои руки только с 1717 г. Среди сторонников Дюбуа аристократы, магистраты, финансисты, интеллектуалы. Им противостоят педанты старого двора, остатки лобби Кольбера⁸. В 1718 г. Дюбуа смещает министра Ноайя, человека во много раз более благородного

---

⁷ Имеется в виду Священная Римская империя. По итогам войны за испанское наследство испанский трон достался Филиппу V, представителю династии Бурбонов, однако он лишился права наследовать французский престол. – *Прим. пер.*

⁸ Жан-Батист Кольбер (1619–1683) – министр финансов и фактический руководитель правительства при Людовике XIV (1665–1683). – *Прим. пер.*

происхождения, чем он сам. Теперь аббат Дюбуа проявляет амбиции к тому, чтобы стать кардиналом.

Его стремления пересекаются с амбициями шотландца Джона Ло. По-своему гениальный, Ло понимает, как использовать инфляцию и бумажные деньги для ликвидации долгов огромного числа французов, как сельчан, так и горожан. Система Ло использует начавшийся в 1713 г. подъем и сама по себе стимулирует его. С помощью Ло через несколько лет страна перейдет от либерального Регентства к Регентству более авторитарному.

Шотландец становится одной из ключевых фигур в группе сподвижников регента. Распространение банковских билетов Ло поначалу стимулирует экономику. Больше уже не идет речь о ревальвации турецкого ливра. Тем хуже для рантье. В мае 1717 г. происходит резкая девальвация столь дорогих сердцу Ло бумажных денег. Инфляция съедает доходы кредиторов. Избыток ликвидности делает возможным возвращение всех долгов. Должники, включая аристократов, счастливы, долговой процент падает – несчастливы кредиторы! Банк Англии – это благоразумный поезд,двигающийся по накатанным рельсам, но банк Ло, увы, это поезд безумный. Скоро он станет неуправляемым. Парижский парламент, кредитор, целиком переходит в лагерь оппонентов Ло, ибо теперь его кредиты будут возвращены «обезьяньей монетой». Бумажные деньги тают, словно снег под палящим солнцем инфляции. Все это происходит на глазах у находившегося тогда в Париже Петра I.

В 1718 г. настроенный против Ло парламент был присмирен с помощью «ложи справедливости»⁹. Старый двор унижен, про-регентская партия временно торжествует. Высшая аристократия требует конвертировать билеты в золото. Дворяне устремляются в банк, чтобы избавиться от банковских билетов и получить взамен золото. Впрочем, эта игра будет продолжаться недолго.

К счастью, переход к авторитарному Регентству не привел к повторению крайностей авторитарного правления Людовика XIV. Сторонники Филиппа укрепились и стали еще больше теснить старый двор. Но они так же внезапно меняют и свое благосклонное отношение к янсенистам. Распущен Совет по вопросам совести, а вместе с ним и почти все прочие до сих пор лояльные регенту советы. Переход к авторитарному регентству (лето 1718) касается финансов (Ло), антиянсенизма, дипломатического и культурного англофильства, и только затем чинов и государства. Произошел «технократический пучк»: после безуспешной попытки регента править посредством советов никто уже не осмеливался говорить о дворянских советах (*Soviets aristocratiques*), на авансцену вновь вышли государственные секретариаты.

---

⁹ «Ложь справедливости» (*lit de justice*) – название торжественной церемонии заседания парламента с участием короля и пэров. Такое заседание обязывало парламент вносить королевские постановления в реестр и таким образом лишало парламент возможности уклониться от этого. Здесь имеется в виду заседание 28 августа 1718 г. – *Прим. пер.*

Дюбуа, все такой же, если не больший сподвижник Филиппа, в 1718 г. становится государственным секретарем по иностранным делам – невероятное продвижение для родившегося на юго-востоке отпрыска торговца. Роспуск Совета по внутренним делам отлучает высшую аристократию от власти. Ее правление, даже если поначалу оно было лояльным регенту, оказалось чрезвычайно кратким. В этом контексте собственно придворная знать и духовенство возвращают себе определенное влияние. Регент и Дюбуа вновь поднимают на щит старые бурдюки государственных секретариатов, столь дорогих некогда сердцу Кольбера, но наполняют их новым вином фантазийной дипломатии. Система Ло, основанная на быстро девальвируемых банковских билетах, достигает своего апогея в 1719 и терпит крах в 1720 г.

Экономический подъем, начатый в 1713–1714 гг. под влиянием Утрехтского мира, наполняет паруса шотландца. В Англии бумажный кредит – современник (французского) банка Ло. Он будет всем, пока не пойдет на дно «Компания южных морей» – финансовый пузырь (английский), который очень быстро лопнул. Воздействие Ло положительно во всех отношениях: государство выплачивает свои долги, платит офицерам и придворным бумажными деньгами, как следствие, восстанавливается морской флот, растут поступления в бюджет, снижается задолженность, растут сельское хозяйство и торговля – одним словом, осуществляется денежный оборот. Ло прокладывает дорогу к стабилизации турецкого ливра, а затем и франка на период с 1726 по 1914 г. Билеты Ло позволили добиться большего, нежели их предшественники времен Людовика XIV и ассигнации: сказалось положительное влияние Утрехта.

Парламент вплоть до его изгнания в 1720 г. останется в оппозиции к Ло. Светские и духовные динозавры старого двора теряют свои посты в Полисинодии, но богатеют благодаря бумажным деньгам, справедливо обмениваемым затем на золото, по определению не поддающееся инфляции: д'Антен и Бурбон-Конде сколачивают – кто впервые, а кто заново – свои состояния. Одновременно Филипп задабривает взятками своих высокородных противников. Трехстороннее равновесие, август 1718 г.: парламент парализован, но отнюдь не уничтожен, старый двор щедро умаслен деньгами, сторонники Филиппа – у власти. Регент, почти не скрывая этого, продолжает поддерживать янсенистов. В свою очередь, дочь Филиппа Орлеанского открыто выступает против буллы *Unigenitus*, как всем известно, антиянсенистской. В декабре 1720 г. парижский парламент лицемерно вносит *Unigenitus* в свой реестр¹⁰, преследуя собственные цели, и... добивается отъезда Ло, заклятого врага магистратов¹¹. Иначе говоря,

¹⁰ После того, как папа Клемент VI издал в 1718 г. буллу *Pastoralis officii*, отлучавшую от церкви всякого, кто отказывался принять буллу *Unigenitus*, регент и аббат Дюбуа длительное время вели сложную дипломатическую игру с лояльным Ноайю парижским парламентом, чтобы тот внес буллу в свой реестр. – *Прим. пер.*

¹¹ Джон Ло покидает Париж 14 декабря 1720 г. – *Прим. пер.*

отъезд Ло является важной уступкой парламентариям. Петр I, который встречался с Ло в Париже, приглашает его в Россию, но тот предпочтет бежать в Италию.

В 1721 г. основным для Дюбуа делом остается его внешняя политика, в частности, принятие соглашения с морскими, протестантскими, либеральными и капиталистическими державами Англией и Голландией при явном лидерстве Великобритании. Испанию настоятельно просят присоединиться. Дюбуа отстаивает эту прогрессистскую политику перед герцогом Орлеанским; Стэнхоуп¹² и Стэр¹³ убеждают в необходимости сближения с Францией английского короля. Таким образом, Дюбуа порывает с веком французских и франко-британских войн Ришелье и Людовика XIV: новая политическая конструкция уже не является узконациональной, она становится англо-континентальной и относительно либеральной в силу самого факта ввязывания Британии в эту игру.

С марта по июль 1721 г. последовательно ведутся переговоры о двустороннем альянсе Франции и Испании и о трехстороннем союзе Франции, Испании и Англии. Выстраивается опирающаяся на Испанию франко-британская ось.

Проходящие в июле 1721 г. переговоры о бракосочетании должны соединить молодого Людовика XV и дочь герцога Орлеанского с двумя детьми Филиппа V. Вырисовывается европейская мирная проанглийская, даже протестантская перспектива. Испания заперта на замок, а ключи от этого замка – англо-французские, регентские и относительно либеральные. Чтобы добиться этого, Дюбуа отказывается от французской базы во Флориде, еще одной – в Дюнкерке, а также от монополии на *асьенто*¹⁴. Дюбуа поднимает ставки в стремлении заключить столь многообещающий англо-французский союз – его обвиняют в том, что делал он это за деньги!

Кардинальская шапочка, пожалованная непорядочному, но гениальному политику Дюбуа, стоила Франции восемь миллионов турских ливров. Было ли это вложение удачным? Благодаря ему новый кардинал занял ведущее положение в регентском совете. Здесь он теперь выше пэров и маршалов Франции. Последние пребывали в ярости, будучи оттесненными сыном аптекаря. Партия пэров и маршалов покидает Королевский совет. Представители старого двора Виллар, д'Антен, Ноай, д'Агессо и Торси чувствуют, что утрачивают влияние. Одновременно совет пополняется новыми кланами – ставленниками

---

¹² Джеймс Стэнхоуп (1673–1721) – английский военачальник и государственный деятель. В 1716 г. вместе с аббатом Дюбуа составил проект договора о тройственном союзе между Англией, Францией и Нидерландами. – *Прим. пер.*

¹³ Джон Далримпл, 2-й граф Стэр (1673–1747) – британский военачальник и дипломат, посол Англии при французском дворе (1714–1720). Участвовал в подготовке тройственного союза. – *Прим. пер.*

¹⁴ Асьенто – монопольное право на ввоз в испанские колонии рабов из Африки, которое предоставлялось испанским правительством с 1543 по 1834 г. – *Прим. пер.*

Дюбуа: Ле Пелетье – Арменонвилями и братьями Пари. В тот же совет теперь входят представители семейства Конде, граф Тулузский, а также несколько клеветров Филиппа и Дюбуа. После смерти Людовика XIV двор находится в Париже, но скоро он вернется в Версаль. 1723 г. будет отмечен либеральным триумфом герцога Орлеанского и Дюбуа, но также и смертью обоих. Почти семидесятилетний кардинал Флери станет первым министром при своем молодом воспитаннике Людовике XV и пробудет на этом посту 20 лет – еще один южанин, возвысившийся благодаря своей кардинальской шапочке.

«Регентский» итог: «дебоши» Филиппа должны занять отведенное им место в истории, но это место отнюдь не центральное, что бы ни думали об этом различные летописцы той эпохи. В действительности либерального Филиппа будут упрекать в его открытости Англии, парламенту, аристократии. Давайте судить Филиппа по его итогу. Он хочет передать своему племяннику Людовику XV нерушимую власть. Он любой ценой хочет избежать новой Фронды. И он достигает этого легкими мазками, словно на картинах импрессионистов или, скорее, на полотнах эпохи рококо. Таков стиль Регентства, менее грубый, нежели стиль просвещенной деспотии.

В любом случае для описания Регентства вполне подойдет метафора оттепели: отныне режим учится сосуществовать с теми, кто с ним не согласен (диссидентами, протестантами, аристократами, парламентариями...), поддерживать и контролировать их, как если бы это был хронический зуд, а не уничтожать, как это делалось в той или иной форме при предыдущем правлении. Изменение не является ценностью само по себе, и в данном случае речь идет не столько о том, чтобы трансформировать режим, сколько о том, чтобы адаптировать его, приспособить, «отрегулировать», памятуя о желании элиты наилучшим образом поддерживать свои привилегии и своих привилегированных. Регентство если и подавляет своих противников, то мягко, или же задабривает их; от раза к разу с ними обходятся посредством простого и ясного *benign neglect*¹⁵. Как бы то ни было, эти противники не так уж и опасны, ибо они не являются подлинными оппонентами власти; они не являются и носителями нового политического, социального или конституционного проекта: в самых крайних случаях они ведут себя как диссиденты. Они стремятся выгородить для себя небольшое пространство свободы и неконформизма, в частности религиозного, пусть даже яansenистского, протестантского, если не... атеистического. Это крохотное пространство не представляет угрозы для традиционных пастбищ, на которых безмятежно пасется огромное молчаливое большинство. Таким образом, Регентство позволяет нам сформулировать понятие консервативного перехода – фазы контролируемой адаптации, выража, который порой может быть очень опасным; это понятие применимо к аналогичным переходам,

¹⁵ Нарочитое невнимание (англ.). – Прим. пер.

которые можно встретить в других политических системах, таких же авторитарных, но принадлежащих иным историческим эпохам. Консервативный переход представляет собой наиболее успешную альтернативу тому, что в противном случае могло бы вылиться в кризис передачи власти, который в наиболее тяжелых обстоятельствах способен поставить под сомнение легитимность существующего политического режима. Историкю надлежит осуществить конкретный анализ конкретной ситуации; этот анализ направлен на то, чтобы выявить или, скорее, опознать событие, чья принадлежность к уже выявленной группе подобных событий делает возможным сопоставительное исследование. Сравнительная история в данном случае интересуется аналогичными процессами (переходными или транзитивными), затрагивающими системы, глубоко отличающиеся одна от другой, различные в хронологическом, структурном, экзистенциальном отношении. Даже если и особенно если сравниваемые системы, монархическая в одном случае, диктаторская – в другом, при том, что все прочие их признаки могут быть различными, имеют один общий признак: они провозглашают или реализуют на практике авторитарное абсолютистское управление политикой, если не всем обществом. В конечном счете старый режим и тоталитарная диктатура в равной степени способны извлекать пользу из долговременности собственного существования. Обе они способны переживать сменяющие друг друга поколения, а значит, и отдельных правителей; как следствие, они неизбежно сталкиваются время от времени с кризисами передачи власти; ничто не запрещает нам сравнивать их между собой в рамках более общей типологии наследования власти, политического перехода и даже типологии кризисов.

*The article was submitted on 17.04.2017
Translated from French by Dmitry Spiridonov*

DOI 10.15826/qr.2018.1.281

УДК 94(470)"17"+94(4-011)"17"+929Петр(470)*I+327.82(09)

**ПУТЕШЕСТВИЕ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА
П. П. ШАФИРОВА В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ
(1716–1717)***

Татьяна Базарова

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**THE JOURNEY OF VICE-CHANCELLOR
PYOTR SHAFIROV TO WESTERN EUROPE
(1716–1717)**

Tatiana Bazarova

St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article examines various aspects of the activity of Vice-chancellor Pyotr Pavlovich Shafirov (1673–1739) during the journey of Peter the Great to Western Europe between 1716 and 1717. At the beginning of his service, P. P. Shafirov had participated in the Great Embassy (1697–1698) as a translator of Dutch and German: between 1716 and 1717, he accompanied Peter I during his journey to Western Europe as one of the heads of the Ambassadorial *Prikaz* (*Posolsky Prikaz*). Data about Shafirov's activity during the tsar's journey and the duties assigned to him can be found in published sources (for example, the field diaries and expense accounts of Peter I, letters and memoirs of foreign participants, etc.) and archival sources. The latter include not only the office materials of the Ambassadorial *Prikaz* (RGADA) but also letters the vice-chancellor exchanged with his wife, A. D. Menshikov, and F. M. Apraksin. An examination of correspondence shows that the vice-chancellor had to deviate from the tsar's route to carry out various assignments. During his trip abroad, Peter I concluded two treaties of alliance, those of Mecklenburg (1716) and Amsterdam (1717). Shafirov played one of the leading roles in the negotiations, drafting the texts of both agreements. After the failure of the allied assault on Skåne (1716), the vice-chancellor, along

---

* *Citation*: Bazarova, T. (2018). The Journey of Vice-Chancellor Pyotr Shafirov to Western Europe (1716–1717). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 46–62. DOI 10.15826/qr.2018.1.281.

Цитирование: Bazarova T. The Journey of Vice-Chancellor Pyotr Shafirov to Western Europe (1716–1717) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 46–62. DOI 10.15826/qr.2018.1.281 / Базарова Т. Путешествие вице-канцлера П. П. Шафирова в Западную Европу (1716–1717) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 46–62. DOI 10.15826/qr.2018.1.281.

with G. I. Golovkin, B. I. Kurakin, and P. A. Tolstoy, tried to prevent the disintegration of the Northern Union through diplomacy. In addition to solving diplomatic problems, Shafirov carried out other assignments from the tsar. The vice-chancellor bought useful objects and luxury items for the tsar and tsarina in Paris. He was responsible for hiring sailors for the Russian service in Amsterdam and Hamburg and sending Western European specialists to Russia in 1717. For this purpose, he was provided with considerable sums from the state treasury. A few years after the trip to Western Europe, Shafirov was suspected of embezzlement, which led to judicial investigations. In 1720, the Revision Collegium required the vice-chancellor to provide correspondence, bills, and receipts for the hiring of officers and sailors. The question of Shafirov's embezzlement was still being raised by investigators as late as 1723.

Keywords: 18th-century Russian history; Peter I; P. Shafirov; diplomatic relations; foreign specialists.

Исследуются различные аспекты деятельности вице-канцлера П. П. Шафирова (1673–1739) во время путешествия Петра I по Западной Европе в 1716–1717 гг. Если в начале своей службы Петр Шафиров участвовал в Великом посольстве 1697–1698 гг. в качестве переводчика, то в 1716–1717 гг. он сопровождал Петра I как один из руководителей Посольского приказа. Сведения о маршруте и обязанностях П. П. Шафирова можно обнаружить как в опубликованных, так и в архивных источниках. Последние включают не только делопроизводственные материалы Посольского приказа (РГАДА), но и переписку вице-канцлера с женой, А. Д. Меншиковым и Ф. М. Апраксиным. Переписка показывает, что вице-канцлеру для выполнения различных поручений приходилось отклоняться от маршрута государя. Во время заграничного путешествия Петр I заключил два союзных договора — Мекленбургский (1716) и Амстердамский (1717), в переговорах и разработке текстов которых одну из ведущих ролей сыграл П. П. Шафиров. После неудачи с организацией десанта союзников в Сконе (1716) вице-канцлер вместе с Г. И. Головкиным, Б. И. Куракиным и П. А. Толстым дипломатическим путем пытался предотвратить распад Северного союза. Помимо решения дипломатических задач, П. П. Шафиров покупал в Париже предметы обихода и роскоши для царя и царицы, отвечал за организацию приема на русскую службу матросов в Амстердаме и Гамбурге и занимался отправкой в Россию западноевропейских специалистов. Для этих целей ему были предоставлены значительные денежные средства из государственной казны. Спустя несколько лет после его возвращения возникло подозрение о нецелевой растрате им государственных средств, что привело к судебным расследованиям. В 1720 г. Ревизион-коллегия потребовала от вице-канцлера предоставить переписку, счета и расписки о найме офицеров и матросов за границей. Вопрос о растрате П. П. Шафировым казенных денег поднимался следователями и в 1723 г.

Ключевые слова: история России XVIII в.; Петр I; П. П. Шафиров; дипломатические отношения; иностранные специалисты.

Первый в истории России вице-канцлер барон Петр Павлович Шафиров (1673–1739) начал свою многолетнюю службу с должности переводчика Посольского приказа (1691). В этом качестве он участвовал в Великом посольстве 1697–1698 гг. Во время этого путешествия в свите государя по Западной Европе П. П. Шафирову удалось сблизиться с Петром I, а также будущим главой Посольского приказа Ф. А. Головиным (1650?–1706), что положило начало его карьере дипломата и государственного деятеля.

Через 20 лет П. П. Шафиров вновь сопровождал Петра I в поездке по Западной Европе, но уже будучи одним из тех, кто определяли внешнюю политику России. К свободному владению голландским и немецким языками, знанию латыни он добавил разговорный итальянский, который выучил во время пребывания в качестве посла в Османской империи¹. Однако основной задачей вице-канцлера во время второго большого заграничного путешествия Петра I был уже не перевод, а ведение переговоров с иностранными правительствами.

Поездка царя по Западной Европе 1716–1717 гг. была насыщена политическими событиями, встречами с иностранными монархами и их представителями (в ряде случаев заканчивавшимися подписанием соглашений и деклараций). Как правило, предварительную работу (не попадавшую на страницы договоров, указов и походных журналов государя) по согласованию протокола встречи, основных пунктов обсуждаемых документов и т. п. проделывали сопровождавшие Петра I дипломаты. В распоряжении царя, помимо П. П. Шафирова, находились и другие русские дипломаты. Государя сопровождали канцлер Г. И. Головкин и опытный политик П. А. Толстой. В середине 1710-х гг. Россия имела дипломатических представителей различного ранга практически во всех влиятельных государствах Европы, которые при необходимости присоединялись к свите государя. Во время путешествия по Голландии и Франции в свите Петра I находился полномочный министр в Гааге Б. И. Куракин (1676–1727)².

Участие в поездке опытных дипломатов давало возможность оперативно решать сразу несколько политических задач. П. П. Шафиров, Г. И. Головкин, П. А. Толстой и Б. И. Куракин не всегда оставались в царской свите и, выполняя поручения Петра I, отклонялись от основного маршрута³. Им нередко приходилось объединять усилия во время

¹ После заключения Прутского мира (12 июля 1711 г.) П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев должны были оставаться в Османской империи в качестве полномочных министров (а, по сути, заложников) до выполнения Петром I взятых на себя обязательств. 13 августа 1712 г. им доставили грамоты о ранге чрезвычайных и полномочных послов. Османскую империю послам удалось покинуть только осенью 1714 г.

² По мнению Э. Вагеманса, второе путешествие Петра I в Голландию было целиком организовано Б. И. Куракиным [Вагеманс, с. 34].

³ Так, 18 мая 1716 г. (по ст. ст.) П. А. Толстой написал из Шверина Ф. М. Апраксину, что после отъезда царя он остался в столице Мекленбурга «при государыне царице и для окончания здешних дел». Также он сообщил генерал-адмиралу: «министры, государь, царского величества от иностранных дворов многие здесь при дворе его величества обретаются, а имянно князь Куракин, князь Долгорукой, граф Головкин, барон Шлениц и резидент Беткер, и когда паки по своим местам будут распущены, о том еще неведомо» [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 129. Л. 63].

переговоров с иностранными министрами и заключения международных договоров, хотя известно, что дипломаты не питали друг к другу симпатий и давно соперничали между собой. Взаимная неприязнь приводила к конфликтам даже во время заграничного путешествия⁴.

Для изучения обязанностей П. П. Шафирова необходимо уточнить маршрут его поездки. Отдельные факты можно обнаружить как в опубликованных (письма царя и других участников событий, записки и мемуары иностранцев и пр.), так и в архивных источниках (делопроизводственные документы Посольского приказа и материалы следственных дел, переписка вице-канцлера с женой А. С. Копьевой, А. Д. Меншиковым, Ф. М. Апраксиным и пр.⁵).

Европейский маршрут вице-канцлера

Когда 27 января 1716 г. Петр I покинул Санкт-Петербург, направляясь через Прибалтику в Гданьск (где уже располагалась армия Б. П. Шереметева), вице-канцлера в свите государя не было. Только 14 февраля, в день своего отъезда из Либавы, царь отправил П. П. Шафирову распоряжение срочно прибыть к нему («а особливо, что король польской хочет быть для свидания, сам знаешь, что много всячины будет») [Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 81. Л. 206]⁶. Однако надо полагать, что вице-канцлер выехал из Санкт-Петербурга за несколько дней до царского указа. 15 февраля из Риги П. П. Шафиров сообщил Ф. М. Апраксину: «Я приехал сюда вчера и еду сегодня паки догонять его величество, а где, полутче не могу знать» [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 129. Л. 27]. 9 марта вице-канцлер уже отправлял письма из Гданьска [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1716 г. Д. 5. Л. 25 об.].

В Гданьске П. П. Шафиров вел переговоры с представителями двух иностранных держав. В марте 1716 г. Петр I стал посредником в деле примирения Августа II и Тарногрудской конфедерации, образованной в 1715 г. с целью борьбы с саксонским влиянием и низложения короля. В начавшихся в Гданьске совещаниях вместе с царем участвовали Г. И. Головкин, П. П. Шафиров и П. А. Толстой. Затем переговоры перенесли в Ярoслав, куда по указу царя отправился чрезвычайный посол в Польше Г. Ф. Долгорукий.

---

⁴ С. Л. Владиславич-Рагузинский, по пути из Санкт-Петербурга в Венецию посетивший Петра I в Пирмонте (июль 1716), отметил: «Между господ министры Посольской канцелярии есть маленькая контра. Една партия господ двух Петр (Петра Шафирова и Петра Толстого. – Т. Б.), а другая господина графа (Г. И. Головкина. – Т. Б.). Бог Вышний да пошлет между всех мир, любовь и благоденствие, да пересекутся сори и ненависти» [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 63].

⁵ Недавно опубликованные письма П. П. Шафирова, имеющие отношение к заграничному путешествию 1716–1717 гг., сохранились до нашего времени преимущественно в черновиках и копиях. См.: [Редин, Серов].

⁶ 14 февраля в Либаве граф Дунин передал Петру I грамоту Августа II о выводе русских войск из Польши и Курляндии. В письме польского короля государю содержалась просьба о личной встрече во время проезда через Польшу. 4 марта Петр I предложил Августу II встретиться в Гданьске [РГАВМФ. Ф. 233. Д. 129. Л. 53 об.–54; Бантыш-Каменский, ч. 3, с. 213].

Одновременно проходили встречи с дипломатами герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда. П. П. Шафиров еще в Санкт-Петербурге занимался согласованием условий договора о супружестве герцога и племянницы государя царевны Екатерины Иоанновны. Брачный контракт подписали 22 января 1716 г., за несколько дней до отъезда государя из столицы. 27 марта в Гданьске договор ратифицировали, и 8 апреля⁷ состоялась свадьба Екатерины Иоанновны и герцога. На церемонии бракосочетания присутствовал не только Петр I, но и польский король Август II⁸.

В течение нескольких месяцев до и после свадьбы (весной-летом 1716 г.) П. П. Шафиров вместе с канцлером Г. И. Головкиным вел непростые переговоры с гофмаршалом мекленбургского герцога Карла Леопольда бароном Эйхгольцем, согласовывая условия союзного договора (передача герцогу Висмара, размещение в герцогстве русского корпуса, решение проблем с мекленбургским дворянством и проч.)⁹. Эти встречи продолжались и после отъезда дипломатов из Гданьска. «Мекленбургский вопрос», связанный с пребыванием русских войск на территории герцогства, красной нитью пройдет через всю политическую историю заграничного путешествия Петра I и значительно осложнит отношения России с европейскими государствами, особенно с Данией, Империей, Ганновером и Великобританией [Бобылев, с. 96–97; Молчанов, с. 334–339].

Гданьск П. П. Шафиров покинул, надо полагать, в составе свиты государя 11 мая 1716 г. Вместе с Петром I он посетил Шверин, Гамбург и Альтену, где 6 июня состоялись переговоры с датским королем об организации десанта в Сконе [Гистория, с. 446]. В июне 1716 г. Б. И. Куракин написал Ф. М. Апраксину из Ганновера: «И по заключении того письменного согласия царское величество в Альтоне, обедав у короля датскаго, изволил идти в Пирмонд, взяв с собою токмо великого канцлера и подканцлера» [Материалы, ч. 4, с. 103–104]¹⁰.

Государь приехал в Пирмонт¹¹ (где «начал воду пить и все при нем будучие») 7 июня 1716 г. [Походный журнал 1716 г., с. 25, 78]. После курса лечения П. П. Шафиров в свите царя отправился через Шверин и Росток в Копенгаген. В датской столице Петр I намеревался сосредоточить эскадры парусного и галерного флотов, доставить русские войска из Мекленбурга и вместе с датскими и британскими военно-морскими силами

⁷ Далее все даты, касающиеся заграничного путешествия, приводятся по новому стилю (кроме особо оговоренных случаев).

⁸ Участвовавший в торжестве П. П. Шафиров описал церемонию в письме А. Д. Меншикову. Черновик см.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 4 Л. 482–483].

⁹ П. П. Гец на основании воспоминаний Эйхгольца предположил, что Карл Леопольд «...умел склонить на свою сторону Шафирова, который слепо вошел во все намерения герцога» [Гец, с. 17].

¹⁰ Остальные дипломаты разъехались выполнять другие поручения государя: Б. И. Куракин отправился в Ганновер, а затем в Гаагу «для окончания известной негоциации с английским двором», П. А. Толстой и Г. Ф. Долгорукий поехали в Мекленбург для сбора про довольствия и найма судов для перевозки кавалерии [Материалы, ч. 4, с. 103–104].

¹¹ Бад-Пирмонт – водный курорт в Нижней Саксонии.

высадить десант в Сконе, чтобы нанести сильный удар Швеции и принудить Карла XII к миру. Тогда бы игодились навыки П. П. Шафирова по ведению мирных переговоров. Однако военные действия сделались невозможными из-за разлада между союзниками (которые усугубляло и «мекленбургское дело»). Вместо конференций о мире со шведами вице-канцлер участвовал в переговорах государя с датским королем Фредериком IV об условиях переноса десанта в Сконе на следующую кампанию¹². В ноябре 1716 г. П. П. Шафиров сообщил А. Д. Меншикову, что перед самым отъездом из Копенгагена Петр I «довольно еще изволил чрез меня наодине говорить с королем дацким и склонять его к действиям предбудущей кампании в Шонах» [Редин, Серов, с. 481].

23–28 ноября 1716 г. П. П. Шафиров участвовал в переговорах Петра I с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I (уже свя-занным соглашением с Францией) в Гавельсберге (Хафельберге), где были подписаны две декларации (о подтверждении союза и взаимных гарантиях отвоеванных у шведов территорий, также прусский король пообещал возобновить договор о дружбе с Мекленбургом) и обсуждался вопрос о русско-пруско-французском союзе [Мартенс, с. 154–157; Молчанов, с. 344; Фейгина, с. 106–108].

18 декабря – на день позже Петра I – П. П. Шафиров вместе с Г. И. Головкиным, П. А. Толстым и Б. И. Куракиным прибыл в Амстердам [Гистория, с. 611]. В голландской столице вице-канцлер провел всю зиму. 27 декабря (7 января) царь «заболел лихораткой» и был вынужден длительное время оставаться в постели, «ибо она жестокая лихоратка умножилась с огневицею и продолжалась февраля до 10 числа» [Гистория, с. 611]. Болезнь протекала очень тяжело и с осложнениями. Приближенные серьезно опасались за жизнь Петра I, поэтому старались держать информацию о его здоровье в тайне. Так, П. П. Шафиров сообщил о болезни царя А. Д. Меншикову только после того, как кризис миновал [Редин, Серов, с. 479–480].

После выздоровления государя возобновилась его дипломатическая активность. Из Амстердама был отправлен мемориал английскому королю Георгу I¹³. 15 марта 1717 г. государь ответил на послание

---

¹² К началу 1717 г. относится собственноручная записка Петра I о совместных действиях с датчанами и англичанами в предстоящую кампанию. Надо полагать, она предназначалась послу в Дании В. Л. Долгорукому. Под текстом записки П. П. Шафиров приписал, что если Великобритания не согласится на предложения царя, то Россия будет соблюдать условия конвенции, заключенной в Альтене. См.: [Материалы, ч. 4, с. 129–130]. Провал совместной операции против шведов свидетельствовал о фактическом распаде Северного союза. В 1717 г. десант также не состоялся.

¹³ В начале 1717 г. в Англии раскрыли один из заговоров яковитов (сторонников Якова III Стюарта), в организации которого принимали участие шведы. 9 февраля 1717 г. в Лондоне арестовали шведского посла К. Юлленборга (в течение нескольких месяцев он содержался под стражей и был выслан в Швецию в августе 1717 г.). Среди конфискованных бумаг посла обнаружили письма, в которых речь шла о Петре I и лейб-медику Р. Арескине, что дало английскому правительству повод обвинить Россию в причастности к заговору. Официальный ответ Петра I, в котором отрицалось участие русского двора в замыслах шведов, был вручен секретарем русского посольства в Лондоне Ф. П. Веселовским в марте 1717 г. [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 131; Стерликова, с. 66].

императора Карла VI (от 2 января) о жалобах мекленбуржцев на причиняемые им русскими войсками обиды [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 47]. Надо полагать, что в создании этих документов принимал участие П. П. Шафиров.

19 марта Петр I прибыл в Гаагу, в сопровождавший государя свите был и П. П. Шафиров. В Гааге царь остановился в резиденции Б. И. Куракина и лично приступил к русско-французскому политическому диалогу. 21 марта он дал аудиенцию послу Франции П. А. де Шатонёфу (который незадолго до этого вместе с аббатом Дюбуа заключил в Гааге тройственный союз Франции, Англии и Голландии) [Фейгина, с. 120; Мезин, с. 54–55; Вагеманс, с. 120]. Поиск точек соприкосновения русских и французских интересов протекал непросто. Россию на переговорах представлял свободно владевший французским языком Б. И. Куракин (вице-канцлер, по-видимому, оставался в тени). Вначале министры рассматривали возможность торгового соглашения, потом этот вопрос отошел на второй план. Царь готов был принять французское посредничество на мирных переговорах и заключить союзный договор с королем. Французская сторона отказывалась гарантировать России сохранение завоеваний в Прибалтике. Путем уступок дипломатам удалось согласовать условия русско-пруско-французского альянса, которые были отправлены французскому правительству [Мезин, с. 56; Фейгина, с. 122–127; Молчанов, с. 345–347].

30 марта царь с царицей выехали из Гааги в Роттердам, а П. П. Шафиров в тот же день вернулся в Амстердам, чтобы выполнить государев указ – организовать прием голландских матросов на русскую службу. По словам французского посла в Голландии маркиза Пьера Антуана де Шатонёфа, вице-канцлер «всегда был против поездки царя во Францию и все еще намерен предпринять последнюю попытку его отговорить», поскольку считал, что договор не принесет России политических дивидендов (цит. по: [Вагеманс, с. 98]).

С. А. Мезин полагает, что царь решил посетить Францию во время пребывания в Гааге с целью ускорить переговоры [Мезин, с. 56]. Уже 29 марта Б. И. Куракин сообщил об этом французским дипломатам, добавив, что государь намерен держать свое путешествие в тайне. На следующий день П. А. де Шатонёф написал в Париж о возможном маршруте царя: Зеландия, Остенде, Ньюпорт, Дюнкерк, Мардик и Кале [Там же, с. 57]. По мнению С. А. Мезина, П. П. Шафирову о планах царя посетить Францию сообщили не сразу [Там же]. Российский торговый агент в Амстердаме Йоханнес ван ден Бюрг (Фонденбург)¹⁴ доставил вице-канцлеру письмо от сопровождавшего царя П. А. Толстого (от 10 апреля с яхты близ Флисинга) с сообщением: «О вашем прибытии к нам не упоминается, понеже дел никаких нет» [Походная канцелярия, с. 480–481].

¹⁴ Йоханес (Яган) ван ден Бюрг (Фандербурх, Фондербург) (1663–1731) – российский агент (с 1706 или 1707 г.), коммерц-советник в Амстердаме (после 1716 г.).

И только через три дня, 13 апреля 1717 г., Петр I вызвал П. П. Шафирова к себе: «Приезжайте во Фляндию, ибо чаю праздник тут взять, намерение мое есть во Францию...» [Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 324–325]. Получив царский указ, вице-канцлер немедленно тронулся в путь. 15 апреля он сообщил Ф. М. Апраксину: «...я сего дня отъезжаю за его величеством по указу в Брабандию» [Редин, Серов, с. 494]. Однако присоединиться к многочисленной свите, сопровождавшей царя на пути в Париж¹⁵, П. П. Шафирову удалось уже на французской земле.

21 апреля королевский камер-юнкер де Либуа после встречи с государем в Дюнкерке сообщил в Париж: «Он проведет здесь по крайней мере четыре дня, так как намеревается лечиться и ждать приезда своего вице-канцлера» [Документы, относящиеся до пребывания царя, с. 140]. Так и не дождавшись П. П. Шафирова, Петр I продолжил свой путь и прибыл в Кале 25 апреля. Оттуда через два дня де Либуа сообщил в Париж о приезде вице-канцлера [Там же, с. 163–164, 166]¹⁶. По прибытии П. П. Шафиров занял в свите государя важное место, что сразу отметил де Либуа, который сообщил регенту Филиппу II Орлеанскому: «Приезд Шафирова значительно ослабил влияние князя Куракина» [Там же, с. 170]. Вместе с царем П. П. Шафиров приехал в Париж и остановился на отдельной квартире на Гранд Комдежезу [Сборник выписок, с. 70], очевидно, находившейся близ отеля Леди-гьер, где расположился Петр I.

Деятельность вице-канцлера во Франции и Голландии

Дальнейшие русско-французские переговоры проходили уже при активном участии П. П. Шафирова¹⁷. Вице-канцлер умело отеснил Б. И. Куракина на второй план и сам через переводчиков общался с королевскими министрами¹⁸. С 18 по 20 мая 1717 г. прошло три совещания русских и французских дипломатов. 27 мая к ним присоединился представитель Пруссии барон Ф. Э. Книпгаузен, на-

¹⁵ С. А. Мезин отметил, что в Кале государя сопровождало около 80 человек [Мезин, с. 93].

¹⁶ 16 (27) апреля 1717 г. П. П. Шафиров отправил из Кале письмо Г. И. Головкину в Амстердам [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 10].

¹⁷ В Париже с русской стороны, помимо П. П. Шафирова, в переговорах участвовали Б. И. Куракин, П. А. Толстой, В. В. Долгорукий. Существенную помощь петровским дипломатам оказывал советник канцелярии А. И. Остерман. Когда летом 1717 г. П. П. Шафиров покидал Париж, чтобы последовать за государем в Спа, он был вынужден оставить во французской столице заболевшего А. И. Остермана. Вице-канцлер написал Г. И. Головкину: «и тако без него в делех не бес труда мне будет, ежели случитца» [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 53 об.].

¹⁸ Для работы над основными положениями союзного соглашения П. П. Шафирову понадобились копии всех имевшихся в походной канцелярии международных договоров. 15 мая (по ст. ст.) он написал Г. И. Головкину в Амстердам, и 24 мая 1717 г. эти документы были уже доставлены в Париж [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 23–26 об., 40 об.].

кануне прибывший из Берлина [Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I, с. 196–210; Мезин, с. 117–121]. Последнее совещание состоялось 12 июня, а 20 июня царь покинул французскую столицу. Перед своим отъездом он подписал полномочную грамоту на дальнейшее ведение переговоров и заключение союзного договора П. П. Шафирову, П. А. Толстому и В. В. Долгорукому. После отъезда царя в Спа П. П. Шафиров и П. А. Толстой на несколько дней задержались во французской столице «для окончания известного дела, которое, почитай, уже к сходу пришло...» [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 43–44]¹⁹. В Париже дипломаты согласовали основные положения союзного договора, однако прусский представитель не имел полномочий его подписывать. Поэтому переговоры перенесли в Амстердам, где 15 августа 1717 г. был заключен союз между Россией, Францией и Пруссией²⁰. С русской стороны его подписали Г. И. Головкин, П. П. Шафиров и Б. И. Куракин²¹. Амстердамский договор, наряду с Мекленбургским союзным договором, стал важным итогом деятельности П. П. Шафирова как дипломата и политика во время заграничного путешествия.

Помимо этого, П. П. Шафиров налаживал деловые контакты, вместе с царем и его придворными осматривал крепостные укрепления и городские достопримечательности, посещал театры, соборы, загородные резиденции, сады и парки, библиотеки и мануфактуры. Не забывал вице-канцлер и о своем новом каменном дворце на Городском острове в Санкт-Петербурге. В Амстердаме по его распоряжению закупили цемент («которую употребляют в погребах от воды»), а также шпалеры для «обития в полатах петербургских». Этот груз отправили на корабле в Архангельск, и 28 июля 1716 г. вице-канцлер написал письмо архангелогородскому вице-губернатору П. Е. Лодыженскому с просьбой позаботиться о его охране и доставке к месту назначения [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 4. Л. 559].

В заграничной поездке вице-канцлер расходовал не только личные, но государственные денежные средства. Так, перед прибытием в Париж П. П. Шафиров получил некую сумму, предназначавшуюся на приобретение различных вещей для царя и царицы. В расходных книгах кабинетных денег сохранились записи о выдаче П. П. Шафирову «за уборы», купленные «про государыню царицу 3000 ливров», а также за

---

¹⁹ П. А. Толстой сообщил А. Д. Меншикову о своем прибытии в Спа вместе с П. П. Шафировым 19 июня 1717 г. [Материалы, ч. 4, с. 137–138]. На этом бельгийском курорте П. П. Шафиров и П. А. Толстой согласовывали с Эйхгольцем вопрос о числе полков, которые по просьбе Карла Леопольда должны были остаться в Мекленбурге после вывода оттуда русской армии [Гец, с. 19].

²⁰ Текст договора см.: [Мартенс, с. 157–168].

²¹ П. А. Толстой в дальнейших переговорах не участвовал. 21 июля он был отправлен из Спа в Вену «для известного дела» [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 56]. Перед отъездом Петр Андреевич получил от государя инструкцию о доставке царевича Алексея Петровича обратно в Россию [Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 85. Л. 16].

шарф и ленты для царицы «да за платье государю царевичу, всего 800 ливров» [Сборник выписок, с. 69]. 14 июня 1717 г. П. П. Шафирову личными и векселями выделили «на отправление из Парижа в Питербурх мастеровых людей 40 000 ливров» [Там же, с. 66–67].

Расследование расходов казны на найм морских служителей

Через несколько лет после возвращения на родину П. П. Шафирову пришлось объяснять следователям, как он тратил государевы деньги в 1716–1717 гг. Материалы затянувшегося на несколько лет расследования о расходах казны на найм матросов на русскую службу позволяют глубже изучить одну из малоизвестных страниц заграничного путешествия [РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23].

В 1720 г. Коллегия иностранных дел запросила у П. П. Шафирова царский указ, по которому он вел прием на службу зарубежных специалистов. Петр Павлович предъявил указ, датированный 15 марта 1717 г. (по ст. ст.), где государь велел ему принять на российскую службу морских офицеров и две-три тысячи матросов. «И вручена та комиссия... Петру Павловичю Шафирову, и при нем велено быть для вспоможения канцелярии советнику Андрею Остерману да для переводу и писма переводчику Петру Ларионову». На найм специалистов выделялось 30 тысяч рублей червонными. На эту сумму П. П. Шафиров принял у купцов в Амстердаме векселя, которые были присланы В. В. Долгоруким из России для выплаты жалования лейб-гвардии Преображенскому полку²².

В конце марта П. П. Шафиров вместе со своими служителями прибыл из Гааги в Амстердам²³, где заключил договор с местными купцами Абрабанелями (Исааком Абрабанелом (Абарбанелем) с сыновьями). Купцы получили инструкцию принимать на русскую службу только опытных матросов, «которые уже на море довольно служили и в том добрые свидетелства подать могут». Деньги «тем наемным людям» позволялось выплачивать только после погрузки на корабль или после предоставления «добрых порук». Всем принятым на русскую службу разрешалось выдать в Амстердаме двухмесячное жалование по 12 гульденов на месяц (последующие

²² Жалование гвардейцам заплатили из «кабинетной казны наличною манетою, в Мекленбургии обретающейся, потому что и гвардия обретається тамо ж». Под копией указа – приписка: «Таков великого государя указ за подписанием государственного подканцлера тайного советника барона Петра Павловича Шафирова» [РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23. Л. 2–2 об.]. Надо полагать, что оригинал указа не сохранился. Не был он известен и Комиссии по изданию писем и бумаг Петра Великого. Неизданные тома копий писем царя за 1716 и 1717 г. хранятся в Архиве СПбИИ РАН в коллекции 270 («Коллекция Комиссии по изданию писем и бумаг Петра Великого»).

²³ В 1720 г. П. П. Шафиров показал, что выехал в Амстердам из Гааги 19 марта 1717 г. (по ст. ст.) [РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23. Л. 3]. Однако среди делопроизводственных материалов Посольского приказа сохранилось письмо вице-канцлера, отправленное 20 марта из Гааги. Впрочем, 22 марта он (как и канцлер Г. И. Головкин) уже находился в Амстердаме [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Л. 47 об., 48].

выплаты предполагалось делать в России в рублях по вексельному курсу) [РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23. Л. 3–4 об.]. Предназначенные на найм матросов 30 тысяч червонных векселями и наличными П. П. Шафиров передал агенту ван ден Бюргу с распоряжением «из тех денег по требованию вышеписанных купцов на наем матросов давать по некоторому числу с роспискою» [Там же. Л. 5–5 об.]. Из Амстердама вице-канцлер сообщил Ф. М. Апраксину, что на русскую службу будет принято до полутора тысяч матросов (первоначально запланированное число уменьшилось в два раза), а также пять-восемь «старых и искусных поручиков в капитаны», штурманов и боцманов. Нанятых в Амстердаме матросов и офицеров планировали на русских кораблях отправлять в Ревель [Материалы, ч. 3, с. 149; Редин, Серов, с. 494].

Как отмечалось выше, 15 апреля 1717 г. П. П. Шафиров по указу царя выехал из Амстердама и присоединился к нему во время поездки в Париж. Во Франции П. П. Шафиров и ван ден Бюрг получили просьбу Абрабонелей о расторжении соглашения, поскольку не могли нанять в Голландии требуемое число специалистов. Купцы пояснили, что на лов китов в Гренландии уже снаряжено около 200 кораблей с командами из 40–45 матросов («...и каждому матрозу по осмнатцати гулденов на месяц тою компаниею найму дают и еще сверх того по три гулдена с каждого кита, которого поймают»), поэтому свободных «морских служителей» практически не осталось [РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23. Л. 5 об.–6].

После доклада П. П. Шафирова Петр I указал «вручить ту комиссию советнику комерции и агенту своему в Амстердаме обретающемуся Фан ден бургу» [Там же. Л. 6]. Однако и опытный торговый агент ван ден Бюрг, который в течение нескольких лет отвечал за прием на царскую службу голландских офицеров, матросов и мастеровых [Вагеманс, с. 42], по тем же причинам не смог найти полторы тысячи «морских служителей». 8 июля 1717 г. (по ст. ст.) уже во время пребывания в Спа государь поручил русскому резиденту в Гамбурге И. Ф. Бетигеру нанять в Гамбурге и Любеке тысячу матросов и отправить их в Ревель [РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23. Л. 6 об.]²⁴. Ван ден Бюрга обязали передать резиденту часть предназначенной на найм специалистов суммы из 30 тысяч червонных (которые он уже успел обменять на 159 тысяч гульденов) [Там же. Л. 7–7 об.].

Итак, в 1717 г. «морских служителей» нанимали два агента – ван ден Бюрг и И. Ф. Бетигер, которые в своих тратах должны были отчитываться перед П. П. Шафировым. В РГАВМФ сохранились переводы писем ван ден Бюрга Ф. М. Апраксину, в которых тот подробно описывает все сложности, с которыми ему пришлось столкнуться, выполняя царский указ. 27 июня 1717 г. ван ден Бюрг писал Ф. М. Апраксину, что ему «с немалым трудом» удалось нанять 150 матросов,

²⁴ Бетигер (Бетхер) Иоганн Фридрих – русский резидент в Гамбурге в 1712–1718 гг.

и пообещал прислать список [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 113. Л. 51]. Группы по несколько десятков человек в сопровождении солдат он отправлял на шмаках в Гамбург к И. Ф. Бетигеру [Там же. Л. 72]. 19 октября ван ден Бюрг доложил Ф. М. Апраксину, что «ныне матрозов принято 340 человек» [Там же. Л. 85 об.]. Он жаловался, что на русскую службу намериваются поступить в основном малоопытные матросы. Определенную надежду Ван ден Бюрг возлагал на наступление холодов: «разве зимою которые найдутца, понеже зимою многим бывает отпуск». Несмотря на то, что от пожелавших ехать в Россию требовали «аттестацию принести, с кем на карабле служили» [Там же. Л. 85–85 об.], на царской службе оказались люди, мало сведущие в морском деле.

В конце осени 1717 г. Ф. М. Апраксин получил донос из Копенгагена. Ван ден Бюрга и И. Ф. Бетигера обвиняли в том, что они принимают в матросы «из мастеровых людей, которые отнюдь морскому необучены и морскому делу неискусны, и дают оклад немалой по 5 рублей человеку на месяц». При этом резидент и агент «корыстаютца сами по служителях, в чем его царскому величеству не без убытку» [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 143. Л. 92–92 об.]. К доносу прилагался список из 45 имен сапожников, башмачников, садовников, ткачей и прочих мастеровых, принятых матросами на русскую службу [Там же. Л. 94–95]. Согласно ведомости контр-адмирала Дж. Паддона, освидетельствовавшего принятых в Гамбурге И. Ф. Бетигером служителей, из 104 человек 40 по разным причинам оказались непригодны к морской службе. К тому же 14 «матросов» вообще «на море не бывали» [Материалы, ч. 3, с. 171].

После возвращения в Санкт-Петербург П. П. Шафиров продолжал переписываться с агентом и резидентом. 13 декабря 1717 г. он передал И. Ф. Бетигеру указ государя, чтоб «вы по содержанию такой набор весьма оставили и более никаких людей не принимали» [Там же, с. 164]. «Морских служителей», с которыми договоры уже были подписаны, следовало водой или сушей отправлять в Шверин²⁵. От И. Ф. Бетигера также потребовали немедленно прислать список людей и счета [Там же].

Несмотря на сложности, Й. ван ден Бюргу и И. Ф. Бетигеру в 1717 и 1718 г. удалось отправить в Россию несколько сотен моряков. Однако когда Адмиралтейство решило уточнить, кого именно и на каких условиях приняли на службу, оно столкнулось с проблемами. К тому же не все указанные в списках моряки прибыли в Россию. В ноябре 1718 г. Адмиралтейство направило в Коллегию иностранных дел «ведение» о принятых на службу «морских служителях». Копию послали в Гамбург резиденту И. Ф. Бетигеру. Резидент ответил, что некоторые имена «не сходны»: были те, кого он не нанимал, а тех, кого

---

²⁵ Из Шверина в Ригу людей отправлял М. А. Матюшкин [Осмнадцатый век, с. 39; Рескрипты и указы, с. 437; Материалы, ч. 3, с. 161, 165].

нанимал, не было. Он также прислал список сомнительных 42 имен [РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23. Л. 181–182]. После этого и обратились к П. П. Шафирову. 20 июля 1720 г. дело о «принятии на российский флот морских афицеров и матрозов в Галандии и Гамбурке» доставили из дома вице-канцлера в приказную экспедицию Коллегии иностранных дел. В сентябре 1720 г. от П. П. Шафирова и его зарубежных корреспондентов потребовали предоставить счета и квитанции о найме офицеров и матросов в Ревизион-коллегию²⁶.

После перевода на русский язык счетов и отчетов выяснилось, что часть суммы агент и резидент взяли в счет не выплаченного им годового денежного жалования, а ряд расходов на продовольствие, дрова, уголь не удалось подтвердить документами. Деньги тратили на лечение и погребение, награду за возврат бежавших матросов и пр. В присланной И. Ф. Бетигером записке о не подтвержденных счетами тратах упоминается и способ «агитации» матросов поступать на русскую службу: «Также давал я по все время вербования квартирмастерам на пропой, чтоб они могли для прииску людей во всякие питейные дома ходить по вся недели по 9 марков с 1-го сентября 1717 до 19-го февраля 1718» [Там же. Л. 146 об.]. Неудивительно, что протрезвевшие люди бунтовали, бежали, прыгая за борт в холодную воду [Там же. Л. 147].

В течение нескольких лет служители Ревизион-коллегии старались разобраться, на что были потрачены государевы деньги. Еще 25 июля 1723 г. у агента и резидента требовали предоставить отчет и указать, сколько денег у них осталось.

Расследование парижских трат П. П. Шафирова

Во французской столице вице-канцлер потратил казенные деньги не только на государевы нужды. В конце 1710-х гг. дело о пропаже 5389 ливров приняла к рассмотрению Юстиц-коллегия. Тогда вице-канцлеру удалось оправдаться и обвинить в хищении канцеляриста Федора Протопопова [Серов, 2008, с. 99]. 17 января 1723 г., Петр I распорядился создать временную канцелярию, которой поручили расследовать хищение П. П. Шафировым денежных средств в 1716–1717 гг. [Там же, с. 103, 130]. Вышний суд поднял вопрос о нецелевых тратах казенных средств. Согласно донесению Ф. Протопопова, вице-канцлер израсходованные в парижском походе на личные нужды деньги записывал как «государевы» расходы. На допросе вице-канцлер сообщил, что «от Кале до Парижа в пути в разных местах при смотре костелов, мануфактуров, садов и иных достойных смотрению мест в Париже», в операх и комедиях, в Версале и других загородных резиденциях, а также в Спа «доктурам и аптекарю, которые

²⁶ 8 октября 1720 г. по указу Петра I материалы дела и все иностранные счета были переданы «для подлинного счету» в Ревизион-коллегию [РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23. Л. 210].

всегда при дворе были, в презент и за лекарства, и капуцыннам на милостину» им было роздано «черванными 63, ефимков 36, ливеров 2479» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 279]. При этом, по его показаниям, он не имел ни письменного, ни устного указа Петра I на подобную трату, а «роздавал по тамошнему обыкновению и с примеру прежних таких же случаев и походов, как и другие министры держали за честь его величества свои собственные денги (курсив мой. – Т. Б.)» [Там же. Л. 281].

На обвинение в покупке на государевы деньги «почтовой шезы»²⁷ за 350 ливров П. П. Шафиров ответил, что не вернул их в казну, «для того что в том походе все были на иждивении его императорского величества» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 280]. Однако все-таки был вынужден признать, что для публичной церемонии, когда французский король и Петр I обменивались визитами²⁸, заплатил из государевых денег за «зделанное платье» ему, Шафирову, «1564 ливера 9 штиверов» без разрешения государя. Но пояснил, что «делал в надежде на милость государеву, понеже министром которые к ыностранным делам посылаютца, на такие уборы ис казны его величества даетца». В конце концов П. П. Шафиров сознался, что «брал по слабости своей от Протопопова из государевых денег, винен и будет просить помилования» [Там же. Л. 281]²⁹.

П. П. Шафиров признал свою вину в нецелевой трате государевых денег и покаялся, но речь шла о сравнительно небольшой сумме. Вышний суд обвинил вице-канцлера в казнокрадстве, буйном поведении в Сенате и приговорил к смертной казни с лишением всех чинов, титулов и имений³⁰. 15 февраля 1723 г. в день казни смертный приговор Шафирову Петр I заменил ссылкой в Якутск (затем в Ярославль). Однако уже 26 февраля император из Гродно отправил А. В. Макарову новый указ: «Приказывал я тебе, чтоб Шафирова послать в Ярославль, но понеже по письмам чаю быть розыску скорому, того ради лутче в Новгород его привести для близости» [Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 103. Л. 299; Судное дело, с. 50].

Итак, во время заграничного путешествия царя 1716–1717 гг. П. П. Шафиров получил новую возможность показать себя умелым дипломатом, ведущим переговоры на высоком уровне. При его активном участии были подписаны два международных договора. Гораздо менее успешно вице-канцлер организовал прием на русскую

²⁷ Шез-де-пост – легкий кабриолет.

²⁸ Вечером 10 мая 1717 г. отель Ледигьер, где остановился Петр I, посетил семилетний Людовик XV вместе со своей свитой. На следующий день царь нанес ответный визит французскому королю в Тюильри [Мезин, с. 65].

²⁹ Также П. П. Шафиров признался, что он вынул из почтовой сумки расписки Ивана Лаврецкого о выдаче ему казенных денег, которые потом сжег. Вице-канцлер сказал следователям: «А зжег-де он те росписки для того, чтоб по напрасному на него Протопопова поклепу в пороке не быть» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 280 об.].

³⁰ Подробнее см: [Судное дело].

службу голландских матросов. Если первое заграничное путешествие П. П. Шафирова по Западной Европе привело к началу его блестящей карьеры, то после второго она начала клониться к закату.

Список литературы

- Архив СПбИИ РАН. Ком. 270. Оп. 1. Д. 81, 84, 85, 103.
- Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 4 ч. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, Ч. 1. 1894. 304 с. Ч. 3. 1897. 320 с.
- Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 1990. 168 с.
- Вагеманс Э.* Царь в республике : Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб. : Европ. дом, 2013. 256 с.
- Гец П. П.* Карл Леопольд, дед императора Иоанна Антоновича : Рассказ барона Эйхгольца (1678–1747) // Русская старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 1–26.
- Гистория Свейской войны : (Поденная записка Петра Великого) : в 2 вып. / сост. Т. С. Майкова. М. : Кругъ, 2004. Вып. 1. 631 с.
- Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции за апрель и май месяца 1717 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1881. Т. 34. С. 123–398.
- Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами : в 15 т. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1880. Т. 5. Трактаты с Германией. 1656–1762. 408 с.
- Материалы для истории русского флота : в 17 ч. СПб. : Тип. Морского м-ва, 1866. Ч. 3. 726 с. Ч. 4. 740 с.
- Мезин С. А.* Петр I во Франции. СПб. : Европ. дом, 2015. 312 с.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. 3-е изд. М. : Междунар. отношения, 1990. 448 с.
- Осмнадцатый век : Исторический сборник : в 4 кн. / изд. П. Бартевым. М. : Тип. Т. Рис, у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. Кн. 4. 536 с.
- Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова : в 3 ч. / подг. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина ; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб. : Мирь, 2011. Ч. 3. 1715–1723. 415 с.
- Походный журнал 1716 года. СПб. : [Б. и.], 1855. 110 с.
- РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 113, 126, 129, 143.
- РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1; Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 23; Ф. 160. Оп. 1. 1716 г. Д. 5; 1717 г. Д. 14; Ф. 198. Оп. 1. Д. 1035; Ф. 248. Кн. 300.
- Редин Д., Серов Д.* Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 2. С. 471–502.
- Рескрипты и указы императора Петра I к лифляндским генерал-губернаторам за 1717–1724 гг. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края : в 4 т. Рига : Тип. А. И. Липинского, 1880. Т. 3. С. 435–464.
- Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : в 2 т. М. : Университет. тип., 1872. Т. 2. 408 с.
- Серов Д. О.* Администрация Петра I. 2-е изд., испр. и доп. М. : ОГИ, 2008. 291 с.
- Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I : Историко-правовое исследование. М. : Зерцало-М, 2009. 488 с.
- Стерликова А. А.* Позовите Герца, старенького Герца... : Петр и «яковитская интрига» // *Родина*. 2007. № 11. С. 66–69.
- Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым / публ. П. И. Иванова // *Журнал М-ва юстиции*. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.

Фейгина С. А. Аландский конгресс : Внешняя политика России в конце Северной войны. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 548 с.

References

Arkhiv SPbII RAN [The Archive of the Russian Academy of Sciences of the St Petersburg Institute of History]. Stock 270. List 1. Dos. 81, 84, 85, 103.

Bantysh-Kamenskii, N. N. (1894). *Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god) v 4 ch.* [A Review of the External Relations of Russia (until 1800). 4 Parts]. Moscow, Tipografiya E. Lissnera and Yu. Romana. Part 1. 304 p.

Bantysh-Kamenskii, N. N. (1894). *Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god) v 4 ch.* [A Review of the External Relations of Russia (until 1800). 4 Parts]. Moscow, Tipografiya E. Lissnera and Yu. Romana. Part 3. 320 p.

Bartenev, P. (Publ.) (1869). *Osmnadsyati vek. Istoricheskii sbornik v 4 kn.* [The 18th Century. A Historical Anthology. 4 Books]. Moscow, Tipografiya T. Ris, u Myasnitskikh vorot, D. Voelikova. Book 4. 536 p.

Bobilev, V. S. (1990). *Vneshnyaya politika Rossii epokhi Petra I* [Russia's Foreign Policy under Peter I]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov. 168 p.

Dokumenty, odnosyashiesya do prebyvaniya tsarya Petra I vo Frantsii za april' i mai mesyatsy 1717 g. [Documents Related to the Stay of Tsar Peter I in France in April and May 1717]. (1881). In *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 34. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 123–398

Feigina, S. A. (1959). *Alandskii kongress. Vneshnyaya politika Rossii v kontse Severnoi voiny* [The Åland Congress. Russia's Foreign Policy at the End of the Northern War]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 548 p.

Gets, P. P. (1875). Karl Leopold, ded imperatora Ioanna Antonovicha. Rasskaz barona Eikhgol'tsa (1678–1747) [Karl Leopold, Grandfather of Emperor Ioann Antonovich. The Story of Baron Eichholz (1678–1747)]. In *Russkaya starina*. Vol. 12. No. 1, pp. 1–26.

Ivanov, P. I. (Publ.) (1859). Sudnoe delo nad deistvitel'nym tainym sovetnikom baronom Shafirovym i ober-prokuratorom Senata Skornyakovym-Pisarevym [The Case of Acting Privy Councilor Baron Shafirov and Attorney General of the Senate Skornaykov-Pisarev]. In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. Vol. 1. Book 3, pp. 3–62.

Maikova, T. S. (Comp.). (2004). *Gistoriya Sveiskoi voiny (Podennaya zapiska Petra Velikogo) v 2 vyp.* [The History of the Swedish War (Daily Notes of Peter the Great). 2 Issues]. Moscow, Krug". Iss. 1. 631 p.

Martens, F. F. (1880). *Sobranie traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami v 15 t.* [A Collection of Treaties and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers. 15 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya. Vol. 5. Traktaty s Germaniei. 1656–1762. 408 p.

Materialy dlya istorii russkogo flota v 17 ch. [Materials for the History of the Russian Navy. 17 Parts]. (1866). St Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. Part 3. 726 p.

Materialy dlya istorii russkogo flota v 17 ch. [Materials for the History of the Russian Navy. 17 Parts]. (1867). St Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. Part 4. 740 p.

Mezin, S. A. (2015). *Petr I vo Frantsii* [Peter I in France]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 312 p.

Molchanov, N. N. (1990). *Diplomatiya Petra Velikogo* [Peter the Great's Diplomacy]. Ed. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 448 p.

Pokhodnaya kantselyariya vitse-kantslera Petra Pavlovicha Shafirova. [The Field Chancery of Vice-Chancellor Peter Pavlovich Shafirov. 3 Parts]. (2011). St Petersburg, Mir". Part 3. 1715–1723. 415 p.

Pokhodnyi zhurnal 1716 goda [Route Journal of 1716]. (1855). St Petersburg, S. n. 110 p.

Redin, D., Serov, D. (2017). Vtoroe puteshestvie Petra Pervogo v Evropu v pis'makh barona P. P. Shafirova knyazyu A. D. Menshikovu (1716–1717) [Peter the Great's Second

Voyage to Europe in the Letters of Baron P. P. Shafirov to Prince A. D. Menshikov (1716–1717)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 2, pp. 471–502.

Reskripty i ukazy imperatora Petra I k liflyandskim general-gubernatoram. [Rescript and Edicts of Emperor Peter I to Livonia Governors-General]. (1880). In *Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraja v 4 t.* Riga, Tipografiya A. I. Lipinskogo. Vol. 3, pp. 435–464.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. List 5. Dos. 1; Stock 50. List 1. Dos. 23 (1717); Stock 160. List 1. Dos. 5 (1716), Dos. 14 (1717); Stock 198. List 1. Dos. 1035; Stock 248. Book 300.

RGAVMF [Russian State Archive of the Navy]. Stock 233. List. 1. Dos. 113, 126, 129, 143.

Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom v 2 t. [A Collection of Excerpts of Archival Documents on Peter the Great. 2 Vols.]. (1872). Vol. 2. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 408 p.

Serov, D. O. (2008). *Administratsiya Petra I* [Peter I's Administration]. Ed. 2, corr. and add. Moscow, OGI. 291 p.

Serov, D. O. (2009). *Sudebnaya reforma Petra I. Istoriko-pravovoe issledovanie* [The Judicial Reform of Peter I: A Historical and Legal Study]. Moscow, Zertsalo-M. 488 p.

Sterlikova, A. A. (2007). Pozovite Gertsu, staren'kogo Gertsu... Petr i "yakovitskaya intriga" [Call Hertz, Old Hertz... Peter and the 'Jacobite Intrigue']. In *Rodina*. No. 11, pp. 66–69.

Waegemans, E. (2013). *Tsar' v respublike. Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandy (1716–1717)* [A Tsar in a Republic. Peter the Great's Second Trip to the Netherlands (1716–1717)]. St Petersburg, Evropeiskii Dom. 256 p.

The article was submitted on 15.06.2017

**PETER THE GREAT'S INTERMEZZO
WITH G. W. LEIBNIZ AND G. DELISLE:
THE DEVELOPMENT OF GEOGRAPHICAL
KNOWLEDGE IN RUSSIA***

Kristina Kuentzel-Witt

University of Hamburg,
Hamburg, Germany

During his second trip through Western Europe, Russian Tsar Peter the Great (1672–1725) met the German philosopher Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716) shortly before the death of the latter in 1716. Peter was fascinated by Leibniz's ideas and started bringing a new system of education and academic life to Russia. Leibniz was deeply interested in the issue of a land connection between Asia and America, and discussed it with Peter. After meeting the famous French geographer Guillaume Delisle (1675–1726) in Paris in the same year, the tsar began thinking about the usefulness of mapping his country. His encounters with the German and French scientists inspired Peter the Great to found the Academy of Sciences in St Petersburg and introduce astronomy and geography as scientific disciplines. After he returned to his newly founded capital St Petersburg, the tsar started organising large-scale expeditions to investigate and map his empire, including Siberia and Kamchatka during the First and Second Kamchatka Expeditions.

Keywords: Peter I; G. W. Leibniz; development of geography in Russia; 18th century.

Во время своей второй поездки по Западной Европе император Петр Великий (1672—1725) встречался с немецким философом Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646—1716) незадолго до смерти последнего в 1716 г. Петра I вдохновили идеи Лейбница, что способствовало его желанию утвердить новую систему образования и науки в России. Лейбница интересовало установление сухопутного сообщения между Азией и Америкой, которое он обсуждал с Петром I. После встречи с Гийомом Делилем (1675—1726), которая состоялась в том же году в Париже, царь стал размышлять о создании подробной карты своей страны. Его встречи с немецким и французским учеными вдохновили Петра на учреждение Академии наук в Санкт-

---

* *Citation:* Kuentzel-Witt, K. (2018). Peter the Great's Intermezzo with G. W. Leibniz and G. Delisle: the Development of Geographical Knowledge in Russia. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 63–78. DOI 10.15826/qr.2018.1.282.

Цитирование: Kuentzel-Witt K. Peter the Great's Intermezzo with G. W. Leibniz and G. Delisle: the Development of Geographical Knowledge in Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 63–78. DOI 10.15826/qr.2018.1.282.

Петербурге и придание статуса научных дисциплин в России астрономии и географии. По возвращении в свою новую столицу Санкт-Петербург царь организовал несколько масштабных экспедиций, в том числе Первую и Вторую Камчатские экспедиции, целью которых было подробное изучение и картографирование всей империи, включая Сибирь и Камчатку.

Ключевые слова: Петр I; Г. В. Лейбниц; развитие географии в России; XVIII век.

Leibniz and Peter the Great

Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716) was one of the most important German scientists at the end of the 17th century: he was truly a man of the early German ‘enlightenment’, and a universal scientist as well [Schippan, 2012]. As was typical for the time, he was not only a specialist in the natural sciences, but also in social and human disciplines [Hirsch; Poser, 2016]. He left such a voluminous *oeuvre* that the publication of his writings is still going on in Germany, despite having started in 1923 [Leibniz, 1923].

Leibniz was very curious about different countries and cultures: initially, he was particularly interested in Chinese history and culture. In 1689, he stayed for some time in Rome and met there the Jesuit pater Grimaldi, previously a missionary in Beijing. Leibniz was deeply influenced by this contact and started an intensive correspondence with Grimaldi and other Jesuits about China. Much of this correspondence is in French: it was published recently in a German–French edition [Leibniz, 2006]. Leibniz’s interests were not only scientific: in his thinking, a strong religious impetus is always noticeable. He understood quite well that the Jesuits brought not only Christian belief to China, but also Western civilization and that they were welcomed in the Chinese capital much more as mathematicians than as missionaries [Keller, S. 394].

In 1697, Leibniz published his famous book about China. In the *Novissima Sinica*, the reader could find the latest news about China’s history and politics. However, this year saw a shift in his interests [Leibniz, 1697; Das Neueste über China] because in 1697–1698 Peter I visited Western Europe for the first time, rousing the attention of the German philosopher [Luckscheiter, S. 298].

As Leibniz searched for more and more information about Asia, Russia, as the state between Europe and Asia, had already entered his field of interests, but his attention increased immediately with the arrival of the young tsar in Western Europe [Keller, S. 398]. Without a doubt, in Leibniz’s thinking Western Europe was the leading centre of civilization in the world: today we would characterise it as being truly ‘euro-centric’ [Nitschke, S. 93]. The enemy here was the Islamic Ottoman Empire. Leibniz had not forgotten that the Ottoman army had been in front of the city walls of Vienna in 1683, so he dreamed of a stronger connection between the different Christian countries to protect Europe against Constantinople [Ibid.].

Leibniz saw Russia, an Orthodox but Christian state, as a natural ally of Western European countries that could bring Christianity to Asia [Poser, 2013]. It is worth noting that Leibniz, a Protestant, grossly underestimat-

ed the importance of the Orthodox Church in Russia. This is why he was able to think of Russia as a state where no deeply rooted religion and no scientific life existed: thus, he spoke of a 'tabula rasa' when he characterized Russia [Копанев]. This he meant in a positive sense, regarding Russia as a country where new things could develop without the same mistakes that had been made in Europe. In a letter from May 1697, he wrote to an unknown acquaintance at the court of Wolfenbuettel:

Je m'en vay luy écrire, que puisque le Czar veut débarbariser son pays, il y trouvera Tabulam Rasam comme une nouvelle terre, qu'on veut défricher, les Moscovites n'étant pas encore prévenus en matière de science... [Guerrier, p. 9]¹.

This concept of the Russian 'tabula rasa', a long-lasting thesis he continued to write about until 1708, became famous [Копанев, p. 38]. Of course, it is much criticized today, although his contemporaries mostly accepted it because knowledge about Russia was very limited at that time [Groh, S. 43]. In her recently published article, Christine Roll analyses this reductionist vision of Leibniz's image of Russia very critically. In her view, Leibniz's understanding of Russia was much more complex: it is just that he deliberately used a few attention-grabbing slogans to get more attention for his thesis and for Russia from the Western European public [Roll].

While Leibniz was initially only interested in Russia as a 'mediator' between Europe and China, this changed when Peter I (1672-1725) came to Europe on his first trip [Bayuk, Fedorova, S. 213]. The 52-year-old German Protestant scientist was fascinated by the idea of a young tsar travelling incognito through half of Europe. Leibniz tried hard to establish contact with Peter, but could only do so through François Lefort, the tsar's influential old friend [Schippan, 2013, S. 138]. A fixed point in Leibniz's ideas was the question of whether there was a land bridge between Asia and America: as early as 1697, he sent a detailed plan about his ideas to Lefort in order to have them presented to the tsar. Leibniz wrote:

Pour faire les cartes, il faudroit envoyer des ingénieurs, observer les hauteurs, longitudes et variations de l'aimant, reconnoître les côtes sur tout dans le Nordest autant qu'il se peut, pour apprendre si l'Asie est jointe à l'Amérique, ou si on peut passer entre eux [Guerrier, part 2, no. 14, p. 19]².

So, his plans involved much more than the search for a land connection between the two continents: he wanted to map the whole area. Meanwhile, Leibniz started a correspondence with Nicolaas Witsen (1641-1717), the

---

¹ "Let me write to you that the Tsar will 'debarbarize' his country, and he will find a 'tabula rasa' like a new country, which he will cultivate: the Moscovites are no longer prejudiced against the sciences at all..." (Here and then translation of the author).

² "To make the maps, he will need to send engineers and make observations of the latitudes, longitudes and variations of the magnet in order to investigate the entire coastline of the northeast, especially [if one wants] to know if Asia is connected to America and if you can pass between them."

mayor of Amsterdam and a good friend of Peter I, who was famous for his map of Asia and later for his book *Noord en Oost Tartarye* [Witsen; Keuning]. Both scientists informed each other about the Asian part of Russia.

Shortly after the Great Northern War with Sweden started, Leibniz remained in contact with the Russian government. Although the young Swedish King Charles XII was almost seen as the leader of Protestant Europe and was very popular at the beginning of the war (certainly Leibniz had some sympathies for him), the philosopher still tried to get more information about Russia and establish contact with the tsar [Schippan, 2013, S. 142].

At first, the Russian side did not react to Leibniz's proposals. During the early stage of the Great Northern War, Peter I had no time or energy left over for Leibniz's educational projects, but the political situation changed completely in 1709 after the Battle at Poltava. Finally, the German scientist and Peter I met personally in Torgau 1711 [Ibid., S. 149]. A document about their meeting entitled *Soderzhanie razgovora Petra Velikogo s Leibnitsem v Torgau* was found in the materials of the reformer Michail Speransky at the Russian National Library: it contains severe criticism of Russian living conditions. This document is very suspicious because Speransky lived at the beginning of the 19th century: this begs the question of why such a document about Leibniz and Peter I is among his papers. The authenticity of this paper has always been questioned, and experts are quite sure that it is a forgery [Мезин, с. 118; Копанев, р. 37; Schippan, 2013, S. 152].

One year later, Peter I and Leibniz stayed together for several weeks in Karlsbad, where Peter tried to restore his health [Keller, p. 406]. Meanwhile, Leibniz was officially named a consultant of the Russian government and began to work on several memoranda for bringing scientific life in Russia. His most important plans he presented to Peter I personally in June 1716 in Bad Pyrmont shortly before his death [Piel, Luber, S. 93]. These included the establishment of Western European sciences in Russia via an academy of science. In the plans of the German philosopher, this academy should not only be for scientists, but should also educate the broader public. In another memorandum, Leibniz proposed establishing the so-called 'Kollegien' which reorganized the Russian state [Keller, S. 404; Schippan, 2013, S. 149]. Finally, he stressed again that it would be very valuable to know if there was a land connection between Asia and America. In pursuit of this goal, it would be beneficial to develop geographical knowledge in Russia [Maier, S. 21-23].

Leibniz wrote:

Es kann auch durch ordre S. Cz. Mt. ausgefunden werden ob Asien gegen Norden zu umschiffen, oder ob das äusserste Eisscap an Amerika hange, welches die Engländer und Holländer durch gefährliche Schiffahrt vergebens gesucht [Guerrier, part 2, doc. 240, p. 360]³.

³ "By the order of His Majesty it could be known if there is an opportunity to sail around the northern edge of Asia or if this edge belongs to America, which British and Dutch sailors have already tried to find out."

Leibniz penned a remarkable letter to his Swiss colleague, the natural scientist and geographer Louis Bourguet. Bourguet held the view that a land connection between Asia and America must exist because he believed in the theory of a worldwide great flood. The letter is from 2 July 1716, so Leibniz wrote it shortly after his meeting with Peter I:

Je ne saurois assez admirer la vivacité et le jugement de ce grand Prince. Il fait venir des habiles gens de tous côtés, et quand il leur parle, ils en sont tout étonnés, tant il leur parle à propos. Il s'informe de tous les arts mécaniques; mais sa grande curiosité est pour tout ce qui a du rapport à la navigation; et par conséquent il aime aussi l'Astronomie et la Géographie. J'espère que nous apprendrons par son moyen, si l'Asie est attaché à l'Amérique [Guerrier, part 2, doc. 241, p. 360]⁴.

In the same year, Bourguet wrote a letter to Guillaume Delisle to discuss the question of a land connection between both continents. He was so obsessed with this theme that he wrote in 1737, 21 years later, another letter to Guillaume's younger brother, Joseph-Nicolas Delisle, on this topic [Chabin, 1983, p. 174]. Afterwards, Bourguet published an article about his inquiries in the *Mercure Suisse*, which roused the attention of the Swiss geographer Samuel Engel: he later started a controversy about the geographical data on Siberia because he distrusted Russian observations and publications about the existence of a passage along the Siberian coast to America and the size of Siberia [Kuentzel-Witt, S. 162].

While Leibniz was fascinated by the tsar, Peter, for his part, was impressed by Leibniz and his ideas. After he returned to Russia, he began to install a new system of education and academic life in Russia, as is well known [Невская, с. 15; Schippan, 2013, S. 151]. However, Leibniz was not his only source of inspiration: Peter's visit to Paris the following year and his encounter with French scientists at the Sorbonne was another influential encounter with scientific life in Western Europe that persuaded the Russian tsar to establish academic institutions in Russia.

Peter the Great and Guillaume Delisle

For the development of geography in Russia, Guillaume Delisle (or de l'Isle) (1675-1726) was especially important because Peter the Great met the famous French geographer during his stay in Paris in 1717 at a special session of the Academy in Paris, at which time they discussed Delisle's maps of Russia and Asia from 1706 [Chabin, 1985, p. 569]. Delisle soon became the first royal geographer and taught the dauphin geography.

---

⁴ "I can't admire enough the vivacity and the power of judgement of the grand prince. He let all the knowledgeable people of the region come to him, and they were quite astonished how he spoke with them. He was informed about all the mechanical sciences, but especially navigation rouses his curiosity and consequently astronomy and geography, too. With his help, I hope that we will find out if Asia is connected to America."

Guillaume Delisle belonged to a very well recommended family of scientists in France. His father was the historian and geographer Claude Delisle (1644-1720), who himself was very interested in Russia and had established relatively close contact with Petr Postnikov, who stayed in Paris as an ambassador. Marie-Anne Chabin wrote about this in her dissertation *Les Français et la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle: La famille Delisle et les milieux savants*, which was never published, a rather regrettable circumstance because we possess few published materials about the Delisle family [Chabin, 1983; Isnard; Les Français en Russie].

Guillaume, without question the most able of the surviving four sons of Claude Delisle, was educated by the famous geographer Jean-Dominique Cassini (1625-1712) (later his younger brother Joseph-Nicolas (1688-1768) was also a student of Cassini) [Chabin, 1985, p. 565]. During the times of Nicolas Sanson and Cassini, France was the centre of cartography and the map trade in Europe.

Guillaume Delisle was very productive: he mapped the whole world, despite never leaving Paris for other countries. He developed a new style of geography called 'positive geography'. Mary Sponberg Pedley has characterized this new method in the following terms: "Guillaume Delisle (1675-1726), who was himself a student of Jean Dominique Cassini, mastered the techniques of 'positive geography,' extending Sanson's approach by gathering and analysing all information – cartographic and literary – about a region. Working together with his father, Guillaume Delisle spectacularly changed the image of the world for the French public through his maps: The Mediterranean shrank by 300 leagues in breadth; the Atlantic and Indian Oceans were equally reduced and the Pacific greatly enlarged. In North America the familiar shape of California as an island now was transformed into a peninsula. Delisle's maps marked what Vaugondy and many after him called 'the reform of cartography'" [Pedley Sponberg, p. 19].

Delisle is still very well known for his maps of America [Dawson, p. 65], but his map of the European part of Russia and the *Carte de Tartarie*, both from 1706, were of particular interest to the tsar. Delisle's map of European Russia, the so-called *La carte de Moscovie*, had been a great success, which may be why Peter I wanted to meet Delisle personally [Chabin, 1983, p. 237]. The discussion between tsar and geographer seems to have been lively. Giulia Cecere has written that Peter corrected the latitude of St Petersburg on Delisle's map of Russia [Cecere, p. 130]. The tsar also made some corrections and annotations to the map of Asia and ordered a map of the Caspian Sea from Delisle. The Caspian Sea was a special project for Peter I. He had been interested in the area since 1699 and its mapping continued until his death in 1725 [Shaw, p. 164]. The two men also debated the frontiers of Russia in Asia and the Pacific coastline, afterwards promising to keep in contact and exchange information [Chabin, 1985, p. 568].

In the scientific journal *Acta Eruditorum*, a report of Peter's visit in Paris was published, thus demonstrating how important this was for the scientific community. It is especially mentioned that the tsar corrected Delisle's maps [Acta Eruditorum, p. 507].

Nicolaas Witsen. Map of Tartary. Copy from 1705. National Library of Portugal. Cota C. C. 1302 A

Like Leibniz, Delisle was influenced by the older map made by Nicolaas Witsen, who spent several months in 1665 in Moscow accompanying Jacob Borel, the ambassador of the Netherlands in Russia. Witsen was not allowed to leave the city, but he met Tatars, Samoyeds and other Siberian peoples: after his trip, he collected other materials from Asia, mostly from Jesuits [Keuning, S. 95]. He published his famous map in 1687.

On Witsen's map, there is no Kamchatka Peninsula: nor is it present on Guillaume Delisle's map of "Tartarie". The coastline on the Asian side was left open, a sign of just how unclear the geography of the northern part of Asia was in 1706. The whole Russian Arctic coastline is almost completely wrong: even the stretch from Novaja Zemlja to the Kara Sea is only a sketch because geographers were still uncertain if it was an island or a peninsula. The most remarkable thing is that the whole Asian part of the map looks as if it has been contracted and crowded together, while Eastern Siberia appears much larger.

These maps Peter the Great corrected, but it is unlikely that he was well-enough informed to correct the general error about the length of the Asian continent (at least, such a criticism from his side is absent in the reports). However, he understood quite well how rudimentary Western European and Russian knowledge about his empire, especially Siberia, was.

So, after returning to Russia, Peter sent two geodesists, Ivan M. Evreinov and Fedor F. Luzhin, to Kamchatka to map the peninsula and the nearest Kuril Islands in 1719 [Dahlmann, S. 112]. Marie-Anne Chabin stresses that even the names 'Kamchatka' and 'Siberia' were only established in France after Peter's visit: beforehand, 'la Sibérie' was called 'Tartarie' or 'La Tartarie septentrionale', while Kamchatka was either entirely unknown or referred to as 'Kamzat' [Chabin, 1985, p. 239].

On Delisle's map of this region, an island called *Terre d'Eso ou d'Yeço* is marked to the east of the Amur basin. In older maps by Nicolas Sanson, for example, Yeço or Jeso looked as if it was as large as a whole continent, so Delisle minimized it [Carte des Tartarie]. It took several years for Jeso to disappear from French maps because in reality it was the Japanese island of Hokkaido.

Guillaume Delisle's map of Asia, published in 1722 after the meeting with Peter I, shows some important differences in comparison with the earlier map. The Asian continent looks much larger, Kamchatka as a peninsula is visible, and the Kuril Islands and Sakhalin Island have been sketched in. The form of Novaja Zemlja is more realistic, but the coastline of the Kara Sea is only outlined. The geography of Cape Dezhnev remained entirely unknown: only the small part above the eastern edge is illustrated. When the maps of 1706 and 1722 are compared, the progress is undeniable (II. 2). However, despite Delisle's map of Asia, a heavy dispute between French geographers about the correct placement of Kamchatka broke out some years later. It is quite astonishing that Guillaume Delisle's map did not play an important role in this debate [Verdier, p. 119].

Guillaume Delisle. Map of Asia. 1722. University Library Bern. Ryhiner Collection. Sig. 660 23

* * *

In conclusion, it must be noted that the encounters with the German and French scientists inspired Peter the Great to found the Academy of Sciences in St Petersburg and establish astronomy and geography as academic disciplines in Russia. The tsar had already founded in 1701 a school of mathematics and navigation led by Farquharson, where many geodesists were educated, but after Leibniz's memoranda and his contact with the French Academy of Science and the Sorbonne, Peter became even more interested in founding scientific institutions. A lot of the schools he opened concentrated on practical knowledge, but Peter's ideas became more 'academic' after his last trip to Europe. Interestingly, before the time of Peter I the word 'geography' was unknown in Russia: the older Russian term was '*zemleopisanie*', but during his reign '*geografija*' was introduced. This change in terminology helps to explain how different the status and understanding of 'geography' became in Russia during Peter's rule [Shaw, p. 173].

After the tsar returned to his new capital of St Petersburg, he started to organise several expeditions to investigate and map Siberia and Kamchatka. Shortly before his death, he established the First Kamchatka Expedition, which lasted from 1725 to 1730 [Dahlmann, S. 115-118]. In 1721, Peter the Great invited Guillaume Delisle via Schumacher to come to Russia and work there, but the geographer declined his offer: his younger brother, Joseph-Nicolas Delisle (1688-1768), went instead [Chabin, 1985, p. 568]. In 1725, Joseph-Nicolas left Paris together with his other brother Louis Delisle de la Croyère (1687?-1741) and opened an observatory in St Petersburg.

Meanwhile, Guillaume Delisle died unexpectedly in Paris in 1726: Philippe Buache, his son in law, continued his business. Joseph-Nicolas Delisle became one of the first professors at the Academy of Sciences and published the first Russian atlas together with Ivan Kirilov in 1745, although it is well known that their cooperation was not without its difficulties. So, the Delisles remained important for the development of geography in Russia: in 1735, for example, Joseph-Nicolas was installed at the Academy's department of geography.

Without question, Guillaume Delisle's influence on his younger brother Joseph-Nicolas was great. The latter drew a map of the North Pacific based on the studies of his famous brother: it was this map that Bering and Chirikov took with them on the Second Kamchatka Expedition, accompanied by Louis Delisle de la Croyère as an astronomer. Joseph-Nicolas Delisle's map shows three large islands ("Jeso", "Compagnieland" (or Staten Island) and "da Gama-Land") which did not exist in this form [Андреев; Breitung; Lagarde]. Bering wanted to reach them and so set his course too far to the south: instead of 1,400 sea miles, the distance to the passage was actually 3,500. This error made him lose too much time [Breitung, p. 92].

Because of this map and his behaviour after he left St Petersburg, Joseph-Nicolas Delisle is still one of the most controversial scientists of the 18th century. His report and letters from his trip to Berezov in 1740 were

published in Russian for the first time in 2008 [Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля, с. 26]. He has recently been the subject of a heated debate between French and Russian colleagues, with the latter accusing Delisle of taking many Russian maps illegally to France [Гузарова; Гузевич Д., Гузевич И.]. This debate shows clearly how differently the historical heritage of this period is perceived in Russia and Western Europe: evidently, there are lots of points still worthy of discussion. From my point of view, the influence of Joseph-Nicolas Delisle for the development of geographical science in Russia should not be forgotten, regardless of the ongoing discussion over whether he was a spy. Here I have concentrated on the encounters of Peter the Great with Leibniz and Guillaume Delisle and how important they were for the development of geographical knowledge in Russia because, in Germany at least, the influence of Delisle is underestimated.

Список литературы

Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири : в 3 т. 3-е изд. М. : Вост. лит., 2005. Т. 1. С. 66–149.

Гузарова Е. В. К вопросу об этической стороне «альтернативного» взгляда на деятельность астронома Делиля в России // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 70. Петровское время в лицах – 2013 : К 400-летию дома Романовых (1613–2013) : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 121–136.

Гузевич Д., Гузевич И. «В начале был Делиль», или Гипотеза о причинах расформирования одной французской коллекции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 73. Петровское время в лицах – 2014 : К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014) : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 112–120.

Копанев Н. А. «Tabula rasa» Г. В. Лейбница // Г. В. Лейбниц и Россия : Из истории Петербургской академии наук / под ред. Н. П. Копаневой. СПб. : Европ. дом, 1998. С. 35–40.

Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г. : Дневник Т. Кенигсфельда и переписка Ж.-Н. Делиля / вступ. ст. и сост. Н. В. Кирющенко, П. А. Кротова ; отв. ред. С. А. Козлов. СПб. : Ист. иллюстрация, 2008. 544 с.

Мезин С. А. Петр I, Лейбниц и Сперанский // Российская история. 2011. № 1. С. 115–120.

Невская Н. И. Г. В. Лейбниц и Петербургская академия наук в XVIII в. // Г. В. Лейбниц и Россия : Из истории Петербургской академии наук / под ред. Н. П. Копаневой. СПб. : Европ. дом, 1998. С. 15–27.

Bayuk D. A., Fedorova O. B. Leibniz in Russian // Komma und Kathedrale : Tradition, Bedeutung und Herausforderung der Leibniz-Edition. Internationale Konferenz in Hannover 2011 / Hrsg. von W. Li. Berlin : Akademie Verlag, 2012. S. 213–224.

Breifuss L. Early Maps of North-Eastern Asia and of the Lands around the North Pacific : Controversy between G. F. Mueller and N. Delisle // Imago Mundi. 1939. Vol. 3. P. 87–99.

Carte des Tartarie : Dressée sur le Relations de plusieurs Voyageurs de differents Nations et sur quelque Observations qui ont été faites dans ee pais La Par Guillaume De l'Isle de l'Academie Royale des Sciences. A Paris avec Privilege, 1706 // Bibliothèque Nationale de France (Site Richelieu, collection of the maps). Sig. GeAF. Portefeuille 3. No. 23.

Cecere G. Wo Europa endet : Die Grenze zwischen Europa und Asien im 18. Jahrhundert // Kartenwelten. Der Raum und seine Repräsentation in der Neuzeit / Hrsg. von Ch. Dipper, U. Schneider. Darmstadt : Primus, 2006. S. 127–145.

Chabin M.-A. La curiosité des savants français pour la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle // Revue des Études Slaves. 1985. T. 57. Fasc. 4. P. 565–589.

Chabin M.-A. Les Français et la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle. La famille Delisle et les milieux savants : Mémoire ou thèse de l'École nationale des chartes. Paris : [S. n.], 1983. 345 p.

Dahlmann D. Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. 435 S.

Das Neueste über China. G. W. Leibnizens Novissima Sinica von 1697 : Intern. Symp., Berlin, 4. bis 7 Oktober 1997 / Hrsg. W. Li, H. Poser. Stuttgart : Franz Steiner, 2000. 390 S. (Studia Leibnitiana. Supplementa. Vol. 33).

Dawson N.-M. L'Atelier Delise, L'Amérique du Nord sur la table à dessin. Avec la collaboration de Charles Vincent. Québec : Sillery, 2000. 306 p.

Groh D. Russland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1988. 439 S.

Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Rußland und Peter dem Großen : Eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften. St Petersburg ; Leipzig : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1873. XVIII + 372 S.

Hirsch E. Ch. Der berühmte Herr Leibniz : Eine Biographie. München : C. H. Beck, 2000. 640 S.

Historia Academiae Regiae Scientiarum Anni 1720 // Acta Eruditorum. 1724. S. 498–508.

Innard A. Joseph-Nicolas Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la bibliothèque nationale // Bulletin de la section de Géographie. T. 30. Paris : Imprimerie Nationale, 1915. P. 34–164.

Keller M. Wegbereiter der Aufklärung : Gottfried Wilhelm Leibniz' Wirken für Peter den Großen und sein Reich // West-östliche Spiegelungen Reihe A. Vol. 1. Russen und Rußland aus deutscher Sicht, 9. – 17. Jahrhundert / Hrsg. von L. Kopelew. München : Wilhelm Fink, 1985. S. 391–413.

Keuning J. Nicolaas Witsen as a Cartographer // Imago Mundi. 1954. Vol. 11. P. 95–110.

Küntzel-Witt K. Wie groß ist Sibirien? Die russischen Entdeckungen im Pazifik und die Kontroverse zwischen Joseph Nicolas Delisle, Samuel Engel und Gerhard Friedrich Müller im 18. Jahrhundert // Osteuropa kartiert – Mapping Eastern Europe. Unter Mitarbeit von Mira Jovanović / Hrsg. von J. Happel, Ch. von Werdt. Berlin ; Zürich : Lit, 2010. S. 155–172.

Lagarde L. Le Passage du Nord-Ouest et la Mer de l'Ouest dans la Cartographie française du 18e Siècle, Contribution à l'Étude de l'Oeuvre des Delisle et Buache // Imago Mundi. 1989. Vol. 41. P. 19–43.

Leibniz G. W. Der Briefwechsel mit den Jesuiten in China (1689–1714). Französisch/lateinisch/deutsch / Hrsg. und mit einer Einleitung versehen V. R. Widmaier ; Textherstellung und Übersetzung V. M.-L. Babin. Hamburg : Felix Meiner, 2006. CXXXVII + 894 S. (Ser. Philosophische Bibliothek. Vol. 548).

Leibniz G. W. Novissima Sinica (1697). Das Neueste von China / Hrsg. von H. G. Nesselrath, H. Reinbothe. Köln : Deutsche China-Gesellschaft, 1979. XIII + 159 S.

Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Berlin : Deutsche Akademie der Wissenschaften : [S. n.], 1923.

Les Français en Russie au siècle des Lumières : Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier ; en 2 vol. / sous la direction de A. Mezin, V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire : Centre Intern. d'Étude du XVIIIe siècle, 2011. 1424 p.

Luckscheiter S. Auskünfte für und von Leibniz über Zar Peter I. und die große russische Gesandtschaft (1697–1698) // Komma und Kathedrale : Tradition, Bedeutung und Herausforderung der Leibniz-Edition : Intern. Konf. in Hannover, 2011 / Hrsg. von W. Li. Berlin : Akademie Verlag, 2012. S. 293–300.

Maier L. Das Sibirienbild in den deutschsprachigen Werken Gerhard Friedrich Müllers // Deutsche auf dem Ural und in Sibirien (XVI–XX Jh.) Forschungsbeiträge der wissenschaftlichen Konferenz «Deutschland – Russland: historische Erfahrungen interregionaler

Zusammenarbeit im XVI.–XX. Jahrhundert» / Hrsg. von N. N. Baranov. Ekaterinburg : Volot, 2001. S. 20–54.

Nitschke P. Die Leibnizsche Vision von Europa // Gottfried W. Leibniz: Die richtige Ordnung des Staates / Hrsg. von P. Nitschke. Baden-Baden : Nomos, 2015. (Staatsverständnisse. Vol. 72). S. 91–111.

Pedley Sponberg M. Bel et Utile : The Work of the Robert De Vaugondy Family of Mapmakers. Exeter : [S. n.], 1992.

Piel G., Luber S. Ein „berühmtes Pyrmonters Brunnenjahr“ : Zar Peter I in Pyrmont im Juni 1716 // Zar Peter der Große : Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717 / Hrsg. von D. Alfter. Hameln : Niemeyer, 1999. S. 87–96.

Poser H. Leibniz' Novissima Sinica as a Program for the Reunification of the Christian Confessions // Leibniz und die Ökumene / Hrsg. von W. Li, H. Poser, H. Rudolph. Stuttgart : Franz Steiner, 2013. (Studia Leibnitiana. Sonderhefte. Vol. 41). S. 75–86.

Poser H. Leibniz' Philosophie : Über die Einheit von Metaphysik und Wissenschaft / Hrsg. von W. Li. Hamburg : Felix Meiner, 2016. 528 S.

Roll Ch. Barbaren? „*Tabula rasa*“? Wie Leibniz sein neues Wissen über Russland auf den Begriff brachte. Eine Studie über die Bedeutung der Vernetzung gelehrter Korrespondenzen für die Ermöglichung aufgeklärter Diskurse // Umwelt und Weltgestaltung : Leibniz' politisches Denken in seiner Zeit / Hrsg. von V. F. Beiderbeck, I. Dingel, W. Li. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz. Beiheft 105). S. 307–358.

Schippan M. Der „Solon Russlands“ und der Zar. Gottfried Wilhelm Leibniz, Peter der Große und die europäischen Wissenschaftsbeziehungen // Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716) und die gelehrte Welt Europas um 1700 / Hrsg. B. Heinecke, I. Kästner. Aachen : Shaker, 2013. (Europäische Wissenschaftsbeziehungen. Vol. 6). P. 133–154.

Schippan M. Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert. Wiesbaden : Harrassowitz, 2012. 493 S. (Wolfenbütteler Forschungen. Vol. 131).

Shaw D. J. B. Geographical Practice and its Significance in Peter the Great's Russia // J. of Historical Geography. 1996. Vol. 22. P. 160–176.

Verdier N. Des Cartes en situation d'intercertitude : La controverse sur le Kamtchatka entre 1737 et 1738 comme révélateur d'une crise de la cartographie française // Век Просвещения / отв. ред. С. Я. Карп ; сост. Г. А. Космолинская. Вып. 5. География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М. : Наука, 2015. С. 100–120.

Witsen N. Tartaryen : Behelende Eene Beschryving van verscheidene Tartersche en Nabuurige Gewesten, in de Noorder en Oostelykste Deelen van Azien en Europa... Te Amsterdam 1785; 2. Teil: Noord en Oost Tartarye; Tweede Deel: Behelzende de Landschappen Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, en Samojedia door Nicolaes Witsen. Amsterdam 1785 (3 Ed., the first and shorter ed. is from 1692).

References

Andreev, A. I. (2005). Trudy G. F. Millera o Sibiri. In Miller G. F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia. 3 Vols.]. Ed. 3. Moscow, Vostochnaya literatura. Vol. 1, pp. 66–149.

Bayuk, D. A., Fedorova, O. B. (2012). Leibniz in Russian. In Li, W. (Hrsg.). *Komma und Kathedrale: Tradition, Bedeutung und Herausforderung der Leibniz-Edition. Internationale Konferenz in Hannover 2011*. Berlin, Akademie Verlag, S. 213–224.

Breitfuss, L. (1939). Early Maps of North-Eastern Asia and of the Lands around the North Pacific : Controversy between G. F. Mueller and N. Delisle. In *Imago Mundi*. Vol. 3, pp. 87–99.

Carte des Tartarie : Dressée sur les Relations de plusieurs Voyageurs de differents Nations et sur quelques Observations qui ont été faites dans ce pays La Par Guillaume De l'Isle de l'Academie Royale des Sciences. A Paris avec Privilege, 1706. In *Bibliothèque Nationale de France (Site Richelieu, Collection of the maps)*. Sig. GeAF. Portefeuille 3. No. 23.

Cecere, G. (2006). Wo Europa endet : Die Grenze zwischen Europa und Asien im 18. Jahrhundert. In Dipper, Ch., Schneider, U. (Hrsg.). *Kartenwelten. Der Raum und seine Repräsentation in der Neuzeit*. Darmstadt, Primus, S. 127–145.

Chabin, M.-A. (1983). *Les Français et la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle. La famille Delisle et les milieux savants*. Mémoire ou thèse de l'École nationale des chartes. Paris, S. n. 345 p.

Chabin, M.-A. (1985). La curiosité des savants français pour la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle. In *Revue des Études Slaves*. T. 57. Fasc. 4, pp. 565–589.

Dahlmann, D. (2009). *Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, Ferdinand Schöningh. 435 S.

Dawson, N.-M. (2000). *L'Atelier Delise, L'Amérique du Nord sur la table à dessin. Avec la collaboration de Charles Vincent*. Quebec, Sillery. 306 p.

Groh, D. (1988). *Russland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven*. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 439 S.

Guerrier, W. (1873). *Leibniz in seinen Beziehungen zu Rußland und Peter dem Großen. Eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften*. St Petersburg, Leipzig, Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. XVIII + 372 S.

Guzarova, E. V. (2013). K voprosu ob eticheskoi storone "al'ternativnogo" vzgl'yada na deyatel'nost' astronoma Delilya v Rossii [On the Ethical Side of the 'Alternative' View of the Activities of Astronomer Delisle in Russia]. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 70. Petrovskoe vremya v litsakh – 2013. K 400-letiyu doma Romanovykh (1613–2013). Materialy nauchnoi konferentsii*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 121–136.

Guzevich, D., Guzevich, I. (2014). "V nachale byl Delil'", ili gipoteza o prichinakh rasformirovaniya odnoi frantsuzskoi kollektzii ["In the Beginning There Was Delisle", or a Hypothesis about the Reasons for the Dispersal of the French Collection]. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 73. Petrovskoe vremya v litsakh – 2014. K 300-letiyu pobedy pri Gangute (1714–2014). Materialy nauchnoi konferentsii*, St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 112–120.

Hirsch, E. Ch. (2000). *Der berühmte Herr Leibniz : Eine Biographie*. München, C. H. Beck. 640 S.

Historia Academiae Regiae Scientiarum Anni 1720. (1724). In *Acta Eruditorum*. S. 498–508.

Isnard, A. (1915). Joseph-Nicolas Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la bibliothèque nationale. In *Bulletin de la section de Géographie*. T. 30. Paris, Imprimerie Nationale, pp. 34–164.

Keller, M. (1985). Wegbereiter der Aufklärung : Gottfried Wilhelm Leibniz' Wirken für Peter den Großen und sein Reich. In Kopelew, L. (Hrsg.). *West-östliche Spiegelungen Reihe A. Vol. 1. Russen und Rußland aus deutscher Sicht, 9. – 17. Jahrhundert*. München, Wilhelm Fink, S. 391–413.

Keuning, J. (1954). Nicolaas Witsen as a Cartographer. In *Imago Mundi*. Vol. 11, pp. 95–110.

Kiryushchenko, N. V., Krotov, P. A., Kozlov, S. A. (Eds.). (2008). *Materialy ekspeditsii Zh.-N. Delilya v Berezov v 1740 g. Dnevnik T. Kenigsfel'da i perepiska Zh.-N. Delilya* [Materials of J. N. Delisle's Expedition to Berezov in 1740. The Diary of T. Kenigsfeld and The Correspondence of J. N. Delisle]. St Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya. 544 p.

Kopanev, N. A. (1998). "Tabula rasa" G. V. Leibnitsa [G. V. Leibniz's *Tabula Rasa*]. In Kopaneva, N. P. (Ed.). *G. V. Leibnits i Rossiya. Iz istorii Peterburgskoi akademii nauk*. St Petersburg, Evropeiskii dom, pp. 35–40.

Küntzel-Witt, K. (2010). Wie groß ist Sibirien? Die russischen Entdeckungen im Pazifik und die Kontroverse zwischen Joseph Nicolas Delisle, Samuel Engel und Gerhard Friedrich Müller im 18. Jahrhundert. In Happel, J., von Werdt, Ch. (Hrsg.). *Osteuropa kartiert – Mapping Eastern Europe. Unter Mitarbeit von Mira Jovanović*. Berlin, Zürich, Lit, S. 155–172.

Lagarde, L. (1989). Le Passage du Nord-Ouest et la Mer de l'Ouest dans la Cartographie française du 18e Siècle, Contribution à l'Étude de l'Oeuvre des Delisle et Buache. In *Imago Mundi*. Vol. 41, pp. 19–43.

Leibniz, G. W. (1979). *Novissima Sinica (1697)*. *Das Neueste von China* / Hrsg. von H. G. Nesselrath, H. Reinbothe. Köln, Deutsche China-Gesellschaft. XIII + 159 S.

Leibniz, G. W. (2006). *Der Briefwechsel mit den Jesuiten in China (1689–1714)*. *Französisch/lateinisch/deutsch* / Hrsg. und mit einer Einleitung versehen V. R. Widmaier ; Textherstellung und Übersetzung V. M.-L. Babin. Hamburg, Felix Meiner. CXXXVII + 894 S. (Ser. Philosophische Bibliothek. Vol. 548).

Leibniz, G. W. (1923). *Sämtliche Schriften und Briefe*. Berlin, Deutsche Akademie der Wissenschaften. Darmstadt : O. Reichl.

Les Français en Russie au siècle des Lumières : Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier : en 2 volumes / sous la direction de A. Mezin, V. Rjéoutski. (2011). Ferney-Voltaire, Centre International d'Étude du XVIIIe siècle. 1424 p.

Li, W., Poser, H. (Hrsg.). (2000). *Das Neueste über China. G. W. Leibnizens Novissima Sinica von 1697 : Intern. Symp., Berlin, 4. bis 7 Oktober 1997*. Stuttgart, Franz Steiner. 390 S. (Studia Leibnitiana. Supplementa. Vol. 33).

Luckscheiter, S. (2012). Auskünfte für und von Leibniz über Zar Peter I. und die große russische Gesandtschaft (1697–1698). In Li, W. (Hrsg.). *Komma und Kathedrale : Tradition, Bedeutung und Herausforderung der Leibniz-Edition : Intern. Konf. in Hannover, 2011*. Berlin, Akademie Verlag, S. 293–300.

Maier, L. (2001). Das Sibirienbild in den deutschsprachigen Werken Gerhard Friedrich Müllers. In Baranov, N. N. (Hrsg.). *Deutsche auf dem Ural und in Sibirien (XVI–XX Jh.) Forschungsbeiträge der wissenschaftlichen Konferenz «Deutschland–Russland: historische Erfahrungen interregionaler Zusammenarbeit im XVI.–XX. Jahrhundert»*. Ekaterinburg, Volot, S. 20–54.

Mezin, S. A. (2011). Petr I, Leibnits i Speranskii [Peter I, Leibniz, and Speransky]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 1, pp. 115–120.

Nevskaya, N. I. (1998). G. V. Leibnits i Peterburgskaya akademiya nauk v XVIII v. [G. V. Leibniz and the Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century]. In Kopaneva, N. P. (Ed.). *G. V. Leibnits i Rossiya. Iz istorii Peterburgskoi akademii nauk*. St Petersburg, Evropeiskii dom, pp. 15–27.

Nitschke, P. (2015). Die Leibnizsche Vision von Europa. In Nitschke, P. (Hrsg.). *Gottfried W. Leibniz: Die richtige Ordnung des Staates*. Baden-Baden : Nomos. (Staatsverständnisse. Vol. 72). S. 91–111.

Pedley Sponberg, M. (1992). *Bel et Utile : The Work of the Robert De Vaugondy Family of Mapmakers*. Exeter, Map Collector Publications, S. n.

Piel, G., Luber, S. (1999). Ein "berühmtes Pymonter Brunnenjahr" : Zar Peter I in Pymont im Juni 1716. In Alfter, D. (Hrsg.). *Zar Peter der Große : Die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717*. Hameln, Niemeyer, S. 87–96.

Poser, H. (2013). Leibniz' *Novissima Sinica* as a Program for the Reunification of the Christian Confessions. In Li, W., Poser, H., Rudolph, H. (Hrsg.). *Leibniz und die Ökumene*. Stuttgart, Franz Steiner. (Studia Leibnitiana. Sonderhefte. Vol. 41). S. 75–86.

Poser, H. (2016). *Leibniz' Philosophie : Über die Einheit von Metaphysik und Wissenschaft* / Hrsg. von W. Li. Hamburg, Felix Meiner. 528 S.

Roll, Ch. (2015). Barbaren? „Tabula rasa“? Wie Leibniz sein neues Wissen über Russland auf den Begriff brachte. Eine Studie über die Bedeutung der Vernetzung gelehrter Korrespondenzen für die Ermöglichung aufgeklärter Diskurse. In Beiderbeck, V. F., Dingel, I., Li, W. (Hrsg.). *Umwelt und Weltgestaltung : Leibniz' politisches Denken in seiner Zeit*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz. Beiheft 105). S. 307–358.

Schippan, M. (2012). *Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert*. Wiesbaden, Harrassowitz. 493 S. (Wolfenbütteler Forschungen. Vol. 131).

Schippan, M. (2013). Der „Solon Russlands“ und der Zar. Gottfried Wilhelm Leibniz, Peter der Große und die europäischen Wissenschaftsbeziehungen. In Heinecke, B., Kästner, I. (Hrsg.). *Gottfried Wilhelm Leibniz (1646–1716) und die gelehrte Welt Europas um 1700*. Aachen, Shaker. (Europäische Wissenschaftsbeziehungen. Vol. 6). P. 133–154.

Shaw, D. J. B. (1996). Geographical Practice and its Significance in Peter the Great's Russia. In *Journal of Historical Geography*. Vol. 22, pp. 160–176.

Verdier, N. (2015). Des Cartes en situation d'intercertitude : La controverse sur le Kamtchatka entre 1737 et 1738 comme révélateur d'une crise de la cartographie française. In Karp, S. Ya. (Ed.), Kosmolinskaya, G. A. (Comp.). *Vek Poscveshcheniya. Iss. 5. Geografiya epokhi Prosveshcheniya: mezhdv voobrazheniem i real'nost'yu*. Moscow, Nauka, pp. 100–120.

Witsen, N. Tartaryen: Behelende Eene Beschryving van verscheidene Tartersche en Nabuurige Gewesten, in de Noorder en Oostelykste Deelen van Azien en Europa... Te Amsterdam 1785; 2. Teil: Noord en Oost Tartarye; Tweede Deel: Behelzende de Landschappen Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, en Samojedia door Nicolaes Witsen. Amsterdam 1785 (3rd edition, the first shorter edition is from 1692).

The article was submitted on 22.11.2017

DOI 10.15826/qr.2018.1.283

УДК 94(470)"14/17"+929Петр(470)*I+325.14+331.55

ВЕРБОВКА ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ – ВЫХОДЦЕВ ИЗ ФРАНЦИИ И ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I*

Владислав Ржеуцкий

Германский исторический институт,
Москва, Россия

Дмитрий Гузевич

Центр исследований России, Кавказа и Восточной Европы
Школы высших социальных исследований,
Париж, Франция

RECRUITMENT OF FOREIGN SPECIALISTS FROM FRANCE AND FRENCH-SPEAKING SWITZERLAND DURING THE REIGN OF PETER I**

Vladislav Rjéoutski

German Institute of history,
Moscow, Russia

Dmitri Gouzévitch

Study Center of the Russian, Caucasian and Central European Worlds,
School for Advanced Studies in the Social Sciences,
Paris, France

The recruitment of specialists in Europe was practised by Russia well before the reign of Peter the Great, at least as early as the fifteenth century. However, neither the extent nor the frequency of recruitments at this period can be

---

* Статья написана в рамках подготовки биографического словаря «Иностранные специалисты в Петровской России: выходцы из Франции и франкоязычной Швейцарии», см.: [Ржеуцкий, Гузевич].

** *Citation:* Rjéoutski, V., Gouzévitch, D. (2018). Recruitment of Foreign Specialists from France and French-speaking Switzerland during the Reign of Peter I. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 79–98. DOI 10.15826/qr.2018.1.283.

Цитирование: Rjéoutski V., Gouzévitch D. Recruitment of Foreign Specialists from France and French-speaking Switzerland during the Reign of Peter I // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 79–98. DOI 10.15826/qr.2018.1.283 / Ржеуцкий В., Гузевич Д. Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 79–98. DOI 10.15826/qr.2018.1.283.

compared with what happened during Peter's reign. Not only did the general context evolve considerably with the arrival of Peter, but also the methods used in the recruitment of specialists. As the data concerning the French in particular show, these recruitments became increasingly targeted and the profiles sought increasingly specialised. In Russia, the general context was also increasingly favourable to this professional emigration. Religious isolationism and suspicion of foreigners were less widespread under Peter I; attempts to make foreign specialists convert to Orthodoxy, so frequent before the reign of the tsar, had become unusual. Finally, a stable legal base appeared which made it possible to conclude contracts with foreigners helping to increase their confidence and thus to favour recruitment. However, this mechanism, apparently very efficient, did not always bring the results expected. The efforts of the tsar's agents were often sabotaged on the spot, and foreigners were treated badly. The example of the French speaks for itself: some were sent back to France by the authorities themselves for various reasons, others, discontent with their situation, either because they were not paid or did not have work, were easily lured away by French diplomats and put on boats destined for France.

Keywords: history of Russia, 15th-18th centuries; reign of Peter I; immigration; foreigners in Russia; recruitment of foreign specialists.

Рассмотрена политика целенаправленного приглашения иностранных специалистов на службу в Россию. Показано, что их набор в Европе осуществлялся задолго до царствования Петра Великого – по крайней мере, с XV в. Однако его масштабы не могут сравниться с тем, что происходило во время правления Петра I. Как показывают данные, касающиеся, в частности, французов, такие наборы становились все более целенаправленными, а искомые профили – все более специализированными. В России общий контекст также все более благоприятствовал такого рода «профессиональной эмиграции». Религиозный изоляционизм и подозрительность в отношении иностранцев меньше проявлялись при Петре I; попытки заставить иностранных специалистов принять православие, столь частые до его правления, стали редки. Наконец, появилась стабильная правовая база, позволявшая заключать контракты с иностранцами, что способствовало их найму. Однако этот механизм не всегда давал ожидаемые результаты. Усилия царских агентов часто саботировались на местах, с иностранцами плохо обращались. Пример французов показателен: некоторых из них российские власти сами высылали во Францию по разным причинам, другие, недовольные своим положением, поддавались призывам французских дипломатов и возвращались во Францию.

Ключевые слова: история России XV—XVIII вв.; Петровская эпоха; иммиграция; иностранцы в России; вербовка иностранных специалистов.

Начало найма иностранных специалистов для Московии

О политике целенаправленного приглашения иностранных специалистов можно говорить, вероятно, только начиная с конца 1460-х гг. – периода окончания зависимости от монгольского ига и «собирания русских земель» под эгидой Москвы. Первая волна найма специалистов относится к 1469–1539 гг., то есть к эпохам Ивана III, Василия III и Елены Глинской (подробнее см.: [Gouzévitch, 2001; Gouzévitch, 2003; Гузевич]; о начале целенаправленного набора иностранных специалистов для России см.: [Amburger, S. 13–17]; см. также: [Флоря, с. 12–18]).

Набор чаще всего происходил в итальянских и германских государствах при посредничестве греков [Черникова, с. 273]. Завербованные итальянцы обычно были архитекторами и строителями, немцы – оружейниками и пушколитейными мастерами. Эта политика продолжилась и в XVI в. В годы малолетства Ивана IV вербовка специалистов в Европе практически прекратилась, однако с установлением личной власти Ивана снова возобновилась. Главным посредником был на этот раз немец из Гослара торговец Ганс Шлитте (Schlitte), который нанял для Москвы врачей, ремесленников, пушечных дел мастеров, военных и т. д.¹ Круг специалистов расширился по сравнению с XV – началом XVI в., когда для России набирали главным образом мастеров в таких областях, как военное дело, в частности, артиллерия, строительство, лекарское дело, чеканка монет. Благодаря иностранным пушкарям московская артиллерия становится ключевым элементом во многих победах русской армии [Черникова, с. 292]. Открытие англичанами в середине XVI в. северного пути в Россию привело к появлению в Московии английских купцов и к использованию этого нового канала для найма английских специалистов как традиционных профессий (военных, медиков – причем не только придворных врачей, но и аптекарей, и цирюльников), так и некоторых новых (например, рудознатцев). В 1569–1570 гг. обсуждалась возможность найма в Англии людей, способных строить корабли и управлять ими [Черникова, с. 304–305]. Распространение предметов западного обихода привело к желанию иметь мастеров по их производству в России. Главными сферами, в которых ощущалась потребность в западноевропейских специалистах, были армия, горнодобывающее дело, производство предметов роскоши и услуг для двора [Amburger, S. 25].

В Смутное время поиск специалистов за границей снова почти полностью прекратился и возобновился уже после восшествия на русский престол первого из Романовых – Михаила Федоровича. Менялся их национальный состав: в Россию ехало меньше итальянцев, зато больше немцев, татар, литовцев, а также греков, особенно в среде

¹ О перипетиях набора специалистов Г. Шлитте см.: [Amburger, S. 18–19].

наемников. Самый большой приток иностранцев шел из Польши, но и выходцы из Западной Европы становятся все более частыми гостями в России [Черникова, с. 291]. На службе русской армии были лифляндцы, голландцы, шотландцы, несколько англичан и французов, как правило, это были профессиональные наемники, нередко ранее служившие в Швеции или Дании [Там же, с. 292]². В 1601 г. русские дипломаты вывозят мастеров из Англии [Amburger, S. 22-23]. Для вербовки специалистов для России – причем не только англичан – эта страна будет играть все возрастающую роль [Ibid., S. 25]. Расширялась и география присутствия иностранных мастеров в России: в 1620–1630-е гг. их можно было найти не только в Москве, Архангельске и Новгороде, но и в Ростове и Туле...

В последние годы царствования Алексея Михайловича (1645–1676) и в годы, непосредственно предшествовавшие единоличному правлению Петра I (с 1689 г.), даже на основании дел, отложившихся в фонде РГАДА «Выезды иностранцев в Россию», можно увидеть, насколько разнообразным в национальном и профессиональном отношении был набор иностранцев, попадавших на русскую службу из европейских стран [РГАДА. Ф. 150]. Помимо поляков, среди них были выходцы из германских государств (Гамбург, Бранденбург и т. д.), «цесарцы», англичане, шотландцы, голландцы, шведы. Это были военные, инженеры, доктора, золотых дел мастера, рудознатец, химик... Численно военные намного превосходили представителей остальных профессий.

В целом можно согласиться с исследователями в том, что приезд иностранцев в Россию не только полностью находился под контролем российских властей, но и в ряде случаев был ими инициирован [Опарина, с. 336–337]. В этом отношении мы не видим разницы между эпохой Петра I и предшествующими эпохами, главное различие состоит в размерах, которые приобрел при Петре запрос на иностранных специалистов. Существовали, однако, другие отличия в таких сферах, как религиозный прозелитизм и удержание иностранных специалистов, которые были яркими чертами допетровского периода найма специалистов за рубежами России.

Найм иностранцев и религиозный прозелитизм

В Москве желали иметь представителей профессий, для которых знания и техническая оснащенность играли большую роль. Таких специалистов можно было найти главным образом в неправославных странах. Однако действия властей отражают двойственность их отношения к иностранцам: в них нуждались, и в то же время их боялись по причинам конфессионального и культурного порядка.

---

² Подробнее об иностранных наемниках на русской службе см.: [Черникова, с. 295–296].

В 1627 г. ужесточаются правила найма иностранцами православной прислуги. В теории нанять себе православного слугу иноверец с этого времени не мог [Опарина, Орленко, с. 22–39], но на практике указ не соблюдался [Черникова, с. 270–271]. В 1652 г. служилые немцы получают участки земли за пределами Москвы, в специально восстановленной для этого Ново-Немецкой слободе (указ от 4 октября 7161 г. / 14 октября 1652 г. [Систематический свод законов, т. 6, с. 44]; указ об отводе земли под строение в Немецкой слободе от 4 октября 1652/7161 г. [ПСЗ, т. 1, № 85, с. 273]). До Петра I иностранцам не разрешено было покупать дома вне пределов Немецкой слободы [Систематический свод законов, т. 6, с. 44], в 1653 г. их обязали продавать православным свои вотчины, что побудило некоторых иноземцев перейти в православие [Черникова, с. 272–273]. Перешедшие в православие не могли более покинуть Россию³, но и не ставшие православными зачастую не могли покинуть Московию, если они интересовали правительство как специалисты. Патрик Гордон – один из наиболее известных примеров, но таких случаев было много [Черникова, с. 275–281]. Эта практика, несмотря на ее контрпродуктивность в долгосрочной перспективе, продолжалась еще и при Петре I⁴, хотя постепенно сходила на нет, а юридической основой приглашения в Россию уже с 1696 г. стал письменный контракт (договор).

Характерной особенностью допетровского периода было желание склонить иноземцев в православие. Так, барон Пьер де Ремон (de Remont) стал участником известного религиозного скандала. В 1628 г. он не только сам принял православие, но и против воли крестил свою жену, протестантку англичанку Анну Барнсли (Barnsley). По этому поводу в переписку вступили даже коронованные особы – король Карл I и царь Михаил Федорович [Опарина, гл. 1, 2]. Крещения будут продолжаться и далее, однако, как правило, ненасильственно. Шлейф негативных отзывов иностранцев о России, власть в которой считали тиранической, а общество – морально развращенным, заставлял российские власти искать формы реванша, одной из которых был переход в православие иностранцев, обладавших высоким социальным статусом. За несколько лет до вступления на престол Петра Алексеевича в 1670 г. были крещены в Москве два француза, очевидно, дворяне – братья Жан (доктор богословия) и Карл де Гроновы (de Gros?). Французы были обласканы царем [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1671. Д. 4]⁵. Но намеренное склонение эмигрантов в православную веру при Петре не было определяющим фактором в приглашении иностранных специалистов в Россию.

³ См. многочисленные примеры: [Опарина].

⁴ Так, несмотря на попытки уехать, вынужден был остаться на русской службе инженер Ламот де Шампи. См.: [РГАДА. Ф. 150. 1703. Д. 26. Л. 1–7]

⁵ См. о них также: [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619. № 4. Л. 57об.–60, 134; 1651. № 12; 1652. № 7. Л. 51].

Конфессиональный фактор и географическая мобильность

Какую роль конфессиональный фактор сыграл в определении траекторий франкоязычных эмигрантов, прибывавших в Россию в Петровскую эпоху?

Гугенотов на несколько лет опередили швейцарцы, которые могли, как и гугеноты, ехать окольными путями, через третьи страны. Одним из первых в 1675 г. через Голландию приехал Франсуа Лефорт. Когда он начал входить в силу, он стал активно приглашать из Швейцарии на русскую службу родственников и друзей. Клан семей Лефорт – Лект – Сенебье – Троншин – Дюбрёй – Тюдер – Телюссон был чрезвычайно обширен. Часть информации, циркулировавшей по внутренней сети этих кланов, становилась достоянием газет. В результате в голландские и швейцарские газеты стало попадать значительно больше сведений о Московии, чем раньше⁶. Таким образом, уже само появление швейцарцев в Московии усилило присутствие этой страны в европейском информационном поле.

Первая волна эмиграции французских протестантов связана с отменой в 1685 г. эдиктом Фонтенбло Нантского эдикта 1598 г., которым Генрих IV гарантировал французским протестантам свободу совести и частичную свободу их культа. Отныне во Франции любое публичное отправление веры было кальвинистам запрещено. По разным оценкам, от 100 до 200 тыс. гугенотов покинули королевство и были приняты в Англии, Нидерландах, Швеции, Швейцарии, немецких государствах⁷.

Обилие мигрантов заставило власти Бранденбурга искать новые места, которые могли бы принять беженцев. С подачи главы бранденбургского посольства в России Иоганна Рейера по указанию курфюрста Фридриха III вопрос о приеме гугенотов был поставлен перед российскими властями [Туманский, с. 186–190; Форстен, с. 62–66]. В 1688–1689 гг. в Москве состоялись переговоры, в результате которых правительство князя Василия Голицына дало в 1689 г. грамоту о предоставлении в России убежища гугенотам [ПСЗРИ, т. 3, с. 8–9]. Давая пристанище беженцам из Франции, Россия надеялась, и не напрасно, на международный резонанс [Kämmerer, S. 27], но она также рассчитывала, что благодаря эмигрантам в России укоренятся еще не известные ремесла. Хотя в царствование Петра I в Россию приехало значительное количество гугенотов и их потомков (если сравнивать его не в абсолютных цифрах с общим числом покинувших Францию гугенотов, а относительно католического контингента), они, очевидно, приезжали индивидуально, а не группами. В последнее десятилетие XVII и в первой трети XVIII в. в России появилось несколько

⁶ См., например: [Гузевич, 2013, с. 63–65; Гузевич, 2017].

⁷ Подробнее о роли французских протестантов в Европе в это время см.: [Jersch-Wenzel; Hornung].

гугенотов, основавших известные семьи: Бриньи, де Кулоны, Клапье де Колонги, Шапюзо, Дибисоны. Почти все прибыли в Россию после скитаний по Европе – через Швецию, Голландию, немецкие земли...

Конфессиональный фактор сыграл свою роль и при наборе специалистов во время Великого посольства. В целом их было нанято очень значительное количество. Поименно на сегодня известно около 950 человек. Французов среди них было очень мало – Великое посольство не посещало Францию. Католическое вероисповедание также могло стать препятствием: ответственным за вербовку был Франсуа Лефорт – убежденный кальвинист. Сохранилось свидетельство секретаря австрийского посольства Корба (1699):

Увольняют поденно нанятых. Сорок фельдшеров отставлены от службы, а из девятисот матросов выключены те, которые вследствие их католической веры не нравились адмиралу [Лефорту] [Корб, с.130].

В результате найма, осуществленного в ходе Великого посольства, католическая община Немецкой слободы увеличилась, по свидетельству священников-иезуитов, на 120 человек, другими словами, не более чем на 8 % [Письма и донесения иезуитов о России, с. 7]. В основном это были итальянцы, австрийцы, западные и юго-западные славяне.

Целенаправленный набор специалистов при Петре I

Хотя первые целенаправленные наборы специалистов для работы в России произошли задолго до Петра I, именно в его царствование эта деятельность приобрела поистине огромные размеры, став одной из важнейших составляющих в механизме реформ. Самой широко-масштабной акцией по набору специалистов для России стало упомянутое Великое посольство 1697–1698 гг. После него наборы проходили регулярно благодаря петровским агентам.

При Петре появляется ряд законодательных актов, призванных поощрить приезд в Россию иностранных специалистов. Наиболее важный из них – это манифест от 27 апреля 1702 г. о вызове иностранцев в Россию. Манифестом объявлялось об облегчении иностранцам приезда в Россию; о разрешении им свободно отправлять свой культ, если они христиане; об учреждении органа для суда над иностранцами согласно их обычаям; и наконец, о разрешении оставлять царскую службу и возвращаться на родину [ПСЗРИ, т. 4, с. 192–195]. В 1723 г. появился устав Мануфактур-коллегии, в котором был объявлен ряд мер, назначение которых заключалось в том, чтобы привлечь иностранных «художников, всяких художеств мастеровых людей» в Россию. Им обещали оплатить дорогу, отпускать в любое время из империи со всем их имуществом и капиталом, освободить на несколько лет от налога на продукцию их мануфактур в России, помогать организуемому производству ресурсами и деньгами, предоставить иностранным фабрикантам на первое время бесплатные квартиры

и освободить их от «всяких поборов, служб, постоев» (устав Мануфактур-коллегии, от 3 декабря 1723 г., § 23 [Систематический свод законов, т. 6, с. 5]). От военной службы иностранцев освободили еще указом от 7 мая 1722 г. [Там же, с. 57].

Поощрить иностранцев, заинтересовать их в работе в России было важно, но не менее важно было создать для них условия, при которых их деятельность могла приносить реальные плоды. Незнание русского языка иностранными специалистами было препятствием в их работе в России: многим вменялось в обязанность обучение русских учеников, солдаты и нижние чины в армии должны были понимать офицеров-иностранцев. На каждого иностранного специалиста, конечно, было невозможно иметь переводчика, хотя ко многим переводчиков приставляли. Поэтому понятно требование, которое находим в плакатах о призыве иностранцев на русскую службу 1702 г., склонять к службе офицеров, которые «польского, словенского или иного какого с московским согласного языка хотя отчасти разумеют» [РГВИА. Ф. 495. Д. 106. Л. 10, 11] (цит. по: [Бойко, с. 166-178]).

Как и в допетровское время, иностранцы служили посредниками при найме на службу в России. Во время Великого посольства важную роль в найме морских офицеров и матросов для флота сыграл Корнелий Крюйс. Как отмечал посол Ф. А. Головин, при заключении контрактов «зело помочествовал мне капитан Креус. И истинно, государь, тебе доношу, если бы не его в том вспоможение, с превеликим бы трудом нам сие исправить во многом времени невозможно» [Там же]. Сразу после смерти Фридриха I в феврале 1713 г. Петр отправляет в Берлин Якоба Брюса для найма «мастеровых людей», среди которых был и немецкий архитектор Андреас Шлютер [Medvedkova, p. 145]. Начиная с 1717 г. агент фон Денбург и резидент Беттигер нанимают в Гамбурге 379 морских офицеров и матросов, причем разных национальностей: немцев (Саксония, Гамбург, Бремен, Люнебург), голландцев (Амстердам, Роттердам, но также Гауда, Гренинген, Лейден), англичан (в основном из Лондона), но также норвежцев (Берген), итальянцев (Ливорно, Неаполь) и французов (Марсель, Тулон, Бордо, Нант, Брест) [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1717. Д. 10]. В 1720 г. капитану Питеру Бредалю приказано было немедленно ехать в Копенгаген (откуда он был родом) «для принятия в службу царского величества морских обер и унтер офицеров» – капитанов, унтер-офицеров и штурманов, которые «известные и которые служили на кораблях военных» и «знали б воинскую команду». С ними должны были заключаться контракты на пять лет [РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. 1720. Д. 41. Л. 174—174 об.]. Бредаль занимался подобной работой по крайней мере с 1717 г. [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1717. Д. 10. Л. 112].

Вербовка иностранцев во многом определялась местными условиями, в частности политической ситуацией. Возможности массового найма военных и моряков в конце XVII в. определились Рисвикским (1698) и Карловицким миром (1699) и послевоенным сокращением

армий. В эти годы видим примеры военных, которые сами просились и даже приезжали в Россию, не получив предварительного согласия на принятие их на службу, как случилось с французами Бонне, Маршевалем и Дампьером. Вербовка французских мастеров в 1715–1717 гг. была облегчена новыми условиями во Франции: после смерти французского короля число заказов на строительные работы там резко уменьшилось. В ходе Великого посольства Петр хорошо усвоил эти уроки и был способен прогнозировать подобные ситуации. В ноябре 1715 г. он писал русскому агенту Конону Зотову во Францию:

...понеже король французский умер, а наследник зело молод, то чаю, многие мастеровые люди будут искать фортуны в иных государствах, чего для наведывайся о таких и пиши, дабы потребных не пропустить (цит. по: [Россия – Франция, с. 93]).

Конечно, русские агенты не стеснялись переманивать на русскую службу военных других армий, как показывает обращение к саксонцам в шведской армии, сделанное в 1708 г. Саксонцам обещали не только прием со «всякой честью» и во «всяком удовольстве», но и повышение чином [Бойко]. Так же поступали и вербовщики других государств: в 1723 г. в Риге был задержан прусский агент, вербовавший офицеров и солдат, находившихся на службе в России [Бойко]. Шведская армия стала едва ли не главным источником пополнения русской армии офицерами: в 1719–1721 гг. из примерно 70 завербованных на русскую службу офицеров-иностранцев половина служили до этого в шведской армии [Бойко].

На службу в России нанимали специалистов не только в таких решающих областях, как армия, флот или кораблестроение. В 1701 г. в Гданьск и «другие города» был послан комедиант Иван Сплавский для набора актеров. Он не ограничился данным ему заданием и, повстречав в августе 1701 г. в Гданьске француза Жана Дюматре, уговорил того поступить на русскую службу, хотя тот был инженером и к театру никакого отношения не имел. Его посредничество вызвало некоторое удивление: чиновникам было известно, что Сплавский был послан для призыва комедиантов, «а чтоб ему призывать инженеров и иные какие чинов иноземцов, того в том его великого г[осу]д[а]ря указе и проезжей грамоте не написано» [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1701. Д. 14. Л. 2]. Этот забавный случай показывает, что вербовка иностранцев превратилась в своего рода национальный спорт в России того времени.

Франкоязычные специалисты также попадали в сети русских вербовщиков даже до того, как вербовку стали проводить непосредственно во Франции. Несколько французов было нанято во время Великого посольства, почти все они были врачами протестантского вероисповедания, которые бежали из Франции в Голландию, так как лекарям-протестантам еще до отмены Нантского эдикта во Франции было запрещено работать по профессии [Robert, p. 181–187]. В 1703 г.

посол России в Копенгагене А. Измайлов нанимает Доменико Трезини и целую группу других мастеров разных профессий и национальностей: итальянских каменщиков и мастеров гипсового дела Фонтана, Рюша, Ферара, Ганация, Желпия, швейцарского «живописей и резного дела» мастера Циглера и нескольких французов – шпажно-го мастера Люботея, «флерного, кружевного и всяких шляпных дел» мастера Паланде, «кудреного дела мастера» Пижа и лекаря Паисия, или Позье [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703. Д. 12].

Самая крупная акция по найму специалистов непосредственно во Франции произошла незадолго до визита Петра I в эту страну, который состоялся только в 1717 г. Предшествующие попытки набрать специалистов во Франции, как правило, заканчивались неудачей. Так, в 1712 г. русский резидент во Франции Г. И. Волков безуспешно пытался нанять архитектора. Подписавший с ним договор художник короля Франсуа Мэро, выдавший себя за архитектора, в последний момент отказался ехать в Россию и даже подал на Волкова в суд, требуя от него оплатить чертежи, сделанные по просьбе русского агента. Попытки найти других кандидатов на место царского архитектора также не принесли успеха. Волков предложил место Вильневу (Villeneuve) за 5 тыс. гульденов, но тот отказался, найдя работу в Париже, и Пере (Peret), который запросил слишком высокую сумму (12 тыс. гульденов). Отчаявшись, Волков попросил посла России при королевском дворе князя Куракина обратиться «наверх» с тем, чтобы сам король послал в Россию архитектора. Однако министр иностранных дел Франции де Торси объяснил, что во Франции архитекторы были людьми свободными, поэтому послать кого-то в Россию против его воли король не мог (см. об этом: [Medvedkova, p. 152-153]).

Однако накануне визита Петра I во Францию удалось то, что не удавалось раньше. Полтавская битва 1709 г. существенно изменила взгляд Западной Европы на Россию, которую традиционно представляли как полудикую державу на краю цивилизованного мира. Распространились новости о строительстве большого города в устье Невы, ставшего в 1712 г. столицей преобразующейся Московии. Огромные строительные работы, начатые русскими в этом регионе, резко увеличили потребности в мастерах самой разной специализации.

Как нередко бывает, после кончины монарха большие строительные работы, начатые в предыдущее царствование, прекращались либо замедлялись. Так случилось и во Франции после смерти Людовика XIV в 1715 г.: блестящее царствование короля опустошило государственную казну. Эти изменения совпали по времени и с новой волной вербовки специалистов для России. Их набор всегда был несколько хаотичен и нередко был связан с поездками Петра I по Европе – именно поэтому первые крупные кампании такого рода состоялись в любимой им Голландии. Эта крупная морская держава, в которой собирались эмигранты со всей Европы, была идеальным местом для вербовки специалистов, прежде всего связанных с морским делом. Однако строительство

дворцово-парковых ансамблей требовало найма мастеров, которых не всегда можно было найти в северных государствах. Франция же была страной, в которой искусства, связанные со строительством и оформлением крупных королевских резиденций, получили большое развитие в эпоху Людовика XIV, строителя Версаля.

Главную роль в наборе сыграл племянник Франсуа Лефорта Иван, или Жан Лефорт. Он много сделал для развития торговых отношений между Францией и Россией. В 1713-1714 гг., не имея официального статуса, он был российским агентом во Франции, затем получил титул коммерц-советника и в начале 1716 г. был аккредитован во Франции в качестве представителя России. Маршал д'Юксель сообщил главному интенданту дворцовых построек Роберу де Котту 7 апреля 1716 г. (н. ст.), что Лефорт получил указание набрать «28 рабочих, как мастеров, так и их помощников, различных специальностей для работы в Россию по выполнению мероприятий Петра I и для приобщения подданных этого монарха к искусству» (цит. по: [Россия – Франция, с. 26]). В частности, он занимался этим весной 1716 г. в Париже, в том числе в марте-апреле завербовал шпалерных мастеров (упоминаются Бегагли, Бурдейн, Гриньон, Вавок, Гошер, Гриньон, Камусы и др.) и закупил некоторое количество шерсти и шелка для начала работы. Тогда же барон Вигуре, французский дворянин на службе русского царя, направился во Францию, чтобы набрать на царскую службу текстильных мастеров [Veudin, p. 8]. 19 ноября 1715 г. Лефорт подписал договор с итальянским скульптором Бартоломео Растрелли. В 1715 – начале 1716 г. он же заключил контракт с архитектором Жаном-Батистом Александром Леблоном и еще 45 мастерами, согласившимися поступить на русскую службу. При этом на разных этапах составлялись списки этих мастеров, что позволяет нам сегодня иметь полное представление о составе этой группы⁸.

Этот эпизод иммиграции французов в Россию довольно хорошо известен благодаря сведениям, которые сообщал в своей корреспонденции Анри Лави⁹. Осенью 1716 г. «двести» семей французских ремесленников, нанятых Лефортом, прибыли в новую столицу. Французский консул в Данциге наблюдал прохождение этой группы, в которой, по его словам, было примерно 90 рабочих, из них около 30 – католики, завербованные в Лионе на мануфактурах, остальные же были франкоязычными протестантами из Женевы [ANF. AE VI 983. F. 1; Mézin, p. 36]. Их поселили в квартале за дворцом князя Меншикова на Васильевском острове, на улице, названной Французской¹⁰.

⁸ Списки этой группы хранятся в Национальной библиотеке Франции [BNF. Ms fr 7801. F. 395–400, Avr. 1716] и в Национальном архиве Франции [ANF. O I 1087. F. 150–152 \$ K 1352. N° 69, 70]. Список см.: [Mézin, p. 35].

⁹ Эти письма частично опубликованы Русским историческим обществом. См.: [Сб. ИРИО, т. 34, 40, 49].

¹⁰ Кроме того, в 1717 г. в Россию прибыли 17 французов самых разных профессий, из них один преподаватель философии, бежавший из Франции 30 лет назад, то есть скорее всего гугенот [Сб. ИРИО, т. 34, с. 226].

Как завербовать и как удержать специалиста?

До 1696 г. иностранцы приезжали в Россию по трем-четырем старым «накатанным» схемам: по дипломатическим каналам, по собственной инициативе (почти все торговцы, некоторые предприниматели и ремесленники, отдельные служилые люди), по приглашительным письмам двора (лица уровня Лефорта могли проявлять в этом вопросе и самостоятельность) и в рамках кампаний найма, которые периодически проводило правительство для решения военных или технических задач¹¹.

У этих каналов перемещения специалистов была одна характерная особенность – отсутствие полноправных договоров найма: люди ехали, уповая исключительно на милость государеву. Отчасти исключение составляло приглашение на службу. Здесь, как, например, при найме голландцев для строительства дединовской флотилии или лекарей в 1696 г. (Жан Бернар, Варфоломей Брюн), контракты были вполне полновесными [Выписка из подлинного дела]. Другой вопрос – обязательность их выполнения московской стороной. К концу XVII в. Московия в Европе получила славу страны, в которую можно было приехать на службу, но которую трудно было покинуть и в которой не соблюдались условия контрактов. При ограниченной необходимости в специалистах эта схема позволяла удерживать тех, кто забрел в Россию случайно или готов был рискнуть, но делала невозможной сколько-нибудь регулярную и расширенную циркуляцию специалистов, не желавших ехать при таких условиях.

Возможно, впервые с массовым нежеланием ехать в Россию столкнулся дьяк Нефимонов в Вене в 1696 г. Он должен был пригласить венецианских галерных мастеров, а они требовали заключения договоров, авансов на дорогу, гарантий выплат жалованья в деньгах, а не в продуктах и товарах, свободного возвращения после окончания контракта. Их требования пришлось в целом выполнить. С этого момента Петру I стало ясно, что без системы контрактов о массовом найме речи быть не может. Эта система была осуществлена уже в ходе Великого посольства (1697–1698), хотя в эти же годы границу продолжали пересекать люди, ехавшие по «приглашениям» (в частности, Винуса, Лефорта, Гордона).

Важно было не просто завербовать, но и удержать иностранного специалиста, и с этим не все было в порядке. Некоторые из иностранцев, побывавших в России, распространяли сведения о том, насколько сложно было иностранцу сделать в России хорошую карьеру и как трудно было покинуть эту страну. Об этом писал в своей книге

¹¹ Самой массовой была кампания перед Смоленской войной 1632–1634 гг.; из более поздних можно назвать набор в 1667–1668 гг. К. Буковеном голландских корабельщиков для создания дединовской флотилии или В. Гордсеном в 1696 г. лекарей для армии.

бывший воспитатель царевича Алексея Мартин Нейгебауэр: инженер Ламот, полковник Жиронж и генерал Корренберг были уволены и вынуждены покинуть Россию, однако их задержали в Архангельске, поскольку, как писал М. Нейгебауэр, «из России нелегко отпускают офицеров из опасения, чтоб они потом не рассказывали о происходящем там» [Neugebauer, 1704a; Neugebauer, 1704b] (см. также: [Lichtenhan, p. 656]; цит. по: [Пекарский, с. 68]). Наиболее болезненной была проблема невыплаченного жалованья. Мастерам, вызванным в 1716–1717 гг., кроме тех, кто напрямую зависели от Леблона, по приезде в Россию нередко жалованье не выплачивали (см., например: [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3 (1716). Л. 22 об., 23, 23 об.]). Многие из них возвращались обратно во Францию.

Назначенный в 1714 г. морским агентом в Россию Анри Лави, ставший в 1717 г. консулом Франции в Петербурге, противодействовал утечке стратегически важных для Франции специалистов, ведь в России хотели создать фабрики по производству шпалер, шелка, зеркал, чем как раз и славилась Франция. В обязанности консула входили заботы о репатриации соотечественников, особенно тех, чье финансовое положение было критическим. В 1716 г., встревоженные вербовкой французозов для работы в России, которая представлялась им ширококомасштабной кампанией, французские власти засыпали Лави посланиями.

Утверждают, что царь нанял во Франции большое число рабочих и фабрикантов. Напишите мне, что Вам об этом известно, указав число, профессии и имена тех, что находятся в Петербурге, и тех, кто прибудет туда, –

приказывал ему маршал д'Эстре, который отвечал за морской флот в Полисинодии¹². И несколько недель спустя:

Мы знаем, что царь вывозит из Франции большое число рабочих, и что многим было дано разрешение на отъезд. Вы доставите мне удовольствие, послав мне список тех, кто уже приехал в Петербург, и тех, кто прибудет туда, как и рабочих, которые прибудут из Англии и других стран; в списке вы должны указать профессии всех этих рабочих [ANF. AE VI 982. F. 125. Maréchal d'Estrées. Paris. 21.09.1716].

Из прибывших в 1716 г., набранных Жаном Лефортом, 25 были уволены уже в конце 1717 г. По словам Лави, русское дворянство было недовольно большим жалованьем, которое им было назначено. Однако скорее всего такие увольнения объясняются тем, что некоторые иностранцы не удовлетворяли предъявляемым им требованиям, а их компетенцию далеко не всегда можно было проверить во время вербовки, да и вербовщики были заинтересованы в найме большого числа специалистов. В России приходилось устраивать «разборы»,

¹² То есть в коллегиальном совете регенства [ANF. AE VI 982. F. 101. Maréchal d'Estrées. Paris. 13.07.1716].

в результате которых многих отправляли восвояси. Так происходило не только с ремесленниками разных специальностей, но и с представителями других профессий. В частности, известно об увольнении после Прутского похода ряда иностранных офицеров, включая тех, кто находились в высших чинах.

Некоторые французы были доведены до полунищенского состояния. А. Лави пользовался этим, чтобы репатриировать их. Интересно его письмо 1720 г., повествующее о судьбе нескольких десятков французских мастеров. Он сообщает, что посадил на корабль для отправки во Францию 30 французов. Были и другие, кто хотели вернуться на родину, но им не отдавали паспорта. Из письма также понятно, что некоторые рабочие перебрались в Москву, возможно, в поисках работы. Им долго не платили, они оказались в долговых обязательствах, некоторые были арестованы. Консул вступился за них, что привело к их освобождению. Хорошее жалованье получали те, кто находился на царской службе. Но некоторых из них уволили раньше срока, хотя и заплатив исправно. Его царское величество, думал Лави, скорее всего, был не в курсе всех этих махинаций [ANF. AE B-1-983. Письмо от 1 января 1720 г.]. В апреле и мае 1720 г. Лави созвал общее собрание французской «колонии» Петербурга, на тот момент она составляла всего около 30 человек [Mézin, p. 38]. Французские дипломаты и далее продолжали соревноваться с агентами царя: между началом 1724 и мартом 1725 г. поверенный в делах Франции в России Кампредон отослал обратно во Францию более 40 французов – поваров, кондитеров, печатников, резчиков, переплетчиков, жарильщиков и т. д.¹³ Немногие оставшиеся, такие как скульптор Пино, художник Каравак или мастер по производству шелка Сибер, были французскими дипломатами зачислены в «плохие подданные» (*mauvais sujets*).

Царь, очевидно, был в курсе существовавших проблем. Желание что-то им противопоставить вызвало к жизни указ от 6 ноября 1723 г., предусматривавший расследование в случае отъезда иностранных ремесленников, с тем, чтобы удостовериться, что причиной не было ущемление их прав российскими чиновниками. В указе говорилось:

А буде который сам похочет, такого прежде отпуску объявить в Коллегии, где его Коллегии допросить: волею ль он отъезжает и нет ли, или не было ль ему какой тесноты, и доволен ли он отъезжает? и буде скажет доволен, и оного отпустить. Буде же скажет, что какую противность или недовольство, или хотя не скажет, но вид даст недовольства, о том коллегии накрепко розыскать, и жестоко наказать, и тщиться его где употребить, а не отпускать. Буде же весьма не захочет жить, то отпустить с совершенным удовольствием, дабы приехав жалобы не имел, что их худо трактуют, и тем бы впредь вывоз мастеров не пресечен был [Систематический свод законов, т. 6, с. 4].

¹³ Их имена см.: [Mézin, p. 38].

* * *

Хотя и в допетровское время целевой набор специалистов в Европе практиковался Россией, по частотности и масштабности он не может сравниться с тем, что проводился при Петре. Изменилась атмосфера, в которой происходила вербовка: уже не наблюдалось явного религиозного антагонизма и поддержанных высшими властями попыток склонить иноверцев в православие. У иностранных специалистов, как показывает пример франкоязычных, разделенных на две конфессии, теперь была возможность совершать свои богослужения. Конечно, она существовала и до Петра, однако периодически иноверцы сталкивались с открытым противодействием как православной церкви, так и светских властей Московии, как в 1650-х гг., когда иноверческие церкви были вынесены за пределы Москвы. Была создана, хотя и не сразу, договорная основа для приезда и работы иностранцев в России, что сделало возможным их массовый набор. Возможности трудоустройства, получения хорошего заработка, наконец, карьерного роста, предоставленные многим западным специалистам, способствовали развитию их найма на невиданном до того уровне.

Если же говорить конкретно о франкоязычных специалистах, то их вербовка шла несколькими путями. Набор швейцарцев фактически происходил по цепочке – первые оказавшиеся в России эмигранты из Швейцарии, прежде всего сам Франсуа Лефорт, вызывали своих соотечественников, зачастую родственников. Ряд специалистов был завербован в Голландии и в других странах Северной Европы, как во время Великого посольства, так и в последующие годы. Прежде всего это были протестанты, покинувшие Францию после отмены Нантского эдикта. Однако за пределами Франции в то время оказалось также немало католиков в силу интенсивной географической мобильности французов во «французской Европе». Так, ряд французских военных и инженеров перешли на русскую службу из Польши, где многие французы служили польскому королю. Целенаправленный набор французских специалистов стал возможен только в преддверии визита Петра I во Францию в 1717 г. В это время в России оказался самый большой их контингент.

Усилия российских властей, тративших немало денег на вербовку иностранцев, не всегда приносили желаемый результат, в некоторых случаях они сталкивались с рядом проблем на местах. Этой ситуацией не преминули воспользоваться французские агенты в России, сводя на нет многолетние труды по привлечению иностранных специалистов в Россию. Несмотря на это, французы – наряду со многими другими иностранцами – внесли уже в это время значительный вклад в преобразование русского общества в самых разных областях, начиная с военного дела, инженерного искусства и кончая разными строительными профессиями. В это время в России еще ред-

ко можно было встретить представителей профессий, связанных с предоставлением услуг аристократии, таких как парикмахер, повар, учитель, портной, которые станут массовым явлением в более позднюю эпоху, начиная с середины XVIII в., когда вкус ко всему французскому распространится в среде российского дворянства вместе с французским языком¹⁴.

Список литературы

Бойко С. М. Правовые основы привлечения иностранных специалистов на российскую службу (XVIII век) // Право и образование. 2001. № 3. С. 166–178.

Выписка из подлинного дела о строении в селе Дединове корабля Орла и других мореходных судов, 19.06.1667–30.03.1667 // Дополнения к Актам историческим : в 12 т. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. 5. С. 211–216.

Гузевич Д. Ю. Захоронения Лефорта и Гордона: могилы, кладбища, церкви : Мифы и реалии. СПб. : Европ. дом, 2013. 366 с.

Гузевич Д. Ю. Кентавр, или К вопросу о бинарности русской культуры. М. : АИРО-XX, 2000. 78 с.

Гузевич Д. Ю. Снова о захоронении Лефорта и Гордона, или Статья в стиле контррецензии // Петровское время в лицах – 2017 : материалы науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 93–103. (Сер. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 90).

Корб И. Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гваринта, посла императора Леопольда I, к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 21–258.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. : Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

Опарина Т. А., Орленко С. П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещенных иноземцев» // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб. : Тип. тов-ва «Обществ. польза», 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. 596 с.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб. : Сенат. тип., 1904. III + [1] + 382 + [2] + 11 с.

ПСЗ-1 : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1830.

РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. 1720. Д. 41.

РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1619. Д. 4; 1651. Д. 12; 1652. Д. 7; 1671. Д. 4; 1701. Д. 14; 1703. Д. 12; 1703. Д. 26; 1716. Д. 3; 1717. Д. 10.

РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 106.

Ржеуцкий В., Гузевич Д. Иностранные специалисты в Петровской России: выходы из Франции и франкоязычной Швейцарии (готовится к печати).

Россия – Франция. Век Просвещения : Русско-французские культурные связи в 18 столетии : каталог выставки. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1987. 304 с.

Сб. ИРИО. Т. 34. Донесения французских посланников и поверенных в делах [...] / под наблюдением А. А. Половцова, А. Ф. Бычкова и Г. Ф. Штендмана. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1881. XLVII + 560 + [3] с. Т. 40. Донесения французского консула в Петербурге Лави [...] / под наблюдением Г. Ф. Штендмана. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. XIII + LXXXII + 498 с. Т. 49. Донесения французского консула в Петербурге Лави [...] / под наблюдением Г. Ф. Штендмана. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. LXIX + 427 с.

¹⁴ О распространении французского языка в России см.: [French and Russian in Imperial Russia]. См. также: [Offord, Rjéoutski, Argent].

Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого : в 10 ч. СПб. : Шнор, 1787. Ч. 2. С. 186–190.

Систематический свод существующих законов Российской империи : в 15 т. СПб. : Тип. Комиссии составления законов, 1818. Т. 6. 379 с. (Ч. 1. Т. 5, доп.).

Флоря Б. Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. М. : Искусство, 1980. С. 12–18.

Форстен Г. Бранденбург и Москва 1688–1700 гг. // ЖМНП. Ч. 362. 1905. С. 61–87.

Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV – XVII вв. : дис. ... докт. ист. наук : в 2 т. М. : [Б. и.], 2014. Т. 1. 398 с.

Amburger E. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert. Wiesbaden : Otto Harrasowitz, 1968. 200 S.

ANF. AE B-1-983; AE BI 982; AE BI 982; AE BI 983; O I 1087; K 1352. No. 69, 70. BNF. Ms fr 7801.

French and Russian in Imperial Russia : in 2 Vols. / Eds. D. Offord, L. Ryazanovva-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh : EUP, 2015. 266 + 288 p.

Gouzevitch I. De la Moscovie à l'Empire russe: le transfert des savoirs européens // SABIX. 2003. No. 33. Palaiseau : Ed. Bulletin de la SABIX, 2003. 153 + [3] p.

Gouzevitch I. Le transfert du savoir technique et scientifique et la construction de l'Etat russe. Fin du XVe – début du XIXe siècles : thèse de doct. en hist. des techn. Université de Paris VIII : 2 t. Paris : [S. n.], 2001. 932 p.

Hornung E. Emigration and the Diffusion of Technology: The Huguenot Diaspora in Prussia // IFO Working Paper No. 114. Nov. 2011. 46 p. URL: www.cesifo-group.de/DocDL/IfoWorkingPaper-114.pdf (mode of access: 03.11.2013).

Jersch-Wenzel S. Juden und «Franzosen» in der Wirtschaft des Raumes Berlin/Brandenburg zur Zeit des Merkantilismus. Berlin : Colloquium Verlag, 1978. 290 S.

Kämmerer J. Russland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert (1689–1789). Wiesbaden : Harrasowitz, 1978. (Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa 13). 181 S.

Lichtenhan F.-D. Pierre Le Grand : Le premier empereur de toutes les Russies. Paris : Éd. Tallandier, 2015. 688 p.

Medvedkova O. Jean-Baptiste Le Blond. Paris : Alain Baudry et Cie, 2007. 359 p.

Mézin A. Les consuls de France au Siècle des Lumières (1715–1792). Paris : Ministère des Affaires étrangères ; Direction des Archives et de la documentation, 1995. 974 p.

Mézin A. Présence française en Russie au XVIIIe siècle, d'après les papiers du consulat de France à Saint-Petersbourg: Diplôme présenté par Anne Mezin, sous la dir. de Monsieur Jean Chagniot / École Pratique des Hautes Études, 4e section. Paris : [S. n.], 1999. 736 p.

Neugebauer M. Schreiben Eines Vornehmen Deutschen Officirers, An eines Geheimen Raht Eines Hohen Potentaten, Wegen der üblen Handthierung der frembden Officirer, so die Moscowiter in ihre Dienste locken. S. 1. : [S. n.], 1704. 8 p.

Neugebauer M. Vertrautes Schreiben eines vornehmen Teutschen Officiers an eines gewissen hohen Patentates Geheimen Rath, von den jetzigen Coniuncturen in Moscau. S. 1. : [S. n.], 1705. 44 p.

Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia : A Social, Cultural, Political and Literary History. Amsterdam : AUP. (В печати).

Robert G. La Révocation de l'édit de Nantes et les professions de santé // Histoire des Sciences médicales. T. 17. № 2. 1983. P. 181–187.

Veulin V. E. Les Lyonnais et la Russie au siècle dernier. Lyon : Impr. Mougins-Rusand, 1896. 21 p.

References

Amburger, E. (1968). *Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert*. Wiesbaden, Otto Harrasowitz. 200 S.

ANF. AE B-1-983; AE BI 982; AE BI 982; AE BI 983; O I 1087; K 1352. No. 69, 70.

BNF. Ms fr 7801.

Boiko, S. M. (2001). Pravovye osnovy privlecheniia inostrannykh spetsialistov na rossiiskuiu sluzhbu (XVIII vek) [Legal Basis for Attracting Foreign Specialists to the Russian Service (18th Century)]. In *Pravo i obrazovanie*. No. 3, pp. 166–178.

Chernikova, T. V. (2014). *Protsess evropeizatsii v Rossii vo vtoroi polovine XV – XVII vv.* [The Process of Europeanisation in Russia between the Second Half of the 15th and 17th Centuries]. Dis. ... dokt. ist. nauk. v 2 t. Vol. 1. Moscow, S. n. 398 p.

Florya, B. N. (1980). Russkie posol'stva v Italiyu i nachalo stroitel'stva Moskovskogo Kremlya [Russian Embassies in Italy and the Beginning of the Construction of the Moscow Kremlin]. In *Iskusstvo Moskvy perioda formirovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva*, Moscow, Iskusstvo, pp. 12–18.

Forsten, G. (1905). Brandenburg i Moskva 1688–1700 gg. [Brandenburg and Moscow in 1688–1700]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 362, pp. 61–87.

Gouzévitch, I. (2001). *Le transfert du savoir technique et scientifique et la construction de l'Etat russe. Fin du XIe – début du XIXe siècles*: Thèse de doct. en hist. des techn. Université de Paris VIII. 2 t. Paris S. n. 932 p.

Gouzévitch, I. (2003). De la Moscovie à l'Empire russe: le transfert des savoirs européens. In *SABIX*. 2003. No. 33. Palaiseau, Ed. Bulletin de la SABIX. 153 + [3] p.

Guzevich, D. Yu. (2000). *Kentavr ili k voprosu o binarnosti russkoi kultury* [Centaur, or the Question of the Binary Nature of Russian Culture]. Moscow, AIRO-XX. 78 p.

Guzevich, D. Yu. (2013). *Zakhoroneniia Leforta i Gordona: mogily, kladbishcha, tserkvi. Mify i realii* [Le Fort's and Gordon's Graves: Graves, Cemeteries, Churches. Myths and Realities]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 366 p.

Guzevich, D. Yu. (2017). Snova o zakhoroneni Leforta i Gordona, ili Stat'a v stile kontrtsetsenzii [Once again on the Graves of Le Fort and Gordon, or an Article in the Form of a Counter-review]. In *Petrovskoe vremia v litsakh – 2017. Materialy nauchnoi konferentsii*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 93–103. (Seriya Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 90).

Hornung, E. (2011). Emigration and the Diffusion of Technology: The Huguenot Diaspora in Prussia. In *Ifo Working Paper*. No. 114. Nov. 2011. 46 p. URL: www.cesifo-group.de/DocDL/IfoWorkingPaper-114.pdf (mode of access: 03.11.2013).

Jersch-Wenzel, S. (1978). *Juden und „Franzosen“ in der Wirtschaft des Raumes Berlin/Brandenburg zur Zeit des Merkantilismus*. Berlin, Colloquium Verlag. 290 S.

Kämmerer, J. (1978). *Russland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert (1689–1789)*. Wiesbaden, Harrassowitz. 181 S.

Korb, I. G. (1997). Dnevnik puteshestviia v Moskovskoe gosudarstvo Ignatii Khristofora Gvarienta, posla imperatora Leopolda I k tsariu i velikomu kniazuiu Petru Alekseevichu v 1698 g., vedennyi sekretarem posolstva Iogannom Georgom Korbom [The Travel Diary to the Moscow State of Ignatius Christopher Guarient, Ambassador of Emperor Leopold I, to Tsar and Grand Duke Peter Alekseevich in 1698, Kept by the Secretary of the Embassy, Johann Georg Korb]. In *Rozhdenie Imperii*. Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 21–258.

Liechtenhan, F.-D. (2015). *Pierre Le Grand: Le premier empereur de toutes les Russies*. Paris, Éd. Tallandier. 688 p.

Medvedkova, O. (2007). *Jean-Baptiste Le Blond*. Paris, Alain Baudry et Cie. 359 p.

Mézin, A. (1995). *Les consuls de France au Siècle des Lumières (1715–1792)*. Paris, Ministère des Affaires étrangères, Direction des Archives et de la documentation. 974 p.

Mézin, A. (1999). *Présence française en Russie au XVIIIe siècle, d'après les papiers du consulat de France à Saint-Petersbourg*: Diplôme présenté par Anne Mezin, sous la dir. de Monsieur Jean Chagniot / École Pratique des Hautes Études, 4e section, Paris, S. n. 736 p.

Neugebauer, M. (1704). *Schreiben Eines Vornehmen Deutschen Officiers, An eines Geheimen Raht Eines Hohen Potentaten, Wegen der üblen Handthierung der frembden Officirer, so die Moscoviter in ihre Dienste locken*. S. l., S. n. 1705. 8 p.

Neugebauer, M. (1705). *Vertrautes Schreiben eines vornehmen Deutschen Officiers von den jetzigen Conjuncturen in Moscow*. S. l., S. n. 44 p.

Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (in print). *The French Language in Russia: A Social, Cultural, Political and Literary History*. Amsterdam, AUP.

Offord, D., Ryazanova-Clarke, L., Rjéoutski, V., Argent, G. (Eds.). (2015). *French and Russian in Imperial Russia*. 2 Vols. Edinburgh, EUP. 266 + 288 p.

Oparina, T. A. (2007). *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia between the 16th and 17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow, Progress-Traditsiya. 384 p.

Oparina, T. A., Orlenko, S. P. (2005). Ukazy 1627 i 1652 godov protiv “nekreshchennykh inozemtsev” [Decrees of 1627 and 1652 against ‘Unbaptised Strangers’]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 22–39.

Pekarskii, P. P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom v 2 t.* [Science and Literature in Russia under Peter the Great. 2 Vols.]. Vol. 1. Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII stoletiya. St Petersburg, Obshestvo Tipografiya Tovarishchestva “Obshestvennaya pol’za”. 596 p.

Pis’ma i donesenii iezuitov o Rossii kontsa XVII i nachala XVIII veka [Letters and Reports of Jesuits about Russia in the Late 17th and Early 18th Centuries]. (1904). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. III + [1] + 382 + [2] + 11 p.

PSZ-1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Edition. 45 Vols.] (1830). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Documents]. Stock 150. List 1. 1619. Dos. 4; 1651. Dos. 12; 1652. Dos. 7; 1671. Dos. 4; 1701. Dos. 14; 1703. Dos. 12; 1703. Dos. 26; 1716. Dos. 3; 1717. Dos. 10.

RGAVMF [Russian State Archive of the Navy]. Stock 212. List 1. 1720. Dos. 41.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 495. List 1. Dos. 106.

Robert, G. (1983). La Révocation de l’édit de Nantes et les professions de santé. In *Histoire des Sciences médicales*. Vol. 17. No. 2, pp. 181–187.

Rossiya-Frantsiya: Vek Prosveshcheniya: Russko-frantsuzskie kul’turnye svyazi v 18 stoletii. Katalog vystavki [Russia – France. The Age of the Enlightenment: Russian-French Cultural Connections in the 18th Century. Exhibition Catalogue]. (1987). Leningrad, Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 304 p.

Rzheutskii, V. S., Guzevich, D. Yu. (t/a). *Inostrannye spetsialisty v Petrovskoi Rossii: vykhodtsy iz Frantsii i frankoyazychnoi Shveysarii* [Foreign Specialists in Petrine Russia: People from France and Francophone Switzerland].

Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [A Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Polovtsev, A. A., Bytchkov, A. F., Shtendman, G. F. (Eds.). (1881). Vol. 34. Doneseniia frantsuzskikh poslannikov i poverennykh v delakh [Reports of French Envoys and Cargées d’Affaires]. St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. XLVII + 560 + [3] p. Stendman, G. F. (Ed.). (1884). Vol. 40. Doneseniia frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi [Reports of La Vie, French Consul in St Petersburg]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XIII + LXXXII + 498 p. Shtendman, G. F. (Ed.). (1885). Vol. 49. Doneseniia frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi [Reports of La Vie, French Consul in St Petersburg]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. LXIX + 427 p.

Sistematicheskii svod sushchestvuyushchikh zakonov Rossiiskoi imperii v 15 t. [Systematic Code of Existing Laws of the Russian Empire]. (1818). Vol. 6. (Part 1. Vol. 5, Add.) St Petersburg, Tipografiya Komissii sostavleniya zakonov. 379 p.

Tumanskii, F. (1787). *Sobranie raznykh zapisok i sochinenii, sluzhashchikh k dostavleniyu polnogo svedeniya o zhizni i deyaniyakh Gosudarya Imperatora Petra Velikogo* [Collection of Various Notes and Essays, Serving to Bring Complete Information about the Life and Deeds of Emperor Peter the Great. 10 Parts]. Part 2. St Petersburg, Shnor, pp. 186–190.

Veucelin, V. E. (1896). *Les Lyonnais et la Russie au siècle dernier*. Lyon, Impr. Mougin-Rusand. 21 p.

Vypiska iz podlinnogo dela, o stroenii v sele Dedinove korablia Orla i drugikh morek-hodnykh sudov, 19.6.1667–30.3.1667 [Extract from the Original Case of the Building in the Village of Dedinovo of the *Oryol* Frigate and Other Seagoing Vessels, 19.06.1667–30.03.1667]. (1853). In *Dopolneniia k Aktam istoricheskim v 12 t.* Vol. 5. St Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, pp. 211–216.

The article was submitted on 18.09.2017

DOI 10.15826/qr.2018.1.284

УДК 94(470)"17"+35.077.1(09)+929Петр(470)*I+930.2

**РОЛЬ БАРОНА А. Х. ЛЮБЕРАСА
В КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ РЕФОРМЕ ПЕТРА I:
НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ***

Артур Мустафин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**NEW INFORMATION ABOUT BARON
A. CH. LUBERAS AND HIS ROLE IN THE COLLEGIATE
REFORM OF PETER I****

Arthur Mustafin

Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Baron Ananias Christian Pott von Luberas, who served as the vice-president of the Collegium of Mining and Manufacturing, was the author of a significant number of drafts and notes. In the historiography, his role in the collegiate reform has received controversial assessments, although most of his writings have not been the focus of research. This article is based on a wide range of archival sources from the funds of AFPRE (AVPRI), RSAAA (RGADA), and DM RSL (OR RGB). The author managed to identify new documents that contain previously unknown facts about the biography of Luberas. A textual analysis of the identified copies of his works enables the author to conclude that his projects were translated only in the mid-1770s. A comparative analysis of the legislation of the Petrine era and Luberas' projects shows that his ideas influenced the establishment of systems for collegiate paperwork and for relationships between collegia and other institutions, rather than the drawing up of the regulations of Peter's collegia. There is no reason to either deny the influence of the baron's ideas on the

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г. Автор выражает благодарность И. И. Федюкину, Г. О. Бабковой.

** *Citation:* Mustafin, A. (2018). New Information about Baron A. Ch. Luberas and his Role in the Collegiate Reform of Peter I. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 99–113. DOI 10.15826/qr.2018.1.284.

Цитирование: Mustafin A. New Information about Baron A. Ch. Luberas and his Role in the Collegiate Reform of Peter I // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 99–113. DOI 10.15826/qr.2018.1.284 / Мустафин А. Роль барона А. Х. Любераса в коллегиальной реформе Петра I: новые документы // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 99–113. DOI 10.15826/qr.2018.1.284.

reforms of Peter I or to consider it as being overly significant, since there are no documents about the discussion of Luberas' writings in the Senate, collegia, commissions, and generally among political elites. At the same time, these works are interesting not only in connection with discussions about the influence of foreign experience on the reforms of Peter I, but also in the context of the history of social thought in Russia. The quite voluminous discourses by Luberas contain many ideas, which, although never realised in Peter's time, became relevant later. Thus, his notes and projects expand established ideas about the history of statistics in Russia. The paper demonstrates that the main issue Luberas focused on was the organisation of accounting and the collection of statistical information.

Keywords: Peter I's reforms; collegiate paperwork; collegia; Ananias Luberas; Johann Luberas; Heinrich Fick; A. A. Kurbatov.

Барон Ананиас Христиан Потт фон Люберас, служивший вице-президентом Берг-мануфактур-коллегии, является автором значительного числа проектов и записок. В историографии его роль в коллегиальной реформе Петра I оценивается противоречиво, а большая часть его сочинений осталась вне внимания научного сообщества. Представленная работа основана на широком круге архивных источников из фондов АВПРИ, РГАДА, ОР РГБ. В частности, удалось выявить новые документы, сведения которых сообщают не известные ранее факты о биографии А. Х. Любераса. Текстологический анализ выявленных списков его сочинений позволил сделать вывод, что его проекты были переведены только в середине 1770-х гг. Сравнительный анализ проектов А. Х. Любераса и законодательства Петровской эпохи показывает, что его идеи повлияли не столько на составление регламентов петровских коллегий, сколько на учреждение в России системы коллежского делопроизводства, взаимоотношения между коллегиями и другими институтами государственной власти. Нет оснований отрицать влияние идей барона на реформы Петра I, как и признать его существенным, поскольку пока не известны какие-либо документы, свидетельствующие об обсуждении сочинений Любераса, его регламентов в Сенате, коллегиях, комиссиях и вообще в среде политической элиты. Вместе с тем, эти сочинения вызывают интерес не только в связи с дискуссиями о влиянии иностранного опыта на преобразования Петра I, но и в контексте истории общественной мысли в России. Весьма пространные рассуждения А. Х. Любераса содержат немало идей, которые хотя и не были реализованы в то время, позднее стали актуальными. В частности, его записки и проекты расширяют устоявшиеся представления об истории статистической мысли в России. Показано, что главная проблема, на которую обращал внимание А. Х. Люберас, это организация учета и сбора статистических сведений в России.

Ключевые слова: реформы Петра I; коллежское делопроизводство; коллегии; Ананиас Люберас; Иоганн Люберас; Генрих Фик; А. А. Курбатов.

Барон Ананиас Христиан Потт фон Люберас (ок. 1651–1722) – один из самых плодотворных «проектировщиков» Петровской эпохи. Большая часть его проектов (31), касающихся именно коллегиального устройства Российского государства, были переведены на русский язык в XVIII столетии [РГАДА. Ф. 16, Оп. 1. Д. 171; Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. 6; РГБ ОР. Ф. 178. Д. 2847]. Однако историкам фактически известно содержание только двух его записок, которые позволяют ознакомиться «в общих чертах с тем образцом, который предстояло ввести в России» [Милюков, с. 429–430], а также с проектом регламента Берг-коллегии, вице-президентом которой и являлся А. Х. Люберас. Остальные его сочинения – «регламенты» и «учреждения», написанные им для каждой коллегии и конторы, остаются вне поля исследовательского внимания. Ограничиваясь столь скудными сведениями о бароне и его идеях, историки совершенно по-разному оценивали его роль в коллегиальной реформе Петра I. Обратившись к анализу забытых текстов, а также не известных ранее документов, попытаемся ответить на вопросы о судьбе Любераса и его проектов в России.

Впервые на сочинения барона обратил внимание Э. Н. Берендтс [Берендтс]¹. Обильно цитируя подготовленное Люберасом в 1719 г. «Всепоподданнейшее разсуждение о исправленном короля Каролуса XI шведском государственном домостроительстве...», историк познакомил читателя с рассуждениями барона об основных функциях коллегий². При этом он замечал, что Люберас «вполне самостоятельно отнесся к Шведскому образцу, с другой же стороны, мы не видим и сходства с петровскими коллегиями, учрежденными за год тому назад» [Там же, с. 7]. Вместе с тем, историк обратил внимание на то, что в своем проекте барон «ни одним словом не упоминает» Сенат, но о Тайном совете «часто говорит, не входя в подробное рассуждение его роли и значения» [Там же, с. 18]. К сожалению, Э. Н. Берендтс посчитал, что «входить подробно в рассмотрение каждого отдельного регламента и устава невозможно, это потребовало бы слишком много времени»³ [Там же, с. 20]. При этом он сделал необоснованное заключение: «содержание этих регламентов и уставов почти совсем сходно с регламентами, находящимися в ПСЗ» [Там же], то есть настаивал на том, что барон Люберас сыграл главную роль в коллегиальной реформе Петра I.

---

¹ Э. Н. Берендтс обнаружил переводы сочинений Любераса в Архиве Кодификационного отдела Государственного совета. Как удалось установить, ныне этот список находится в фонде «Комиссия о сочинении Нового Уложения» Российского государственного архива древних актов [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. 6. Л. 1–146].

² Люберас составил «генеральные регламенты» для Камер-, Берг-, Юстиц-, Мануфактур-, Коммерц-, Полицейской, Экономической, Дирекционной, Адмиралтейской, Военной коллегий и Коллегии иностранных дел. Также им написаны «регламенты» для находившихся в ведении Камер-коллегии Конторы дворцовых волостей, Таможенной камеры, Провиантской конторы, Штатс-конторы, Конторы государственных доходов, Ревизион-конторы.

³ Объем переведенных текстов Любераса составляет 6,5 авторских листа.

Практически одновременно с Э. Н. Берендтсом к текстам барона обратился П. Н. Милюков⁴. Однако в центре внимания историка оказалась только «Реляция о учрежденной королем Каролусом XI форме шведскаго государственнаго правления...», а также упомянутое «Всепоподданнейшее разсуждение...» [Милюков, с. 429–435]. Скромно представленный анализ регламентов Коммерц-, Берг-, Мануфактур-коллегий, сочиненных Люберасом, скорее позволил П. Н. Милюкову заявить, нежели доказать существование следов влияния идей барона на составление итоговых регламентов этих коллегий [Там же, с. 449–451]. Сдержанную оценку роли Любераса в реформе Петра I историк объяснял тем обстоятельством, что барон представил свои проекты «черезчур поздно» и лично «не имел ближайшего участия» в составлении регламентов петровских коллегий, за исключением Берг- и Мануфактур-коллегии [Милюков, с. 428–429].

Э. Н. Берендтс и П. Н. Милюков оказали такое заметное влияние на историографию проблемы, что в исторической литературе деятельность барона Любераса оценивалась, как правило, на основе сведений, представленных в их работах [Павлов-Сильванский, с. 65–66 (4-я паг.); Бабурин, с. 52–53; Некрасов, с. 342–343; Анисимов, с. 113–114; Козлова, с. 78–82; Leontief, р. 245–246 и др.]. Обратившийся же к архивным материалам Н. И. Павленко стремился доказать «несостоятельность утверждений буржуазных историков о влиянии иностранных правоведов на организацию» Берг-коллегии в России [Павленко, с. 161]. К. Петерсон, хотя также обратился к анализу архивных материалов, сконцентрировал свое внимание на тех же сочинениях барона, что и Милюков [Peterson, р. 82, 318, 375]. Особого внимания заслуживает работа советского историка Н. А. Воскресенского «Петр Великий как законодатель», изданная в 2017 г. Автор монографии раскритиковал П. Н. Милюкова за преувеличение роли А. Х. Любераса в законодательном процессе⁵. Критика Н. А. Воскресенского основывалась на строгом методологическом подходе к определению источников правотворчества Петра I [Воскресенский, 2017, с. 463]. Так, историк писал, что те нормы Берг-привилегии, на которых акцентировал внимание П. Н. Милюков, «были установлены еще при Алексее Михайловиче» [Там же, с. 559]. С одной стороны, заметим, что Н. А. Воскресенский так и не познакомил читателя собственно с идеями Любераса. К сожалению, в монографии последнее упоминание о нем звучит так: «...более подробно о Люберасе и его влиянии [на] выработку русских законов скажем немного ниже» [Там же]. С другой стороны, крупнейший знаток петровского законодательства был небеспристрастен: в его работах явно отражалось пиететное отноше-

⁴ П. Н. Милюков работал с оригинальными текстами А. Х. Любераса, написанными на немецком языке. Ныне эти документы находятся в фонде «Архив барона Любераса» АВПРИ.

⁵ Заметим, что Н. А. Воскресенский не был знаком с упомянутой работой Э. Н. Берендтса, который, бесспорно, преувеличивал значение проектов барона.

ние к личности Петра I и его государственной деятельности [Серов, р. 224]. Поэтому мы не можем полагать, что Н. А. Воскресенский поставил точку в дискуссиях о роли Любераса.

В ходе исследования удалось выявить новые свидетельства о биографии Любераса – в сенатских делах [РГАДА. Ф. 248. Кн. 654. Л. 112-174; Кн. 521. Л. 83-84] и неизвестной ранее записке о наследниках умершего Любераса-сына [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910]. Барон «родился [на] Шлойской земле» (в Силезии) [РГАДА. Ф. 248. Кн. 654. Л. 112]. Он служил в Швеции «капитаном и женился на лифляндской дворянке, с которою прижил два сына и дочь» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1]. В Лифляндии же он «католический закон оставил, а принял лютеранской» [Там же. Л. 1 об.]. После смерти жены вскоре он уволился со шведской службы и отправился в Силезию, а «те два сына на их собственную фартуну оставил» [Там же. Л. 1]. Старший сын Иоганн выслужился до поручика в Дании, а затем стал служить в России. Встреча отца и сына произошла в 1717 г., когда Петр I послал Иоганна Любераса, уже инженер-полковника, в немецкую землю для поиска иностранных специалистов, готовых работать в России. К этому времени Люберас-отец пришел «в худое состояние»: его проекты не находили поддержки при чужих дворах. Иоганн посоветовал отцу, «чтоб оной по своей науке и искал фартун в России и сам о том старался» [Там же]. В это время Петр I находился в заграничной поездке (см.: [Редин, Серов]). В результате переговоров между ним и Люберасом-отцом, посредниками которых выступили его сын, П. И. Ягужинский и А. И. Остерман, они договорились о встрече в Голландии. Однако, по свидетельствам П. Н. Милюкова, барон лично встретился только с П. П. Шафировым [Милюков, с. 428]. Некоторые же исследователи настаивали на личной встрече Любераса-отца и Петра I [Берендтс, с. 5; Peterson, р. 81].

Так или иначе, 1 июля 1717 г. барона Любераса приняли на государственную службу, с одной стороны, «для учреждения и распоряжения коллегий» [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 4]. С другой стороны, ему повелели «быть у дел с генералом фельдцейхмейстером господином Брюсом в коллегии берг и мануфактур, писатца ему тайным советником» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 521. Л. 84]. В связи с этим ему было велено вместе с сыном окончить «порученные комиссии» – нанимать иностранцев для службы в коллегиях [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1]. Находясь на российской службе, он долгое время не получал жалование [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 46]. И, по всей видимости, это его вынудило занять деньги у «одново берлинского купца» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1]. Тем временем Люберас составлял проекты «регламентов» и «учреждений» для российских коллегий. С ними он и приехал в Санкт-Петербург в конце 1718 г. Написанные проекты Люберас передал царю, вероятно, через П. И. Ягужинского до его отъезда в Олонец, то есть до 19 января 1719 г. [Милюков, с. 429; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 92]. Но и позднее он продолжал сочинять

записки касательно коллегиального устройства. Барон Люберас так и не согласился обязаться служить вечно, а в марте 1720 г. принял присягу по особой форме: «ежели капитуляция моя ненарушимо содрана будет, а старость и слабость моя мне допустить, то я обязуюсь... еще 2 года... со всякою верностию и послушенством служить» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 654. Л. 119]. Находясь на российской службе около пяти лет и получая солидное годовое жалованье в 5 тыс. рублей, он «сколько мог дочери своей в Силезию посылал» деньги⁶ [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1]. Сын же его Иоганн после смерти барона в 1722 г. [Воскресенский, 2017, с. 109] «по претензии одново берлинского купца принужден был заплатить 6800 рублей», которые в 1717 г. у него занимал Люберас-отец [АВПРИ. Ф. 2, Оп. 1. Д. 2910. Л. 1].

Непросто сложилась судьба и у записок Любераса. Написанные бароном на немецком языке сочинения, по всей видимости, после его смерти находились у его сына генерал-аншефа Иоганна Людвига Любераса. После смерти Любераса-сына в 1752 г. сохранившиеся бумаги разобрал его ближайший помощник Абрам Ганнибал [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 114–118]. В результате документы были переданы в Коллегию иностранных дел, а затем в 1795 г. в архив [Архив, с. 53].

Удалось обнаружить три списка переводов «учреждений и регламентов» Любераса [РГАДА. Ф. 16, Оп. 1. Д. 171; Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. 6; РГБ ОР. Ф. 178. Д. 2847]. Э.Н. Берендтс полагал (неизвестно, правда, на основе каких сведений), что переведенные тексты появились в середине XVIII столетия [Берендтс, с. 6]. В архиве Сената удалось обнаружить комплекс проектов Любераса, с которым работали переводчики. В этой сенатской книге перед каждым его сочинением расположены листы с записью перевода названия проекта, указанием количества листов. Там же содержится зачеркнутая надпись: «разобрано в 1773 году», хотя чаще встречается указание только года [РГАДА. Ф. 248. Кн. 1078]. Это позволяет полагать, что переводы сочинений Любераса составлены в середине 1770-х гг. Заметим, что переводчиков записок было несколько, что подтверждается наличием вариантов при переводе терминологии⁷.

В совокупности как оригинальные тексты проектов Любераса, так и отчасти их переводы можно условно разделить на три группы. Прежде всего это сочинения барона, посвященные вопросам внешнеэкономической политики, организации торговли, горного и монетного дела Российского государства [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 63, 73, 92 и др.]. Только с некоторыми из них работал П.Н. Милюков, показавший приверженность их автора меркантилизму [Милюков, с. 393–396]. Основываясь на анализе поздних проектов Любераса, историк полагал, что барон сыграл заметную роль в процессе работы

⁶ К примеру, в 1719 г. средняя цена четверти ржи (около 8 пудов) в России достигла 1 руб. [Мустафин, 2017, с. 193].

⁷ К примеру, по разному переводили: «offizianten» – «чиновники» или «официанты» (!); «constitutorium» – «установление», «учреждение» или «конституция».

Берг-мануфактур-коллегии [Там же, с. 451, 521]. Безусловно, эти сочинения барона еще ждут своего исследователя.

Вторая группа источников – это генеральные регламенты и учреждения (установления) коллегий. В последних описывались цель и смысл существования организации и ее состав. Большинство этих документов не датированы, были переведены на русский язык позднее. Уставы же магистратам, Мануфактур-, Коммерц-коллегии остались непереведенными [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 77, 78, 79]. К этой группе источников целесообразно отнести и сочинения барона, которые повествуют об основных функциях коллегий и принципах административной реформы. Это упоминавшиеся выше «Реляция...» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 91–112 об.; АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 48] и «Всепопданнейшее разсуждение...» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 2–20 об.], а также «Письмо к государю Петру I...», перевод которого, вероятно, составлен современником – коллежским асессором Петром Миллером [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47]. Эти сочинения были составлены бароном уже после того, как он написал большинство проектов регламентов. Датировано только «Всепопданнейшее разсуждение...» 19 марта 1719 г.

Сравнение этих регламентов Любераса с официальными регламентами петровских коллегий не позволяет согласиться с Берендтсом, настаивавшим на их сходстве [Берендтс, с. 20]. Даже формальное сопоставление их структуры показывает, насколько проекты барона менее конкретизированы по сравнению с нормативными актами. Так, написанный им регламент для Адмиралтейской коллегии состоит из 15 пунктов [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60]. Однако только в первой главе первой части официального регламента этого учреждения выделено 112 параграфов [ПСЗ-1, т. 6, № 3937, с. 525–637]. Это, конечно, наиболее яркий пример. Но несколько схожая ситуация наблюдается и при сравнении других документов. В лучшем случае мы можем говорить только о следах влияния идей барона на составление официальных регламентов.

И наконец, рассмотрим группу проектов Любераса, в которых им выстраивалась система коллежского делопроизводства, взаимоотношений между коллегиями и другими институтами государственной власти. В ходе коллегиальной реформы данные аспекты государственного управления отразились главным образом в Генеральном регламенте 28 февраля 1720 г. [ПСЗ-1, т. 6, № 3534, с. 141–160]. Возможно, не случайно среди бумаг Любераса имеется одна из ранних редакций этого документа на немецком языке [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 51].

В первую очередь стоит обратить внимание на «Учреждение и регламент как поступать в содержании Государственной и Камор архиве и как хранить прочия канцелярския дела». В этом проекте Люберас предписывал коллежским служащим «при окончании каждого года всякия канцелярския дела с веденными об оных реестрами отдавать в надлежащий архив» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 88]. Все дела «о наших государственных доходах и приобретениях», то есть из Камер-, Коммерц- и Манифактур-коллегии, необходимо было сдавать в Камерный архив,

а дела остальных коллегий, губернских канцелярий и Тайного совета – в Государственный архив [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 88–88 об.]. Некоторая аналогия прослеживается при сравнении соответствующих пунктов этого документа и петровского Генерального регламента 1720 г., в котором также повелевалось «иметь два архива». В одном «под надзиранием ревизион-коллегии» необходимо было хранить дела, касающиеся прихода и расхода средств, а в другом «под надзиранием иностранных дел коллегии» – все остальные коллежские дела [ПСЗ-1, т. 6, № 3534, с. 156].

В этом и ряде других документов прослеживается пристальное внимание барона к организации работы с документами. «Вступающия подлинныя указы и документы, записав прежде в протокол и журнал, и внесши в книгу точную копию под номером и надписью, класть в шкафы порядочно» – одно из типичных его наставлений [Там же. Л. 87 об.]. В одном из проектов барона содержатся составленные им образцы ведомостей для каждой коллегии (см.: [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 56]).

Вопросам организации коллежского делопроизводства, точнее, корреспонденции посвящен «Генеральный регламент о чинении коллегиям и губернским канцеляриям между собою сношения». Барон обязывал при получении писем подтверждать «по первой почте» их получение «и предварительно о деле уведомлять столько, сколько тогда ему известно или сделано будет» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 85 об.]. При обсуждении же в Сенате 19 марта 1719 г. этой темы предписывалось «на все указы, когда где кто получит, на другой день тотчас отвечать, что оной принят, и по оному что мочно в какое время сделать, или чего не мочно и зачем» [Воскресенский, 1945, с. 228].

Но можно ли утверждать, что идеи Любераса оказали влияние на организацию коллежского делопроизводства и вообще на проведение коллегиальной реформы? Пока неизвестны какие-либо документы, свидетельствующие об обсуждении сочинений Любераса, его регламентов в Сенате, коллегиях, комиссиях и вообще в среде политической элиты. Не удалось обнаружить и каких-либо резолюций и помет в бумагах барона, подтверждающих факт, что кто-либо в правительстве был знаком с их содержанием. Исследователям удавалось только выявить (да и то в редких случаях) определенные аналогии между тем, что Люберас предлагал, и тем, что было реализовано. Однако нельзя исключить, что это просто совпадения. Необходима реконструкция всего законотворческого процесса изучаемого периода. То, что предлагал Люберас, вполне могло быть озвучено в сочиненных другими «прожекторами» записках, которые не сохранились до наших дней.

В литературе выявлены немногочисленные примеры, свидетельствующие о роли Любераса в коллегиальной реформе⁸. Однако труд-

---

⁸ Представляется, что наилучший пример – это влияние идей Любераса на выработку закона о присяге иноземцев на верность службы от 19 июня 1719 г. (см.: [Берендтс. с. 19; ПСЗ-1, т. 5, № 3392, с. 717]). Эта связь прослеживается более явно, когда мы обращаемся к черновым записям, созданным в Сенате 19 марта 1719 г. [Воскресенский, 1945, с. 227–228].

но согласиться с тем, что барон чересчур запоздал с подачей проектов и, соответственно, не сыграл заметной роли в преобразованиях административного устройства Российского государства [Милюков, с. 429; Некрасов, с. 342]. Заметим, что большинство своих сочинений Люберас представил в конце 1718 – начале 1719 г. Однако реформа государственного устройства продолжалась и в последние годы правления Петра I. Так, после 1720 г. последовала реорганизация Сената, некоторых контор и коллегий, а к моменту смерти императора не было регламентов у Военной, Юстиц- и Ревизион-коллегий [Анисимов, с. 161]. Продолжалась в начале 1720-х гг. работа с материалами Генриха Фика [Воскресенский, 1945, с. 95, 275], одного из главных творцов коллежской реформы [Реформы, с. 34, 53]. Также стоит обратиться к не известному ранее проекту Любераса об учреждении специальной комиссии, которой поручалось сочиненные регламенты заблаговременно направить в Сенат⁹ так, чтобы «неотменно к первому сроку 1720 года, как все коллегии, так губернские канцелярии и судебные места открыты были» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 22]. Можно предположить, что Люберас был знаком с указом Петра I от 11 декабря 1717 г. о том, что с 1720 г. коллегиям необходимо было управлять новым «маниром» [Воскресенский, 1945, с. 217]. Поэтому вряд ли стоит упрекать барона Любераса, представившего практически за год до этого свои проекты, в промедлении.

Фокус внимания при анализе сочинений Любераса был направлен главным образом на выявление степени влияния его идей на ход проведения коллегиальной реформы в России. Нет оснований отрицать влияние идей барона на реформы Петра I, как и признать его существенным. С одной стороны, Люберас опирался на опыт шведского «государственного домостроительства», с другой – неоднократно советовал учитывать сложившиеся в России порядки, «ибо никакой в свете план не может быть изобретен, который бы во всем положении другого государства мог быть соразмерен» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 19]. Этот сюжет, как мы видим, не столь актуален для дискуссий о влиянии иностранного опыта на преобразования Петра I, которые нередко приобретали «болезненную» форму и ложный «пафос борьбы за независимость» [Анисимов, с. 102].

Но обратим внимание, что при всей дискуссионности историографии реформ Петра I традиционным для подавляющего большинства исследований «является фокус на роли именно монарха как основной движущей силы преобразований» [Федюкин, 2014, с. 80]. В современной историографии не случайно стало актуальным изучение феномена прожектерства в России. В свете этого подхода, в частности, возможно любое институциональное изменение рассматривать как конкурентный процесс [Федюкин, 2015, с. 13]. Реконструкция

---

⁹ Только в регламенте этой комиссии упоминается российский Сенат, в том числе в оригинальном тексте [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 108].

взаимоотношений между советниками Петра I, в той или иной степени принявшими участие в коллегиальной реформе, требует специального изучения. Однако вряд ли оправданно будет полагать, что между А. Х. Люберасом и Г. Фиком была острая конкурентная борьба, в результате которой последний оказался победителем благодаря тому, что смог тайно вывезти из Швеции множество регламентов и инструкций. Заметим, что Генрих Фик выполнил успешно эту миссию уже в декабре 1716 г. [Прокопенко, с. 335–336]. Возникает вопрос, зачем тогда в середине 1717 г. Петр I нанимает Любераса, который вскоре получает задание подготовить проекты коллегий? Ответ, вероятно, связан с тем, что царя интересовали не только писанные законы передовых государств, но и сведения об их практиках, обычаях и порядках, «ибо всех циркумстанций никогда не пишут» [Воскресенский, 1945, с. 46]. И, как мы видим, его роль прослеживается не столько в составлении официальных регламентов петровских коллегий, сколько в становлении системы коллежского делопроизводства.

Не менее важно рассмотреть сочинения Любераса в контексте истории общественной мысли в России. Отечественные исследователи, сконцентрировав основное внимание на проблеме оригинальности идей русских мыслителей (см. об этом: [Каменский, с. 131–133]), в заметно меньшей степени интересовались сочинениями российских иноземцев (на языке оригинала и в переводах). Весьма же пространные рассуждения Любераса содержат немало идей, которые хотя и не были реализованы в петровское время, позднее стали актуальными.

К таковым относится регламент Камеры о государственных доходах – единственного прожектировавшегося им учреждения, которое выполняло определенные законосовещательные функции. Члены Камеры должны были не только предлагать различные меры к увеличению государственных средств, но и следить за распределением налогового бремени. Люберас критиковал правителей, которые «помышляют токмо о изчислении приобретаемой вперед суммы и никакой разности не делают между стрижением шерсти и снятием кожи с овец» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 82 об.]. Поэтому предписывал Камере следить за равновесием «в благополучии между нашими подданными и нашим государственным потребным штатом». В связи с этим ей в первую очередь поручалось иметь попечение как «о столь различных и особливых государственных доходах», «количестве потребных средств», так «о состоянии и возможности наших подданных» [Там же. Л. 83]. В российской практике проблема налогового бремени станет актуальной только во второй половине 1720-х гг., когда бывшие сподвижники Петра I в связи с опасениями роста недоимок и бегства крестьян предприняли попытки провести ревизию финансовых реформ. В частности, созданная в 1727 г. Д. М. Голицыным Комиссия о подати впервые попыталась собрать сведения о государственных доходах и расходах [Мустафин, 2016].

Главная проблема, на которую обращает внимание Люберас, это организация учета и сбора статистических сведений. Практически каждой коллегии и конторе поручалось составить ведомости не только о состоянии дел в государстве на момент их создания, но и «ежемесячно и по четвертям года» присылать соответствующие сведения в Дирекционную коллегию. Это учреждение Люберас наделял контрольными функциями, образно характеризуя его как «театр всех наших государственных дел» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 68 об.]. В свою очередь, Дирекционная коллегия должна была на основе присланных сведений «обо всех сокращенную ясно ведомость» направлять в Тайный совет [Там же]. Таким образом, по мнению барона, процесс принятия политических решений должен был основываться на достаточно полных сведениях о состоянии государства.

Некоторые регламенты Любераса содержали весьма пространный список вопросов. Наиболее яркий пример – это регламент Экономической коллегии, в котором в семи из 12 пунктов барон подробно объяснял, какие сведения нужно собирать о «партикулярном домостроительстве» подданных государства касательно хлебопашества, животноводства, рыбной ловли, лесов, рек, озер, почв и т.д. Также в генеральном регламенте Адмиралтейской коллегии в восьми из 15 пунктов Люберас тщательно перечислял те объекты, которые должны быть описаны ее служащими при составлении ведомостей. Причем в этих сведениях не только характеризовались техническое состояние флота и его личный состав, но и собиралась информация о «подданных, посылаемых в чужие края для обучения наук, нужных для тех, кои определены во флоте» [Там же. Л. 71 об.].

В дополнение к этому заметим, что в проектах Любераса сведениями о ценах на продукты интересовался целый ряд учреждений, а именно Экономическая и Полицейская коллегия, Контора государственных доходов, Ревизион-контора [Там же. Л. 25, 39 об.–40, 58, 64]. При этом Ревизион-контора должна была «смотреть на точность покупной цены и ее курс, с различием лактей, питейных и съестных мер и весов, а в рассуждения точных денег сравнивать цену с различием монеты в приеме и выдаче, также смотреть на курс векселей... наконец делать со всякою исправностию и точностию выкладки и окончательныя оных изчисления» [Там же. Л. 39 об.–40]. Несмотря на то, что в XVIII в. центральные учреждения в России неоднократно составляли «генеральные ведомости» о хлебных ценах, их сведения трудно сопоставимы. Причина этого заключается в том, что указы о присылке сведений о ценах в городах не содержали какие-либо инструкции, которые позволили бы местным чиновникам собрать однородные данные [Мустафин, 2017, с. 196–197]. По крайней мере, Люберас в упоминавшемся регламенте Ревизион-конторы озвучил эту проблему составления точных сведений о ценах на съестные припасы. Однако он явно переоценивал институциональные возможности Российского государства, кото-

рые могли бы позволить организовать сбор различных статистических сведений.

Рассмотренные идеи Любераса расширяют устоявшиеся представления об истории статистической мысли в России. В частности, М. В. Птуха полагал, что первый проект организации статистического органа в России написан был А. А. Курбатовым, предлагавшим в 1721 г. создать Кабинет-коллегиум [Птуха, с. 337]. Петровский «прибыльщик» предлагал «всякия изо всех коллегий перечневья табели и ведомости... дабы содержалися в том правлении» [Павлов-Сильванский, с. 47–48 (6-я паг.)]. Но двумя годами ранее прожектируемая Люберасом Дирекционная коллегия, как отмечалось, должна была выполнять сходную задачу.

Это не единственная параллель между Дирекционной коллегией Любераса и Кабинет-коллегиумом Курбатова. Оба прожектера предписывали служащим нового органа составлять копии всех указов и инструкций для коллегий, делать «частые напоминания» об их исполнении. Вместе с тем, именно Дирекционная коллегия и Кабинет-коллегиум, по задумке своих авторов, должны были принимать жалобы от фискалов и челобитчиков [Павлов-Сильванский, с. 47–48 (6-я паг.); РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 67–68 об.]. По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, это сочинение А. А. Курбатова является, «в сущности, проектом реорганизации Сената». Исследователь акцентировал внимание на проявившемся в результате реформы Сената 1721–1723 гг. усилении его контролирующей власти, учреждении должности рекетмейстера, сосредоточении в нем отчетности «по всем делам управления» [Павлов-Сильванский, с. 64–65 (4-я паг.)]. Но с учетом сказанного выше, беря во внимание и возможное совпадение, можно предположить, что Люберас, а не Курбатов оказал определенное влияние на реорганизацию Сената.

Итак, можно утверждать, что барон А. Х. Люберас, по всей видимости, повлиял не столько на составление регламентов петровских коллегий, сколько на учреждение в России системы коллежского делопроизводства. При этом его можно по праву считать одним из первых, кто актуализировал проблему организации учета и сбора статистических сведений в России.

Список литературы

АВПРИ. Ф. 2 (Внутренние коллежские дела). Оп. 1. Д. 2910; Ф. 24 (Архив барона Любераса). Оп. 1. Д. 46, 47, 48, 49, 51, 56, 60, 63, 73, 77, 78, 79, 92, 108.

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

Архив внешней политики Российской империи : путеводитель. Minneapolis : East View Publ., 1995. 452 с.

Бабурин Д. С. Очерки по истории мануфактур-коллегии. М. : Тип. им. Воровского, 1939. 392 с.

Берендтс Э. Н. Барон А. Х. ф. Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб. : Типолит. Р. Голике, 1891. 20 с.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I : Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1945. 601 с.

Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель : Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 640 с.

Каменский А. Б. К вопросу о проблемах и парадоксах изучения истории русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления : материалы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2011. С. 129–139.

Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М. : Археограф. центр, 1999. 378 с.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. XIV + 678 с.

Мустафин А. Р. «Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII веке // Российская история. 2017. № 2. С. 189–200.

Мустафин А. Р. «Какое облегчение в подушных деньгах крестьянству учинить?»: финансовые реформы в проектах и мнениях второй половины 1720-х гг. // Российская история. 2016. № 2. С. 91–101.

Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России : сб. ст., посв. 70-летию акад. Л. В. Черепнина / отв. ред. В. Т. Пашуто. М. : Наука, 1975. С. 334–343.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 536 с.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого : Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. [4] + IV + [2] + 141 + [3] + 86 с.

Прокопенко Я. И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) : сб. ст. / под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 323–337.

ПСЗ-1 : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1830.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М. : Госполитиздат, 1945. 352 с.

РГАДА. Ф. 16 (Внутреннее управление). Оп. 1. Д. 171; Ф. 248 (Сенат). Кн. 521, 654, 814, 1078; Ф. 342 (Комиссия о сочинении Нового Уложения). Оп. 1. Д. 227.

РГБ ОР. Ф. 178 (Музейное собрание). Д. 2847.

Редин Д., Серов Д. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 4. № 2. С. 471–502.

Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. / отв. ред. А. Б. Каменский. М. : РОССПЭН, 2016. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. 429 с.

Федюкин И. И. «Прожектеры» как административные предприниматели : Становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // «Регулярная академия учреждена будет...» : Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / под общ. ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавриновича. М. : Новое изд-во, 2015. С. 13–33.

Федюкин И. И. Роль административного предпринимательства в Петровских реформах : Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.

Leontief W. Peter der Grosse: seine Wirtschaftspolitik und sein Angeblicher Merkantilismus // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1937. H. 2. S. 234–271.

Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stockholm : A.-B. Nordiska Bokhandeln, 1979. 448 p.

Serov D. O. Dramatic Destiny of Nikolay Voskresensky, a Russian Law Historian // Quaestio Rossica. 2014. № 1. C. 221–240.

References

Anisimov, E. V. (1997). *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII veka* [State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 331 p.

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii: Putevoditel' [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire; A Guidebook]. (1995). Minneapolis, East View Publ. 452 p.

AVPRI [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 2 (Vnutrennie kollezhskie dela). List 1. Dos. 2910; Stock 24 (Arkhiv barona Lyuberasa). List 1. Dos. 46, 47, 48, 49, 51, 56, 60, 63, 73, 77, 78, 79, 92, 108.

Baburin, D. S. (1939). *Ocherki po istorii manufaktur-kollegii* [Essays on the History of the Collegium of Manufacturing]. Moscow, Tipografiya imeni Vorovskogo. 392 p.

Berendts, E. N. (1891). *Baron A. Kh. f. Lyuberas i ego zapiska ob ustroistve kollegii v Rossii* [Baron A. Ch. von Luberas and his Memorandum on the Organisation of Collegia in Russia]. St Petersburg, Tipolitografiya R. Golike. 20 p.

Fedyukin, I. I. (2014). Rol' administrativnogo predprinimatel'stva v petrovskikh reformakh. Navigatskaya shkola i pozdnemoskovskie knizhniki [The Role of Administrative Entrepreneurship in the Reforms of Peter the Great. The Navigation School and the Late Moscow Scribes]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2014. No. 4, pp. 80–101.

Fedyukin, I. I. (2015). "Prozhektery" kak administrativnye predprinimateli: Stanovlenie rannemodernykh gosudarstvennykh institutov i individual'naya initsiativa [The Enterprisers' as Administrative Entrepreneurs. The Formation of Early-state Institutions and the Individual Initiative]. In Fedyukin, I. I., Lavrinovich, M. B. (Eds.) *"Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet..." Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 13–33.

Kamenskii A. B. (Ed.) (2016) *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa KhKh v.: v 4 t. T. 2: XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Reforms in Russia from Ancient Times to the Late 20th Century: 4 Books. Book 2: 18th – 1st Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 429 p.

Kamenskii, A. B. (2011). K voprosu o problemakh i paradoksakh izucheniya istorii russkoi obshchestvennoi mysli [On the Question of Problems and Paradoxes of the Study of the Russian History of Social Thought]. In Shelokhaev, V. V. (Ed.). *Obshchestvennaya mysl' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnye napravleniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 28–29 oktyabrya. Moscow, ROSSPEN, pp. 129–139.

Kozlova, N. V. (1999). *Rossiiskii absolyutizm i kupechestvo v XVIII veke (20-e – nachalo 60-kh godov)* [Russian Absolutism and Merchants in the 18th Century (1720s – Early 1760s)]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr. 378 p.

Leontief, W. (1937). Peter der Grosse: seine Wirtschaftspolitik und sein Angeblicher Merkantilismus. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. H. 2, pp. 234–271.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. 2 Ed. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XIV + 678 p.

Mustafin, A. R. (2016). "Kakoe oblegchenie v podushnykh den'gakh krest'yanstvu uchinit'?: finansovye reformy v proektakh i mneniyakh vtoroi poloviny 1720-kh gg. ["How can We Relieve the Peasants' Duty in Paying the Tax Poll?"] Financial Reforms in Projects and Opinions of the Second Half of the 1720s]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 91–101.

Mustafin, A. R. (2017). "Vedomosti odna s drugoyu nikakogo skhodstva ne imeyut": verifikatsiya dannykh o khlebnnykh tsenakh v Rossii v XVIII veke [The Lists Bear no

Resemblance of Each Other”: Verification of Prices for Grain in 18th-Century Russia]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 189–200.

Nekrasov, G. A. (1975). Uchrezhdenie kollegii v Rossii i shvedskoe zakonodatel'stvo [The Establishment of Collegia in Russia and Swedish Legislation]. In Pashuto, V. T. (Ed.). *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noi Rossii. Sbornik statei, posvyashchennykh 70-letiyu akademika L. V. Cherepnina*. Moscow, Nauka, pp. 334–343.

Pavlenko, N. I. (1953). *Razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Rossii v pervoi polovine XVIII veka: promyshlennaya politika i upravlenie* [The Development of the Metallurgical Industry in Russia in the First Half of the 18th Century. Industrial Policy and Management]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 536 p.

Pavlov-Sil'vanskii, N. P. (1897). *Proekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo. Opyt izucheniya russkikh proektov i neizdannye ikh teksty* [Projects of Reforms in the Memoranda of the Contemporaries of Peter the Great. The Experience of Studying Russian Projects and their Unpublished Texts]. St Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. [4] + IV + [2] + 141 + [3] + 86 p.

Peterson, S. (1979). *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms*. Stockholm, A.-B. Nordiska Bokhandeln, 448 p.

Prokopenko, Ya. I. (2013). “Politicheskii inzhener” Genrikh fon Fik i fenomen reform Petra I [“Political Engineer” Heinrich von Fick and the Phenomenon of Peter the Great's Reforms]. In Krom, M. M., Pimenova, L. A. (Eds.). *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.)*. Sbornik statei. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 323–337.

PSZ-1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collected. 45 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830.

Pukha, M. V. (1945). *Ocherki po istorii statistiki XVII–XVIII vekov* [Essays on the History of Statistics of the 17th and 18th Centuries]. Moscow, Gospolitizdat. 352 p.

Redin, D., Serov, D. (2017). Vtoroe puteshestvie Petra Pervogo v Evropu v pis'makh barona P. P. Shafirova knyazyu A. D. Menshikovu (1716–1717) [Peter the Great's Second Voyage to Europe in the Letters of Baron P. P. Shafirov to Prince A. D. Menshikov (1716–1717)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 2, pp. 471–502.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 16 (Vnutrennee upravlenie). List 1. Dos. 171; Stock 248 (Senat). Book 521, 654, 814, 1078; Stock 342 (Komissiya o sochinenii Novogo Ulozheniya). List 1. Dos. 227.

RGB OR [Russian State Library. Department of Manuscripts]. Stock 178 (Muzeinoe sobranie). Dos. 2847.

Serov, D. O. (2014). Dramatic Destiny of Nikolay Voskresensky, a Russian Law Historian. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 221–240.

Voskresenskii, N. A. (1945). *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki* [Legislative Acts of Peter I. Editions and Drafts of Laws, Notes, Reports, Petitions, and Foreign Sources]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR. 601 p.

Voskresenskii, N. A. (2017). *Petr Velikii kak zakonodatel'. Issledovanie zakonodatel'nogo protsessa v Rossii v epokhu reform pervoi chetverti XVIII veka* [Peter the Great as a Legislator. The Study of the Legislative Process in Russia in the Era of Reforms of the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 640 p.

The article was submitted on 12.06.2017

DOI 10.15826/qr.2018.1.285

УДК 94(470)"17"+94(470.23-25)"17"+94(44)"17"+929Петр(470)*I

ВТОРОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА I И ПРИЕЗД ФРАНЦУЗСКИХ МАСТЕРОВ В ПЕТЕРБУРГ*

Екатерина Андреева

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

PETER I'S SECOND EUROPEAN JOURNEY AND THE ARRIVAL OF FRENCH MASTERS IN ST PETERSBURG

Ekaterina Andreeva

State Hermitage Museum,
St Petersburg, Russia

In this article, the author analyses the formation of a corps of foreign specialists in Russia. The research is based on archival documents connected with the arrival of French architects, mechanics, hydraulic engineers, stonemasons, and tapestry weavers in St Petersburg between 1716 and 1718. Archival documents from RSAA (RGADA), RSHA (RGIA) and the Archive of the St Petersburg Institute of History, RAS, make it possible to trace the background to this issue and to identify the specific mechanisms and principles for the selecting and hiring these individuals, as well as the peculiarities underlying their arrival and lives in St Petersburg. The author singles out both the general and specific features of the professional activities of the outstanding architect Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, the craftsman and hydraulic engineer J. Sualem, the blacksmith Guillaume Belen, and the tapestry masters *Pierre* Camus and Arnoul Masson in the Russian capital. Thus, the study uncovers a real picture of the Russian service of French specialists.

Keywords: 18th-century Russian history; St Petersburg; France; Peter I; J.-B. A. Le Blond.

Анализируется процесс формирования корпуса иностранных специалистов в России на основании изучения новых архивных материалов, связанных с приездом в Петербург в 1716–1718 гг. французских архитекто-

---

* *Citation:* Andreeva, E. (2018). Peter I's Second European Journey and the Arrival of French Masters in St Petersburg. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 114–129. DOI 10.15826/qr.2018.1.285.

Цитирование: Andreeva E. Peter I's Second European Journey and the Arrival of French Masters in St Petersburg // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 114–129. DOI 10.15826/qr.2018.1.285 / Андреева Е. Второе европейское путешествие Петра I и приезд французских мастеров в Петербург // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 114–129. DOI 10.15826/qr.2018.1.285.

ров, механиков, гидротехников, каменотесов, мастеров шпалерного дела. Рассматривается ряд вопросов: когда, как и кем отбирались и нанимались мастера, как была организована их присылка на берега Невы, сколько им выдавалось денег на «подъем» и переезд, как и где их размещали, на каких объектах они работали и т.д. Привлечение документов РГАДА, РГИА, Архива СПБНИИ РАН позволило проследить предысторию вопроса и выявить конкретные механизмы отбора, принципы найма, особенности организации приезда и жизни в Санкт-Петербурге «искусных людей» из Парижа. В работе выделяются общие закономерности, а также определяются особенные, специфические черты профессиональной деятельности в российской столице выдающегося архитектора Ж.-Б. А. Леблон и мастеровых – гидротехника Ж. Суалема, кузнеца Г. Белена, шпалерников П. Камуса и А. Массона и т.д. Исследование впервые открывает перед читателем реальную картину русской службы французских специалистов.

Ключевые слова: история России XVIII в.; Санкт-Петербург; Франция; иностранцы в России; Петр I; Ж.-Б. А. Леблон.

Одной из главных задач Первого европейского путешествия Петра I – Великого посольства – был найм специалистов. По подсчетам Д. Ю. и И. Д. Гузевичей, в 1697–1698 гг. всего на русскую службу их было принято 786 человек (см.: [Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.]). Среди них были выходцы из прибалтийских земель, поляки, иноземцы-славяне, греки, голландцы, англичане, немцы, итальянцы, датчане, шотландцы, курляндцы, голштинцы, шведы, испанцы и несколько французов¹.

Второй большой «десант» иностранных специалистов последовал во время второго европейского путешествия царя. Основная часть мастеров была направлена в Петербург. Вместе с тем, найм специалистов продолжался и между двумя путешествиями. Эта деятельность усилилась после перелома в ходе Великой Северной войны, особенно перед вторым путешествием. Так, большое количество специалистов из Нидерландов, Англии и немецких земель поступило на русскую службу в 1715 г.² В 1717 г. Петр I впервые оказался во Франции и смог воочию оценить мастерство французских специалистов, оценить французский стиль, который заметно отличался от голландского.

¹ Среди французов находятся разные специалисты: морские офицеры Ян Галей, Арнольд Девид, моряк Франц Вильбоа, лекари Жаков Брий, Яган Гоу, Жан Даву, Петр Жермень, Жан Ингон, Филип Мартантер Дералом, Осия Милко, Питер Миртелко, Питер Морге, Степанус, Неох, Филип Санзон, Петр Санфорс Дукеботм, Юзеп Скалие, часовщик Иоаким Гарноль [Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д., с. 259–271, 396–405].

² См., например, о найме служителей в Нидерландах и в Англии в 1715 г.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. П. Кн. 23. Л. 39–52, 484; Кн. 24. Л. 391–445]; о нанятых в Венеции в 1715 г. «машинистах» [Там же. Кн. 24. Л. 352–356]; о найме в Берлине архитектора Рейца в 1715 г.: [Там же. Кн. 24. Л. 356–361]; челобитье английских стеклянного дела мастеров о постройке Ямбургских заводов (1715 г.) [Там же. Кн. 25. Л. 212]; челобитная фон Алтен Бока об определении его в службу (1715 г.) [Там же. Кн. 25. Л. 306]; «Пропозиция» Бенедикта Небеля о наборе в службу матросов «из немецких городов» [Там же. Кн. 25. Л. 436].

Статья посвящена французским мастерам, которые в 1716–1718 гг. приехали в Петербург. Эта тема затрагивалась неоднократно в исследованиях, посвященных деятельности французских специалистов в России, и в работах по истории строительства Петербурга [Собко, с. 3–28; Петров, с. 25–30; Князьков, с. 25–34; Мюллер, 1925, с. 13–15; Мюллер, 1927, с. 35–38; Лебедев, с. 42–45; Гейман, с. 62–64; Кирюшина, с. 96–105; Калязина, с. 26–29; Семенова, с. 21–24; Анисимов, с. 282–283; Калязина, Калязин, с. 71–75]. Значение французских специалистов для России раскрывал в свое время Д. Рош (1913), описывая деятельность резчиков во главе с Н. Пино в Петергофе [Рош, с. 4]. Эту тему продолжил в 1984 г. В.В. Антонов [Антонов, с. 124–130]. Т.Т. Коршунова осветила вопрос о прибытии в Петербург шпалерных и красильных мастеров и налаживании шпалерной мануфактуры [Коршунова, с. 7–10]. Деятельности мастера «кроватьного убору» Антуана Рошебо (Jean (Antoine) Rochebot, Rouchéboat) посвящено исследование Н.Ю. Гусевой [Гусева, с. 158–168]. Н.В. Калязина, изучая деятельность Ж.-Б. А. Леблona в России, опубликовала ряд документов из фонда «Кабинета Петра Великого» и «Походной и Домовой канцелярий А.Д. Меншикова», в частности, «Реестр художникам новопривыбшим...» Ж.-Б. А. Леблona от 1/12 ноября 1717 г.³ и делопроизводственную переписку А.Д. Меншикова с французским архитектором об обустройстве, жалованье и работах французских мастеровых [Калязина, с. 94–123]. Теме французских специалистов в Петербурге посвящена диссертация А.Ю. Михайловой [Михайлова]. С.А. Мезин в монографии «Пётр I во Франции» опубликовал список 30 французских мастеровых, поступивших на русскую службу 15 апреля 1716 г. [Мезин, с. 170–173]. А. Келлер отмечает, что взаимодействие российских и европейских ремесленников укладывается в представление Петра I об исторической эстафете античного мира, Европы и России [Келлер, с. 25].

* * *

В марте 1715 г. во Францию был отправлен И.И. Лефорт (Jean Le Fort) «ради некоторой комиссии (а имянно для высылки от толь разных художеств мастеровых людей)». На проезд и «на тамошнее житье» ему было выдано 300 червонных [Книга приходная и расходная, с. 4]. И уже 1/12 мая датируется документ о «выезде в Россию» работавшего при французском дворе итальянского скульптора Б.К. Растрелли, а с ним французских мастеров – художника Луи Каравака, «подархитекторов» Жака Леблona (Леблана) и Жака Лежандра, литейного мастера Антона Левалера и мастера серебряного дела Жана Ломбарда [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. № 1. Оп. Именной указатель].

---

³ Даты в статье приводятся по новому стилю. В случае, если в документе дата указана по старому стилю, за косой чертой приводится дата по новому стилю.

Договор между царским советником в Париже И. И. Лефортом и Б. К. Растрелли был подписан 19 октября 1715 г., в нем, в частности, оговаривалось, что скульптор должен был выехать в Петербург «с сыном своим и учеником», то есть будущим знаменитым петербургским архитектором Франческо Растрелли [РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 24. Оп. Л. 168; Овсянников, с. 208]. Сопровождал итальянского скульптора с «тремя мастеровыми» в Петербург курьер, переводчик и царский агент Жан Шевалье, нанятый на русскую службу тем же И. И. Лефортом в 1715 г. [Челобитная царского агента Жана Шевалье, с. 204–205].

1 сентября 1715 г. скончался король-солнце Людовик XIV, и 1 октября (20 сентября по старому стилю) Петр I шлет своему агенту во Франции К. Н. Зотову следующее письмо:

Господин капитан-поручик... понеже кароль французской умер, а наследник зело молод, то, чаю, многия мастеровыя люди будут искать фортуны в ыных государствах, чего для наведывайся о таких и пиши, дабы потребных не пропустить... [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 79/2. Л. 353]⁴.

4/15 ноября 1715 г. И. И. Лефорт из Парижа сообщал Петру I: «Приходят ко мне много искусных людей, которые хотят вашему величеству служить...» К письму прилагался список мастеров, на котором царь собственноручно отметил литейщика, переплетчика, монетного и медального резчика, кожевника, каретника, чулочника и шпалерного мастера. При этом отметил: «отписать, до чего будут стоить» (цит. по: [Мезин, с. 171]).

9/20 декабря 1715 г. датируется письмо Петра I К. Н. Зотову «О приеме в службу архитектора Леблona и механика Ламбота [фонтанный мастер Пьер Ламбо (Pierre Lambot)] с мастерами, коих они написали с собою» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. 1715 г. Кн. 57. Л. 12. Оп.].

1/12 января 1716 г. была составлена «Роспись выезжим в Россию разных художество мастеровым людям», насчитывавшая 88 мастеровых, среди которых было много французов [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. № 1. Оп. Именной указатель]. В документе значится и Ж.-Б. А. Леблон. Контракт с архитектором сроком на пять лет был подписан 19 февраля того же года [РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 23. Л. 376]. Тогда же были составлены контракты с другими французскими мастерами [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. № 3. Оп. Именной указатель; Малиновский, с. 130]. На переезд в Россию Ж.-Б. А. Леблону было выдано 10 тыс. ефимков. С ним ехали его жена Мария Маргарита Левюкс, шестилетний сын, его рисовальщик Николя Жирар (Nikolas Girard (Gérard)), племянница архитектора Катерина Гуэт, «женщина г-жи Леблонд» и два лакея. Машинисту-гидротехнику Жирару Суалему (Girard Sualem) на проезд выдавалось 4,5 тыс. ефимков, литейщи-

⁴ Опубликовано также: [Мезин, с. 170–171].

ку Этьену Соважу (Estienne Sauvage) – тысяча. Скульптору и резчику Николя Пино (Nicolas Pineau), названному в документе «штукотором», было выдано 3 тыс. ефимков. Он ехал с двумя подмастерьями – Николя Пераром (Nicolas Perard) и Бартеlemi Гийомом (Barthélemy Guillaume)⁵. Столяру Жану Мишелю (Jean Michel) было выдано 2 тыс. ефимков [Калязина, с. 118, прим. 30А)].

Петр I, уезжая во второе европейское путешествие, составил 5/16 января 1716 г. А. Д. Меншикову «Меморию» о строительных работах в Петербурге и окрестностях, состоящую из 11 пунктов. В пункте 7 было обозначено:

Чтоб несколько дворов для мастеровых людей сделать, а конечно б не менее тридцати, ежели более невозможно будет, дабы приезжая не скинулись и тем кредиту не потерять [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 26. Л. 79–79 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. № 81. 1716 г. Л. 12–12 об.].

Герцог д'Антен и кардинал Дюбуа 15 апреля 1716 г. подписали «Список лиц, которые пожелали ехать в Санкт-Петербург, чтобы вступить в службу Его Царского Величества», который насчитывал 30 специалистов, включая и Ж.-Б. А. Леблону [Мезин, с. 172–173].

По дороге в Россию 10/21 июня 1716 г. в Пирмонте (ныне – Бад-Пирмонт, земля Нижняя Саксония) состоялась встреча Ж.-Б. А. Леблона с Петром I. Французский архитектор приехал в Петербург 7/18 августа 1716 г. Из донесения ганноверского посланника Ф. Х. Вебера от 10 августа 1716 г. узнаем, что вместе с французским архитектором на берега Невы прибыло 40 мастеровых различных специальностей. Среди них были шпалерные и штофные мастера, красильщики шелка, чертежники, садовники, резчики, гранильщики, литейщики, полировщики, токари, часовщики, ювелиры, столяры, слесари, сапожники, печатники, переплетчики, специалист по фонтанам и машинам, плотники, портные [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 81. Л. 613; РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. № 1, № 3. Оп. Именной указатель; Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. 1716 г. Л. 102–102 об.; Ф. 5. Оп. 1. № 26. Л. 116; Малиновский, с. 130; Мезин, с. 142]. Французский архитектор 4/15 сентября 1716 г. просит А. Д. Меншикова предоставить переводчиков для машиниста-гидротехника Жирара Суалема. Судьба мастера оказалась навсегда связана с городом на Неве, в котором он проработал до своей смерти в 1737 или 1738 г. С ним прибыл на невские берега его племянник Поль Суалем, также машинист-гидротехник, который скончался тоже в России в 1742 г. [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1 № 696. Л. 10; РГИА. Ф. 470. Оп. 4 (внутр. оп. 87/521). № 16. Л. 7 об.].

Достаточно быстро были организованы мастерские, и 4/15 октября 1716 г. в каждой были выбраны начальники. В литейной мастер-

⁵ В. В. Антонов называет резчика Бартеlemi (Варфоломей) Симон (Гийом) [Антонов, с. 124].

ской для изготовления украшений к фонтанам и прочего – Этьен Соваж, в резной, созданной для «обучения новым приемам разных украшений», Николя Пино. Для изготовления моделей строящихся сооружений была создана модельная мастерская, разместившаяся вначале в доме С.В. Рагузинского на Адмиралтейском острове, а с ноября 1717 г. – в построенном для Ж.-Б. А. Леблona доме на Васильевском острове. Резчикам «для деланья во время зимы моделей всем фигурам, зверям и маскам, которые будут вылиты из свинца», привозилась глина из Стрельны, поскольку она там была лучшего качества, а также поставлялись «дубовые деревья неугодные на карабельное дело... для деланья моделей его императорскому величеству» [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 696. Л. 42, 43].

Над слесарями и кузнецами был выбран Гийом Белен, над каменотесами – Эдмед Бурбон и Франсуа Бателье. Архитектор распорядился найти возле Кроншлота и Петергофа мрамор, а также привезти из Москвы и Ревеля «каменья мягкие и жесткие к строению дворцов» Петра I. Ж.-Б. А. Леблон также просил для создания каскадов и пещер в Петергофе собрать и привезти из Москвы и других мест «образцы всех раковин и маленьких камешков разноцветных». 4/15 октября 1716 г. начальником над столярами был назначен Жан Мишель. Французский архитектор просил А.Д. Меншикова выдать леса «для столярной работы», на это губернатор распорядился обратиться за лесом в Адмиралтейство [Калязина, с. 96, 118 (прим. 31)].

Как же обстояло дело с обустройством жилья для мастеровых, о котором беспокоился Петр I? А.Д. Меншиков в апреле 1716 г. заверяет государя в том, что будет «прилагать всякое старание» в содержании мастеров, «которые сюда будут», о том, что для них на Васильевский остров перевозится 37 изб [РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. 1716 г. Л. 25]. Однако к началу лета жилье еще не было готово. Царь торопит светлейшего князя и требует организовать жилье для ста мастеровых с семьями [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 26. Л. 227]. По всей видимости, А.Д. Меншикову не удается справиться с поставленной царской задачей, и он принимает решение разместить иностранных специалистов в своих мазанках на Адмиралтейской стороне, для чего их срочно ремонтируют [РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. 1716 г. Л. 38 об.]. Мастерские столяров и резчиков осенью-зимой 1716 г. были организованы в доме светлейшего князя. Здесь же Ж.-Б. А. Леблон предлагал определить квартиру садовнику Андрею Годо, чтобы он «вместе с столярами и рещиками делал бы решетки» для Летнего дворца Петра I [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 696. Л. 88 об.].

Петербургский губернатор отчитывается царю, что, «когда прибыли, за непоспением домов стояли в моем доме, а когда поспели дома, тогда переведены в свои» [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 26. Л. 227]. Из писем Ж.-Б. А. Леблona видно, что строительство и домов, и мастерских для французских специалистов постоянно задерживалось. Сохранилось прошение капитана батальона городских дел Афанасия Милюкова

о выдаче жалованья за эту работу, из которого узнаем, что мазанки был отделаны только к концу 1716 г. [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 696. Л. 84 об., 116 об., 117 об., 121, 122; РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 7в (внутр. оп. 483/1440). № 220. л. 220–220 об.].

Французская слобода на второй-третьей линиях Васильевского острова, вероятно, была обустроена только в 1717 г. По всей видимости, одно из самых ранних упоминаний об этом содержится в ежедневном журнале А. Д. Меншикова от 10/21 августа 1717 г. Там читаем:

По кушанье по малых забавах его светлость изволил гулять по новой линии, которая построена на Васильевском острову для мастеровых французов [Труды и дни, с. 151].

Еще находясь во Франции в апреле 1716 г., Ж.-Б. А. Леблон писал русскому монарху о том, что получил разрешение интенданта над строением и мануфактурами графа Д'Анте на нанять на мануфактуре гобеленов четырех шпалерных мастеров – готлиснеров⁶. Архитектор подчеркивает исключительность этого разрешения: «И все дивятся, что это позволение дано», а также отмечает их высокое мастерство: «Ваше Величество удивится работе их» (цит. по: [Коршунова, с. 8]). Мастерами были шпалерники «богатых шпалер большой руки» Жан Жак Готье (Jean Jacques Gauthier) и Пьер Гриньон (Pierre Grignon) и мастера шпалерного дела Жан Луи Вавок (Jean Louis Vavoque) и Жан-Батист Бурден (Jean Baptiste Bourdin). Пятилетние контракты с ними были заключены 6 апреля 1716 г. Они должны были «делать всякие шпалеры по картинам, которые им даны будут», а также обучать русских учеников. Их годовой оклад составлял 400 руб. плюс казенное жилье и обеспечение материалами. Они приехали в Петербург вместе с Ж.-Б. А. Леблоном в августе 1716 г. [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716–1717 гг. Оп. Именной указатель].

Согласно списку от 15 апреля 1716 г., на русскую службу был принят мастер шпалерного дела «баслисовой работы»⁷ Пьер Камус (Pierre Camousse) с четырьмя подмастерьями, среди которых были его сын Франсуа и брат Филипп, а также Арнуль Массон (Arnoul Masson) и Ноэль Рансон (Noël Ranson). На всех определялся годовой оклад 2 тыс. руб. [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. № 1, 3. Оп. Именной указатель; Коршунова, с. 8; Мезин, с. 173].

В октябре 1716 г. был заключен контракт с Филиппом Бегаглем (Behagle), который должен был в Петербурге «иметь дирекцию над мануфактурой шпалерною и красильнею из шерсти и шелка и учить русских людей...» (цит. по: [Коршунова, с. 8]). С ним отправились в Петербург красильщики Клод Мериель (Meriel) и Габриель Рено

⁶ Готлис – изготовление шпалеры на вертикальном станке.

⁷ Баслисс, баслисс (*фр.* basse-lisse) – изготовление шпалеры на горизонтальном станке.

(Gabriel Renaud) с сыном. На всех было определено годового жалования 2250 руб. Они прибыли на берега Невы в июне 1717 г. Практически сразу по приезде Ф. Бегаблей умер, и налаживать производство взялся его сын [Коршунова, с. 8].

Прибывшие в Петербург четыре шпалерных мастера не могли начать работу, поскольку отсутствовали материалы, не было красильщика и картин, с которых можно было бы делать шпалеры. Красильщика находившийся в это время (23 мая 1717 г.) в Париже царь повелел прислать из Ростова, шерсть – из Амстердама, шелк-сырец и краски распорядился купить в Москве. И здесь же распорядился, если «шерсти не хватит или каких-нибудь красок не будет», заказать в Амстердаме у торгового комиссара А. А. Соловьева. Что же касается исторических картин, или «патронов», как их царь называл в письме, то А. Д. Меншикову вместе с петербургским обер-комендантом Р. В. Брюсом следовало выбрать подходящие картины из его собственной коллекции, а также из коллекции А. Д. Меншикова. Кроме того, Петр I повелел, чтобы «для той шпалерной работы» нанятый во Франции живописец Л. Каравак написал баталии: Полтавскую, «Левенгонскую» (то есть сражение при Лесной) и «протчия». Объяснил это тем, что «ибо он договором своим имянно обязался писать всякие истории». К этой работе нужно было дать живописцу учеников [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 443–443 об.]. Вместе с тем, из переписки А. Д. Меншикова и Ж.-Б. А. Леблона за июль 1717 г. следует, что к этому времени шпалерные мастера еще не начали работать (см.: [Калязина, 1984, прим. 49, с. 119–120]).

Следующая партия мастеровых, «вызванных из Франции Леблонном», подписала контракты 10/21 мая 1717 г. и прибыла в Петербург 28 сентября / 9 октября того же года. Мастеровых отправлял в Петербург вновь И. Лефорт, которому было выдано 8 тыс. «ефимков французских» [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. № 3; 1717 г. № 16. Описание; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 461].

В мае 1717 г. царь распорядился как можно быстрее переправить купленный в Нидерландах гукор⁸ во французский Гавр-де-Грас⁹ для того чтобы в том числе И. Лефорт мог отправить сто человек мастеровых «мужеска и женска полу» в Петербург. Царский агент Жан Шевалье сообщал в своей челобитной, что в 1717 г. сопровождал из Парижа в Петербург 112 мастеровых, по всей видимости, речь идет об одной и той же партии рабочих [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 463–468 об.; Челобитная царского агента Жана Шевалье, с. 205]. Из письма кабинет-секретаря Петра I А. В. Макарова из Амстердама А. Д. Меншикову в Петербург от 19/30 июля 1717 г. следует, что, поскольку гукор еще не прибыл, специалисты все еще

⁸ Гукор (*нидерл.* hoeker) – парусное двухмачтовое судно с широким носом и кормой.

⁹ Гавр-де-Грас (*фр.* Le Havre-de-Grâce – «Гавань Благодати») – город-порт в Нормандии на правом берегу Сены.

находились в Гавр-де-Гасе. В этом письме содержится важная информация: мастеровые «пожелали в Питер-Бурхе жить своею волею без жалованья», то есть не поступать на государеву службу, а работать по контрактам [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 737. Л. 103–104 об.].

Еще одна партия французских мастеровых была отправлена в Петербург другим путем. В марте 1717 г. они были отправлены из Амстердама в Росток, где поступили под начало князя П. М. Голицына, который должен был отправить их на шняве в Ревель (Таллин). Примечательна весьма эмоциональная приписка царя в конце письма кабинет-секретаря А. Д. Меншикову от 2/13 августа из Амстердама (А. В. Макаров сообщал, что П. М. Голицын сопровождает мастеровых в Ревель): «мастеровыя люди... изрядныя, а особливо кузнецы... ,когда прибудут, чтоб даром не гуляли, и ученики добрыя даны были» [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 737. Л. 33, 37–38 об., 73–75]. Количество мастеровых становится известно из ответного письма светлейшего князя от 2/13 августа 1717 г.: «Оныя французы, а имянно 17 человек, по прибытии сюда приняты и отданы в диспозицию господина Леблона» [РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 26. Л. 234]. Следовательно, в конце лета – начале осени 1717 г. двумя неравными по количеству партиями в Петербург прибыло 129 французских мастеров.

1/12 ноября 1717 г. Ж.-Б. А. Леблон отправляет Петру I обстоятельный «Реестр художникам новоприбывшим и делам, которые мочно им роздать для усмотрения В. И. В.»:

Понеже число рещиков на дереве употребленных при строениях Е. И. В. не есть довольно, ибо токмо один Пино с двумя его товарищами (Николя Пераром и Бартеlemi Гийомом) и через то и дело тихо производится. Того ради надлежит употребить трех рещиков, а именно Сант Лоранта, Руста и Фоллета с товарищами новоприбывшими к работам, которые надлежит делать для окончания тою зимою всех резных вещей, принадлежащих к внутреннему и внешнему украшению Питергофских палат и других вещей, кои повелит делать В. И. В. В. И. В. не имеет в своей службе столяров, как токмо Мишель (Jean Michel) с товарищем, которые не может одолеть всех нужных им столярных работ. Того ради мочно роздать дела Перону, Фарсуре (Louis Farsure) и товарищам новоприбывшим, которые могут довольствоваться... Литейщик Вассу¹⁰ с двумя товарищами может быть употреблен весьма пристойно для литья бронзовых рам для зеркал, стенных шандалов, паникадил, решеток в комли и других бронзовых вещей для украшения внутри палат и прочего... Чеканщики или полировщики и Дюфу могут быть употреблены для полирования вещей, которые выльет Васу. Позолотчик Пиллон с двумя товарищами может быть также в употреблении для позлащения и посеребрения вышепомянутых бронзовых вещей... (цит. по: [Калязина, 1984, прим. 30Б, с. 118]).

¹⁰ С. А. Мезин говорит о литейщике Филиппе Васу (Philippe Vassoux) [Мезин, с. 173].

Как же на самом деле были «употреблены» эти мастера?

Мастер резного дела Н. Пино создавал эскизы, по которым он с двумя подмастерьями (Николя Пераром и Бартеlemi Гийомом) в Большом дворце в Петергофе делал потолки, двери, «стенные уборы и прочее, а также картинные рамы, столовые ноги, подсвешники, на которых шанданы ставят и иные мебели», и дубовые балясины. Годовое окладное жалованье мастера с двумя помощниками составляло в 1723 г. 1200 руб. Н. Перар был старшим помощником и получал 200 руб. в год и умер в Петербурге 28 мая (по старому стилю) 1722 г. Б. Гийом получал 180 руб. годовых. Бартеlemi Гийом приходился Н. Пино шурином, то есть родным братом его жены Марианны [РГИА. Ф. 467. Оп. 4. № 341. 1721 г. Л. 1–3; Антонов, с. 125; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 103. Л. 159].

Супруга Н. Пино Марианна хорошо рисовала и, возможно, помогала мужу в его работе. В Россию Марианна Пино ехала уже в положении и родила в Петербурге дочь Марианну. Крестной матерью стала жена Ж.-Б. А. Леблona. В 1718 г. родился сын Доминик (крестной стала супруга архитектора Диминико Трезини). В 1719 г. у четы Пино родилась дочь Жанна-Луиза, крестными родителями стали художник Л. Каравак с супругой Маргаритой. Это не было случайностью, поскольку Маргарита Каравак приходилась родной сестрой Марианне Пино и Б. Гийому. В 1723 г. у четы Пино родился еще один сын Жан-Батист (крестный – Г. Киавери) [Антонов, с. 129, прим. 4; Рош, с. 4]. Согласно выписке из Канцелярии от строений от 1/12 апреля 1726 г., Н. Пино продолжал здесь работать и получал месячное жалованье вместе с подмастерьем (вероятно, с Б. Гийомом) – 336 руб. 66 коп., еще выдавалось на наем квартиры 8 руб. Итого в год вместе с квартирными деньгами – 4135 руб. 92 коп. [РГИА. Ф. 467. Оп. 4. № 341. 1721 г. Л. 1–3].

Столярный мастер Жан (Иван) Мишель, чье имя также вошло в «Список...» от 15 апреля 1716 г., трудился по договору с Ж.-Б. А. Леблонem под ведением Канцелярии городских дел в царских резиденциях, в основном в Петергофе – изготавливал дубовые двери, рамы, половые доски в «верхние палаты», работал над разными объектами в садах и парках. В его подчинении находились 37 столяров во главе с Федором Ивановым. В 1723 г. его жалованье составило 800 руб. [Мезин, с. 173; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 641. Л. 41–41 об.; РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 4 г. № 158. Л. 308; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 103. Л. 159].

10/21 марта 1718 г. было заключено два контракта между архитектором Ж.-Б. А. Леблонem и тремя французскими резчиками – Шарлем Рюстом (Charles Ruste), Этьеном Фолле (Estienne Follet) и Ж. Сен-Лораном (Jean Saint-Laurent). Ш. Рюст и Э. Фолле подрядились сделать из дуба десять ионических капителей на колонны размером 18 французских дюймов, то есть 48,78 см, «в квадрат» и в 1 фут (32,52 см) высотой)¹¹ стоимостью по 9 руб. за капитель, то есть за

¹¹ Один французский (королевский) дюйм = 2,71 см. Один французский фут = 12 дюймов.

90 руб., и 24 ионические капители на пилястры по 3 руб за штуку, то есть за 72 руб. Всего за работу мастера получили 162 руб. Ж. Сен-Лоран подрядился сделать такие же четыре капители на колонны и 12 – на пилястры, следовательно, ему полагалось за работу 72 руб. Работы освидетельствовал Н. Пино, после чего дубовые капители были отправлены в Петергоф. Ведомость в Канцелярию городских дел о выдаче французским резчикам денег подписана дворянами Иваном Игнатьевым и Федором Шатиловым. В 1724 г. с Ж. Сен-Лораном был подписан очередной контракт, по которому француз обязался работать у царя три года и обучать своему мастерству русских учеников. Из его донесения в Канцелярию от строений за август 1725 г. известно, что ему было определено десять учеников – детей каменщиков, плотников и солдат [РГИА. Ф. 467. Оп. 4. № 332. Л. 1–3 об.].

Согласно договору, подписанному 2/13 сентября 1718 г. и поданному в Канцелярию городских дел, Ш. Рюст и Э. Фолле нанимались сделать деревянный фронтон из липы в каменном дворце в Петергофе «на задней стене ко огороду». Чертеж прилагался к договору. Работу они согласились выполнить за 75 руб. Работу принимал, отвечал за нее и ведомость подавал Пино, который в этих документах назван «столяром». По всей видимости, чертеж был сделан Пино, именно поэтому он принимал работы. Ведомость от 10/21 апреля 1719 г. о том, что работа сделана и жалованье выплачено, подписана Д. Трезини [Там же. Оп. 3 (565/1475). № 12. Л. 1–3 об.].

Следующие работы резчики выполняли тоже в Петергофе. Согласно договору от 10/21 ноября 1718 г., они должны были сделать по чертежу Н. Пино четыре «штуки» в Петергоф на кабинет Петра I. Размер каждой «штуки» – пять футов в длину (152,40 см) и два фута в ширину (61 см). За каждое изделие резчикам должны были заплатить 40 руб. Компаньон Руста Антуан Такконе (Antoine Pierre Tacconet) и Фордрен подрядились «выделать и вычистить» четыре «штуки» на царский кабинет, их начал изготавливать Н. Пино. Эта работа была оценена по 12 руб. за «штуку». Все изделия были дубовые. И 17/28 февраля 1719 г. Н. Пино подает в Канцелярию городских дел ведомость о выплате резчикам положенных денег за выполненные работы [Там же. Оп. 3 (560/1579). № 8. Л. 1–5; № 4. Л. 1–1 об.].

В ноябре 1717 г. Ж.-Б. А. Леблон предлагает царю:

Пильман, живописец гротеске и арабеске и украсительных вещей есть только один сего таланта, который обретается в службе В. И. В. Можно употребить его писать потолки и ламбри в палатах Питергофских и других (цит. по: [Калязина, 1984, прим. 30Б, с. 118]).

Согласно поданному в Канцелярию городских дел донесению, Петр I в 1719 г. отдал распоряжение живописцу Филиппу Пильману расписать две «каморы» во дворце в Петергофе «живописным писмом по объявленным чертежам». Стоимость работ была дого-

ворная и обсуждалась с главой Канцелярии городских дел князем А. М. Черкасским – 150 руб. за одно помещение и 100 руб. за второе. Работу принимал и слал донесение в мае 1719 г. князю А. М. Черкасскому отвечавший за петергофские работы гвардейский подпоручик С. Т. Кишкин [РГИА. Ф. 467. Оп. 3 (565/1475). № 6. Л. 1–2].

Относительно внутренней отделки Петергофа Ж.-Б. А. Леблон дает следующую рекомендацию:

Ежели В. И. В. изволит повелеть убирать палаты Питергфоские и другие по французскому манеру, сиречь поставить тамо кровати в нише, канapé, софа и прочие вещи новоманерные, изволит иметь в службе своей для того украшения шпалерника Решебота, вышивальщика Рокинарда и столяра Ноблета, которые могут оные украшения привести в перфекцию (цит. по: [Калязина, 1984, прим. 30Б, с. 118]).

В документе о «Приезде в Петербург разных французских художников» от 28 сентября / 9 октября 1717 г. значится шпалерный мастер, названный также «обойщиком» и мастером «кроватьного убору», Жан (Антуан) Рошебо, который прибыл в Россию с женой, сыном и компаньоном [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1716–1717 гг. Описание. Именной указатель; Мезин, с. 173].

С 1718 г. Ж. Рошебо выполнял работы в петербургских дворцах, в частности, для каменного дворца А. Д. Меншикова на Васильевском острове. Именно Рошебо оформлял «печальную залу» – Большой зал Зимнего дворца для церемонии похорон императора Петра Великого. Вместе с другими столярами, резчиками и живописцами он участвовал в отделке «Залы для славных торжествований», или «Брачной залы», построенной рядом с летним дворцом специально для свадьбы дочери Петра Великого цесаревны Анны Петровны и герцога Голштинского Карла-Фридриха, которая состоялась, согласно договоренностям, заключенным обоими государствами еще до смерти Петра Великого, 21 мая / 1 июня 1725 г. Рошебо также отделывал интерьеры второго этажа дворца адмирала Ф. А. Апраксина, в которых расположились молодые сразу после свадьбы [Гусева, с. 158–163; Краткие сведения о французских мастерах, с. 203].

Итак, с Б. К. Растрелли в Петербург отправились пять французских мастеров: художник Луи Каравак, «подархитекторы» Жак Леблон (Леблан) и Жак Лежандр, литейный мастер Антон Левалер и мастер серебряного дела Жан Ломбард. Далее в документах значатся только три мастера. По всей видимости, весной 1716 г. в Петербург вместе с итальянским скульптором прибыли Л. Каравак, А. Левалер и Ж. Ломбард. В августе 1716 г. во главе с Ж.-Б. А. Леблоном приехали, согласно списку, 30 французских мастеровых. Однако Ф. Х. Вебер указывает число в 40 человек. Ганноверский резидент мог быть неточен в подсчетах, или, возможно, около десяти человек были не отмеченными в документах помощниками (родственниками, например,

детьми или женами) мастеров. В конце лета – начале осени 1717 г. на берега Невы (двумя неравными группами – 112 и 17 человек) приехали 129 французских специалистов. Все мастера поступили в подчинение Ж.-Б. А. Леблону и в ведомство Канцелярии городских дел. Часть из них получала окладное жалованье, часть работала по найму. Они трудились в царских петербургских и пригородных дворцах и садах, главным образом в петергофской резиденции, во дворцах петербургской знати. Многие мастера, как показывают документы, по истечении контрактов оставались работать, навсегда связав свою жизнь с Россией.

Список литературы

- Анисимов Е. В.* Юный град : Петербург времен Петра Великого. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 364 с.
- Антонов В. В.* Б. Симон — помощник Пино // От Средневековья к Новому времени : Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века. М. : Наука, 1984. С. 124–130.
- Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 79/2, 81, 84, 103.
- Гейман В. Г.* Мануфактурные предприятия Петербурга // Петербург петровского времени : сб. ст. / под ред. А. В. Предтеченского. Л. : Ленинград. газет.-журн. и книж. изд-во, 1948. С. 49–72.
- Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство : Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб. : Феникс, 2008. 312 с.
- Гусева Н. Ю.* Антуан Рушбот – мастер «кроватьного убору» // Русское искусство эпохи барокко : Новые материалы и исследования : сб. ст. СПб. : Славия, 1998. С. 158–168.
- Калязина Н. В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени : Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века. М. : Наука, 1984. С. 94–123.
- Калязина Н. В.* Никола Пино и его участие в создании триумфального столпа в честь Петра I // К истории искусства, науки и техники Санкт-Петербурга первой половины XVIII века : тез. докл. конф., посв. 300-летию со дня рождения А. К. Нартова. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1993. С. 26–29.
- Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Александр Меншиков – строитель России : в 2 ч. СПб. : Лики России, 2006. Ч. 2. Строитель России. 488 с.
- Келлер А.* Вытесняется и отмирает? История русского городского ремесла в контексте теории модернизации: к постановке проблемы // Quaestio Rossica. 2017. Т. 4. № 1. С. 15–31. DOI 10.15826/qr.2017.1.208.
- Кирюшина Л. Н.* Дворцово-парковый ансамбль в Стрельне архитектора Ж.-Б. А. Леблону // Памятники русской архитектуры и монументального искусства : Пространство и пластика : сб. ст. М. : Наука, 1991. С. 95–107.
- Книга приходная и расходная червонным 1714, 1715, 1716 годов (писана вся рукою Кабинетного подьячего Ивана Черкасова) // Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : в 2 т. М. : Катков и К, 1872. Т. 2. С. 3–7.
- Князьков С. А.* Петр Великий и его современники за границей. Пг. : П. Луковников, 1915. 46 с.
- Кориунова Т. Т.* Вступительная статья // Русские шпалеры : Петербургская шпалерная мануфактура : альбом. Л. : Художник РСФСР, 1975. С. 7–10.
- Лебедев Г. Е.* Русская живопись первой половины XVIII века. Л. ; М. : Искусство, 1938. 132 с.
- Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб. : Крига, 2008. 576 с.
- Мезин С. А.* Петр I во Франции. 2-е изд, испр., доп. СПб. : Европ. дом, 2017. 320 с.

Михайлова А. Ю. Французские художники при русском императорском дворе в первой трети XVIII века : дис. ... канд. искусствоведения. М. : [Б. и.], 2003. 240 с.

Мюллер А. П. Быт иностранных художников в России. Л. : Academia, 1927. 157 с.

Мюллер А. П. Иностранные живописцы и скульпторы в России. М. : Гос. изд-во, 1925. 96 с.

Овсянников Ю. М. Великие зодчие Санкт-Петербурга : Трезини. Растрелли. Росси. СПб. : Искусство-СПб., 2001. 629 с.

Петров П. Н. Материалы для истории строительной части в России // Журнал Министерства путей сообщения. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1869. Отд. оттиск. 56 с.

РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26; Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 57; Оп. 3. Отд. 2. Кн. 23, 24, 25, 28; Ф. 150. Оп. 1. Д. 1, 3, 16; Ф. 198. Оп. 1. Д. 641, 696, 737.

РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 4г. Д. 158; Кн. 7в (внутр. оп. 483/1440). Д. 220; Оп. 3 (560/1579). Д. 4, 8; Оп. 3 (565/1475). Д. 6, 12; Оп. 4. Д. 332, 341; Ф. 470. Оп. 4 (внутр. оп. 87/521). Д. 16.

Рош Д. Рисунки Н. Пино, предназначенные для России // Старые годы : Ежемесячник для любителей искусства и старины. № 5. СПб. : Тип. «Сириус», 1913. С. 3–21.

Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998. 254 с.

Собко Н. П. Французские художники в России : Живописец Людвиг Каравак // Ист. вестн. Т. 8. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1882. С. 3–29.

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова : Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. М. : Рос. фонд культуры, 2004. 648 с.

Челобитная царского агента Жана Шевалье, состоявшего курьером на русской службе. 1727 г. // Михайлова А. Ю. Французские художники при русском императорском дворе в первой трети XVIII века : дис. ... канд. искусствоведения. М. : [Б. и.], 2003. Прил. 2. С. 204–205.

References

Anisimov, E. V. (2003). *Yunyi grad. Peterburg vremen Petra Velikogo* [The Young City: St Petersburg of the Times of Peter the Great]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 364 p.

Antonov, V. V. (1984). B. Simon – pomoshchnik Pino [B. Simon – Pino's Assistant]. In *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. Materialy i issledovaniya po russkomu iskusstvu XVIII – pervoi poloviny XIX veka*. Moscow, Nauka, pp. 124–130.

Arkhiv SPbII RAN [Archives of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 270. List 1. Dos. 79/2, 81, 84, 103.

Chelobitnaya tsarskogo agenta Zhana Sheval'e, sostoyavshego kur'erom na russkoi sluzhbe. 1727 g. [The Petition of the Royal Agent, Jean Chevalier, who was a Courier in Russian Service. 1727]. (2003). In Mikhailova, A. Yu. *Frantsuzskie khudozhniki pri russkom imperatorskom dvore v pervoi treti XVIII veka*. Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, S. n. App. 2, pp. 204–205.

Dolgova, S. R., Lapteva, T. A. (Publ.). (2004). *Trudy i dni Aleksandra Danilovicha Menshikova: Povsednevnye zapiski delam knyazy A. D. Menshikova 1716–1720, 1726–1727 gg.* [Works and Days of Aleksander Danilovich Menshikov: Daily Notes of Prince A. D. Menshikov 1716–1720, 1726–1727]. Moscow, Rossiiskii fond kul'tury. 648 p.

Geiman, V. G. (1948). Manufakturnye predpriyatiya Peterburga [Manufacturers of St Petersburg]. In Predtechenskii, A. V. (Ed.). *Peterburg petrovskogo vremeni. Sbornik statei*. Leningrad, Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo, pp. 49–72.

Guseva, N. Yu. (1998). Antuan Rushbot – master “krovatnogo uboru” [Antoine Rushbot – Master of the “Bedclothes”]. In *Russkoe iskusstvo epokhi barokko. Noveye materialy i issledovaniya. Sbornik statei*. St Petersburg, Slaviya, pp. 158–168.

Guzevich, D. Yu., Guzevich, I. D. (2008). *Velikoe posol'stvo. Rubezh epokh, ili Nachalo puti: 1697–1698* [The Grand Embassy: The Turn of the Era, or The Beginning of the Path: 1697–1698]. St Petersburg, Feniks. 312 p.

Kalyazina, N. V. (1984). Arkhitektor Leblon v Rossii (1716–1719) [Architect Le Blond in Russia (1716–1719)]. In *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. Materialy i issledovaniya po russkomu iskusstvu XVIII – pervoi poloviny XIX veka*. Moscow, Nauka, pp. 94–123.

Kalyazina, N. V. (1993). Nikola Pino i ego uchastie v sozdanii triumfal'nogo stolpa v chest' Petra I [Nikola Pino and His Participation in the Creation of the Triumphal Pillar in Honour of Peter I]. In *K istorii iskusstva, nauki i tekhniki Sankt-Peterburga pervoi poloviny XVIII veka. Tezisy dokladov konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu so dnya rozhdeniya A. K. Nartova*. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 26–29.

Kalyazina, N. V., Kalyazin, E. A. (2006). *Aleksandr Menshikov – stroitel' Rossii v 2-kh ch.* [Aleksander Menshikov – Builder of Russia. 2 Parts]. St Petersburg, Liki Rossii. Part. 2. Stroitel' Rossii. 488 p.

Keller, A. (2017). Vytesnyaetsya i otмираet? Istoriya russkogo gorodsko-go remesla v kontekste teorii modernizatsii: k postanovke problem [Replaced and Dying? The History of Russian Urban Crafts in the Context of Modernisation Theory: Articulation of the Issue]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 1, pp. 15–31. DOI 10.15826/qr.2017.1.208.

Kiryushina, L. H. (1991). Dvortsovo-parkovyi ansambl' v Strel'ne arkhitekora Zh.-B. A. Leblona [The Palace and Park Ensemble in Strelna by Architect J.-B. A. Le Blond]. In *Pamyatniki russkoi arkhitektury i mo-numental'nogo iskusstva: Prostranstvo i plastika. Sbornik statei*. Moscow, Nauka, pp. 95–107.

Kniga prikhodnaya i raskhodnaya chervonnym 1714, 1715, 1716 go-dov (pisana vsya rukoyu Kabinetnogo pod'yachego Ivana Cherkasova) [The Book of Receipt and Expenditure in Gold in 1714, 1715, 1716 (Written by Cabinet Scribe Ivan Cherkasov in His Own Hand)]. (1872). In *Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom v 2 t.* Moscow, Katkov i K. Vol. 2. S. 3–7.

Knyaz'kov, S. A. (1915). *Petr Velikii i ego sovremenniki za granitsej* [Peter the Great and His Contemporaries Abroad]. Petrograd, P. Lukovnikov. 46 p.

Korshunova, T. T. (1975). Vstupitel'naya stat'ya [Introductory Article]. In *Russkie shpalery: Peterburgskaya shpalernaya manufaktura. Al'bom*. Leningrad, Khudozhnik RSFSR, pp. 7–10.

Lebedev, G. E. (1938). *Russkaya zhivopis' pervoi poloviny XVIII veka* [Russian Painting of the First Half of the 18th Century]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo. 132 p.

Malinovskii, K. V. (2008). *Sankt-Peterburg XVIII veka* [St Petersburg of the 18th Century]. St Petersburg, Kriga. 576 p.

Mezin, S. A. (2017). *Petr I vo Frantsii* [Peter I in France]. Ed. 2. St Petersburg, Evropeiskii dom. 320 p.

Mikhailova, A. Yu. (2003). *Frantsuzskie khudozhniki pri russkom impe-ratorskom dvore v pervoi treti XVIII veka* [French Artists at the Russian Imperial Court in the First Third of the 18th Century]. Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, S. n. 240 p.

Muller, A. P. (1925). *Inostrannye zhivopistsy i skul'ptory v Rossii* [Foreign Painters and Sculptors in Russia]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 96 p.

Muller, A. P. (1927). *Byt inostrannykh khudozhnikov v Rossii* [The Life of Foreign Artists in Russia]. Leningrad, Academia. 157 p.

Ovsyannikov, Yu. M. (2001). *Velikie zodchie Sankt-Peterburga: Trezini. Rastrelli. Rossi* [Great Architects of St Petersburg: Trezzini. Rastrelli. Rossi]. St Petersburg, Iskusstvo-SPb. 629 p.

Petrov, P. N. (1869). Materialy dlya istorii stroitel'noi chasti v Rossii [Materials for the History of the Building Sector in Russia]. In *Zhurnal Ministerstva putei soobshcheniya*. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 56 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 5. List 1. Dos. 26; Stock 9. List 2. Group 1. Book 57; List 3. Group 2. Book 23, 24, 25, 28; Stock 150. List 1. Dos. 1, 3, 16; Stock 198. List 1. Dos. 641, 696, 737.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 467. List 1. Book 4g. Dos. 158; Book 7v (483/1440). Dos. 220; List 3 (560/1579). Dos. 4, 8; List 3 (565/1475). Dos. 6, 12; List 4. Dos. 332, 341; Stock 470. List 4 (87/521). Dos. 16.

Rosh, D. (1913). Risunki N. Pino, prednaznachennye dlya Rossii [Drawings by N. Pino, Intended for Russia]. In *Starye gody: Ezhemesyachnik dlya lyubitelei iskusstva i stariny*. No. 5. St Petersburg, Tipografiya "Sirius", pp. 3–21.

Semyonova, L. N. (1998). *Byt i naselenie Sankt-Peterburga* [The Everyday Life and Population of St Petersburg]. St Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr "BLITs". 254 p.

Sobko, N. P. (1882). Frantsuzskie khudozhniki v Rossii: Zhivopisets Lyudvig Karavakk [French Artists in Russia: Painter Ludwig Carawack]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 8. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, pp. 3–29.

The article was submitted on 26.10.2017

DOI 10.15826/qr.2018.1.286
УДК 711(470.23-25)+94(470.23-25)"17"+930.2

**ДВОРЕЦ ФЕДОРА АПРАКСИНА И «ОБРАЗЦОВЫЙ ДОМ»
Ж.-Б. ЛЕБЛОНА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО
АРХИТЕКТОРА В ПЕТЕРБУРГЕ ПО НОВЫМ
ИСТОЧНИКАМ***

Роксана Реброва

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

**FYODOR APRAKSIN'S PALACE AND J.-B. LE BLOND'S
"MODEL HOME": NEW DATA ON THE FRENCH
ARCHITECT'S PLANS FOR ST PETERSBURG**

Roksana Rebrova

State Hermitage Museum,
St Petersburg, Russia

Referring to different aspects of works by Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, the author demonstrates the influence that the construction and planning methods of French architecture had on the formation of early St Petersburg. Le Blond had a major influence on the development of the Russian architectural school. The educational system he developed was implemented, and his ideas were made manifest in an architectural treatise by Pyotr M. Yeropkin. The article mentions twelve addressees who received plans for 'model homes'. The author provides evidence that Pyotr Apraksin's house was also a 'model home for the eminent' by Le Blond. Fyodor Apraksin's manor and palace were built according to an individual project of the architect, the only one implemented in his lifetime. Later, the palace was demolished, and its foundations became part of the Winter Palace, now housing the State Hermitage. In 1999, archaeological excavations were carried out in the Great Courtyard of the Hermitage, which helped discover the foundations of F. M. Apraksin's manor and the materials used in its construction. The archaeological

---

* *Citation:* Rebrova, R. (2018). Fyodor Apraksin's Palace and J.-B. Le Blond's "Model Home": New Data on the French Architect's plans for St Petersburg. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 130–138. DOI 10.15826/qr.2018.1.286.

Цитирование: Rebrova R. Fyodor Apraksin's Palace and J.-B. Le Blond's "Model Home": New Data on the French Architect's plans for St Petersburg // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 130–138. DOI 10.15826/qr.2018.1.286 / Реброва Р. Дворец Федора Апраксина и «образцовый дом» Ж.-Б. Леблona: деятельность французского архитектора в Петербурге по новым источникам // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 130–138. DOI 10.15826/qr.2018.1.286.

finds, made of local types of marble and limestone, testify to Le Blond's attempts to find deposits suitable for construction in the vicinity of St Petersburg. With a view to optimising construction and making it cheaper, the architect worked with local manufacturers, which is proved by the discovery of so-called 'moon glass'.

Keywords: history of 18th-century Russian architecture; Peter the Great; Jean-Baptiste Le Blond; F. Apraksin; State Hermitage; Winter Palace.

На примере различных аспектов деятельности архитектора Ж.-Б. Леблона демонстрируется значение методов строительства и планирования французской архитектуры в создании облика раннего Петербурга. Деятельность Ж.-Б. Леблона оказала большое воздействие на развитие архитектурной школы России. Была реализована разработанная им структура образования, его идеи были воплощены П. М. Еропкиным в архитектурно-строительном трактате. Известны 12 адресатов, получивших «образцовый проект» для строительства. Представлены доказательства того, что дом Петра Матвеевича Апраксина также строился по проекту «образцового дома для именитых» Ж.-Б. Леблона. Усадьба и дворец Федора Матвеевича Апраксина строились по индивидуальному проекту архитектора, единственному, воплощенному при жизни зодчего. Затем дворец был снесен, и его фундаменты стали основанием части Зимнего дворца (теперь – здание Государственного Эрмитажа). В 1999 г. в большом дворе Эрмитажа происходили раскопки, в результате которых были обнаружены фундаменты усадьбы Ф. М. Апраксина и материалы, использовавшиеся при строительстве дворца Федора Матвеевича. Археологические экспонаты из местных пород мрамора и известняка наглядно представляют результаты поисков Леблоном в окрестностях Петербурга месторождений горных пород, пригодных для строительства. Для оптимизации и удешевления строительства архитектор работал с местными производителями, о чем красноречиво свидетельствуют находки «лунных стекол».

Ключевые слова: история русской архитектуры XVIII в.; Петр I; Ж.-Б. Леблон; Ф. Апраксин; Эрмитаж; Зимний дворец; образцовый проект.

Архитектор Жан Батист Александр Леблон (Jean-Baptiste Alexandre Le Blond) – один из тех, кто заложил основы архитектурно-строительной школы России, несмотря на то, что он проработал здесь три неполных года¹. Многие работы Леблона долгое время оставались забытыми или приписывались другим архитекторам, как, например, в случае с «образцовым проектом дома для именитых», ошибочно приписываемым Д. Трезини. Между тем, только за один строительный сезон (1717 г.) им были осуществлены следующие работы: грот и канал в Петергофе,

¹ По версии известного петербургского историка Евгения Анисимова, изложенной в его статье «Поучительные истории. Жан-Батист Александр Леблон», прославленный французский архитектор умер от унижения после того, как Петр Первый оскорбил его и ударил палкой [Анисимов].

переделки фасада и интерьеров Большого Петергофского дворца, разработка проекта дворца и парка в Стрельне, проект Петербурга и Летнего сада, укрепление и план острова Котлин. К его инженерным заслугам относят участие в строительстве моста через реку Нарову (см.: [Medvedkova, p. 192; Калязина, 1993, с. 39; Калязина, 1984, с. 100]).

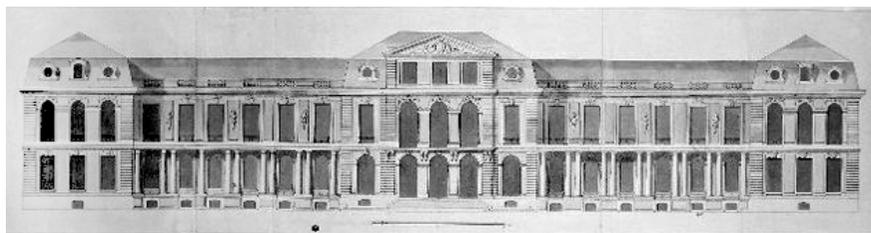
Многие из его идей и усилий в организации строительства воплотились после его кончины. Например, при создании архитектурной школы была реализована разработанная им структура образования. Его методы строительства и работа с материалом отразились в архитектурно-строительном трактате «Должности Архитектурной экспедиции» (под основным авторством П. М. Еропкина) [Аркин, с. 7]. Среди полностью осуществленных его архитектурных городских проектов – дворец Ф. М. Апраксина.

Наибольшее распространение получил проект «образцового дома для именитых», посланный Леблоном Петру I в момент путешествия императора во Францию (ил. 1). При получении Петр I велел сделать с него копию и направил обратно для осуществления (18–29 апреля) [Мезин, с. 63].

1. Гравюра А. И. Ростовцева по чертежу Ж. Б. Леблona. Проект «образцового дома для именитых». Надпись внизу: «Присланный от его царского величества чертеж, по которому всем на реку строящимся строить таковым образом езихт»

A. I. Rostovtsev's engraving under drawing by Jean-Baptiste Le Blond. The project of a "model home" for eminent city-dwellers. Caption: "Based on His Royal Majesty's Drawing, and it is ordered that every building along the river should be built like this"

2. Ж.-Б. Леблон. Чертеж Адмиралтейских палат. 1717
J.-B. Le Blond. Drawing of Admiralty Palace. 1717

В мае 1717 г. чертеж «образцового дома» оказался в Петербурге и был принят в Санкт-Петербургскую походную канцелярию. Было напечатано 18 копий чертежей, и проект был «роздан для реализации» [Михайлова, 2003, с. 12, 63]. Проект весьма скромнен по убранству и абсолютным размерам, но именно он берется за основу застройки Васильевского острова и становится в процессе формирования аристократического квартала своего рода модулем как в отношении стиля, так и в отношении масштаба [Там же]. Количество домов, построенных по «образцовому проекту» Леблона, точно определить не представляется возможным. А. Ю. Михайлова выявила девять корреспондентов, которым было предложено строительство по этому проекту [Михайлова, с. 62]². Большая часть домов должна была строиться на Васильевском острове, и часто процесс строительства затягивался, проект видоизменялся, иногда работы и вовсе прекращались. К 1725 г., по воспоминаниям В.-Ф. Берхгольца, дома вельмож, которым были даны план и приказание строиться, внутри еще не были отделаны [Берхголец, с. 272].

Кроме того, на аксонометрическом плане Санкт-Петербурга П. де Сент-Илера выявлено три «образцовых» дома, построенных по проекту Леблона, которые следует добавить к перечню Михайловой. Первый дом директора «канцелярии от строений» У.А. Сенявина расположен на первой линии Васильевского острова, хозяин владел им в 1720–1730-х гг. На момент составления плана дом принадлежал Академии художеств [Аксонометрический план, с. 129]. Следующий – на набережной Большой Невы между 7-й и 9-й линиями – дом вице-президента коммерц-коллегии Г. фон Фика (владел домом до 1732 г.). Третий принадлежал белгородскому губернатору П. М. Салтыкову (владел домом до 1740-х гг.) [Там же, с. 135].

К домам на Васильевском острове, построенным по проекту Леблона, следует отнести и дом Петра Матвеевича Апраксина.

² Адресатами, получившими чертежи в 1717 г., были архитектор Григорий Устинов («для строения полат госпожи генеральши Полонской (вдове Татьяне Дмитриевне)»), граф И. А. Мусин-Пушкин, Ф. М. и А. М. Апраксины, Т. Н. Стрешнев, московский губернатор К. А. Нарышкин и даже «царевич сибирский» (ему вручали дважды – 22 июня 1717 г. и 26 января 1718 г.), дьяк Федор Воронов и вице-губернатор Петербурга А. Ф. Клокачев. Среди девяти получателей – знатные люди, связанные с царем узами крови, или его окружение [Михайлова, с. 62].

На плане Сент-Илера (лист 15 (114)), вдоль набережной Малой Невы изображена группа частновладельческих домов, принадлежащих барону С.Г. Строганову и Академии наук (прежние владельцы – П.М. Апраксин, Н.А. Демидов) [Там же, с. 115]. Предположение, что дом П.М. Апраксина также построен по проекту Леблona, вытекает из следующих фактов:

- способ застройки Васильевского острова, где «образцовые дома» служили модулями в организации пространства;
- рассылка и получение в 1717 г. всеми владельцами участков на Васильевском острове проектного чертежа «образцового дома»;
- одновременное начало работы Леблona над проектом и возведением дворца для Федора Матвеевича Апраксина и получение его старшим братом Петром Матвеевичем (1659–1728), президентом Юстиц-коллегии в 1716–1717 гг., участка на стрелке Васильевского острова для строительства;
- одновременное проведение отделочных работ в строящихся дворце и доме братьев Фёдора и Петра Апраксиных одним из членов французской строительной и ремесленной колонии Бартеlemi Симоном (Barthelemy Simon) [Антонов, с. 124; Михайлова, 2003, с. 203]³.

В 1719 г. Симон работает над украшением фронтона в тимпане дворца Федора Апраксина и помещает туда свинцовый барельеф «длиною 40 и высоту 9 футов» с изображением герба Апраксина, сделав такой же герб на дворцовой стороне [Антонов, с. 126]. Другие работы были вырезаны им из дерева для интерьера Большого зала (картуш с гербом владельца, дельфины, морские эмблемы и т. д.) [Там же]. В это же время он украшает дом старшего брата адмирала Петра Матвеевича Апраксина. Дом на берегу Невы был убран снаружи и внутри произведениями Симона. В тимпане, так же как и во дворце брата Федора, с парадной, то есть со стороны реки, установлен родовой герб, на коньке фронтона – свинцовые статуи, олицетворяющие силу и благоразумие, «в горницах – 6 богато украшенных ручной лепкой печей» [Антонов, с. 127].

К сожалению, ни одна из осуществленных Леблoном в Петербурге построек не дошла до современников без переделок и утрат. В большинстве случаев сохранились только фундаменты и части стен, как и в случае с дворцом и усадьбой Ф. М. Апраксина, на фундаментах которой частично расположен Зимний дворец. В процессе археологических раскопок последнего времени (начались в 1999 г.) среди находок выявлялись строительные материалы, которые позволяют дополнить представление о деятельности Леблona в период его пребывания в Петербурге.

Обнаруженные материалы, применявшиеся при строительстве дворца Федора Апраксина, не только характеризуют непосредственную работу архитектора, но и наглядно представляют результаты по-

---

³ Симон, Бартеlemi Гийом, резчик, помощник Пино. Брат жены Никола Пино Марианны [Михайлова, с. 203].

исков Леблоном в окрестностях Петербурга месторождений горных пород, пригодных для строительства. Обладая широкими полномочиями, полученными от Петра Первого, Леблон работал по всем направлениям, связанным со строительством. Местные материалы были дешевле, не требовали дорогостоящих длительных перевозок, что ускоряло сроки возведения зданий. Им были найдены недалеко от Петергофа залежи сланца, алебастра, глины и мрамора [Medvedkova, p. 190], причем последний был очень хорошего качества. Об этом писал в 1717 г. 8 октября в Париж помощник Леблона Лави (Lavie) [Medvedkova, p. 190]. Возможно, из этих месторождений – и фрагменты серых с прожилками мраморных плит, найденные в слоях, относящихся к времени постройки дворца.

К времени деятельности Леблona можно отнести и кусок капители ионического ордера, и оконные стекла. Капитель ионического ордера вырезана из твердого известняка явно местного происхождения. Очевидно, капитель принадлежит внутренней отделке дворца Ф. М. Апраксина, так как в декоре более позднего «растреллиевского» Зимнего дворца подобный материал и стиль отделки не применялись. Это предположение подкрепляется тем, что, работая над декором дворца Федора Апраксина, уже упоминаемый скульптор Симон сделал в вестибюле четыре ионических капители и четыре пилястра, в горницах – шесть «богато украшенных ручной лепкой печей да еще 8 десюдепотов» [Антонов, с. 127].

Новейшие подходы к организации строительства, практиковавшиеся во Франции, внедрялись Леблоном при организации стекольных и кирпичных заводов. Именно в эти годы в стекольном производстве происходит переход от применения дерева для розжига печей к углю, что позволяло увеличить температуры плавки и уменьшить масштабы вырубki лесов. Во Франции этот переход начался в 1710-е и завершился в 1723 г. указом о полном запрещении употребления дерева для производства стекла [Losier, p. 165]. Именно Леблон докладывал Петру I о бессистемной вырубке лесов и настаивал на переходе на уголь для интенсификации кирпичного, черепичного и изразцового производства [Medvedkova, 190].

Не исключено также, что найденные в усадьбе Апраксина оконные стекла могли быть закуплены во Франции или произведены французскими специалистами на петербургских заводах. Например, в счете Канцелярии от строений князю Меншикову от 1711 г. читаем: «6 ноября 13-й день к строению домов царского величества 4 ящика стекол французских по 15 рублей... в 14 день в Зимний дворец царского Величества 1 ящик стекла французского» [РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 186. Д. 263 (1711 г.). Л. 651 об.]⁴.

Оконные стекла для Петербурга того времени были редким материалом. Еще в 1713 г. сюда вместе со многими другими строитель-

---

⁴ Ссылка и текст архивного дела любезно предоставлены Е. А. Андреевой.

ными материалами было выслано несколько подвод слюды. В 1715 г. Петром I было дано задание закупить за границей и отправить в Петербург 150 ящиков оконных стекол [Луппов, с. 106]. В окрестностях Петербурга в 1710–1720-е гг. было всего два стекольных завода, Ямбургский в основном обслуживал строительство царских резиденций, поставлял оконные стекла, зеркала. Жабинский в числе прочей продукции выпускал оконные круги, так называемые «лунные стекла» [Ашарина, с. 7].

Существует два типа стекол из археологических находок, относящихся к раннему Петербургу. Загадку, какой из них «французский»⁵ и почему он так называется, еще предстоит решить. Возможно, в названии идет речь о месте происхождения технологии формовки оконного листа. Первый способ формовки характеризуют собой оконные стекла, найденные в Большом дворе Эрмитажа, то есть на месте усадьбы Апраксина. Они представляют собой «круги», расплюснутые в квадрат со следом от понтии в центре, что указывает на их ручное производство, и относятся ко времени раннего Петербурга, так как их размер совпадает с размерами подлинных археологических рам из Меншиковского дворца. Форма вставляемого стекла должна была быть квадратной, размер – 16 x 16. Найденные стекла не превышают этих величин. Такая же мелкая расстекловка присутствует и в проекте Леблona центрального зала-салона для Петергофского дворца [Калязина, 1984, ил. 19]. Второй способ выдувания оконного стекла можно увидеть на примере стекла из развалов Зимнего дворца Петра I, разительно отличающегося от стекол «Апраксина». Они намного тоньше, зеленоватого оттенка, непрозрачные. В этом случае стекольное полотно выдувалось в виде цилиндра, который потом разрезался вдоль и превращался в достаточно тонкий лист с небольшим валиком по краям. Последний способ, в силу его большей технологичности и лучшего качества получаемой продукции, скорей всего, и есть «французский».

Итак, к перечню реально построенных по «образцовому проекту» Ж.-Б. Леблona зданий в Петербурге можно с уверенностью отнести дом П. М. Апраксина, а число известных получателей «образцового чертежа для именитых» увеличить до 13. Жан-Батист Леблон, делегированный Петром I в Петербург для создания европейского архитектурного лица новой столицы, эффективно справлялся со своей задачей. На частном примере постройки дворца Ф. М. Апраксина благодаря уникальным археологическим находкам и архитектурным реконструкциям, связанным с раскопками, прекрасно прослеживаются удачные попытки французского «десанта» в применении новых методов строительства и внедрении технологий, повышающих качество, в интенсификации процесса, результатом которого становятся поиск и разработка местных месторождений строительных материалов.

---

⁵ Завод Левкина. Построен в 1722 г. в Можайском уезде. Выпускал оконные «французские и сундушные стекла разных рук» [Из истории русской керамики, с. 46].

Список литературы

Аксонетрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 гг. (план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.) : альбом : в 2 кн. / науч. ред. В.С. Соболев ; сост. Т. П. Мазур ; пер. С. В. Силинского, И. И. Буровой, С. Б. Ямпольской. СПб. : Крига, 2003. 342 + 248 с. + 2 раскл. карты-схемы.

Анисимов Е. В. Поучительные истории: Жан Батист Александр Леблон // Неприкосновенный запас [сайт]. 1999. № 3 (5). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/1999/3/anis.html> (дата обращения: 22.01.2018).

Антонов В. В. Б. Симон – помощник Пино // От Средневековья к Новому времени : Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века / под ред. Т. В. Алексеевой. М. : Наука, 1984. С. 124–130.

Аркин Д. Е. Русский архитектурный трактат-кодекс XVIII века // Архитектурный архив. 1946. № 1. С. 7–20.

Ашарина Н. А. Русские заводы художественного стекла XVII–XVIII веков // Из истории русской керамики и стекла XIII–XIX веков : сб. тр. Т. 62. М. : Изд. Гос. ист. музея, 1986. С. 3–87.

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 3–5 / пер. с нем. И. Аммона // Юность державы. М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. 520 с.

Калязина Н. В. Леблон и Меншиков // Петербургские чтения : тез. докл. науч. конф., посв. 290-летию Санкт-Петербурга, 24–28 мая 1993 г. : в 2 вып. / сост. Т. А. Славина и др. СПб. : Санкт-Петерб. асс. исследователей города, 1993. Вып. 2. Культура и международные связи Санкт-Петербурга в Петровское время. С. 38–48.

Калязина Н. В. Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени : Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века / под ред. Т. В. Алексеевой. М. : Наука, 1984. С. 94–122.

Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 186 с.

Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб. : Европ. дом, 2015. 310 с.

Михайлова А. Ю. Французские художники при русском императорском дворе в первой трети XVIII века : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 25 с.

РГАДА. Ф. 150. Д. 16. 1717 г.

РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 18 б. Д. 263. 1711 г.

Losier C. Bouteilles et flacons : Les Contenants utilitaires français du début du XVIII siècle XIX siècle au dé but du XIX siècle : Aspects techniques et sociaux // J. of Glass Studies. 2012. Vol. 54. P. 151–179.

Medvedkova O. Jean-Baptiste Alexandre le Blond – De Paris à Saint-Petersbourg. Paris : Alain Baudry & Cie Paris, 2007. 359 s.

References

Anisimov, E. V. (1999). Pouchitel'nye istorii. Zhan Batist Aleksandr Leblon [Instructive Stories. *Jean-Baptiste Alexandre Le Blond*]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3 (5). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/1999/3/anis.html> (mode of access: 22.01.2018).

Antonov, V. V. (1984). B. Simon – pomoshchnik Pino [Simon – Pino's Assistant]. In Alekseeva, T. V. (Ed.). *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: materialy i issledovaniya po russkomu iskusstvu XVIII – pervoi poloviny XIX veka*. Moscow, Nauka, pp. 124–130.

Arkin, D. E. (1946). Russkii arkhitekturnyi traktat-kodeks XVIII veka [The Russian Architectural Treatise and Code of the 18th Century]. In *Arkhitekturnyi arkhiv*. No. 1, pp. 7–20.

Asharina, N. A. (1986). Russkie zavody khudozhestvennogo stekla XVII–XVIII vekov [Russian Factories of Artistic Glass between the 17th and 18th Centuries]. In *Iz istorii russkoi*

keramiki i stekla XIII–XIX vekov. Sbornik trudov. Moscow, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, pp. 3–87.

Berhgoltz, F. V. (2000). Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha-Vil'gel'ma Berkhgol'tsa. 1721–1725. Ch. 3–5 [Kamer-Junker V. F. Berhggoltz's Diaries. 1721–1725. Parts 3–5] / transl. by I. Ammon. In *Yunost' derzhavy*. Moscow, Fond Sergeya Dubova. 520 p.

Kalyazina, N. V. (1984). Arkhitektor Leblon v Rossii (1716–1719) [Architect Le Blond in Russia (1716–1719)]. In Alekseeva, T. V. (Ed.). *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: materialy i issledovaniya po russkomu iskusstvu XVIII–pervoi poloviny XIX veka*. Moscow, Nauka, pp. 94–122.

Kalyazina, N. V. (1993). Leblon i Menshikov [Le Blond and Menshikov]. In Slavina, T. A. (Comp.). *Peterburgskie chteniya : tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 290-letiyu Sankt-Peterburga, 24–28 maya 1993 g. v 2 vyp.* St Petersburg, Sankt-Peterburgskaya assotsiatsiya issledovatelei goroda. Iss. 2. Kul'tura i mezhdunarodnye svyazi Sankt-Peterburga v Petrovskoe vremya, pp. 38–48.

Losier, C. (2012). Bouteilles et flacons : Les Contenants utilitaires français du début du XVIII siècle XIX siècle au dé but du XIX siècle. Aspects techniques et sociaux. In *Journal of Glass Studies*. Vol. 54, pp. 151–179.

Luppov, S. P. (1957). *Istoriya stroitel'stva Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka* [The History of the Construction of St Petersburg in the First Half of the 18th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 186 p.

Medvedkova, O. (2007). *Jean-Baptiste Alexandre le Blond – De Paris à Saint-Pétersbourg*. Paris, Alain Baudry & Cie Paris. 359 p.

Mezin, S. A. (2015). *Petr I vo Frantsii* [Peter I in France]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 310 p.

Mikhailova, A. Yu. (2003). *Frantsuzskie khudozhniki pri russkom imperatorskom dvore v pervoi treti XVIII veka* [French Artists at the Russian Imperial Court in the First Third of the 18th Century]. Avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova. 25 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Documents]. Stock 150. Dos. 16. 1717 g.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 467. List 1. Book 18 b. Dos. 263. 1711 g.

Sobolev, V. S. (Ed.), Mazur, T. P. (Comp.). *Aksonometricheskii plan Sankt-Peterburga 1765–1773 gg. (plan P. de Sent-Ilera, I. Sokolova, A. Gorikhvostova i dr.). Al'bom v 2 kn.* [The Axonometric Plan of St Petersburg in 1765–1773 (the Plan of P. de Saint-Hilaire, I. Sokolov, A. Gorikhvostov, etc.). Album. 2 Books] / transl. by S. V. Silinskii, I. I. Burova, S. B. Yampol'skaya. (2003). St Petersburg, Kruga, 342 + 248 p. + 2 raskl. karty-skhemy.

The article was submitted on 10.07.2017

DOI 10.15826/qr.2018.1.287

УДК 910.4(470.11:430)+94(4)"1700/1721"+94(470.23-25)"17"

**МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ЦАРСТВОМ:
ПУТЕШЕСТВИЕ ПОДЪЯЧИХ ИЗ АРХАНГЕЛОГОРОДСКОЙ
ГУБЕРНИИ НА ТЕАТР СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ
В 1716–1718 ГГ.***

Александр Лавров

Сорбонна,
Париж, Франция

**BETWEEN EMPIRE AND TSARDOM: THE TRIP OF CLERKS
FROM ARKHANGELSK PROVINCE TO THE THEATRE
OF THE GREAT NORTHERN WAR, 1716–1718**

Alexander Lavrov

Sorbonne Université,
Paris, France

This article considers a new source that has not previously attracted the attention of researchers: an account of a journey undertaken by clerks from Arkhangelsk province to Pomerania. In 1716, the clerks, who served in the local administration in Kevrola and Mezen, were sent to take the money collected from Arkhangelsk province to the regiments of Peter the Great's army. The clerks travelled through Moscow, Novgorod, St Petersburg, Narva, Dorpat, Riga, Mitau, and, on their way home, through Smolensk and Moscow. The most important feature of this account is that it is not an official report (it is hoped that the official report will also be found in archives), but that it was written for a private purpose. Thus, it can be considered the first Russian travelogue to describe a trip between the two Russian capitals, and also one of the first Russian descriptions of St Petersburg (many modern foreign descriptions of St Petersburg are well known, but the text in question is one of the oldest Russian descriptions). As far as their narrative manner is concerned, the clerks were conservatives rather than innovators in their approach to writing. Describing every town in their own manner, they were

---

* *Citation*: Lavrov, A. (2018). Between Empire and Tsardom: The Trip of Clerks from Arkhangelsk Province to the Theatre of the Great Northern War, 1716–1718. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 139–150. DOI 10.15826/qr.2018.1.287.

Цитирование: Лавров А. Между Империей и Царством: путешествие подъячих из Архангелогородской губернии на театр Северной войны в 1716–1718 гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 139–150. DOI 10.15826/qr.2018.1.287.

primarily interested in the relics of Orthodox saints and miracle-working icons. Their description of St Petersburg is very laconic: furthermore, it is hardly surprising that the clerks lacked a means of expression colourful enough to describe Protestant Courland and the Catholic Grand Duchy of Lithuania. The combination of the official purpose of the trip and its route, connecting the most important 'lieux de mémoire' of Russia, makes this account unique.

Keywords: travelogue; Petrine epoch; 18th century St Petersburg; Great Northern War; Nikita Telitsyn.

Статья посвящена новому источнику, никогда не привлекавшему внимания исследователей, – запискам подьячих Архангелогородской губернии об их путешествии в Померанию. В 1716 г. подьячие, служившие на Кевроле и на Мезени, были отправлены для того, чтобы отвезти в полки действующей армии деньги, собранные с этой губернии. Путь подьячих пролегал через Москву, Новгород, Петербург, Нарву, Дерпт, Ригу и Митаву. Они вернулись обратно через Смоленск и Москву. По мнению автора, самое важное в записках – это то, что они не являются официальным отчетом (можно надеяться, что официальный отчет тоже когда-нибудь будет найден в архивах), а написаны для себя. Таким образом, перед нами первый русский травелог, представляющий путешествие из Москвы в Петербург, а также одно из первых русских изображений новой столицы (мы знаем много современных иностранных описаний Петербурга, но найденный автором текст является одним из старейших его русских аналогов). Отмечено, что по своей нарративной манере подьячие были скорее архаистами, нежели новаторами – в изображении любого города они выделяли в первую очередь его святых, мощи святых и чудотворные иконы. Описание Петербурга получилось у них лаконичным, и неудивительно, что у них не хватило красок для изображения Курляндии и Великого княжества Литовского. Сочетание деловой цели путешествия и его маршрута, соединившего важнейшие «lieux de mémoire» России, делает это путешествие по своему уникальным.

Ключевые слова: путевые записки; Петровская эпоха; Петербург XVIII в.; Северная война; Никита Телицын.

Петровское время оказалось временем пространственной мобильности в масштабах, не знакомых Московскому государству. Призванные в армию рекруты, мобилизованные на строительные работы крестьяне и посадские, не говоря уже о путешествовавших по «казенной надобности» государственных служащих, перемещались по всей Европейской части страны. Среди последних были и подьячие из Архангелогородской губернии, посланные с «казной» на фронт Северной войны. Таким образом, перед нами сравнительно новый случай, когда за границу отправлены были не военные или дипломаты, а представители местной администрации. Кажется знаменательным то обстоятельство, что подьячие отправились за границу почти одно-

временно с царем (в описании Москвы они отмечают «персону» царя, украшавшую ворота в Кремле, которая как бы замещала временно отсутствовавшего самодержца). Два заграничных путешествия Петра I оказались рубежом в культурном осмыслении русскими людьми собственного опыта за границей, в переосмыслении самого понятия «путешествия». И если первые статейные списки петровских дипломатов еще вполне напоминают статейные списки XVII в., то вскоре обнаруживается бинарность опытов и текстов, при которой официальный отчет о миссии мог дополняться частными заметками об увиденном и пережитом, не предназначенными для начальства. Именно это и произошло с подьячими: один из них составил заметки о поездке, не являющиеся официальным отчетом. Это тем более знаменательно, что путевые записки канцелярских служителей этого времени не известны исследователям. С. Н. Травников, посвятивший несколько исследований путевым запискам петровского времени, работал с текстами дипломатов и «стипендиатов», посланных Петром в Западную Европу, которые он сопоставил с записками паломников в Святую землю (кажется, что обе эти группы источников ранее не сопоставлялись друг с другом) [Травников, 1987; Травников, 1989]. Памятники этих двух групп, исследованные С. Н. Травниковым, могут быть безусловно объединены одной общей чертой – и те, и другие описывали иной, «чужой», или «сакральный» мир. В этом отношении записки кеврольского подьячего Никиты Телицына и его товарищей представляют исключение, так как большая их часть посвящена Российской империи. Именно эта двойственность, эта сложная задача описания «своего» и «чужого» и делает текст таким интересным.

Записки сохранились в единственном списке в рукописном сборнике из собрания Н. С. Тихонравова [РНБ, собрание Н. С. Тихонравова, № 319, л. 251–262] (цит. по: [Георгиевский, с. 56–57])¹. Несмотря на печатное описание, они не привлекли к себе внимания исследователей. Биографии, как, впрочем, и почерк Телицына и его товарищей неизвестны – можно сказать, что здесь необходимы новые исследования в фрагментарно сохранившихся архивах петровских местных учреждений. Таким образом, саму историю «посылки» кеврольских подьячих приходится восстанавливать исключительно по их запискам.

Согласно «Запискам», задачей подьячих было отвезти деньги, разложенные на Архангельскую губернию, в полковые кассы полков, находящихся на театре Северной войны. Таковых полков было 12 – они тщательно перечислены в росписи, а содержание их требовало астрономической суммы:

---

¹ Путевые записки содержатся в сборнике, содержащем «Александрию», «Хождение Трифона Коробейникова», «Историю о Петре Златые ключи» и отрывки из «Записок» А. А. Матвеева. Очевидно, невыразительный заголовок, данный тексту в описании («Записи подьячих 1716 года»), сказался и на отсутствии исследовательского интереса к нему.

В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в круглых скобках с указанием номеров листов рукописи.

Роспись полкам,
 которые положены на Архангельскую губернию.
 От кавалерии
 Архангелогородской,
 Тобольской,
 Каргополской
 От инфантерии,
 Вологоцкой,
 Гранодерской,
 Азовской,
 Новгородской
 Белогороцкой
 Нарвской
 Невской
 Саксонской
 Копорской,
 Всего 12 полков (л. 253)².

Всего на одну треть года полагалось по 4 397 руб. 99,75 коп. на один кавалерийский полк, и по 4 399 – на один солдатский. Пересчитав на 12 полков, подьячие получили 52 785 руб. и полкопейки, а на 12 полков и целый год – 158 355 руб. и полторы копейки. Мои подсчеты, проведенные на основании тех же базовых цифр, дали расхождения на несколько копеек. Мне остается неясным, везли ли подьячие всю годовую сумму или только одну треть, но и в первом, и во втором случае казна получилась такой впечатляющей, что им приходилось служить и грузчиками, и охранниками.

Согласно «Запискам», подьячий Иван Шмаков «с товарищи» выехали с Мезени в Архангельск 1 октября 1716 г., «в самый праздник Покров». Тремя днями позже с Кевролы отправились в губернский город подьячий Никита Телицын «с товарищи». Встретившись на Усть-Пенеге, они продолжили свой путь до Архангельска, где, очевидно, и получили всю сумму на руки (л. 256). Покинув Архангельск 15 февраля 1717 г., они через Вологду, Ярославль, Ростов, Пере-

² Из кавалерийских полков, названных в «Записках», совершенно ясно отождествляются Архангелогородский драгунский и Каргопольский драгунский (последний известен также как полк Ивана Болтина). Среди солдатских достаточно просто отождествить Вологодский, Азовский и Новгородский полки – это, соответственно, полки Р.В. Брюса, И.А. Буша и Н.Н. Балка. Нарвский, Невский и Саксонский солдатские полки известны также как полки поручика А. А. фон Шнобеда, Кулика и Самуила фон Ренцеля. «Копорский» полк упоминается также как полк Афанасия Скрипицына.

О Новгородском полке известно, что он действовал в Померании в 1711–1718 гг., а Нарвский полк локализуется там же в 1714 г. Из других источников известно и об участии Саксонского полка в военных действиях под Копенгагеном в 1716 г.

Зато трудно что-либо сказать о Тобольском драгунском полке. Не совсем ясна идентичность «Гренадерского» полка, так как таковых было несколько. То же самое можно сказать и о «Белогороцком» полке – М.Д. Рабинович находит Белгородский гарнизонный солдатский полк на Украине и впервые упоминает под этим названием под 1727 г. [Рабинович, № 126, 138, 185, 194, 250, 315, 564].

славль и Троицу добрались до Москвы (5 марта 1717 г.), откуда через Торжок и Новгород приехали в новую столицу. Из Петербурга их путь лежал через новозавоеванные балтийские провинции – через Нарву, Вольмар, Дерпт и Ригу. Переехав рубеж, подьячие оказались в Курляндии, а затем на основной территории Речи Посполитой. Добравшись до полков и сдав деньги, они вернулись через Смоленск, Вязьму и Москву.

Если бы подьячие подробнее рассказали о своей встрече с офицерами петровской армии, наконец получившими долгожданное жалование, то их произведение могло бы стать одним из интереснейших источников по истории Северной войны. Однако кеврольские и мезенские подьячие пошли по иному пути, практически обойдя саму цель своей поездки, включив в «Записки» как раз то, что не могло попасть в официальный отчет, – путевые впечатления. Проезжая через каждый город, подьячие методично отмечали находившиеся там православные церкви – можно полагать, что они молились в них, но сами авторы не сочли собственные религиозные чувства достойными упоминания. Даже если эти церкви занимали вполне скромное место рядом с протестантскими соборами и католическими церквями, последние не привлекали внимания путешественников и не вызывали у них интереса. Все это сближает наши путевые записки с традиционным жанром, несомненно знакомым их авторам, – с описаниями паломничеств³.

В соответствии с этим в путевых записках вырисовывается как бы два круга – с одной стороны, города Московского государства, описание которых превращалось в каталог реликвий, с другой стороны, новая столица и прибалтийские города, которые были исключительно бедны в этом отношении, но описывались по той же схеме. Если представить себе «ментальную карту» подьячих, то на ней отчетливо вырисуются два центра, от которых идет отсчет всех расстояний – это новая и старая столица. Можно сказать, что авторы путевых записок как бы описывают две пересекающиеся, но не полностью совпадающие между собой сферы – Московское царство с его реликвиями и созданную Петром I империю.

Империя

Имперское пространство структурируется благодаря созданным Петром губерниям. Показательно, что в свои заметки подьячие включили список губерний с новейшими поправками, связанными с уступкой Азова (1713):

---

³ Систематически используя поездки с казенной подорожной для того, чтобы осматривать чудотворные иконы, мощи святых и другие реликвии Святой Руси, подьячие действовали точно так же, как и воеводы Московского государства, тоже пользовавшиеся новым назначением для осмотра местных святынь [Лавров, р. 375–384].

Роспись губерниям: Московская, Санктъпитербургская, Архангелогородцкая, Киевская, Смоленская, Казанская, Нижегородская, Сибирская, Азовская, а ныне Тамбовская (л. 253 об.).

В то время как семантическим центром Московского царства является старая столица, центром имперского пространства оказывается новая. Примечательно, что авторы пытаются описать Петербург по той же схеме, по которой они описывают и старинные русские города – начиная с соборов и церквей:

А Санкт-Петербург город каменной а около ево земляной вал, а стоит край Невы реке. А в городе соборная церковь Петра и Павла и Иван Великий она же, а воне города меж канцеляриями да гостиным двором церковь Живоначалныя Троицы. За гостиным двором церковь Казанския Богородицы.

За Невкою рекою церковь Самсона Странноприимца, на другой стороне Неве реке церковь Симеона Богоприимца, в Морской церковь Исакия Далмацкого, в Тотарской церковь Николы Чюдотворца, на Васильевском острове церковь Василия Кесарийскаго (л. 263 об. – 264).

И канцелярии, и гостиный двор попали сюда только как ориентиры, которые помогали описать местоположение петербургских церквей. В этом описании прежде всего обращают на себя внимание две детали: Петропавловский собор, никогда не имевший алтаря или придела во имя Св. Иоанна, назван «Иваном Великим» – скорее всего, потому что он выполнял в новой столице ту же роль, что и звонница Архангельского собора – в старой. Привлекает внимание и не зафиксированная другими источниками церковь Василия Кесарийского на Васильевском острове. Кажется, что эта церковь, о времени основания которой можно только догадываться, может объяснить и название Васильевского острова, о котором до сих пор делаются самые разные предположения.

К имперскому пространству принадлежали и балтийские города, завоеванные во время Северной войны. Показательно, что авторы следуют для Нарвы той же модели описания, что и для Петербурга, то есть описывают православные храмы, не упоминая даже о существовании лютеранских. Подробно описываются либо военные разрушения, либо фортификационные сооружения, оставшиеся по наследству от шведского периода⁴. Некоторая попытка вписать Нарву и Дерпт в старое «московское» пространство сделана путем перечисления их старых названий (Юрьев Ливонский и Ругодив – л. 258 об.).

Показательно, что здесь можно различить два рода границ – одни, чисто фиктивные, отделяют культурное пространство Московского

---

⁴ Например, о Нарве сказано, что «в городе ныне жилья никакого... живут во(в)не грода» (л. 258 об.).

царства от новозавоеванных территорий, другие, реальные, служат границами империи. Совершенно ясная граница первого типа проведена между ливонской Нарвой и русским Ивангородом:

А за Наровой рекой город каменной же против того ж города а строением царя Ивана Васильевича, а зовется Ивангород, а в нем церковь Николы Чюдотворца,

– пишет автор, приписывая царю Ивану IV заслуги великого князя Ивана III (л. 258). Напротив, в дальнейшем, когда, переехав границу, подьячие въедут в герцогство Курляндское, находившееся под вассалитетом Речи Посполитой, сам характер описания будет наталкивать на то, что границы размыты. Например, правящая в Митаве Анна Иоанновна названа не герцогиней, как это следовало бы, а царевной:

Митава город, вал земляной, а в нем строение каменное, курлянского князя, а ныне живет государыня царевна Анна Ивановна (л. 259).

Напротив, возвращаясь через Великое княжество Литовское на родину, подьячие четко отметили момент пересечения границы между Речью Посполитой и Россией.

Московское царство

Описание Москвы начинается с кремлевских соборов. В Успенском соборе внимание подьячих привлекли Риза Господня и раки митрополитов Ионы, Петра и Филиппа, в Чудове монастыре – рака митрополита Алексия. Среди всех великокняжеских и царских надгробий в Архангельском соборе подьячие отметили только раку царевича Дмитрия Угличского, а в церкви Спаса-на-Бору – мощи Св. Стефана Пермского. За пределами Кремля подьячих заинтересовали только реликвии московских юродивых, сосредоточенные по соседству – в соборе Василия Блаженного и в церкви в Зарядье:

У Троицы на Рвы от Спаского мосту в пределе мощи Василия Юродиваго. От Зарядья в пределе же мощи Иоанна Юродиваго. В Зарядье церковь и мощи почивают, Максим Юродивой (л. 252).

Для Новгорода центральным является, конечно, описание собора Святой Софии. Оно оказывается особенно интересным благодаря подробному представлению его некрополя, который неоднократно переделывался и переосмыслился, как это было показано в исследовании В. Л. Янина. Подьячие увидели следующее:

А в городе соборная церковь каменная во имя Софии Премудрости является Божией здание превеликое. А святых чюдотворцов в ней опо-

чивают с летнюю страну в пределе почивают князя Мстислав да Феодор новгородские чудотворцы.

В пределе ж сряду почивает Никита Архиепископ новгородский чудотворец.

С северную страну в пределе ж почивают князь Владимир да княгиня Анна.

С северную ж страну от глубника в пределе ж почивает Иоанн архиепископ новгородской чудотворец (л. 255 об. – 256).

Совершенно очевидно, что подьячие увидели то, что им показывали. Отметим, что при этом они описали все увиденное с исключительной точностью. «С летнюю страну», то есть в южной части собора, а точнее, в Рождественском приделе, они увидели раки князей Мстислава Ростиславича и Федора Ярославича, брата Александра Невского (последние были перенесены из Юрьева монастыря в Смутное время)⁵. На южной стороне собора (то есть справа от иконостаса) действительно покоились мощи князя Мстислава Храброго, а также князей Мстислава и Федора. Отметим, что данные подьячих оказываются порой исключительно правильными – они совершенно точно локализируют мощи Св. архиепископа Иоанна в «глубнике», то есть в северо-западной части собора, в придельной церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи, где они были обретены в 1439 г. и где находились с тех пор [Янин, с. 159–160]⁶. Несколько труднее понять указание на мощи Св. Архиепископа Никиты, которые подьячие увидели «в пределе ж сряду» – если понять так, что они вошли в собор с южной паперти, то они действительно находятся сразу у входа («сряду»), то есть в арке, отделяющей церковь Иоакима и Анны от Рождественского придела.

Именно в связи с этой исключительной точностью оказывается особенно интересной история с князем Владимиром Ярославичем и с княгиней, обычно отождествляемой с его матерью княгиней Анной. Согласно В. Л. Янину, их саркофаги регулярно переносились с места на место. Первоначально они находились в Корсунской паперти, где их помещают все описания первой половины XVII в. Если довериться реконструкции В. Л. Янина, то после 1654 г. мощи должны были оказаться в разных частях храма – у северного и у южного выхода [Янин, с. 136 и след.]. Но подьячие, очевидно, увидели их совершенно в другой части храма – в северной, поблизости от Богословской паперти. Сомневаться в точности наблюдений подьячих не приходится, поэтому логично будет предположить, что они зафиксировали какое-то передвижение саркофагов, которое не было отмечено другими источниками.

⁵ Описание новгородской святыни протопопом Максимом, 1634 г. [Янин, с. 221–222]. В. Л. Янин выдвигает ряд аргументов в пользу того, что мощи принадлежали не князю Мстиславу Ростиславичу Храброму, а князю Мстиславу Ростиславичу Безокому [Там же, с. 119–126].

⁶ Глубником называют северо-западный ветер, а также северо-западную сторону. Интересно, что составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» характеризуют это слово как «местное» [Словарь, вып. 4, с. 35].

В целом описания святынь Московского царства свидетельствуют о достаточно традиционной религиозности, к чертам которой следовало бы отнести особое почитание юродивых. Петровская церковная реформа еще не началась, и те попытки преобразований, которые сделаны были за первые полтора десятилетия нового века, никак не повлияли на взгляды подьячих. Это тем более интересно и характерно, поскольку у нас нет никаких данных для того, чтобы усомниться в лояльности наших авторов по отношению к Петру или в их служебном рвении.

Старое и новое

Записки подьячих представляют собой причудливое сплетение старого и нового. К традиционным архаическим чертам можно прежде всего отнести те, которые находят соответствие в фольклорных памятниках. Сюда следует отнести рассказы об основании Москвы и о посохе Антония Римлянина, а также заметку об основании Нарвы.

Первым примером контаминации фольклорных мотивов с темами древнерусской литературы, которые воспроизводятся не по тексту, а по памяти (так что непосредственной текстуальной связи установить не удастся), является рассказ об основании Москвы.

Река Москва прослыла потому что еще до основания Москвы на том месте где церковь древняя на дворце тогда был лес великой... И тут жил старец именем Мосох. И он прорекал тако что сие место свято. И будет на сем месте царство великой Российское а Смородина де река будет Москва а где ныне гостин двор тогда было все пусто. И он старец прорекал что де тут будут съезжати всякия люди разных язык для торгу. И з Божиим изволением тако и збылось, а Смородина ж река прослыла Москва (л. 252–252 об.).

Но если сам эпоним Мосох, скорее всего, попал в записки из «Повестей о начале Москвы» [Салмина, с. 193 (третий вид)], то река Смородина является фольклорным мотивом. Значение этого древнерусского Стикса было раскрыто в работах В. Н. Мансикки и А. В. Юдина: «Она – рубеж мира иного, преграда, которую вынужден преодолеть отправляющийся в путешествие фольклорный герой... В сказках на берегах Смородины лежат кости человеческие... переправа смертельно опасна. На Смородине останавливаются на отдых былинные богатыри (Добрыня Никитич, Алеша Попович) и сказочные герои (Иван Быкович с братьями); у нее Саул Леванидович убивает царя Кунгура, а Добрыня настигает богатыря Кузьму Семерцянинова, племянника-врага Ильи Муромца. Здесь Алеша Попович находит убитого Добрыню Никитича. На реке Смородине останавливаются во время набега на Русь королевичи Левики, племянники Политовского короля, через нее переправляется в облике волка князь-оборотень Константин

(Роман) Дмитриевич, чтобы навредить им и подать сигнал к битве» [Юдин, с. 109–111]⁷.

Во-вторых, фольклорные элементы могут появляться как инкрустация внутри рассказа, восходящего к известному агиографическому нарративу. Именно так происходит в рассказе о Новгородском Антониевом монастыре, в котором подьячие описали реликвии Св. Антония Римлянина:

А на котором камени преподобный Антоний приплыл в Новгород, и тот камень в паперти, а написан на нем образ его и трость ево на гробнице, за которую он преподобный держался, а как на оном камени понесло, и он преподобный за нее схватился, и обломилася у него в руке (л. 256 об.).

Можно сказать, что и камень, и посохи Антония к XVII в. представляли собой вполне признанные реликвии святого⁸. Однако рассказ о том, какую роль мог сыграть этот посох во время путешествия, не фиксируется в агиографических текстах: здесь открывался некоторый простор для устных пояснений, который получали паломники. Очевидно, именно последние и отложились в записках подьячих.

В третьих, можно пунктирно наметить простое вкрапление фольклорных «общих мест» в сугубо книжное повествование. К таким общим местам относится объединение Ивана III и Ивана IV в одном персонаже, причем основателем Ивангорода объявляется Иван IV, а не его дед, как это следовало бы.

К элементам нового, на мой взгляд, относятся понятия, которые употребляют авторы, а также определенная ревизия паломнического нарратива, в котором появляется интерес к курьезному. Сама по себе категория «курьезного» еще не возникает в путевых записках, но авторы приближаются к ней, когда они, описывая московские и новгородские реликвии, обращают внимание на либо очень древние, либо уникальные в своем роде памятники или артефакты. Так, описывая Московский Кремль, подьячие совершенно справедливо видят его центр в церкви Спаса-на-Бору: «Средина пуп Москвы на государеве дворце церковь Спаса рекомаго на Бору самая древняя, уже лес на ней вырос» (л. 252). Точности суждения подьячих остается удивляться – собор Спаса Преображения на Бору, каменное здание которого было поставлено Иваном Калитой, являлся в описываемое время старейшим зданием Московского Кремля, которым он и оставался до своего разрушения в 1933 г. [Паламарчук, с. 97–99].

⁷ Интересная и, возможно, более поздняя параллель приведена в.: [Плюханова, с. 17–31].

⁸ Посох не упоминается ни в житии, ни в слове похвальном или в службе Св. Антонию Римлянину. В «Описании», составленном протопопом Максимом в 1634 г., которое может отражать то, что рассказывали паломникам в XVII в., упоминается только «камень», «на котором камени из Риму по водем приде», но не упоминаются посохи [Святые русские римляне, с. 233 и след.; Янин, с. 221].

Описывая Софию Новгородскую, подьячие особо останавливаются на Корсунских вратах:

А у соборной церкви з западную страну двери медные литые пречюдные, привезены из Корсуна града, а других таких пречюдных нигде не обретается в Российском государстве (л. 256 об.– 257).

Совершенно ясно, что при этом описываются так называемые Сигтунские врата, происхождение которых современные исследователи связывают с Магдебургом или с Плоцком [Поппе]⁹. Отметим, что «пречюдными» они становятся не благодаря несправедливо присвоенному им происхождению, содержащему отсылку на крещение Руси, а благодаря особо искусной работе.

К новым понятиям, которые употребляют авторы, можно отнести и вполне традиционные крепостные рвы, которые они предпочитают называть каналами. Само по себе это слово вместе с означаемым им явлением стало внедряться молодым царем начиная с 1698 г.¹⁰

Объединяя старое и новое, путевые записки архангелогородских подьячих все же больше всего привлекают своей открытостью в будущее. Это, если я не ошибаюсь, первое отечественное путешествие из Москвы в Петербург и, возможно, первый по своей дате мемуарный текст, вышедший из среды местных канцеляристов.

Список литературы

Бочаров Г. Т. Корсунские врата Новгородского Софийского собора // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М. : Наука, 1983. С. 5–33.

Георгиевский Г. Собрание Н. С. Тихонравова. Вып. 1. Рукописи. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 127 с.

Паламарчук П. Г. Сорок сороков : в 2 т. М. : Астрель, 2007. Т. 1. Кремль, Китайгород. Белый город. 253 с.

Плюханова М. Б. Гибель Петра I в реке Смородине // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1982. Вып. 604. С. 17–31.

Поппе А. В. К истории романских дверей Софии Новгородской // Средневековая Русь. М. : Наука, 1976. С. 191–200.

Рабинович М. Д. Полки петровской армии, 1698–1725 гг. : краткий справочник. М. : Гос. ист. музей, 1977. 112 с.

Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М. ; Л. : Наука, 1964. 271 с.

Святые русские римляне : Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 392 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Наука, 1975. Вып. 4 (Г–Д). 403 с. Вып. 7 (К–Крагуяр). 403 с.

⁹ Положение здесь осложняется тем, что в XVIII в. Сигтунские врата назывались Корсунскими, в то время как сейчас это название носят другие врата [Бочаров].

¹⁰ Сам термин «канал» появляется уже в «Курантах» XVII в., но служит, кажется, скорее для обозначения Канала, то есть Ла-Манша. Для обозначения искусственных водных путей, соединяющих реки, озера и моря, он впервые применяется в переписке Петра I под 1698 г. [Словарь, вып. 7, с. 52].

- Травников С. Н. Писатели петровского времени: литературно-эстетические взгляды (путевые записки). М. : Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1989. 102 с.
- Травников С. Н. Путевые записки петровского времени: проблема историзма. М. : Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1987. 98 с.
- Юдин А. В. Мифоним Смородина // Восточнoукраинский лингвистический сборник / отв. ред. Е. С. Отин. Донецк : ДонГУ, 1996. Вып. 2. С. 109–111.
- Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М. : Наука, 1988. 239 с.
- Lavrov A. La construction de la Sainte Russie : les pèlerinages des gouverneurs moscovites au XVIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 53, no. 2–3. 2012. P. 375–384.

Referenses

- Bocharov, G. T. (1983). Korsunskie vrata Novgorodskogo Sofijskogo sobora [The Korsun Gate of the Saint Sophia Cathedral in Novgorod]. In *Pamyatniki russkoi arkhitektury i monumental'nogo iskusstva*. Moscow, Nauka, pp. 5–33.
- Filin, F. P. (Ed.). (1975). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [A Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka. Iss. 4 (G–D). 403 p. Iss. 7 (K – Kraguyar'). 403 p.
- Georgievskii, G. (1913). *Sobranie N. S. Tikhonravova. Vyp. I. Rukopisi* [Collection of N. S. Tikhonravov. Iss. 1. Manuscripts]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoi. 127 p.
- Lavrov, A. (2012). La construction de la Sainte Russie : les pèlerinages des gouverneurs moscovites au XVIIe siècle. In *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 53. No. 2–3, pp. 375–384.
- Palamarchuk, P. G. (2007). *Sorok sorokov v 2 t.* [40 Times 40. 2 Vols.]. Moscow, As-trel'. Vol. 1. Kreml', Kitai-gorod. Belyi gorod. 253 p.
- Plyukhanova, M. B. (1982). Gibel' Petra I v reke Smorodine [The Death of Peter I in the Smorodina River]. In *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Iss. 604, pp. 17–31.
- Poppe, A. V. (1976). K istorii romanskikh dverei Sofii Novgorodskoi [On the History of the Romanesque Doors of the Novgorod Sophia]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, Nauka, pp. 191–200.
- Rabinovich, M. D. (1977). *Polki petrovskoi armii, 1698–1725 gg. Kratkii spravochnik* [Regiments of the Petrine Army, 1698–1725. A Brief Handbook]. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. 112 p.
- Ramazanova, N. V. (Ed.). (2005). *Svyatye russkie rimlyane. Antonii Rimlyanin i Merkurii Smolenskii* [The Holy Russian Romans. Anthony the Roman, and Mercurius of Smolensk]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, 392 p.
- Salmina, M. A. (1964). *Povesti o nachale Moskvy* [Tales of the Beginning of Moscow]. Moscow, Leningrad, Nauka. 271 p.
- Travnikov, S. N. (1987). *Putevye zapiski petrovskogo vremeni. Problema istorizma* [Travelogues of the Petrine Period. The Issue of Historicism]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V. I. Lenina. 98 p.
- Travnikov, S. N. (1989). *Pisateli petrovskogo vremeni. Literaturno-esteticheskie vzglyady (putevye zapiski)* [Writers of the Petrine Period. Literary and Aesthetic Views (Travelogues)]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni V. I. Lenina. 102 p.
- Yanin, V. L. (1988). *Nekropol' Novgorodskogo Sofijskogo sobora* [The Necropolis of the Saint Sophia Cathedral in Novgorod]. Moscow, Nauka. 239 p.
- Yudin, A. V. (1996). Mifonim Smородина [The 'Smorodina' Mythonym]. In Otin, E. S. (Ed.). *Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik. Vyp. 2*. Donetsk, Donetskii gosudarstvennyi universitet, pp. 109–111.

The article was submitted on 29.11.2017

ART AND DIPLOMACY

DOI 10.15826/qr.2018.1.288

УДК 745:679.8+679.852(470.5)+94(470)"18"+327(09)

ПАРА МАЛАХИТОВЫХ ВАЗ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ МАСТЕРОВ В ИМПЕРСКОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Людмила Будрина

Екатеринбургский музей изобразительных искусств,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

TWO MALACHITE VASES BY YEKATERINBURG MASTERS IN IMPERIAL DIPLOMACY**

Ludmila Budrina

Yekaterinburg Museum of Fine Arts,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The history of the art of stone carving in Russia is closely connected with the country's foreign policy. Works from the Yekaterinburg Lapidary Factory were sometimes distributed around different countries and continents as diplomatic gifts or a demonstration of gratitude from the Russian emperors. It is essential to examine the circumstances in which said objects left the country to be able to reveal the works of Ural stonecutters and assess the scale of production and the level of craftsmanship. As a result of such investigations, researchers not only manage to discover objects and attribute them (even when such information is completely lost) but also find obscure connections and parallels in the role they played in solving diplomatic issues. The author carries out such research by studying two malachite vases designed by I. I. Halberg in 1838 and made by

---

* Благодарю за помощь в подготовке публикации Эмили Рой и Эмму Гиллиланд (Emily Roy and Emma Gilliland, Waddesdon Manor), доктора Масуда Носрати и Мансуреш Аджадвари (Dr Masoud Nosrati и Mansoureh Azadvari, Golestan Palace), Пола Дэйсона (Paul Dayson, Лондон).

** *Citation:* Budrina, L. (2018). Two Malachite Vases by Yekaterinburg Masters in Imperial Diplomacy. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 151–160. DOI 10.15826/qr.2018.1.288.

Цитирование: Будрина Л. Два малахитовых ваз екатеринбургских мастеров в имперской дипломатии // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 151–160. DOI 10.15826/qr.2018.1.288 / Будрина Л. Пара малахитовых ваз екатеринбургских мастеров в имперской дипломатии // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 151–160. DOI 10.15826/qr.2018.1.288.

masters of the Yekaterinburg Lapidary Factory between 1864 and 1865. The two vases symbolise the complex situation of British and Russian policies in the Middle East and the internal expansion of Russian rail transport. One of the vases was given to a Persian shah and the other to a British financier. However, only together do they help form an idea of the complex processes of the epoch in question.

Keywords: Yekaterinburg Lapidary Factory; malachite vases; diplomatic relations; Alexander II; Nassereddin Shah Qajar; Baron L. Rothschild; I. I. Halberg.

История камнерезного искусства в России оказывается неразрывно связана с перипетиями внешней политики государства. В качестве дипломатических даров и знака благодарности российских императоров произведения Екатеринбургской гранильной фабрики оказались рассыпаны по странам и континентам. Задача выявления работ уральских резчиков, восстановления подлинных масштабов производства и оценки исполнительского уровня мастеров требует изучения обстоятельств, в которых предметы покинули страну. Порой в результате таких исследований удается не только обнаружить предметы, восстановить их атрибуцию (зачастую полностью утраченную), но и найти неочевидные связи и параллели в решении дипломатических вопросов. Примером такого исследования стало изучение пары малахитовых ваз, созданных по проекту И. И. Гальберга 1838 г. мастерами Екатеринбургской гранильной фабрики в 1864–1865 гг. Сложное сплетение интересов британской и российской политики на Ближнем Востоке и внутренняя российская экспансия железнодорожного транспорта соединились парными вазами. Одна из них стала даром персидскому шаху, вторая – британскому финансисту. Но только вместе эти части разрозненной пары дают представление о сложных коллизиях описанной эпохи.

Ключевые слова: Екатеринбургская гранильная фабрика; малахитовые вазы; дипломатические отношения; Александр II; шах Насреддин; барон Л. Ротшильд; И. И. Гальберг.

Произведения императорских гранильных фабрик, выполненные из уральского малахита, прочно вошли в историю российской дипломатии XIX в. Начиная с психи и пары столов, поднесенных Александром I в подарок прусскому королю Фридриху Вильгельму III и королеве Луизе в 1803 г. [Göres], большинство важных демаршей в российской внешней политике сопровождали малахитовые дары.

С расширением интересов Российской империи на Ближнем Востоке среди получавших такие знаки внимания появляются монархи стран этого региона. Первым из восточных властителей малахитовый дар – одну вазу «медици» из пары – получил шах Персии. Несколькими месяцами ранее вторую вазу из этой пары отправили из российской столицы в Лондон в подарок Лионелю Ротшильду. Более близкое знакомство с историческим контекстом этих даров позволило проследить связь между этими подарками. Она оказалась сложнее,

нежели обстоятельства создания камнерезных произведений, будучи тесно переплетенной с борьбой интересов европейских держав на Ближнем Востоке.

История создания пары малахитовых ваз «Медичи»

В первые пореформенные годы императорская Екатеринбургская гранильная фабрика переживает один из самых сложных периодов своего существования. Отмена крепостного права заставляет Кабинет его императорского величества искать средства для сокращения расходов. Одной из мер экономии должно было стать закрытие фабрики и передача ее в аренду в частные руки. В этих условиях полковнику П. И. Миклашевскому, ставшему директором фабрики в конце 1859 г., удалось свершить почти невозможное. Последовательно иницилируя обширное экспонирование произведений фабрики на национальных и международных выставках, он сумел доказать полезность экономически нерентабельного производства для поддержания национального престижа. Путь к этому результату лежал через обоснование необходимости завершения ранее начатых произведений, исполнение предприятием быстрых в работе и эффектных предметов (в качестве примера можно привести пару ваз из родонита и калканской яшмы, почти напрямую с фабрики отправленных в Лондон для принца Уэльского в 1866 г. [Будрина]). Летние ограничения в работе над крупными заказами, вызванные остановкой машин из-за падения уровня воды в городском пруду, традиционно преодолевались выполнением в этот сезон малахитовых предметов, исполнение которых было возможно исключительно на станках с ручным приводом.

Ввиду изложенных обстоятельств закономерным становится распоряжение директора фабрики о начале работы над двумя вазами с малахитовой мозаикой, отданное 1 июня 1864 г. [ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 377. Л. 4 об.]. Не имея заказа на исполнение этих ваз от Кабинета, П. М. Миклашевский обратился к ранее полученным эскизам. Его выбор пал на чертеж вазы-кратера 1838 г. Разработанный К. И. Росси вариант прочтения классической формы вазы-урны, известной в Европе под названием «Кампана», а в отечественном камнерезном искусстве чаще всего связанной с именем флорентийского семейства Медичи, был усовершенствован И. И. Гальбергом.

Серия чертежей с вазами «медичи» появилась в творческом наследии И. И. Гальберга в связи с отправкой в 1839 г. в подарок королеве Виктории большой вазы, исполненной годом ранее мастерами Петергофской фабрики. Авторство петергофской вазы В. Б. Семенов приписывает архитектору К. Росси [Семенов, с. 131]. Перед отправкой подарка в Лондон Гальбергу было поручено «снять меру с большой малахитовой петергофской вазы... и потом составить рисунок в такую же величину вазе формы “Медичи”...» [РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 35. Л. 10] (цит. по: [Мавродина, с. 248]). Сохранив внешние габариты предмета,

Иван Гальберг существенно усложнил рисунок. Убедиться в этом можно, сопоставив исходную вазу (в настоящее время находится в Виндзорском замке, The Royal Collection Trust, Inv. RCIN43957) и произведение, исполненное мастерами Екатеринбургской гранильной фабрики в 1841–1842 гг. (Государственный Эрмитаж, Инв. № Э.2720).

Не будет преувеличением сказать, что вариант, разработанный И. И. Гальбергом, один из самых сложных для исполнения. Ряды ов на отверстии борта и манжете ножки, выпуклые ложки на донной части емкости и каннелюры в нижней части ножки требовали от мастеров не только подбора рисунка на малахите, но и расчета необходимой для резьбы изогнутых элементов толщины мозаичных фрагментов. Эскиз предполагал дополнение каменного объема ручками из золоченой бронзы. В двух размерах этот рисунок повторялся многократно для мозаичных работ из лазурита и малахита. Самым известным вариантом интерпретации большого размера (высота 1,81 м, диаметр 1,43 м) можно с уверенностью назвать уже упомянутую вазу из Эрмитажа.

Оставшийся ранее без применения чертеж вазы меньшего размера П. И. Миклашевский отдает в работу [ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 862. Л. 31] (рис. 1). Создание пары ваз заняло около полутора лет, из которых более года длились набор малахита, его шлифовка, мастиковка и полировка [ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 377]. Оконченные в ноябре 1865 г. вазы были оценены в 9725 рублей за пару и отправлены в Петербург в следующем году [Там же. Д. 380. Л. 52 об.]. Облицованные нижнетагильским малахитом предметы имели в высоту 1 аршин 8 вершков (1,06 м) и в диаметре 1 аршин 4 вершка (0,88 м).

В отличие от ваз 1840-х гг., произведения 1860-х не получили бронзового декора в виде фигурных ручек, что позволяет оценить в полной мере работу мастеров с камнем. Мозаичный набор, в рисунке которого чередуются спирально обвивающие тулово узорные ленты и округлые цветки-глазки, свидетельствует о высочайшем уровне освоения техники малахитовой мозаики уральскими мастерами.

По не подтвержденным источниками данным, приведенным В. Б. Семеновым, вазы экспонировались в Париже на Всемирной выставке 1867 г. [Семенов, Тимофеев, с. 177]. Эта пара ваз стала последней крупной работой из малахита Екатеринбургской гранильной фабрики.

Волею судеб две малахитовые вазы оказались вовлечены в дипломатические процессы 70-х годов XIX в., развернувшиеся вокруг строительства в Персии сети железных дорог. Противостояние касалось Великобритании и России, кровно заинтересованных в тесных отношениях с Персией.

Постепенное присоединение Россией кавказских территорий, рост ее экспансии в Средней Азии не могли не беспокоить британцев, так как с продвижением русских на юг сокращалась буферная зона между владениями двух империй, возрастала угроза прямого контакта. Напряжение особенно усилилось в конце третьей четверти XIX в. Как заметил автор монографии, посвященной противостоянию двух дер-

1. И. И. Гальберг. Чертеж вазы (копия). Санкт-Петербург. 1838.
Бумага, карандаш, акварель, чернила. ГАСО

I. Galberg. The design of a vase (copy). St Petersburg. 1838.
Paper, pencil, watercolor, ink. GASO

жав, в течение одного поколения Россия «перепрыгнула через Кавказ, усилила свое влияние в Персии и утвердилась вблизи Британской Индии» [Казем-Заде, с. 12].

Не желая вступать в вооруженное противостояние, Англия и Россия пытались обеспечить свое влияние путем внедрения концессий в нуждавшуюся в инвестициях иранскую экономику. Стратегические задачи этих инвестиционных проектов обусловили их ориентир на развитие транспорта связи, разработку месторождений минеральных ресурсов. Правительство шаха Насер ад-Дина (Насреддина, 1831–1896), заботясь о пополнении казны, лавировало между предпринимателями, стремясь найти наиболее выгодные предложения и откладывая принятие на себя каких-либо обязательств. С 1864 г. начались переговоры о строительстве в Иране сети железных дорог. Первая попытка не увенчалась успехом, и в 1871 г. с новым предложением к Тегерану обратился барон Юлиус де Рейтер. Успешный немецкий предприниматель, к началу переговоров уже приобретший титул и получивший британское гражданство, пытался не только заинтересовать возможными прибылями шаха и его министров, но и заручиться поддержкой официального Лондона. Действительно, железная дорога, которая соединила бы побережья Каспийского моря и Персидского залива, отвечала интересам Британии, что не могло не вызвать недовольства в Петербурге. История концессии барона де Рейтера закончилась во время путешествия шаха по Европе летом 1873 г. В результате переговоров право строительства железных дорог в Иране перешло к русским предпринимателям. Однако противостояние бизнеса, за спиной которого стояли национальные интересы двух держав, продолжалось еще несколько десятилетий (см. об этом: [Казем-Заде]).

Необходимость больших инвестиций без надежды на быструю прибыль заставляла и отечественных бизнесменов искать государственных гарантий и даже стремиться получить финансирование из бюджета. Собственная потребность России в развитии железнодорожной сети и нехватка ресурсов обрекали персидские проекты на неудачу. Правительство Александра II само занималось привлечением иностранного капитала для развития транспортной системы страны.

Ваза английского финансиста

К традиции одевать благодарность российского монарха в форму камнерезного произведения обратились для выражения признательности «министру финансов г. Ротшльду» [Мавродина, с. 552]. Согласно архивным сведениям, ему в Лондон в качестве подарка в 1872 г. была отправлена «малахитовая ваза (№ 11) ценой 4 862 руб. 50 коп.» [РГИА. Ф. 468. Оп. 21. Д. 559. Л. 18, 18 об.] (цит по: [Мавродина, с. 552]), что составляет ровно половину от оценки работы пары екатеринбургских ваз 1864–1865 гг. – 9 725 руб. Ваза была адресована

барону Лионелю Натану Ротшильду (1808–1879), крупному финансисту, первому члену парламента из этой семьи. Несмотря на близость к британскому премьер-министру Дизраэли, Ротшильд никогда сам министерского кресла не занимал.

В семейной коллекции Ротшильдов эта ваза считается подарком императора Александра II за помощь в финансировании развития сети российских железных дорог. Это признание вклада Ротшильда было получено в 1873 г. [Roy, p. 5]. Разницу в дате между российскими архивными данными и сведениями из семьи получателя можно объяснить временной дистанцией между принятием решения о поднесении подарка и его доставкой, сопряженной, ввиду хрупкости предмета, с особыми трудностями.

В настоящее время это произведение находится в коллекции Ротшильдов (Rothschild Family Trust) в поместье Уоддесдон, где оно украшает одну из лестниц роскошного особняка. Выстроенный в 1874–1889 гг. для внука Л. Ротшильда Фердинанда (1839–1898) по проекту французского архитектора Габриэля-Ипполита Детайёра (1822–1893) в подражание французским замкам, он стал вместительным блестящим коллекций, собранных тремя поколениями семьи.

Ваза находится в прекрасной сохранности (ил. 2 на цв. вклейке). Рисунок вазы (инв. № 100.1995) и ее пропорции полностью соответствуют чертежу И. И. Гальберга. Размеры – 1070 мм в высоту и 900 мм в диаметре – также соответствуют указанным в проекте и в документации о завершении работ (106 и 88 см соответственно). Стоит отметить также изящный узор из спирально обвивающих тулово и ножку узорчатых лент, перемежающихся концентрическими «глазками».

Ваза персидского шаха

Весной 1873 г. шах Персии Насреддин начал свое первое путешествие по Европе с посещения российских городов. Целью поездки было личное знакомство монарха с обычаями других стран. Немалая роль отводилась и переговорам с политическими партнерами. Как отмечали российские газеты того времени, «факт этой поездки не может быть без связи с движением Азии к Европе, с каждым годом обозначаемым сильнее» [Шах Персии].

Особенными торжествами был отмечен визит шаха в столицу Российской империи. Приемы и балы, военные парады и выезды в загородные резиденции были призваны произвести впечатление на высокопоставленного гостя. Во время путешествия персидский монарх вел дневник, который был переведен на английский (1874) и русский (1889) языки. Среди записей, касающихся его пребывания в Петербурге, есть строки, посвященные знакомству с императорским музеем: «Мы перешли в Эрмитаж. Его директор г-н Кидиянов¹... был нам

¹ В указанный период директором императорского Эрмитажа был С. А. Гидеонов.

представлен и один за другим показал нам разные предметы – залы, полные картин, мраморных скульптур, больших и малых чаш из разных сибирских камней... столы, украшенные цветными каменными мозаиками, столы и вазы из *малахита*, особого сибирского камня, и еще много необычных и прекрасных предметов было нами увидено» [The Diary, p. 48]. Вероятно, свой восторг от увиденного шах выразил и сопровождавшим его представителям российского правительства.

Помимо познавательной и развлекательной программ, в российской столице с шахом и мирзой Хосейн-ханом князь А. М. Горчаков провел переговоры. Одним из обсуждавшихся вопросов было привлечение иностранного капитала для строительства железных дорог в Персии. В результате тонкой дипломатической игры русскому политику удалось добиться передачи по крайней мере части ранее обещанной англичанам концессии [Казем-Заде, с. 112]. На фоне растущего напряжения отношений России и Великобритании по ближневосточному вопросу это было важным шагом к закреплению русского влияния в регионе.

Успешное решение волновавшего Россию вопроса и проявленный персидским правителем интерес к каменным сокровищам императорских дворцов обусловили отправку в Тегеран символического дара. В том же 1873 г. в подарок персидскому шаху была отправлена «малахитовая ваза стоимостью 4 862 руб. 50 коп.» работы Екатеринбургской гранильной фабрики [РГИА. Ф. 468. Оп. 21. Д. 608. Л. 9] (цит. по: [Мавродина, с. 553]). Стоимость подарка, как и в случае с аналогичным, отправленным в Англию, составила половину от цены за пару екатеринбургских vaz.

Сегодня бывшая столичная резиденция шахов Голестан превращена в Национальный музей Ирана. Построенный в XVI столетии дворцовый комплекс неоднократно перестраивался, а в середине XX в. утратил часть входивших в него сооружений. Однако выстроенный в 1874–1877 гг. для шаха Насреддина роскошный зеркальный зал с примыкающими к нему комнатами и величественной лестницей сохранился до наших дней. В этих покоях сегодня можно познакомиться с разнообразными произведениями европейских и восточных мастеров прикладного искусства, полученными правителем в подарок или приобретенными во время путешествий.

Верх лестницы, стены которой сплошь покрыты зеркалами, украшает малахитовая ваза «медичи» (инв. № 1700) (ил. 3 на цв. вклейке). Несмотря на утрату части малахитовой облицовки низкого постамента (подставки) и несколько сколов на венчике борта и манжете ножки, сходство мозаичного набора с хранящимся в Англии произведением не может не обратить на себя внимание. Рисунок малахитовой мозаики на предмете полностью идентичен узору на вазе, хранящейся в Уоддесдоне. Можно также отметить, что орнамент из лент и «глазков» украшает монументальную вазу из Эрмитажа – первое воплощение крупного варианта проекта. Размеры вазы также чрез-

вычайно близки к указанным на чертеже: 106 см в высоту и 82 см в диаметре (незначительные колебания между чертежом и каждой из ваз объяснимы трудностями измерения объемных предметов сложной формы).

Почти полтора столетия малахитовые вазы, созданные екатеринбургскими мастерами, существовали отдельно друг от друга. За сменой поколений владельцев и музейных хранителей, за перипетиями истории забылась история их создания. Возвращаясь сегодня к обстоятельствам преподнесения двух дипломатических даров, в результате которых парные произведения оказались разделены целым континентом и несколькими тысячами километров, трудно не увидеть в этом символический смысл: малахитовые вазы оказались в двух ключевых для «восточного вопроса» точках. Отправленная в Англию стала уменьшенным парафразом великолепного подарка русского императора королеве Виктории и последним малахитовым дипломатическим даром в эту страну. В Тегеране подарок Александра II стал первым экспонатом в значительно расширившейся впоследствии малахитовой коллекции персидских шахов, обозначившей новые рубежи распространения моды на символ роскоши русского имперского двора.

Список литературы

Будрина Л. А. Дипломатия в розовом цвете: родонитовые вазы для европейских суверенов // Седьмые Худояровские чтения : докл. и сообщения. 15–16 октября 2015 г. Н. Тагил : [Б. и.], 2017. С. 15–19.

ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 377, 380, 862.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии : Дипломатическое противостояние России и Англии. М. : Центрполиграф, 2004. 544 с.

Мавродина Н. М. Искусство русских камнерезов XVIII–XIX веков : каталог коллекции. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 560 с.

РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 35.; Оп. 21. Д. 559, 608.

Семенов В. Б. Малахит : в 2 т. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1987. Т. 2. Хроника, документы, комментарии. 140 с.

Семенов В. Б., Тимофеев Н. И. Екатеринбургская гранильная фабрика: 1861–1917. Екатеринбург : Историко-геомологическое общество «Lithica», 2003. 496 с.

Шах Персии : Значение его поездки. Его вид. Его личность. Его слова. Его свита. Подробности о его пребывании в Петербурге // Гражданин. № 20. 1873. 14 мая. С. 589.

Göres B. Russian Furniture for the Prussian Court : A Present of Imperial Friendship // Apollo Magazine. 1992. Aug. P. 88–93.

Roy E. Russian Connections : A Trail of Objects with Russian Associations. Waddesdon Manor : The National Trust, 2014. 11 p.

The Diary of H. M. the Shah of Persia, during his Tour through Europe in a. d. 1873 / transl. by J. W. Redhouse. L. : John Murray, 1874. 427 p.

References

Budrina, L. A. (2017). Diplomatiya v rozovom tsvete: rodonitovye vazy dlya evropeiskikh suverenov [Diplomacy in Rose: Vases in Rhodonite Given to European Sovereigns]. In *Sed'mye Khudoyarovskie chteniya : nauchnoe izdanie. Doklady i soobshcheniya. 15–17 oktyabrya 2015 g.* Nizhnii Tagil, S. n., pp. 15–19.

- GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 86. List 1. Dos. 377, 380, 862.
- Göres, B. (1992). Russian Furniture for the Prussian Court. A Present of Imperial Friendship. In *Apollo Magazine*. August, pp. 88–93.
- Kazem-Zade, F. (2004). *Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomaticheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii*. [Struggle for Mastery in Persia. Diplomatic Confrontation between Russia and England]. Moscow, Tsentrpoligraf. 544 p.
- Mavrodina, N. M. (2007). *Iskusstvo russkikh kamnerezov XVIII–XIX vekov. Katalog kolleksii* [The Art of Russian Stonecutters between the 18th and 19th Centuries. Collection Catalogue]. St Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 560 p.
- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 468. List 12. Dos. 35; List 21. Dos. 559, 608.
- Roy, E. (2014). Russian Connections: A Trail of Objects with Russian Associations. Waddesdon Manor, The National Trust. 11 p.
- Semyonov, V. B. (1987). *Malakhit v 2 t.* [Malachite. 2 Vols.]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 2. Khronika, dokumenty, kommentarii. 140 p.
- Semyonov, V. B., Timofeev, N. I. (2003). *Ekaterinburgskaya granil'naya fabrika. 1861–1917* [Yekaterinburg Lapidary Factory. 1861–1917]. Yekaterinburg, Istoriko-gemologicheskoe obshchestvo "Lithica". 496 p.
- Shakh Persii. Znachenie ego poezdki. Ego vid. Ego lichnost'. Ego slova. Ego svita. Podrobnosti o ego prebyvanii v Peterburge* [Shah of Persia. The Significance of his Trip. His Appearance. His Personality. His Words. His Retinue. Details of his Stay in St Petersburg]. (1873). In *Grazhdanin*. No. 20. May 14, p. 589.
- The Diary of H. M. the Shah of Persia, during his Tour through Europe in a. d. 1873* / Transl. by J. W. Redhouse. (1874). L., John Murray. 427 p.

The article was submitted on 02.08.2017

DOI 10.15826/qr.2018.1.289
УДК 711(470)+327:7+94(44)"1937"+321.64

**«КОМПЛЕКС ПРЕВОСХОДСТВА»:
ПАВИЛЬОН СССР НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ
В ПАРИЖЕ И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ
ДИПЛОМАТИЯ***

Евгения Коньшева

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия;
Научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства,
Москва, Россия

**SUPERIORITY COMPLEX: THE PAVILION
OF THE USSR AT THE EXPOSITION INTERNATIONALE
IN PARIS AND THE SOVIET CULTURAL
DIPLOMACY****

Evgeniya Konysheva

South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia;
Scientific Research Institute of the Theory and History
of Architecture and Urban Planning,
Moscow, Russia

This article focuses on the Soviet Pavilion at the 1937 Exposition Internationale in Paris. The author reconstructs Soviet preparation and participation for this event in the context of Stalin's cultural diplomacy, which helps model the interactions between the authorities and the architectural community during the prewar period. The article considers several key aspects of the state's ideological, political, and artistic guidelines for the Pavilion: the decision-making mechanism behind

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00493.

** *Citation:* Konysheva, E. (2018). Superiority Complex: The Pavilion of the USSR at the Exposition Internationale in Paris and the Soviet Cultural Diplomacy. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 161–182. DOI 10.15826/qr.2018.1.289.

Цитирование: Konysheva E. Superiority Complex: The Pavilion of the USSR at the Exposition Internationale in Paris and the Soviet Cultural Diplomacy // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 161–182. DOI 10.15826/qr.2018.1.289 / Коньшева Е. «Комплекс превосходства»: павильон СССР на Всемирной выставке в Париже и советская культурная дипломатия // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 161–182. DOI 10.15826/qr.2018.1.289.

participation, the choice of architectural design and projects for the decoration of the Pavilion, and criteria for selecting the winners. Additionally, the author shows the decisive role of the government, the Politburo, and Stalin in making all the decisions; she also discloses the mechanism for distributing 'victories' outside the complete competitive procedures. When analysing the architectural and artistic imagery of the Pavilion, the article focuses on multiple historical and cultural contexts. Primarily, the architecture of the Pavilion correlated with the plans for the Palace of the Soviets. In addition, the author studies the correlation of the style of 1930s Soviet architecture with international architectural trends. This multi-dimensional examination allows the author to come to a conclusion about the origins and characteristics of the Soviet style used for 'export purposes' and the practice of artistic appropriation typical of socialist realism. Special attention is paid to 'Stalin's architect' B. Iofan, whose creative biography sheds light on the relationship between the totalitarian state and an artist reduced to the status of a public servant. The Soviet Pavilion at the Exposition Internationale was a reflection of the USSR: it was meant to demonstrate that the country's involvement in global processes had autarkic content. In other words, it was a demonstration of a Soviet model of the world, one based on self-sufficiency, totalitarian leadership, and victorious ideas.

Keywords: Exposition Internationale of 1937; Soviet Pavilion; cultural diplomacy; architectural image; Stalin; B. Iofan; V. Mukhina;

Рассматриваются процесс создания, размещения и функции советского павильона на Всемирной выставке в Париже 1937 г. Реконструируются этапы подготовки и участия в контексте сталинской культурной дипломатии, что дает возможность смоделировать взаимодействия власти и архитектурного сообщества в довоенное советское время. Охарактеризованы на основе архивных данных идейно-политические и художественные установки государственного заказа на проект павильона и его экспозиции; механизм принятия решения об участии в выставке и выборе архитектурного художественно-оформительского образа павильона; критерии определения победителей. Показана определяющая роль правительства и Политбюро, а также ключевая роль И. Сталина в принятии всех решений, раскрыт механизм распределения «побед» вне полноценных конкурсных процедур. При анализе архитектурно-художественного образа павильона обращено внимание на многообразие историко-культурных контекстов, реализуемых в авторами. Прежде всего это соотнесение архитектуры павильона с проектом Дворца Советов. Кроме того, это корреляция стиля советской архитектуры середины 1930-х гг. с мировыми архитектурными тенденциями. Подобное многоаспектное рассмотрение позволяет сделать вывод об истоках и характерных чертах советского стиля «на экспорт» и подтвердить практику художественной апроприации, свойственную социалистическому реализму. Отдельное внимание уделено Б. Иофану – «архитектору Сталина», чья творческая биография раскрывает взаимоотношения тоталитарной власти и творца, низведенного до статуса государственного

служащего. Советский павильон (в комплексе его архитектурно-художественного решения и экспозиции) являлся своеобразным отраженным образом СССР: «экспортная» оболочка, ориентированная на демонстрацию вовлеченности в общемировые процессы, заключала в себе автаркическое содержание – демонстрацию собственной советской модели мира, основанной на самодостаточности, тоталитарном вождизме и пропагандистском победительном пафосе.

Ключевые слова: Всемирная выставка 1937 г.; советский павильон; культурная дипломатия; архитектурный образ; И. Сталин; Б. Иофан; В. Мухина.

В заголовок статьи вынесена цитата из очерка Андре Жида «Возвращение из СССР», написанного в 1936 г., в котором автор представляет развернутое понимание «некоего комплекса превосходства», увиденного им в советских людях:

...Если они все же не безразличны к тому, что делается за границей, все равно значительно больше они озабочены тем, что за граница о них подумает. Самое важное для них – знать, достаточно ли мы восхищаемся ими. Поэтому боятся, что мы можем не все знать об их достоинствах. Они ждут от нас не столько знания, сколько комплиментов [Жид].

Это замечание иллюстрирует тезис, что комплекс превосходства является оборотной стороной «комплекса неполноценности» с его постоянной потребностью в демонстрации собственной значимости и страхом быть публично уязвленным¹.

Притязания сталинского режима 1930-х гг. на глобальное превосходство, связанные с уверенностью режима в «передовой идеологии», конструировали культурную сферу, которая рассматривалась как важнейший инструмент распространения международного влияния СССР, зафиксированного в понятии «культурной дипломатии»². Историография советской культурной дипломатии межвоенного времени пополнилась в последние годы рядом значительных работ [Clark; Дэвид-Фокс; Голубев], но по-прежнему за пределами целенаправленного исследования оказались события открытой крупномасштабной пропагандистской репрезентации советского государства на всемирных выставках в Париже (1937) и Нью-Йорке (1939).

В российском искусствоведении павильон на Парижской выставке затрагивается либо в контексте исследования стилевых поисков в советской архитектуре 1930-х гг. [Бархин; Стригалева], либо при характеристике творчества Б. Иофана, В. Мухиной, М. Суетина

¹ Подробнее об интерпретации этой дихотомии применительно к СССР 1930-х гг. см.: [Clark; Дэвид-Фокс].

² В данной статье используется определение, данное Ф. Баргхорном, – «манипуляция культурными связями для достижения политических и пропагандистских целей». Цит. по: [Голубев, с. 9].

и И. Чайкова [Эйгель; Костюк; Седов; Воронов и др.]. При этом он не является самостоятельным объектом исследования, становясь таковым исключительно при сопоставлении с германским конкурентом [Манукян] или в случае сравнительного анализа конкурсных проектов [Стригалева]. В западной историографии предлагается более широкий взгляд на объект – в контексте политико-государственных процессов в СССР и искусства тоталитарной эпохи с широким охватом стиливых истоков [Cohen; Wilson; Udovički-Selj]. Архивные материалы дают новые повороты в изучении событий и их участников, связанных с советским павильоном на парижской выставке.

Выставка 1937 г. стала для СССР первым зарубежным мегапроектом³, хотя в 1926–1930 гг. после подписания в 1928 г. Конвенции о международных выставках Советское государство приняло участие не менее чем в 142 заграничных выставках разного формата и профиля [Выставочные ансамбли СССР, с. 136–143]. Причиной этому были внешнеполитические обстоятельства, но главным фактором стали финансовые трудности, особенно в первой пятилетке – в период форсированной индустриализации. Все выставки, в которых СССР принимал участие, были относительно малобюджетными, не требовали собственного павильона и больших экспозиций. При этом критерием участия выступала, по меткому замечанию М. Дэвида-Фокса, «калькуляция политических выгод» [Дэвид-Фокс, с. 337]. Факт участия СССР во всемирных выставках в 1937 и 1939 г. свидетельствовал об укреплении международного признания страны в условиях опасности германского нацизма и о внутренней стабилизации в сравнении с «великим переломом» конца 1920-х – начала 1930-х гг. В середине 1930-х гг. пропагандистская репрезентация режима достигла своего апогея внутри страны и требовала выхода на международные просторы.

Участие в выставке в Париже дважды рассматривалось на заседаниях Политбюро в апреле 1935 г., а 29 сентября того же года предметно обсуждалось на основе доклада И. И. Межлаука, назначенного комиссаром советского павильона⁴ [Политбюро, с. 640, 649, 692]. Механизм принятия решения об участии в выставке и ее подготовке демонстрирует сложившиеся практики – формальную ответственность нес Совет Народных Комиссаров во главе с В. М. Молотовым, но за его спиной стояли Политбюро ЦК ВКП(б) и Сталин. И. И. Межлаук письменно докладывал всегда двум адресатам – Молотову и Сталину.

---

³ Советская Россия не принимала участия во Всемирных выставках ни в Барселоне (1929), ни в Чикаго (1933), ни в Брюсселе (1935), и единственным крупномасштабным проектом до середины 1930-х гг. оставалось участие в Международной выставке декоративных и прикладных искусств в Париже (1925).

⁴ И. И. Межлаук (1891–1938) – советский партийный и государственный деятель, историк и филолог, в период 1936–1937 гг. председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, брат Н. И. Межлаука – председателя Госплана СССР и заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР, в 1931–1936 гг. – заместитель управляющего делами СНК СССР. Расстрелян, как и брат, в 1938 г., реабилитирован в 1956 г.

«Основные положения программы советского участия в Парижской выставке 1937 г.» оформлялись Постановлением СНК СССР [ГАРФ. Ф. 5446. Д. 26. Л. 3], но перед этим утверждались Сталиным [Там же. Л. 5–15]. Политбюро ЦК ВКП(б) желало иметь тотальный контроль над всем процессом, вплоть до того, что было высказано «пожелание» о возведении аналога советского павильона в Париже «в целях создания надлежащих условий для правительственного просмотра». Его предполагалось выстроить на территории Постоянной всесоюзной строительной выставки в Хамовниках к осени 1936 г. [Там же. Л. 7, 167].

Докладу И. И. Межлаука на сентябрьском Политбюро ЦК ВКП(б) предшествовали интенсивные контакты с французской стороной на протяжении весны-лета 1935 г. Переговоры отличались определенной тональностью – советская сторона пыталась диктовать условия, «на которых Правительство СССР готово участвовать в Парижской выставке 1937 г.» [Там же. Д. 25. Л. 81].

Оживленные споры с генеральным комиссаром парижской выставки Э. Лаббе шли по поводу места советского павильона: первоначально советская сторона вырвала «лакомый кусок» – участок на берегу Сены с широким выходом на главную выставочную аллею перед дворцом Шайо, и размеры советского павильона предполагались в 8 тыс. м². Однако через короткое время советский комиссар был уведомлен, что размеры павильона ограничиваются, «как любой другой великой державе, например Великобритании», 5 тыс. м², а участок меняется на первоначально «забракованный» советской делегацией – там же, на берегу Сены, рядом с главной аллеей, но узкий и вытянутый (именно тот, на котором впоследствии и появится павильон СССР) [Там же. Л. 80]. Правительственный окрик «категорически потребовать отвода под советский павильон ранее обусловленной территории с широким выходом на главную аллею либо равной ей по качеству» был проигнорирован организаторами [Там же. Л. 61]. По финансовым соображениям размеры павильона пришлось уменьшить с 5 до 3,5 тыс. м² (не считая кинозала на 400 человек, эстрады и ресторана с соответствующей общей площадью сооружений около 5 тыс. м²) [Там же. Л. 82]. При этом правительственное постановление «О международной выставке в Париже» категорически требовало «выяснить на основе документальных данных расположение участков и размеры павильонов других стран, а также размеры дотаций, получаемых ими от Франции... и добиться одинаково благоприятных условий...» [Там же. Л. 61].

Несмотря на разнообразные категорические требования, советская сторона была готова принимать существовавшие условия и затрачивать немалые средства для участия в выставке. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 29 сентября 1935 г. стоимость советского участия (строительство и эксплуатация выставочных сооружений, создание экспозиции, обслуживание членов делегации, гастроли творческих коллективов и т. п.) определялась в 15–20 млн

руб. и 500 тыс. руб. золотом, включая затраты на выставочные сооружения [ГАРФ. Ф. 5446. Д. 26. Л. 153]. В последующем смета подвергалась нескольким корректировкам и к весне 1936 г. была определена в 7 млн 821 тыс. 900 руб. и 2 млн 469 тыс. руб. валютой (7409 тыс. франков) [Там же. Л. 56].

За что же СССР был готов платить такие суммы? Тема парижской выставки «Искусство и техника в современной жизни» и ее 14 групп и 75 классов экспонатов, казалось, не открывали широкого простора для политических дивидендов. Однако советская сторона решила использовать выставку как международную площадку для экспозиции, посвященную 20-летию революции, где были бы представлены «итоги соревнования двух систем – капиталистической и социалистической». Главной задачей провозглашалось

...продемонстрировать, что сделано за двадцать лет под руководством Ленина и Сталина советской властью, чтобы упрочить и улучшить благосостояние трудящихся... как ленинско-сталинская национальная политика создала крепчайшую дружбу народов СССР, как расцветает культура у советского народа, как в центре всех интересов советской власти является забота о человеке, о выявлении всех его способностей, как в результате этого появился почти во всех областях советской жизни подлинно социалистический тип человека – трудящегося героя... И как именно этот социалистический труд, развивая все стороны человеческой одаренности, делает искусство подлинно народным явлением... [ГАРФ. Ф. 5446. Д. 25. Л. 333].

Чеканная металлическая надпись «Двадцать лет социалистической революции» сверкала на фасаде завершенного павильона.

Павильон должен был «служить экспонатом выставки», и «как по внешнему, так и по внутреннему своему оформлению отражать достижения социалистического строительства за 20 лет существования советской власти...» [Там же. Л. 200–205]. Столь важная задача предопределяла монументальность форм павильона, что вступало в противоречие с временным характером выставочного сооружения и краткими сроками на его возведение. Среди всех павильонов только павильоны СССР и Германии демонстрировали монументальную мощь, показывая единство образного языка тоталитарной архитектуры. Павильоны остальных стран имели типичный выставочный характер, и эта «архитектурная легковесность» и естественный для такого типа сооружений ориентир «не столько на серьезную архитектурную проработку, сколько на смелость декоративного, подчас просто рекламно-плакатного подхода» порицались с ноткой превосходства [Шмидт, 1937]. «В архитектурном образе советского павильона не могли иметь места приемы рекламного порядка», – декларировал и сам автор советского павильона Борис Иофан [Иофан, 1938, с. 16]. Здесь воплотилась характерная черта сталинской культуры – отождествление обозначающего и обозначаемого, точно подмеченная В. Паперным. Визуальная репрезентация мощи, величия, устойчивости советского режима не могла быть представлена легковесными (и в прямом,

и в переносном смысле), пусть и эффектными формами. Успех броского павильона К. Мельникова на выставке декоративных и прикладных искусств в Париже в 1925 г. с точки зрения новой культуры не мог компенсировать его простых форм и демонстративно временного характера, в том числе и в использовании откровенно дешевых материалов. В новой реальности сборные каркасные конструкции, рассчитанные на быстрый монтаж и демонтаж, как и простые заполнители – пустотелый кирпич и гераклит – декорировались красным мрамором, темно-красным порфиром и эффектным цветным газганским мрамором.

Ключевую роль в формировании образа павильона играло проектирование главного сооружения страны – Дворца Советов, где были представлены основные тенденции сталинской архитектуры в разных аспектах – личностном, стилевом, методологическом.

Именно в связи с конкурсом на проект Дворца Советов Д. Хмельницким впервые был поставлен ключевой вопрос: «А был ли конкурс?» [Хмельницкий]. И этот вопрос актуален для всей советской конкурсной практики 1930-х гг. По утверждению И. Казуся, в начале 1930-х гг. произошел спад количества конкурсов, а оставшиеся носили преимущественно заказной, закрытый характер [Казусь, с. 128–129]. Распространение получила практика прямого распределения важных заказов конкретным архитекторам властными покровителями – именно таким образом получали некоторые заказы на проектирование, например, И. Жолтовский, Б. Иофан, А. Щусев и др. Но эта система действовала и при проведении значимых конкурсов, которые зачастую были дорогостоящими спектаклями с заранее определенными ролями. В случае с Дворцом Советов главным режиссером, единолично определявшим «актера на главную роль», выступал И. Сталин, а «главным актером» изначально был выбран Б. Иофан. Показательно, что именно Б. Иофан был председателем предварительного совещания по организации проектирования Дома Съездов в феврале 1931 г., им же был разработан и представлен план многоэтапного конкурса на проект Дворца Советов, и он же с самого начала входил в главный исполнительный орган – Управление строительства Дворца Советов, занимая в нем должность главного архитектора [Ter-Akopyan, s. 192]. Столь же показательно, что в конкурсе отсутствовало профессиональное жюри, все решения принимались внутри партийно-правительственной верхушки при определяющей роли Сталина, который контролировал весь процесс. О его непосредственных «указаниях и руководстве» неоднократно свидетельствовал Б. Иофан [Иофан, 1939а; Иофан, 1939б]. Как известно, Б. Иофан стал одним из трех обладателей высшей премии во втором туре, и по результатам 3-го и 4-го туров именно его проект был принят за основу, хотя он получил и соавторов – В. Шуко и В. Гельфрейха; в конце концов в 1934 г. был утвержден переработанный проект, выполненный этим коллективом (ил. 1).

1. Б. М. Иофан, В. А. Шуко, В. Г. Гельфрейх. Дворец Советов. Проект

B. M. Iofan, V. A. Shchyuko, V. G. Gelfreikh. Palace of the Soviets. Design

Конкурсный сценарий Дворца Советов был реализован и в случае с выставочными павильонами. Победа Б. Иофана в конкурсах на проекты советских павильонов для выставок 1937 г. в Париже и 1939 г. в Нью-Йорке была запрограммирована его должностью главного архитектора Дворца Советов. Выставки воспринимались как полигоны,

на которых должна была оттачиваться художественная концепция и обкатываться решения. Можно говорить не о трех самостоятельных произведениях, а о работе над одним ключевым проектом, где выставочные павильоны выступали лишь опытными образцами. «Меня же заботит будущая работа, по сравнению с которой Париж и Нью-Йорк – только эксперименты для главного!» – зафиксировал Э. Эйгель слова Б. Иофана [Эйгель, 1987].

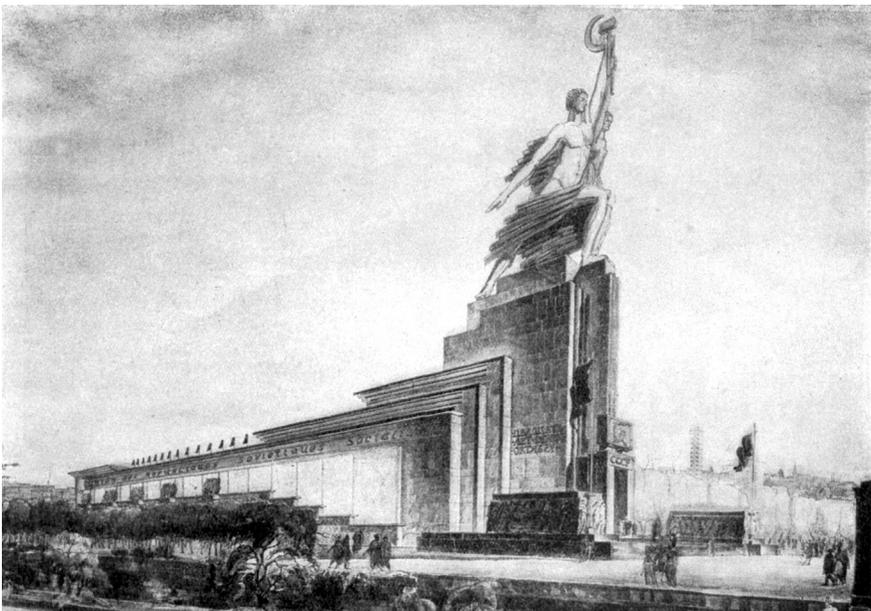
Как и в истории с проектированием Дворца Советов, Б. Иофан был привлечен к проекту на этапе его предварительной подготовки. В выборе участка для павильона и в переговорах с Э. Лаббе участвовали вместе с И. И. Межлауком Б. Иофан и А. Щусев [ГАРФ. Ф. 5446. Д. 25]. Ими же при участии С. З. Гинзбурга разрабатывалась и «программа-задание» [Там же. Л. 63]. Вероятно, А. Щусев был привлечен ввиду его опыта выставочного проектирования, поскольку он был не только автором российского павильона на Венецианской биеннале (1914), но и главным архитектором единственного осуществленного к тому времени советского выставочного комплекса – Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. Также невозможно точно сказать, кто и как определял участников закрытого конкурса, имена которых согласовывались со Сталиным и утверждались правительством, – К. Алабяна, В. Веснина, М. Гинзбурга, Б. Иофана, К. Мельникова, В. Щуко и В. Гельфрейха, А. Щусева [Там же. Д. 25. Л. 63; Д. 26. Л. 5–15]. Вероятно, и здесь был повторен в миниатюре метод организации конкурсного проектирования Дворца Советов – привлечены архитекторы владевшие разнообразным творческим языком. «Взяв на себя прямое управление культурой, Сталин пришел со своим собственным проектом и был готов принять любого, кто безоговорочно готов этот проект осуществлять, вне зависимости от того, из какого лагеря он пришел», – справедливо утверждал Б. Гройс [Гройс, 2013, с. 58]. Можно предположить, что кроме фигур Б. Иофана, В. Щуко и В. Гельфрейха (соавторов Б. Иофана в проектировании Дворца Советов), К. Мельникова (автора советского выставочного павильона на Парижской выставке декоративных и прикладных искусств 1925 г.) и А. Щусева, все остальные имена могли быть любыми другими – все равно все, кроме единственной фигуры, выступали «запасными игроками» (ил. 2).

Даже формально не было создано жюри, проекты должны были «поступить на рассмотрение правительства» [ГАРФ. Ф. 5446. Д. 26. Л. 5]. В мае 1936 г. в правительстве состоялось совещание в составе В. М. Молотова и его заместителей В. Я. Чубаря, Я. Э. Рудзутака, В. И. Межлаука и Н. К. Антипова. Это совещание, «рассмотрев проекты павильона СССР на Международной выставке 1937 г. в Париже, представленные в порядке закрытого конкурса», предсказуемо постановило «утвердить проект, представленный архитектором Б. М. Иофаном, с внесенной поправкой – обогащением входа» [Там же. Л. 219] (ил. 3).

2. В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейх. Советский павильон на Всемирной выставке в Париже. Проект. 1936

V. A. Shchyuko, V. G. Gelfreikh. Soviet Pavilion at the World Exposition in Paris. Design. 1936

3. Б. М. Иофан. Советский павильон на Всемирной выставке в Париже. Проект. 1936

B. M. Iofan. Soviet Pavilion at the World Exposition in Paris. A design. 1936

Б. Иофан полностью оправдал кредит доверия – его проект действительно был среди остальных наиболее оригинальным и одновременно в наибольшей мере соответствовал представлениям заказчика. Поиски стиля в советской архитектуре 1930-х гг. были выведены из сугубо профессионального поля, и естественные творческие искания художника были превращены в попытку нащупать «правильную линию». Метания и критика всякого архитектурного языка, имевшегося в советском спектре, начиная от «формалистов» и заканчивая неоклассиками, заставляли искать нестандартные пути. Б. Иофану в проекте Дворца Советов удалось нащупать такой путь, получивший в советском архитектуроведении наименование «ребристый стиль» [Бархин], или «пилонно-лопаточный» стиль («школа Б. Иофана») [Хан-Магомедов, с. 669]. Истоки этого стиля, что немаловажно, восходили к американскому варианту ар-деко. Увлечение «американизмом» характерно для советской архитектуры середины 1930-х гг., в том числе непосредственно связано с высотным решением Дворца Советов и соответствующей необходимостью изучения американской архитектурной практики. Л. Лисицким был найден точный термин для обозначения этого явления – «американо-небоскребный эклектизм» [Лисицкий, с. 5]. В 1934 г. была организована трехмесячная командировка в США и Европу для специалистов, занятых в проектировании Дворца Советов (Б. Иофана, В. Шуко и В. Гельфрейха). Особое внимание архитекторов привлек новейший Рокфеллер-центр в Нью-Йорке, и прежде всего Радио-Сити, которые представлены в зарисовках Б. Иофана [Эйгель, 1978, с. 182]. Совершенно откровенные реминисценции этого здания видны у Б. Иофана как в архитектуре павильона СССР в Париже, так и в конкурсном проекте здания Народного комиссариата тяжелой промышленности.

К американскому ар-деко в здании парижского павильона Б. Иофана отсылает не только его динамичное и уступчатое объемное решение, но и введение металла в обработку вертикалей главного фасада и карнизов, металлизация барельефов у главной лестницы, металлические двери и оконные переплеты. И наконец, венчающая стальная статуя, которая мыслилась Б. Иофаном сделанной из легко светлого металла [Иофан, 1938, с. 19].

Подобное обращение к, казалось бы, совершенно чужеродным формам было вполне в русле советской эстетики. Как было отмечено Б. Гройсом, «в контексте соцреализма апроприация рассматривается как легитимная художественная практика» [Гройс, 2013, с. 15], и методом реинтерпретации буржуазное эстетство ар-деко превращалось в рупор советской пропаганды. «Американизированный» стиль Б. Иофана представлялся наиболее подходящим для «экспортной» репрезентации советского государства. Авангардная архитектура к этому времени была однозначно осуждена, и дать повод к ее реабилитации было невозможно. Но также невозможно было представить Западу архаику «исторических стилей» в качестве архитектурного

образа государства, претендующего на роль мирового центра. «Копирование архитектурных стилей прошлого не должно иметь места», – было четко прописано в программе-задании на составление эскизного проекта павильона СССР [ГАРФ. Ф. 5446. Д. 25. Л. 205–200].

Советский павильон должен был явить миру и метод социалистического реализма, проявленный в «образной насыщенности» здания, его «идейной полноценности» [Аркин, 1937, с. 6]. Однако пропагандистско-манипулятивные возможности архитектурных форм весьма ограничены, они не обладают красноречием литератора или художника, формируя знаковый код, доступный для дешифровки лишь искусственному зрителю. Единственный путь создания визуального образа, доступного для понимания широких масс, – использование языка изобразительных искусств – скульптуры и живописи. Соответственно, одной из стержневых установок сталинской архитектуры стало понятие синтеза искусств, впервые внятно сформулированное в ходе проектирования Дворца Советов – «плодотворная и смелая идея синтеза двух искусств» и необходимость «рассматривать Дворец Советов как памятник Ленину», где здание служило бы постаментом, была высказана лично И. Сталиным [Атаров, с. 43]. Именно как эксперимент в поиске синтеза искусств понимал Б. Иофан свою работу над проектами выставочных павильонов в Париже и Нью-Йорке [Эйгель, 1987].

Синтез искусств стал обязательным в архитектурном проектировании с 1934 г., и характерно, что все конкурсные проекты выставочного павильона в Париже предусматривали скульптурные формы и почти все проекты предлагали высотный акцент. Но Б. Иофан предложил самое смелое решение – не вертикаль, но динамичную устремленность ввысь, не скульптурный декор, но трактовку архитектурной формы как пьедестала для венчающей двухфигурной скульптурной группы, фактически повторив одобренный властью принцип решения Дворца Советов. Архитектор решился на еще более смелый эксперимент, применив ранее не практиковавшиеся соотношения между скульптурой и зданием: скульптура занимала около трети всей высоты сооружения. В сравнении со статуей Дворца Советов венчающая скульптура павильона имела и более сложное образное решение, основанное на многоуровневой интерпретации «присвоенного». Отсылка автора к античным тираноборцам и стремительному порыву Ники Самофракийской с идеей отражения «своей динамикой стремительного роста достижений первого в мире социалистического государства, энтузиазма и жизнерадостности нашей великой эпохи построения социализма» [Иофан, 1938, с. 13] явно была сложна для подобной трактовки в массовом восприятии. Необходимость, «чтобы любой человек при первом взгляде на наш павильон почувствовал, что это павильон Советского Союза» [Там же], заставила автора прибегнуть к использованию прямолинейно и недвусмысленно трактуемых символов – серпа и молота, превращая классические статуи в образы рабочего и крестьянки.

Реализация на практике попытки заставить архитектуру внятно и громко говорить дала результат, неожиданный для автора идеи. В мае 1936 г. правительством был объявлен очередной закрытый конкурс на разработку эскиза венчающей скульптуры для павильона. Состав участников конкурса вновь определялся кулуарно – А. А. Андреев, М. Т. Манннер, В. И. Мухина, Н. Д. Шадр-Иванов [ГАРФ. Ф. 5446. Д. 26. Л. 220]. По свидетельству В. И. Мухиной, ей просто вручили пакет с правительственным предписанием к участию в конкурсе и указанием, что к работе нужно приступить немедленно [Суздаев]. В качестве жюри выступали высшие правительственные чины – В. М. Молотов и его заместители, И. И. Межлаук и, за их спинами, Сталин. В отличие от предыдущего конкурса, результат не был предопределен, и в полном смысле слова победу одержала В. Мухина, развив замысел Б. Иофана. Она оставила свидетельства о механизме принятия решения и авторе окончательного вердикта. Характерным примером является история с развевающимся за фигурами рабочего и колхозницы шарфом, без которого, с точки зрения В. И. Мухиной, «разваливалась вся композиция и связь скульптуры со зданием». Показателен ее диалог с И. И. Межлауком на предварительном просмотре, который посоветовал к окончательному просмотру сделать три разных варианта композиционного решения шарфа:

– Зачем? – спросила скульптор. – Кое-кто сильно возражает против шарфа. – У Мухиной внутри что-то оборвалось, она словно пошатнулась. – Зачем, разве убедишь? – с трудом произнесла она. – Докажете от противного [Суздаев].

Не вызывает сомнения, кем был этот «кое-кто», имея в виду реакцию В. Мухиной, к тому времени уже имевшей трагический опыт попытки бегства из страны вместе с мужем А. Замковым, его ареста и совместной административной ссылки. Даже после утверждения эскизного проекта ей пришлось менять решение летящей материи пять раз, предъявляя варианты В. М. Молотову [Мухина, с. 38]. Вождь появился на сцене и лично. В марте 1937 г. в день официальной приемки скульптуры правительственная комиссия вновь вернулась поздно вечером уже во главе со Сталиным, который осматривал скульптуру в свете прожекторов. После этого Б. Иофан передал В. Мухиной, что «правительство очень довольно» [Тоом].

Для наглядности идейного содержания Б. Иофан предложил синтез искусств в варианте фактической равнозначности архитектуры и скульптуры и, с его точки зрения, в результате «скульптура приобрела новое архитектурное качество, становясь не деталью архитектурной отделки, а одним из основных архитектурных объемов сооружения, но выполненным средствами пластического искусства...» [Иофан, 1938, с. 16]. Но архитектор столкнулся с сильным скульптором, по своему понимающим идею синтеза искусств: «Нельзя растворять скульптуру в архитектуре, и та и другая должны сохранять свою специфику даже в абсолютной гармонии синтетического образа», –

считала В. Мухина [Суздалев]. Скульптура «Рабочий и колхозница» не только была идейно главенствующей, она подчинила себе архитектуру павильона, превратив ее в постамент. Скульптура В. Мухиной оказалась настолько самоценна, что смогла существовать отдельно от архитектуры, ее образ был широко растиражирован, известность скульпторы и ее автора затмила архитектора павильона. Но несмотря на явно неожиданный и несколько неприятный для Б. Иофана результат, его союз с В. Мухиной позволил осуществить упомянутую выше главную задачу, поставленную перед проектировщиком советского павильона – служить самостоятельным резонансным экспонатом выставки, представляя *«социалистическое государство рабочих и крестьян»* (курсив в тексте источника. – Е. К.) [Аркин, 1938, с. 4] (ил. 4).

4. Советский павильон на Всемирной выставке в Париже. 1937. Главный фасад

Soviet Pavilion at the World Exposition in Paris. 1937. Main façade

Стоит заметить, что советский павильон имел и рельефный декор, оставшийся в тени скульптурной группы, в то время как изначально ему отводилась немаловажная идеологическая роль. В первых эскизных проектах Б. Иофана он был решен чисто архитектурными средствами, лишь с единственной гербовой доской над входом (ил. 5).

5. Советский павильон на Всемирной выставке в Париже. 1937. Фрагмент интерьера

Soviet Pavilion at the World Exposition in Paris. 1937. Fragment of interior

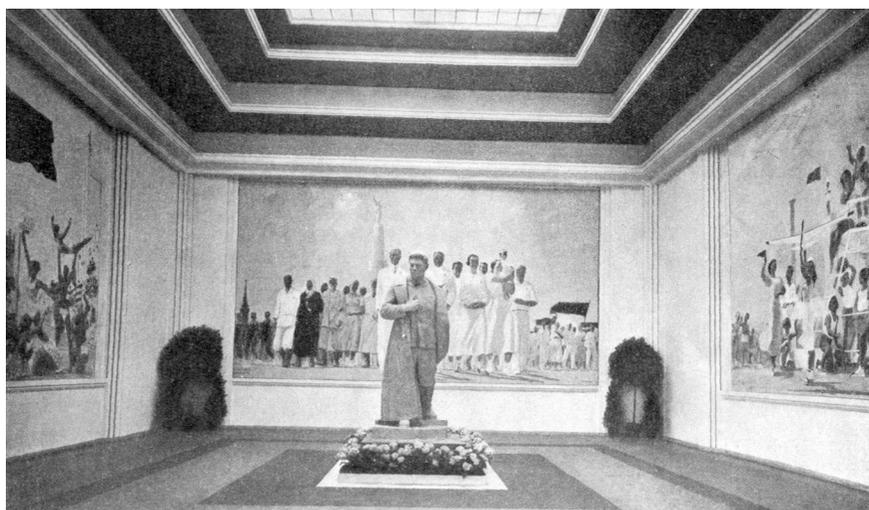
Именно требование правительственной комиссии «обогащать вход» и некие «очень ценные указания», на которые ссылается архитектор, привели к появлению иного решения – с богатым рельефным убранством [Иофан 1938, с. 18]. По сторонам торжественной мраморной лестницы (17,6 м шириной) были размещены пилоны, оформленные четырехметровыми повествовательно-натуралистическими барельефами И. М. Чайкова «Народы СССР», а непосредственно над входом, кроме герба СССР, были помещены барельефы В. А. Фаворского, посвященные быту народов СССР. Акцентировка темы «национального» была одной из важных задач, поставленных перед проектировщиками павильона и экспозиции, представляя характерный пример репрезентации симулякра: экзотическая национальная культурная традиция являла собой красочную декорацию и иллюстрацию «дружбы народов» при реально шедшем процессе укрепления унитарного государства [ГАРФ. Ф. 9499. Д. 1. Л. 76].

Внутренняя структура советского павильона была выстроена по анфиладному принципу, и здесь Б. Иофан превратил в преимущество изначальное недостатки участка. Его узкий и вытянутый характер,

предопределивший размеры здания (160 x 21,5 м), позволил сформировать анфиладу, а размещение над уклонным подземным тоннелем – разноуровневую структуру с эффектными парадными лестницами, что позволяло добиться эффекта нарастающего впечатления [Иофан, 1938, с. 33]. Для оформления интерьеров был выбран экс-авангардист Н. М. Суетин, способный создать достойный «экспортный вариант» дизайна, соответствовавший духу ар-деко павильона Б. Иофана и задачам демонстрации передового характера советского искусства.

Экономичный метод формирования советских экспозиций 1920-х – начала 1930-х гг., а именно приоритетная роль стендового материала (схем, диаграмм, текстов, фото и т. п.), остался неизменным и в дорогостоящей экспозиции выставки в Париже. Редкие инсталляции – крупномасштабная мозаичная карта «Индустрия и естественные богатства СССР», трактора «Сталинец-65» и «Челябинец», автомобили ЗИС-101 и М-1 – притягивали взгляд, как и небольшое число макетов промышленных и общественных сооружений. При этом ключевым принципом отбора была способность экспоната служить «витринным образцом» СССР и отражать тему триумфального шествия советской власти за 20 лет Октябрьской революции. Экспозиционный посыл был выражен предельно откровенно – предоставить зрителям возможность «изучения средств и способов, с помощью которых СССР разрешил все экономические и социальные проблемы» [Открытие советского павильона] (курсив мой. – Е. К.).

Стержнем экспозиционной драматургии стала персонификация достижений, прежде всего в лице И. В. Сталина, а также В. И. Ленина и некоторых других государственных деятелей «ближнего круга». По продольной оси были расставлены «ключевые точки». Открывал экспозицию вестибюль с монументом Конституции на фоне фотомонтажа Г. Клуциса «Провозглашение Конституции СССР И. В. Сталиным делегатам VIII съезда» и сверкающих металлом изречений Ленина и Сталина над мраморными панелями зала. На следующих уровнях доминировали статуя Ленина С. Д. Меркурова и пятиметровый макет Дворца Советов, увенчанной статуей вождя. Последний зал – «апофеоз 20-й годовщины Советского Союза» [ГАРФ. Ф. 5446. Д. 26. Л. 61], к которому вела 11-метровая по ширине мраморная лестница – был решен с эффектной театральностью. Посреди пустого зала стояла мраморная 3,5-метровая статуя Сталина того же автора, окруженная с трех сторон громадными (6 x 6 м) панно «Знатные люди Страны Советов» А. Дейнеки, «Советская физкультура» А. Н. Самохвалова и «Дети Страны Советов» А. Ф. Пахомова (ил. 5, 6). Итоги выполнения двух пятилеток и основные направления третьей «на фоне изображения революционных празднеств среди портретов и скульптур тов. Сталина и его ближайших соратников», первоначально предполагавшиеся в этом зале программой экспозиции [Там же. Л. 7], трансформировались исключительно в персонификацию вождя.

6. Советский павильон на Всемирной выставке в Париже. 1937. Фрагмент интерьера

Soviet Pavilion at the World Exposition in Paris. 1937. Fragment of interior

Искусство, заявленное в программе выставки, кроме народных промыслов, было представлено картинами и скульптурами советских художников, при этом среди нескольких десятков произведений красной нитью проходила тема прославления вождей. Так, из 20 скульптурных произведений десять представляли собой статуи, бюсты и барельефы, изображавшие Ленина, Сталина, Орджоникидзе, еще два монумента были посвящены советской Конституции⁵. То же самое касалось живописи⁶. Почти все произведения были отобраны с выставок «Художники РСФСР за XV лет» (1932–1934) и «XV лет РККА» (1933), пройдя, таким образом, двойной контроль. Под заказ выполнялись только монументальные панно⁷. Причем панно заказывались бывшим «ОСТовцам» П. Вильямсу, А. Лабасу, А. Дейнеке, Ю. Пименову, А. Гончарову либо близким к ОСТу А. Пахомову и А. Самохвалову, мастерам «Голубой розы» М. Сарьяну

⁵ Сведения из перечня экспонатов советского павильона см.: [ГАРФ. Ф. 9499. Д. 53. Л. 25–27].

⁶ «Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года» И. И. Бродского, «Ленин в Смольном в Октябрьские дни 1917 года» и «Ленин в Разливе» М. К. Соколова, «Первая конная армия» и «Доклад И. В. Сталина на XVI съезде ВКП (б)» А. М. Герасимова, «К. Е. Ворошилов и А. М. Горький в тире ЦДКА» В. С. Сварога и др. Были представлены почти исключительно «классики» соцреализма – Б. В. Иогансон, А. М. Герасимов, И. И. Бродский, В. С. Сварог, Т. Г. Гапоненко, Г. Рязский или же советская тема в произведениях И. И. Машкова, И. Э. Грабара, П. П. Кончаловского, М. В. Нестерова, К. Ф. Юона, А. А. Рылова и др.

⁷ «Авиация» А. А. Лабаса, «Спектакль на крейсере» и «Танцы народов СССР» П. В. Вильямса, «Расцвет народного искусства» М. С. Сарьяна, «Колхозная деревня» П. В. Кузнецова, «Концерт в цехе» А. Д. Гончарова, «ДнепрогЭС» Н. Г. Котова, «Стахановцы» Ю. И. Пименова.

и П. Кузнецову. Их выбор определялся стилистикой павильона Б. Иофана и внутреннего оформления Н. Суетина, с которым бы очень мало корреспондировали типичные соцреалистические произведения. Представленное в советском павильоне искусство соцреализма резко контрастировало своей дидактической повествовательностью и натуралистичностью с авангардным языком искусства в павильонах западных стран (П. Пикассо, Р. Дюфи, Ф. Леже, Л. Сюрваж, Р. Делоне и др.).

По окончании Парижской выставки ее организаторы отчитывались «о крупном успехе. Из 30 млн зрителей, побывавших на выставке в июне-ноябре 1937 г., около 20 млн посетило павильон СССР – наибольшее число среди павильонов 44 стран» [РГАСПИ. Ф. 82. Д. 762. Л. 94]. Павильон собрал 265 наград, из которых были 95 гран-при, 70 золотых медалей, 40 серебряных, шесть бронзовых и больше полусотни дипломов [Там же. Л. 82–87]. Советский павильон привлек широкое внимание с момента начала выставки – на его открытии 25 мая присутствовало около 2 тыс. человек (включая членов французского правительства [Открытие советского павильона]), что отражало не только несомненный интерес к новому участнику и романтический флёр загадочной Страны Советов, но и явную политическую составляющую. Огромный резонанс был ценен сам по себе, поскольку даже отрицательные отзывы фиксировали желаемую интерпретацию образа, метко сформулированную журналистом «Вашингтон пост»: «две огромные скульптуры мужчины и женщины бросают вызов миру, простирая руки с серпом навстречу завоеванию отдаленного, но абсолютно ощутимого будущего» [Голомшток, с. 132]. Советский павильон представлял при этом зримое противоречие внутреннего и внешнего образов. «Экспортная» архитектурная оболочка, ориентированная на демонстрацию знания и включенности в общемировые процессы, заключала в себе автаркическое содержание – свидетельство собственной советской модели мира, основанной на самодостаточности, тоталитарном вождизме и пропагандистском победительном пафосе.

Список литературы

Аркин Д. Е. Архитектурный образ Страны Советов // Павильон СССР на Всемирной выставке в Париже : Архитектура и скульптура. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. С. 3–9.

Аркин Д. Е. Советский павильон // Архитектура СССР. 1937. № 9. С. 5–8.

Бархин А. Д. Ребристый стиль высотных зданий и неоархаизм в архитектуре 1920–1930-х // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 3. С. 56–65.

Воронов Н. В. Рабочий и колхозница. М. : Моск. рабочий, 1990. 96 с.

Выставочные ансамбли СССР. 1920–1930-е годы : Материалы и документы / под ред. В. П. Толстого. М. : Галарт, 2006. 468 с.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 29. Д. 25, 26; Ф. Р-9499. Оп. 1. Д. 1, 53.

Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. М. : Галарт, 1994. 296 с.

Голубев А. В., Невежин В. А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии: 1920-е – первая половина 1940-х гг. М. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. 238 с.

Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 168 с.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента : Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / пер. с англ. В. Макарова ; науч. ред. перевода М. Долбилов и В. Рыжковский. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 568 с.

Жид А. Возвращение из СССР // Жид А. Возвращение из СССР. Фейхтвангер Л. Москва 1937. М. : Политиздат, 1990. URL: http://royallib.com/read/gid_andre/vozvrashchenie_iz_ssr.html#0 (дата обращения: 18.05.2017).

Иофан Б. М. Архитектурная идея и ее осуществление // Павильон СССР на Всемирной выставке в Париже : Архитектура и скульптура. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. С. 13–33.

Иофан Б. М. Строительство Дворца Советов и содружество искусств // Архитектура Дворца Советов : материалы V Пленума Правления Союза советских архитекторов, 1–4 июля 1939 г. М. : Изд-во Акад. архитектуры, 1939б. С. 7–23.

Иофан Б. Сталин и Дворец Советов // Встречи с товарищем Сталиным / под ред. А. М. Фадеева. М. : Госполитиздат, 1939а. С. 84–94.

Казузь И. А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 488 с.

Корнфельд Я. Проекты советского павильона на парижской международной выставке 1937 года // Архитектурная газета. 1936. № 33. Прил.

Костюк М. А. Стилевая проблематика творчества Б. М. Иофана : дис. ... канд. иск. М. : [Б. и.], 2004. 264 с.

Лисицкий Л. Форум социалистической Москвы // Архитектура СССР. 1934. № 10. С. 4–5.

Манукян Д. В. ЭКСПО 1937: выставка трех диктатур // Арткульт. 2014. № 2. С. 23–32.

Мухина В. И. Как создавалась скульптура павильона // Павильон СССР на Всемирной выставке в Париже : Архитектура и скульптура. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. С. 34–41.

Открытие советского павильона // Архитектурная газета. 1937. № 31. С. 1.

Паперный В. Культура Два. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 408 с.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний : в 3 т. / отв. ред. Г. М. Адибеков, Г. М. Андерсон, Л. А. Роговая. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2. 1930–1939. 1197 с.

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 762.

Седов В. Армандо Бразини и Борис Иофан // Проект классика. 2007. № XXI–MMVII. URL: http://www.projectclassica.ru/school/21_2007/school2007_21_01a.htm (дата обращения: 01.06.2017).

Стригалева А. А. О проектировании советского павильона для парижской выставки // Проблемы истории советской архитектуры : сб. науч. тр. / под ред. С. О. Хан-Магомедова. М. : ЦНИИП градостроительства, 1983. № 6. С. 13–21.

Суздальев П. «Рабочий и колхозница» (из биографии В. И. Мухиной) // Новый мир. 1971. № 7. С. 126–138. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/ARTS/MUKHINA/SUZDALEV.HTM> (дата обращения: 01.07.2017).

Тоом Л., Бек А. «Рабочий и колхозница» : Отрывок из устных воспоминаний В. И. Мухиной, записанных в 1939–1940 гг. // Искусство. 1957. № 8. URL: <http://ratnikjournal.narod.ru/200706/25.htm> (дата обращения: 05.07.2017).

Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда : Социальные проблемы. М. : Стройиздат, 2001. 712 с.

Хмельницкий Д. С. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 560 с.

Шмидт Г. Всемирная выставка в Париже 1937 года // Архитектурная газета. 1937. № 23. Прил.

- Шмидт И. М. Иосиф Чайков. М. : Совет. художник, 1977. 150 с.
- Эйгель И. Ю. Борис Иофан. М. : Стройиздат, 1978. 191 с.
- Эйгель Э. Ю. Кремень и кресало // Скульптура и время : Рабочий и колхозница. Скульптура В. И. Мухиной для павильона СССР на Международной выставке 1937 года в Париже / авт.-сост. О. Костина. М. : Совет. художник, 1987. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/ARTS/MUKHINA/EUGUEL.HTM> (дата обращения: 01.07.2017).
- Clark K. Moscow, the Fourth Rome : Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2011. 419 p.
- Cohen J.-L. URSS : Boris Iofan // Paris 1937. Cinquantenaire de l'Exposition Internationale des Arts et Techniques dans la Vie Moderne / éd. B. Lemoine, P. Rivoirad. Paris : IFA ; Paris Musées, 1987. P. 184–189.
- Ter-Akopyan K. The Design and Construction of the Palace of Soviets of the USSR in Moscow // Naum Gabo and the Competition for the Palace of Soviets, 1931–1933 / eds. H. Adkins, J. Merkert. Berlin : Berlinische Galerie, 1993. P. 185–196.
- Udovički-Selb D. Facing Hitler's Pavilion : The Uses of Modernity in the Soviet Pavilion at the 1937 Paris International Exhibition // Капителъ [сайт]. URL: <http://kapitel-spb.ru/article/facing-hitlers-pavilion-the-uses-of-modernity-in-the-soviet-pavilion-at-the-1937-paris-international-exhibition> (дата обращения: 20.01.2018).
- Wilson S. The Soviet Pavilion in Paris // Art of the Soviets : Painting, Sculpture and Architecture in a One-Party State, 1917–1992 / Eds. M. C. Bown, B. Taylor. Manchester : Manchester Univ. Press, 1993. P. 106–120.

References

- Adibekov, G. M., Anderson, G. M., Rogovaya, L. A. (Eds.). (2001). *Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b). Povestki dnya zasedanii v 3 t.* [Politburo of the CC of RCP(B) – AUCP(B). Agendas of Meetings. 3 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 1930–1939. 1197 p.
- Arkin, D. E. (1937). Sovetskiy pavi'on [The Soviet Pavilion]. In *Arkhitektura SSSR*. No. 9, pp. 5–8.
- Arkin, D. E. (1938). Arkhitekturnyi obraz Strany Sovetov [The Architectural Image of the Land of the Soviets]. In *Pavi'on SSSR na Vsemirnoi vystavke v Parizhe. Arkhitektura i skul'ptura*. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoi Akademii Arkhitektury, pp. 3 – 9.
- Barkhin, A. D. (2016). Rebristy stil' vysotnykh zdaniy i neoarhkaizm v arkhitekture 1920–1930-kh [The Ribbed Style of High-rise Buildings and Neo-archaism in the Architecture of the 1920s–1930s] In *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. No. 3, pp. 56–65.
- Clark, K. (2011). *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931 – 1941*. Cambridge, Harvard Univ. Press. 419 p.
- Cohen, J.-L. (1987). URSS: Boris Iofan. In Lemoine, B., Rivoirad, P. (Eds.). *Paris 1937. Cinquantenaire de l'Exposition Internationale des Arts et Techniques dans la Vie Moderne*. Paris, IFA, Paris Musées, pp. 184–189.
- David-Fox, M. (2015). *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union. 1921–1941] / transl. by V. Markarov, ed. by M. Dolbilov, V. Ryzhkovskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p.
- Eigel', I. Yu. (1978). *Boris Iofan* [Boris Iofan]. Moscow, Stroizdat. 191 p.
- Eigel', I. Yu. (1987). Kremen' i kresalo [Flint and Fire Striker]. In Kostina, O. (Comp.). *Skul'ptura i Vremya. Rabochii i kolkhoznitsa. Skul'ptura V. I. Mukhinoi dlya pavi'ona SSSR na Mezhdunarodnoi vystavke 1937 goda v Parizhe*. Moscow, Sovetskii khudozhnik. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/ARTS/MUKHINA/EUGUEL.HTM> (mode of access: 01.07.2017).
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-5446. List 29. Dos. 25, 26; Stock R-9499. List 1. Dos. 1, 53.
- Golomshtok, I. N. (1994). *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian Art]. Moscow, Galart. 296 p.

- Golubev, A. V., Nevezhin, V. A. (2016). *Formirovanie obraza Sovetskoj Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoi diplomatii. 1920-e – pervaya polovina 1940-kh. gg.* [Forming the Image of Soviet Russia in the Surrounding World through Cultural Diplomacy. 1920s – the First Half of the 1940s]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 238 p.
- Grois, B. (2013). *Gesamtkunstwerk Stalin*. Moscow, Ad Marginem Press. 168 p.
- Iofan, B. M. (1938). Arkhitekturnaya ideya i ee osushchestvlenie [Architectural Idea and its Implementation]. In *Pavil'on SSSR na Vsemirnoi vystavke v Parizhe. Arkhitektura i skul'ptura*. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoi Akademii Arkhitektury, pp. 13–33.
- Iofan, B. M. (1939a). Stalin i Dvorets Sovetov [Stalin and the Palace of the Soviets]. In Fadeev, A. M. (Ed.). *Vstrechi s tovarishchem Stalinyim*, Gospolitizdat, pp. 84–94.
- Iofan, B. M. (1939b). Stroitel'stvo Dvortsia Sovetov i sodruzhestvo iskusstv [The Construction of the Palace of the Soviets and the Commonwealth of Arts]. In *Arkhitektura Dvortsia Sowelov. Materialy V Plenuma Pravleniya Soyuzia sovetskikh arkhitektorov, 1–4 iyulya 1939 g.* Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoi Akademii Arkhitektury, pp. 7–23.
- Kazus', I. A. (2009). *Sovetskaya Arkhitektura 1920-kh gg.: organisatsiya proektirovaniya* [Soviet Architecture of the 1920s. Organisation of the Design Process]. Moscow, Progress-Traditsiya. 488 p.
- Khan-Magomedov, S. O. (2001). *Arkhitektura sovetskogo avangarda: Sotsial'nye problemy* [Architecture of the Soviet Avant-garde. Social Issues]. Moscow, Stroizdat. 712 p.
- Khmel'nitskii, D. S. (2007). *Arkhitektura Stalina. Psikhologiya i stil'* [Stalin's Architecture. Psychology and Style]. Moscow, Progress-Traditsiya. 560 p.
- Kornfel'd, Ya. (1936). Proekty sovetskogo pavil'ona na parizhskoi mezhdunarodnoi vystavke 1937 goda [Designs of the Soviet Pavilion at the Paris International Exposition of 1937]. In *Arkhitekturnaya gazeta*. No. 33, App.
- Kostyuk, M. A. (2004). *Stilevaya problematika tvorchestva B. M. Iofana* [Style Issues in B. M. Iofan's Creative Work]. Dis. ... kand. isk. Moscow, S. n. 264 p.
- Lisitskii, L. (1934). Forum sotsialisticheskoi Moskvy [The Forum of Socialist Moscow]. In *Arkhitektura SSSR*. No. 10, pp. 4–5.
- Manukyan, D. V. (2014). EKSP0 1937: vystavka trekh diktatur [EXPO 1937. The Exposition of Three Dictatorships]. In *Artkul'ť*. No. 2, pp. 23–32.
- Mukhina, V. I. (1938). Kak sozdavalas' skul'ptura pavil'ona [On how the Sculpture of the Pavilion was Created]. In *Pavil'on SSSR na Vsemirnoi vystavke v Parizhe. Arkhitektura i skul'ptura*. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoi Akademii Arkhitektury, pp. 34–41.
- Otkrytie sovetskogo pavil'ona [The Opening of the Soviet Pavilion]. (1937). In *Arkhitekturnaya gazeta*. No. 31, App.
- Papernyi, V. (1996). *Kul'tura Dva* [Culture 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 408 p.
- RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 82. List 1. Dos. 762.
- Sedov, V. (2007). Armando Brazini i Boris Iofan [Armando Brasini and Boris Iofan]. In *Proekt klassika*. No. XXI–MMVII. URL: http://www.projectclassica.ru/school/21_2007/school2007_21_01a.htm (mode of access: 01.06.2017).
- Schmidt, G. (1937). Vsemirnaya vystavka v Parizhe 1937 goda [The 1937 Exposition Internationale in Paris]. In *Arkhitekturnaya gazeta*. No. 23, App.
- Schmidt, I. M. (1977). *Iosif Chaikov* [Joseph Chaikov]. Moscow, Sovetskii khudozhnik. 150 p.
- Strigalev, A. A. (1983). O proektirovanii sovetskogo pavil'ona dlya parizhskoi vystavki [About the Design of the Soviet Pavilion for the Paris Exposition]. In *Problemy istorii sovetskoi arkhitektury. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Tsentral'nyi nauchno-issledovatel'skii i proektnyi institut gradostroitel'stva. No. 6, pp. 13–21.
- Suzdalev, P. (1971). “Rabochii i kolkhoznitsa” (iz biografii V. I. Mukhinoi) [Worker and Kolkhoz Woman (From the Biography of V. I. Mukhina)]. In *Novyi mir*. No. 7, pp. 126–138. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/ARTS/MUKHINA/SUZDALEV.HTM> (mode of access: 01.07.2017).

Ter-Akopyan, K. (1993). The Design and Construction of the Palace of Soviets of the USSR in Moscow. In Adkins, H., Merkert, J. (Eds.). *Naum Gabo and the Competition for the Palace of Soviets, 1931–1933*. Berlin, Berlinische Galerie, pp. 185–196.

Tolstoi, V. P. (Ed.). (2006). *Vystavochnye ansambli SSSR. 1920–1930-e gg.* [Exposition Ensembles of the USSR. 1920s–1930s]. Moscow, Galart. 468 p.

Toom, L., Bek, A. (1957). “Rabochii i kolkhoznitsa”. Otryvok iz ustnykh vospominanii V. I. Mukhinoi, zapisannykh v 1939–1940 gg. [Worker and Kolkhoz Woman. A Fragment from Oral Memories of V. I. Mukhina Recorded in 1939–1940]. In *Iskusstvo*. No. 8. URL: <http://ratnikjournal.narod.ru/200706/25.htm> (mode of access: 05.07.2017).

Udovički-Selb, D. (N. d.). Facing Hitler’s Pavilion: The Uses of Modernity in the Soviet Pavilion at the 1937 Paris International Exhibition. In *Kapitel’* [website]. URL: <http://kapitel-spb.ru/article/facing-hitlers-pavilion-the-uses-of-modernity-in-the-soviet-pavilion-at-the-1937-paris-international-exhibition> (mode of access: 20.01.2018).

Voronov, N. V. (1990). *Rabochii i kolkhoznitsa* [Worker and Kolkhoz Woman]. Moscow, Moskovskii rabochii. 96 p.

Wilson, S. (1993). The Soviet Pavilion in Paris (1993). In Bown, M. C., Taylor, B. (Eds.). *Art of the Soviets: Painting, Sculpture and Architecture in a One-Party State, 1917–1992*. Manchester, Manchester Univ. Press, pp. 106–120.

Zhid, A. (1990). Vozvrashchenie iz SSSR [Return from the USSR]. In Zhid, A. *Vozvrashchenie iz SSSR*. Feichtvanger, L. *Moskwa 1937*. Moscow, Politizdat. URL: http://royallib.com/read/gid_andre/vozvrashchenie_iz_ussr.html#0 (mode of access: 17.07.2017).

The article was submitted on 14.07.2017

Conceptus
et conceptio

Conceptus
et conceptio

DOI 10.15826/qr.2018.1.290
УДК 930+94(470)+316.422

К ПРОБЛЕМЕ «ВЕКОВОЙ РУССКОЙ ОТСТАЛОСТИ»*

Александр Каменский

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
Москва, Россия

ON 'AGE-OLD RUSSIAN BACKWARDNESS'

Alexander Kamensky

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article considers the applicability of the concept of backwardness which was one of the basic concepts of both Russian and Western historiography of pre-revolutionary Russia until the late 20th century and resulted from the constant comparison of Russia with the conventional 'West'. On the one hand, modern historiography is characterised by a 'normalisation' of Russian history, i.e. attempts to prove that, considered generally, Russian historical development was identical to that of Western Europe, and, on the other hand, complete refusal to compare Russia and the West due to Russia having an altogether different and unique model of historical development. However, both of these trends contradict the worldview Russians had between the 18th and early 20th centuries. The author characterises both trends as dead ends as the concept of Russia's 'normality' makes it impossible to explain the events of the imperial era, while the other approach deprives a historian of one of the major research tools in studying the past. It results in an intellectual trap, and the author suggests that to solve this problem, scholars should create a new language of historical research and accumulate empirical data that would create a more complex and multidimensional image of the past.

Keywords: historiography; Russian history; concept of backwardness; modernisation; comparative studies.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Законодательный процесс, социальная мобильность и социальные практики в российском и западноевропейском обществе раннего Нового времени» программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики 2017 г.

** *Citation:* Kamensky, A. (2018). On 'Age-old Russian Backwardness'. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 185–206. DOI 10.15826/qr.2018.1.290.

Цитирование: Kamensky A. On 'Age-old Russian Backwardness' // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 185–206. DOI 10.15826/qr.2018.1.290 / Каменский А. К проблеме «вековой русской отсталости» // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 185–206. DOI 10.15826/qr.2018.1.290.

Статья посвящена обсуждению применимости концепта отсталости, вплоть до конца XX в. являвшегося одним из базовых концептов отечественной и зарубежной историографии дореволюционной России и сформировавшегося на основе постоянного сравнения России и условного «Запада». В современной историографии наблюдаются как попытки «нормализации» русской истории, стремление доказать, что в основных своих чертах историческое развитие России было идентично развитию стран Западной Европы, так и полный отказ от сравнений России с Западом в силу признания инаковости русской модели исторического развития. Однако это входит в противоречие с той картиной мира, которая существовала в сознании русских людей XVIII – начала XX в. и которые были собственно творцами истории страны. Обе эти позиции представляются тупиковыми, поскольку концепт нормальности исключает возможность объяснить многие события имперского периода, а отказ от сравнения лишает историка одного из важнейших инструментов познания прошлого. Таким образом, возникает своего рода интеллектуальная ловушка, выход из которой автор видит в выработке нового научного языка, а также в накоплении эмпирического материала, создающего более сложный и многомерный образ прошлого.

Ключевые слова: историография; история России; концепт отсталости; модернизация; компаративистика.

На протяжении всего XX в. одним из базовых теоретических концептов историографии истории дореволюционной России было представление об «отсталости» страны на разных этапах ее развития, которое преодолевалось в ходе радикальных реформ (преобразований Петра I, «великих реформ» Александра II, реформы Столыпина-Витте и т. д.). Причем этот концепт был общим как для отечественной, так и для зарубежной историографии и являлся едва ли не единственным, что объединяло советских и западных историков.

Первые унаследовали представление об «отсталости» от своих дореволюционных предшественников, которые, в свою очередь, испытывали сильное влияние общественного мнения, обсуждавшего проблему «отсталости» России, или ее «особого пути», по крайней мере с рубежа XVIII–XIX вв. Так, к примеру, даже Н. Г. Устрялов, традиционно считающийся ультраконсервативным историком, доказывая необходимость реформ Петра I, посвятил описанию отсталости Московской Руси несколько страниц введения к первому тому своей «Истории Петра Великого» и патетически заключал:

Мы коснели в старых понятиях, которые переходили из рода в род, из века в век; мы спесиво и с презрением смотрели на все новое и в каком-то чудном самозабвении воображали, что «православный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а святая – Русь первое государство». Бесспорно, привязанность к родному, национальному так же необходима для благоденствия общества, как и само образование. Но если это бла-

городное чувство переходит в закоренелый предрассудок, отвергающий всякую новую мысль, ужели государство, ими зараженное, может благоденствовать? [Устрялов, с. XXIX].

Большевики активно использовали идею отсталости, обосновывая необходимость революции 1917 г. Так, Л. Д. Троцкий начал свою «Историю русской революции» (1931) с утверждения, что

...основной, наиболее устойчивой чертой истории России является замедленный характер ее развития с вытекающей отсюда экономической отсталостью, примитивностью общественных форм, низким уровнем культуры [Троцкий, с. 19].

В феврале того же года заклятый враг Троцкого И. В. Сталин в одном из своих выступлений говорил:

История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. <...> Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет [Сталин, с. 38–39].

До 1934 г. советскими политиками и этнографами активно использовалось понятие «культурная отсталость». Считалось, что в СССР было в то время 97 культурно отсталых народов. В 1934 г. ЦИК запретил использование этого термина, но на протяжении еще ряда лет в отношении этих народов проводилась особая политика «коренизации» (см. об этом: [Martin T. D., 2001]). Очевидно, что советским историкам ничего не оставалось, как следовать этому дискурсу. Правда, после Второй мировой войны и смерти Сталина концепт «отсталости» несколько отошел в тень; во всяком случае, он более не акцентировался, хотя и воспринимался как некая данность.

Что же касается западных историков-русистов XX в., то они унаследовали идею отсталости России, с одной стороны, от западноевропейских путешественников XV–XVII вв., чьи сочинения сформировали устойчивый стереотип восприятия России на Западе, а с другой, от той же русской дореволюционной историографии. В условиях холодной войны дискурс отсталости был чрезвычайно удобной объяснительной моделью особенностей исторического развития России. Однако уже в 1951 г. была опубликована статья А. Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе», идеи которой спустя десять лет автор развил в отдельной книге [Gerschenkron, 1962]. Выводы Гершенкрона, который считается создателем особой теории «экономи-

ческой отсталости», сводились преимущественно к тому, что страны, отличающиеся экономической отсталостью, преодолевая ее, могут показывать очень высокие темпы развития и пропускать стадии, характерные для развития стран классического капитализма, причем выводы эти основывались преимущественно на анализе экономической истории России и СССР. Книга Гершенкрона вызвала оживленную дискуссию; его выводы были приняты далеко не всеми исследователями, но само положение об отсталости России, причем не только экономической, а понимаемой широко как базового теоретического концепта западной русистики, пожалуй, лишь укрепились.

Это положение пошатнулось на рубеже 1980-1990-х гг. В СССР периода перестройки на фоне резко возросшего интереса к прошлому (сперва преимущественно советского времени) началась и своего рода постепенная «реабилитация» царской России, становившейся анти-тезой по отношению к России коммунистической. В это время стали появляться первые публикации очерков и биографий императоров и императриц, истории дворянских родов, книг с описанием дореволюционного быта и т. д. Поначалу они терялись в общем потоке исполненных разоблачительного пафоса публикаций на исторические темы XX в., но с распадом СССР стали занимать все более заметное место на полках книжных магазинов. Для массового сознания важным рубежом и своего рода символом кардинальной смены приоритетов стал выход на экраны в 1992 г. документального фильма Ст. С. Говорухина с характерным названием «Россия, которую мы потеряли», последовавшего за его же фильмом 1990 г. «Так жить нельзя». В сущности, эти фильмы уже заключали в себе схему концепции консервативной модернизации, ставшей доминантой в XXI в.: это преимущественно негативное отношение к советскому прошлому и обращение к прошлому дореволюционному как к подлежащему реставрации идеалу.

В этот же период начался процесс сегментации академического сообщества. Часть историков, сосредоточивших свои усилия на идеализации русского дореволюционного прошлого, о концепте отсталости предпочла забыть. Для других он сохранил свое значение как в традиционном, так и в несколько трансформированном виде. Так, некоторые историки, как бы соревнуясь со Сталиным, попытались хронологически определить отставание России от развитых стран Запада на разных этапах ее развития. И. Д. Ковальченко, к примеру, полагал доказанным, что во второй половине XVII в., накануне Петровских реформ, Россия отставала по меньшей мере на 200 лет [Ковальченко, 1995], а С. М. Каштанов обратил внимание на то, что еще Н. П. Павлов-Сильванский, «доказывая принципиальную однородность русского и западного феодализма, кажется, не придавал значения тому, что все сопоставляемые им факты и институты разделяются хронологическим промежутком в 600-800 лет». Сам Каштанов пришел к выводу, что «сложившееся к концу XV - XVI в. Русское государство имело в целом ту же социальную базу,

что и империя Карла Великого» [Каштанов, 1992, с. 85–92; см. также: Каштанов, 1999]. В свою очередь, Б. Н. Флоря обнаружил параллели между Московской Русью этого времени в странах Центральной Европы XI–XIII вв. [Флоря, с. 56–74]. Авторы предисловия к посвященному XVIII столетию четвертому тому новейшей «Всемирной истории» пошли дальше, сравнивая развитие России не только с европейским Западом, но и с Востоком. По их утверждению, «в конце XVII в. Россия в целом была более отсталой, чем крупные страны Запада и Востока». В доказательство этого тезиса авторы приводят данные об уровне урожайности зерновых, уровне урбанизации, грамотности и подушевом ВВП. При этом, утверждают они, «крайне низкими» оставались темпы экономического развития России и в XVIII в.: «Отставание России от стран Запада на протяжении XVIII столетия продолжало нарастать, при этом она продолжала отставать и от Китая, в том числе по уровню урбанизации» [Карп, Мельянцева, с. 9–10]. Вполне очевидно, что используемые в данном случае показатели отсталости основываются на теории модернизации.

Со второй половины 1990-х гг. эта теория заняла в российской историографии, как и в целом в социальных науках, весьма заметное место. Производной от нее, «по умолчанию» подразумевающей отсталость, является концепция «догоняющего развития», попавшая даже на страницы школьных учебников по обществознанию. Восходящая к трудам Ф. Листа и отчасти того же А. Гершенкрона концепция предполагает определяющую роль государства как регулятора экономических процессов. Примечательно при этом, что, согласно современной российской интерпретации, особенность догоняющего развития «состоит в том, что в большинстве случаев оно связано с авторитарными, а иногда и диктаторскими формами правления» [Догоняющее развитие], которые при такой интерпретации предстают для России имманентными и неизбежными свойствами. Между тем, в современных социальных науках существуют и иные подходы к оценке сравнительной эффективности государственной власти, как, например, категории «сильного» и «слабого» государства [Migdal, 1988], причем под силой понимается отнюдь не полицейская мощь государства, а его способность проникать в ткань социальных отношений, регулировать их, извлекать и максимально эффективно использовать ресурсы, что вовсе не тождественно государству авторитарному и тем более тоталитарному.

В рамках получившего распространение в России последних лет «патриотического» дискурса «вековая отсталость России» отнесена кодному из требующих опровержения мифов. Множество публикаций подобного рода можно обнаружить как в печатных СМИ, так и в Интернете. Причем некоторые тексты носят вполне профессиональный характер. Так, к примеру, на сайте блогера Олега Макаренко в 2014 г. был размещен пространный текст, в вводной части к которому утверждалось:

Как и многие другие мифы, миф об отсталости России содержит в себе отдельные зерна правды – действительно, были в долгой российской истории такие периоды, когда она отставала от Запада в тех или иных отношениях и была вынуждена это отставание нагонять. Однако на эту объективную основу сторонниками мифа об «отсталых русских варварах» навешано немало демагогии, лжи и невежества, которые требуют опровержения и разъяснения [Миф о вековой отсталости России].

Далее анонимный автор представляет довольно подробный очерк русской истории, начиная с Древней Руси, демонстрируя определенное знание историографии, хотя и основывая свои рассуждения на подчас устаревших и спорных положениях. Так, он не сомневается, что Русское государство возникло уже в 862 г. (раньше многих других европейских государств) и что оно носило феодальный характер. После весьма благостного описания достижений Древней Руси в тексте появляется подзаголовок «Причины кризиса Древней Руси», после чего автор переходит к Руси Московской, которая, по его мнению, была «централизованным национальным (!) государством», возникшим на Руси раньше, чем в Испании, Франции и Англии. Это успешно развивавшееся передовое государство к концу своего существования, однако, тоже переживает кризис. Не избежала кризиса и Российская империя, хотя в разделе о ее экономическом развитии жирным шрифтом выделены подзаголовки с характерной лексикой: «Россия была лидером по...», «Россия занимала первое место в мире по...», «Россия была мировым лидером по...» и т. д. Отнюдь не жирным шрифтом даны в статье сведения о ВВП на душу населения, согласно которым «подушевой ВВП России в 1913 г. оценивается как равный 28,1 % от уровня США, 30,2 % от уровня Великобритании, 40,8 % от уровня Германии, 42,6 % от уровня Франции, 68 % от уровня Италии». Автор также утверждает, что «крепостное право хотя и было негативным пережитком прошлого, но его масштабы и отрицательная роль были не так велики, как принято считать», но одновременно с этим «крепостное право было отменено в России на несколько десятилетий позже, чем в странах Средней Европы, что поставило Россию в ситуацию социальной отсталости» и стало одной из причин кризиса Российской империи. Однако «к началу XX века Российская империя, – утверждает автор, – достигла выдающихся успехов во всех сферах человеческой деятельности и была одной из самых передовых стран в мире», а «кризис и революция в Российской империи случились не из-за отставания или упадка, а наоборот, из-за быстрого развития и серьезных дисбалансов и противоречий, которые возникли в ходе этого развития». «Революцию в Российской империи, – приходит к выводу автор, – можно считать трагедией, но никак не признаком общей цивилизационной отсталости, а скорее наоборот» [Там же]. Вряд ли стоит винить автора этого текста в очевидных противоречиях, поскольку при его бесспорной идеологической заряженности избежать их было невозможно.

Между тем, на Западе распад СССР совпал по времени с торжеством мультикультурализма и политкорректности, когда говорить об отсталости какой-либо страны, народа или культуры стало неприличным. Однако еще задолго до этого в 1968 г. американский историк Адам Улам критиковал использование «проклятого слова “отсталость”» и утверждал, что «следует заготовить награду для того, кто напишет книгу о России и при этом сумеет обойтись без него, поскольку оно скорее затемняет, чем раскрывает природу русского общества до 1917 г.». (цит. по: [H-Net]). В 1990-е гг. само понятие «отсталость» было признано оскорбительным, а общепринятым стало говорить и писать не об отсталой стране/культуре/экономике, а о *другой* культуре, *другой* модели экономического и социального развития, *другой* модели модернизации и т.д. В эти же годы появились написанные в рамках изучения ментальных карт и в значительной мере под влиянием «Ориентализма» Э. Саида исследования Л. Вульфа, М. Тодоровой и А. Ноймана, посвященные истории формирования на Западе дискурса отсталости и нецивилизованности в отношении России и в целом Восточной и Южной Европы (см.: [Wolff, 1994; Вульф, 2003; Todorova, 2005; Neumann, 1999]). Примечательно, что в предисловии к русскому изданию книги Вульфа, основанной преимущественно на записках путешественников XVIII в., А. И. Миллер писал:

...В самом утверждении, что Восточная Европа была по сравнению с Западной более бедной, отсталой, если угодно – дикой, никакой тенденциозности еще нет. Насколько соответствуют действительности те иллюстрации и объяснения природы отсталости, которыми пользуются авторы описаний и путевых заметок? Сколько в каждом конкретном случае искреннего заблуждения, сколько сознательного изобретательства, сколько умолчания? Пока что у нас нет исследований, позволяющих ответить на эти вопросы, – но помнить о них важно еще и для того, чтобы... не возникало желание подумать, будто отсталость России лишь выдумка западных путешественников [Миллер, с. 7–8].

Вполне очевидно, что отказ от концепта отсталости в западной русистике был связан и с еще одним важным изменением в общих представлениях ученых об историческом процессе, а именно с разочарованием в идее прогресса. Если суть исторического процесса не в постоянном и неуклонном совершенствовании человеческого общества, то и разговор об отставании каких-либо отдельных стран и народов теряет всякий смысл. Стоит также отметить, что еще несколько ранее появились суждения о том, что в действительности ускоренное развитие Западной Европы представляет собой не норму, а требующее объяснения исключение, в то время как развитие (прежде всего экономическое) Восточной Европы было не отсталым, а как раз, напротив, нормальным (на это обращает внимание М. Тодорова: [Todorova, 2005, p. 146]).

Между тем, новый взгляд на проблему отсталости применительно к России был принят не всеми. Во время дискуссии, состоявшейся в 2006 г. в рамках электронной научной сети *H-Net Russian History list*, Алекс Мартин заметил, что, если

...русские и европейцы на протяжении веков были едины в том, что в России был ниже уровень грамотности, меньше дорог, развитых технологий и прочего, то они, конечно же знали, о чем говорили. То, что они инкорпорировали эти наблюдения в линейную схему исторического развития, важно не потому, что это отражает реальность, но потому что это создавало реальность. Русские от Петра до Путина сознавали, что Россия была отсталой и нуждалась в модернизации, и этого достаточно для того, чтобы считать отсталость ключевым фактом русской истории (цит. по: [H-Net]).

Известный американский историк русского Средневековья Ричард Хелли утверждал, что отсталость является практически непреодолимой особенностью России. Рассказывая в 2008 г. о книге, над которой он тогда работал и которая осталась незавершенной (автор умер в 2009 г.), Хелли настаивал, что «понятие русской исторической отсталости является не политически некорректным оскорблением, но очень давней частью русского цивилизационного дискурса» (см.: [Gibson]).

Наряду с этим в современной историографии в последние годы наметилась тенденция, которую можно обозначить как «нормализацию» русской истории. В рамках этой тенденции можно выделить два условных трека. Основная идея сторонников первого в том, что принципиальных различий в развитии России и других европейских стран не было. Наиболее ярко эта идея представлена в работах Б. Н. Миронова, и прежде всего в его вышедшей сперва по-английски [Mironov], а затем и на русском языке двухтомной «Социальной истории» [Миронов, 1999]. Ни одна другая работа по истории России, опубликованная за последние 25 лет, не привлекала к себе столько внимания и не вызывала таких ожесточенных дискуссий, как книга Миронова. Высоко оценивая беспримерно широкую историографическую основу этого исследования, его автора критиковали как за методологические просчеты, так и за не вполне обоснованные выводы, в частности, о развитии в дореволюционной России гражданского общества. Однако симптоматичным представляется дальнейшее развитие предложенной им концепции. Обратившись к проблематике революции 1917 г., Миронов фактически оказался в ее плену. Если предшествующая история России в его представлении была «нормальной»¹, то значит, не следует искать какие-то глубинные социальные, экономические, культурные процессы, которые привели к революции или, пра-

¹ Необходимо оговориться, что, постулируя «нормальность» исторического развития России, Миронов одновременно признает и то, что, по сравнению с Западом, это развитие шло с отставанием [Миронов, 1999, т. 2, с. 299].

вильнее, сделали ее необратимой. То есть можно допустить, что сами события в Петрограде в октябре 1917 г. были результатом случайного стечения обстоятельств. Но почему при этом большевикам удалось закрепиться у власти на 70 лет? Отказываясь от попытки анализа исторических процессов большой длительности, поскольку это противоречит концепции «нормальности», Миронов в результате пришел к достаточно банальному выводу о вине русской интеллигенции (в его терминологии – «общественности»)². «Лидером, вдохновителем и организатором революционных действий, – считает он, – выступила либерально-радикальная общественность, а народ был вовлечен в них умелой агитацией и пропагандой». В то же время «непосредственная причина революций заключалась в борьбе за власть между разными группами элит» [Миронов, 2012, с. 700]³. Стоит заметить, что с точки зрения «нормальности» всей предшествующей истории и сама «общественность» предстает не как продукт определенных длительных социальных процессов, а как чужеродное явление.

Второй трек «нормализации» русской истории представлен преимущественно западными историками. Связанные с ним основные идеи сводятся к тому, что само понятие нормы неопределенно, что ориентация на Западную Европу как норму непродуктивна и научно не обоснована, в том числе потому что «Запад» или «Европа» – это скорее интеллектуальные конструкты, чем историческая реальность. Понятно, что подобный взгляд связан с общим отходом современной исторической науки от европоцентричности и утверждением представления о многовариантности исторического развития. Основной вывод, который при этом делается, состоит в том, что Россия не была «ненормальной», но, в соответствии с правилами мультикультурного подхода, она была *другой*.

Нетрудно, однако, заметить, что ничего принципиально нового в этом нет. В сущности, «другая» история России в переводе

---

² И. В. Кукулин считает возможным применять это понятие и при описании ситуации в современной России, полагая, что «это более широкое и менее оценочное понятие, чем “интеллигенция”» [Кукулин, с. 225]. При этом он ссылается на статью О. Ю. Малиновой, посвященную изучению понятий, связанных с публичной сферой в России середины XIX – начала XX в. Между тем, в статье Малиновой отмечается, что в конце XIX – начале XX в. «слово *общественность* используется как для обозначения среды, где формируется общественное мнение и соперничают разные общественные силы, так и для совокупной характеристики участников этого процесса», «однако данный термин не превращается в основное понятие для обозначения таких практик... *общественность* остается неспецифическим понятием, вбирая в себя множество *разных* смыслов...» [Малинова, с. 443, 445].

³ По-видимому, именно Миронова и его сторонников имеет в виду В. П. Булдаков: «Если предреволюционная Россия “процветала” в хозяйственном отношении, уверенно двигаясь “от традиции к модерну”, если народ “благоденствовал”, то никаких объективных предпосылок революции быть не могло. <...> Забывается и о том, что ощутимый рост благосостояния, особенно в авторитарно-патерналистских системах, порождает еще больший всплеск социальных ожиданий. И если подобный процесс резко прерывается по неведомым причинам, взрыв социального недовольства неизбежен» [Булдаков, с. 17].

«на язык родных осин» – это пресловутый «особый путь». Притом, что, хотя сама идея «особого пути» была парадоксальным образом заимствована русскими славянофилами у немецких романтиков начала XIX в., историки и публицисты рассуждают о нем уже не одно столетие. Очевидно также, что от этих рассуждений – лишь один шаг как к классической теории евразийства, так и к ее современному изводу с представлением о России как особой цивилизации, занимающей достаточно заметное место в претендующих на концептуальность сочинениях и высказываниях многих современных российских политиков и публицистов, манипулирующих понятием «цивилизация» для обоснования не только российской самобытности, но и неприемлемости для нее демократии западного типа.

Однако некоторые зарубежные историки делают еще один важный вывод методологического характера. По их мнению, поскольку Россия была *другой*, то и сравнивать ее со странами Запада не следует. Так, уже в 1993 г. в Стэнфордском университете на конференции, посвященной истории и культуре России и Украины XVI–XVII вв., был сделан доклад о развитии сельского хозяйства в России этого времени. Его автор, американская исследовательница Дженет Мартин, настаивала на том, что сельское хозяйство России в указанный период было только таким, каким оно могло быть в конкретных условиях того времени, и что, поскольку оно при этом обеспечивало потребности государства и населения, сравнивать его с развитием сельского хозяйства в Западной Европе и описывать как отсталое не следует. В опубликованной версии этого доклада историк несколько сместила акценты, поставив в центр своей работы вопрос о том, почему русские крестьяне не заимствовали более продуктивные сельскохозяйственные технологии, уже применявшиеся в это время в странах Западной Европы. Вывод, к которому она пришла, заключается в том, что

...крестьяне продолжали придерживаться традиционных сельскохозяйственных практик и отказывались перенимать зарубежные методы и технологии, потому что почти не было стимулов к нарушению равновесия установившейся системы. Традиционные технологии обеспечивали наиболее эффективное использование ресурсов Московии и успешно удовлетворяли потребности общества. Использование более «прогрессивных» или «совершенных» методов и технологий, с другой стороны, требовало больше трудовых ресурсов, которых в Московии не было, и повышало стоимость возможных затрат на модернизацию аграрной деятельности больше, чем крестьяне были готовы заплатить [Martin, p. 31].

Вывод Дж. Мартин перекликается с выводами вышедшего в 1998 г. капитального труда Л.В. Милова, который фактически утверждал, что с учетом климатических условий установление в России крепостного права и его длительное сохранение, как и деспотическая самодержавная власть, были неизбежны [Милов, 1994]. Иначе говоря,

«особый путь» России был предопределен ее природно-климатическими условиями, причем, как отмечает современный интерпретатор этой концепции, «рассуждения Милова относятся к XVIII–XIX и более ранним векам, но понятно, как их экстраполировать на то, что было потом» [Ефимов, с. 408]. Между тем, концепция Л. В. Милова была подвергнута резкой критике М. А. Давыдовым, который среди прочего отмечал:

...теория Милова – своего рода вариант советского марксистского монизма, пытающийся объяснить процессы неизмеримой сложности какой-то одной причиной, хотя бы и действительно очень важной. При этом человек фактически исключается из «уравнения Истории», его жизнь полностью определяется внешними силами, в данном случае – силами Природы [Давыдов, с. 315].

При совпадении выводов Милова и Мартин они, однако, исходят из разных методологических посылок. Если первый подтверждал свои умозаключения множеством примеров сравнения природно-климатических условий России и Западной Европы (хотя и подобранных с очевидной тенденциозностью), то вторая, напротив, призывала вовсе отказаться от сравнения. Между тем, представляется, что отказ от сравнения, по сути, означает отказ от важнейшего инструмента познания, а значит, и отказ от надежды понять суть изучаемых нами исторических явлений. У этой проблемы есть и еще один аспект. В ноябре 2014 г. в Германском историческом институте в Москве выступал с докладом швейцарский историк Фритьоф Беньямин Шенк. Доклад был основан на его последней книге, посвященной истории строительства железных дорог в России конца XIX – начала XX в., которое традиционно рассматривается как важнейший показатель модернизации этого периода [Шенк, 2016]. В предварительной разосланной аннотации доклада говорилось:

Существуют две точки зрения на историю Российской империи XIX века. В основе одной из них – известная парадигма «отсталости» и «догоняющей модернизации» России. Определяющим для этой фигуры интерпретации является сравнение общественного, политического и экономического развития страны с идеальным-типическим «Западом», а также положительная трактовка процесса «модернизации». Альтернативный взгляд предполагает акцент не на «дефицитах» русского развития, а на динамике исторических перемен в диахронической перспективе. В рамках этой концепции внимание обращено на альтернативные пути исторического развития и на амбивалентность эпохи модерна.

Автор настаивал, что речь идет о модернизации, но иной, *другой* ее модели, в силу чего ее не следует сравнивать с модернизацией в европейских странах. Представление о существовании разных моделей модернизации в целом является для современной науки общеприня-

тым, хотя нельзя не заметить, что, в сущности, с самим понятием «модернизация» произошло то же, что и со многими другими операционными понятиями: оно стало многозначным и фактически утратило первоначальный смысл. Так, к примеру, принадлежащие к разным научным школам ученые продолжают причислять к феодализму явления, имеющие между собой мало общего, в связи с чем возникают сомнения в целесообразности использования самого понятия.

Во время дискуссии по докладу Шенка было отмечено, что, отказываясь от сравнения с «идеально-типическим “Западом”», он, в сущности, отказывает России в принадлежности к Европе как, пользуясь его же выражением, «идеально-типической» цивилизационной модели. Между тем, люди, о которых он пишет, русские люди XIX – начала XX в., постоянно сравнивали свою страну именно с Европой и стремились быть европейцами. Отвечая на это замечание, швейцарский историк сказал, что оно представляется ему очень серьезным, что у него нет готового ответа, и он должен это обдумать. Стоит при этом заметить, что в заключении своей книги Шенк и сам признает, что «начиная со времен правления Петра I (Великого) идеальный тип “Европы” (а также идеальный тип “Запада”) служил российской элите референтной величиной для описания и оценки исторического развития собственной страны». Однако затем он предлагает рассматривать «историю транспортно-технического освоения Российской империи в XIX столетии» не в парадигме отсталости, но «в иной перспективе», когда «сравнение России с другими европейскими странами не попадает в центр внимания в первую очередь», а «фокус скорее смещается в сторону признаков той общественной, политической и культурной трансформации России, которая стала результатом появления транспорта на паровом двигателе. В этой перспективе в поле зрения оказывается не (предполагаемая) “недостаточность”, “незавершенной” модернизации России, но те (амбивалентные) социальные и культурные тенденции развития, которым дали толчок строительство и использование железных дорог в Российской империи» [Шенк, с. 488–490].

То, что подобный подход не только имеет право на существование, но и чрезвычайно плодотворен, Шенк блестяще продемонстрировал своей монографией, но показательно, что, высказав процитированные выше соображения, он затем фактически пересказывает содержание своей книги, воздерживаясь от каких-либо выводов общеисторического характера. Означает ли это, что в рамках «иной перспективы» собранные и систематизированные богатейшие эмпирические данные в принципе не позволяют делать какие-либо умозаключения на макроисторическом уровне? И не становится ли при этом история просто коллекцией фактов?

Своего рода вариацией попыток «нормализации» русской истории и одновременно вариацией теории А. Гершенкрона являются работы Алессандро Станциани. В опубликованной им в 2014 г. в журнале *Ab Imperio* статье, посвященной крепостному праву [Stanziani,

2014], он (солидаризируясь с неизвестным автором процитированного выше интернетовского текста), доказывает, что оно было совсем не таким страшным, как принято думать, поскольку на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. пространство крепостничества постоянно сужалось, крепостнический гнет ослабевал, но, что самое главное, экономика при этом развивалась. А значит, делает вывод историк, даже несвободный труд тоже может быть продуктивным, в связи с чем он призывает к пересмотру взгляда на крепостничество в целом. Между тем, не только профессиональным историкам, но и всем маломальски образованным людям известно, что в истории человечества число столетий, связанных с несвободой, значительно превышает число столетий, когда личная свобода стала доминантой. И если бы труд рабов в Древнем Египте, Древнем Риме и Северной Америке XVIII – первой половины XIX в. был непродуктивным, то история человечества уже давно бы закончилась. Но автор опять же сознательно отказывается от сравнения продуктивности труда русских крепостных и свободных крестьян Западной Европы, становясь в итоге (надеюсь, невольно) своего рода апологетом крепостничества. Полностью исключены из его поля зрения социальный, культурный, морально-нравственный и иные аспекты крепостничества. В результате, хотя Станциани не говорит об этом прямо, в его интерпретации несвобода миллионов русских людей предстает их культурным своеобразием, присущим им по умолчанию, которое можно оставить за скобками, рассуждая исключительно об эффективности труда. В итоге его выводы, по сути, смыкаются с выводами таких историков, как Л. В. Милов, Ричард Хелли и Маршалл По (последний является автором посвященной анализу записок иностранцев о Московской Руси книги с характерным названием – «Народ, рожденный для рабства») [Рое, 2000].

Пример иного рода «нормализации» представляют собой работы американки Нэнси Коллманн [Kollmann, 1999; Kollmann, 2012; Коллманн, 2002; Коллманн, 2016] и ее ученицы Вэлери Кивельсон [Kivelson, 1996; Kivelson, 2006; Кивельсон, 2012]. Одна из основных идей этих авторов состоит в том, что власть московского государя в XVI–XVII вв. была отнюдь не столь всеобъемлющей, а значит, и не тиранической, как принято считать: она не охватывала значительные сферы русской жизни, а недостаток ресурсов заставлял власть использовать механизмы саморегулирования и практики, сложившиеся на уровне обычаев и традиций. Обе исследовательницы достаточно убедительно доказывают, что Московская Русь была типичным государством раннего Нового времени, отмечая, в частности, такие его черты, как религиозная идеология, наличие бюрократии, а также использование насилия как инструмента управления. Работы Коллманн и Кивельсон отличает, во-первых, то, что они носят эмпирический характер и основаны на внушительной базе архивных источников, а, во-вторых, что их авторы не только не отказываются от сравнения

как инструмента познания, но, напротив, его активно используют. Они выявляют как сходства, так и отличия, создавая более сложную картину прошлого, а их отказ считать русскую власть деспотической основывается на анализе не политических институтов, а политических практик.

Описанная выше ситуация с использованием концепта отсталости представляет собой довольно сложную проблему, своего рода интеллектуальную ловушку. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что понятие нормы носит вненаучный характер, что множественность моделей исторического развития (в том числе модернизации) характерна не только для глобальной истории, но и для истории Европы. Однако невозможно игнорировать и то обстоятельство, что, по выражению В. М. Межуева, «о “лице России” можно судить тогда, когда известно зеркало, в которое она смотрится. И таким зеркалом для нее всегда была Европа. Глядя в нее, она и судила о себе» [Межуев, с. 14]. Но даже если ввиду опять же неопределенности используемых понятий и отсутствия надежды на достижение по ним консенсуса оставить в стороне вопрос о том, является ли Россия «Европой», «Азией» или самостоятельной цивилизацией, тем более что ответ на этот вопрос находится вне предметной области исторической науки, отказ от сравнения как инструмента исторического познания грозит превращением истории России в набор фактографического материала.

Конечно, занимаясь компаративными исследованиями, историки должны обнаруживать, что что-то в России было точно так же, как в одной из европейских стран, что-то совсем не так, а что-то совсем особенное, чего не было ни в одной европейской стране. И, наоборот, в России может не оказаться чего-то, что было во всех или в большинстве европейских стран. Выявление подобного рода эмпирических фактов, их анализ, систематизация и выведение на их основе определенных умозаключений – задача профессиональных историков. Однако это не значит, что следует вовсе отказаться от использования обобщенного идеально-типического образа Европы. Против этого есть, по крайней мере, два существенных аргумента.

Во-первых, принципиально важно, что, используя вышеприведенную метафору В. М. Межуева, Россия, взглядываясь в зеркало, видела в нем не отдельные страны, а именно обобщенный образ Европы – его видели русские люди и в XVIII, и в XIX, и в XX в., точно так же, как россияне начала XXI в, встречая загадочную надпись «евроремонт», не задумываются о том, идет ли речь о датских или португальских стандартах качества наклейки обоев. В. А. Жуковский писал в 1840-х гг. в своем дневнике:

Меры нашего правительства клонятся к тому, чтобы снова затворить те двери, которые Петр нам отворил в Европу... Нас хотят насильно заставить любить Россию, боятся заразы и либеральных мнений... боятся того действия, которое на русских производит сравнение с Европою...

Нет! Сделайте, чтобы нам было хорошо в России, и смело отворите настежь двери в Европу [Жуковский, с. 405].

Игнорируя это видение людей прошлого, мы рискуем вместе с ним лишиться и шансов на понимание мотивов действий исторических акторов.

Во-вторых, в то время как одним из важнейших топосов современного «патриотического» дискурса является совершенный в X в. «исторический/цивилизационный выбор» России, принявшей христианство в его православном изводе, как бы в тени остается тот факт, что это был выбор в пользу иудео-христианской цивилизации, а значит, в пользу Европы, то есть того географического пространства, где эта цивилизация доминировала в последние 20 столетий. На рубеже XVII-XVIII вв. Россия сделала еще один совершенно сознательный исторический выбор, и снова в пользу Европы, открыто заимствуя у нее политические, социальные и культурные институты и воспроизводя такие элементы европейской цивилизации/цивизованности, как организация науки и образования, светская литература со всеми ее жанрами, формы музыкального искусства, драматический театр и изобразительное искусство, опера и балет, архитектура с соответствующими элементами организации жилого пространства и одежда, система наград и дворянских титулов, публичные библиотеки и музеи, периодическая печать и коллекционирование произведений искусства, гастрономия и благотворительность, банки и принципы обращения капитала, практики проведения досуга и межличностной коммуникации, картография и идеи об обществе, государстве, воспитанности, благородстве, образованности и т. д. Каждый из этих институтов имел свою историю, вовсе не обязательно зародился именно в Европе и был характерен именно и только для нее, но в совокупности, в сочетании друг с другом они и образовывали то, что принято называть европейской цивилизацией. И Россия заимствовала их в Европе в той модификации, в какой они там в это время существовали, заимствовала в Голландии и Швеции, Франции и Германии, Англии и Италии. Плодом этого сложного, противоречивого и далеко не однолинейного процесса рецепции стала русская общественная мысль, по-своему перерабатывавшая идеи французского Просвещения XVIII в., немецких романтиков начала XIX в., всевозможных консервативных, либеральных и социалистических течений философии и социальной мысли. Результатом этого процесса рецепции стала и великая русская культура XIX-XX веков.

Стоит при этом задуматься над тем, в какой мере выбор начала XVIII в. был обусловлен, а может быть, и predetermined выбором X в.? Может быть, права была Екатерина II, когда в своем Наказе Уложенной комиссии утверждала: «Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие

удобности, каких он и сам не ожидал» [Екатерина II, с. 115], и именно поэтому, в силу органичности сделанного Петром выбора, он оказался необратимым?

При всех многочисленных оговорках об особенностях рецепции и трансформации европейских институтов на русской почве, при всех время от времени проявлявшихся в течение последних трех столетий порывах отгородиться от «Запада» очевидно, что страна была ориентирована именно на европейскую модель, воспринимая ее как нечто целостное. Это делает сравнение развития России с европейскими странами в историческом исследовании не только оправданным, но и необходимым.

С учетом сказанного слишком категоричным представляется упрек М. М. Крома в адрес Б. Н. Миронова в европоцентричности и его суждение о том, что «неизменной “парой” для сравнения России в монографии Миронова выступает некий абстрактный Запад, но каким образом была построена эта идеальная модель, в книге не разъясняется. <...> Неудивительно, что на таком абстрактном уровне сравнение не работает, и итоговый вывод Миронова поражает своей банальностью» [Кром, с. 218]. Но если бы Миронов на всем протяжении своего двухтомного исследования каждое из анализируемых им явлений постоянно сравнивал то с Францией, то с Данией, то с Испанией, то с Англией, скорее всего, получилась бы пестрая мозаика, не дающая возможности для обобщающих выводов. Кстати, сам М. М. Кром подчеркнуто солидаризируется с В. Кивельсон в определении Московской Руси как государства раннего Нового времени, причем его собственная работа, на которую он ссылается, имеет характерное название: «Рождение государства Нового времени в России и в Европе» [Кром, с. 215]. Но разве понятие «государство раннего Нового времени» не является таким же условным конструктом и обобщенным понятием?

Все сказанное ставит вопрос о возможности, перспективности, а главное, об инструментальной полезности использования концепта отсталости. С одной стороны, вполне понятно, что и само слово «отсталость», и тем более словосочетание «отсталая страна», на эмоциональном уровне могут восприниматься как обидные и даже оскорбительные. Однако в данном случае речь идет о языке науки, где данное понятие имеет не оценочное, но констатирующее значение. Русский язык при этом позволяет обойтись и без него. К примеру, можно сказать, что «Россия отставала по темпам развития», а можно – «темпы развития России были ниже», но смысл сказанного от этого не меняется. Следует ли нам полностью отказаться от концепта отсталости и при проведении компаративных исследований концентрироваться лишь на констатации другого, отличного? Но как тогда быть с той реальностью, о которой писал Т. Д. Мартин, которая веками существовала в головах русских людей и определяла их действия как исторических акторов?

В сущности, мы имеем здесь дело с весьма характерной для современной исторической науки проблемой. Восприятие тех или иных событий прошлого их современниками фиксируется в массовом сознании, а также в источниках, прежде всего нарративных, передается историкам и закрепляется в историографии. Однако затем на определенном этапе развития науки историки начинают подвергать сложившийся образ прошлого ревизии. Они обнаруживают новые источники и приходят к выводу, что прошлая реальность была иной, не столь однозначной, более сложной и что оценки и восприятие современников были не вполне адекватными. Однако эти оценки и это восприятие тоже были частью прошлой реальности. Как соединить, как примирить эти две зачастую противостоящие друг другу реальности? И не случится ли так, что в результате мы станем солидаризироваться с Б. Н. Мироновым, обвиняющим «общественность» в непонимании ею благородных помыслов власти?

Представляется, что определенную надежду на то, что выход из этой интеллектуальной ловушки возможен, дают два обстоятельства. Во-первых, в современной исторической науке утвердилось отразившееся в приведенных выше словах М. А. Давыдова представление о многофакторности исторического процесса и определяющей роли *выбора*, осуществленного людьми прошлого. По выражению В. П. Булдакова, «человек сам творил собственную историю, обычно даже не подозревая об этом», и «историю давно следовало бы понимать через “маленького человека”, заброшенного госпожой Клио вместе со всеми его надеждами в “непонятное” время» [Булдаков, с. 11, 14]. С учетом исторической ретроспективы выбор, сделанный человеком прошлого, может оцениваться как ошибочный, в том числе основанный на неверных суждениях, но задача историка состоит скорее не в том, чтобы дать ему ту или иную оценку, а в том, чтобы, насколько возможно, объяснить, почему был сделан именно этот выбор, а не другой, и почему именно эти, а не иные суждения и представления были характерны для людей прошлого. В этой связи первостепенное значение приобретают интенсифицировавшиеся в последнее время исследования, связанные с изучением структуры русского общества, механизмов функционирования горизонтальных и вертикальных связей, самоидентификации, повседневных практик, которые, кстати, у разных народов нередко оказываются весьма схожими [Kamenskii, 2004]. Также важнейшее значение имеет широко понимаемое культурное измерение, на почти полное отсутствие которого в историографии русской революции сетует В. П. Булдаков [Булдаков, с. 15]. В методологическом отношении перспективным применительно к такого рода исследованиям представляется подход, предложенный М. Тодоровой, изучавшей проблему отсталости на примере истории национализма в странах Балканского региона, и заключающийся в рассмотрении явлений с точки зрения синхронности в рамках *longue durée*. Она, в частности, обращает внимание на

необходимость изучения различий в скорости восприятия нового у разных социальных, возрастных, гендерных, религиозных и иных групп населения [Тодорова, 1997].

Во-вторых, новые эмпирические исследования как российских, так и зарубежных историков создают гораздо более сложный, объемный и многомерный образ прошлого, нежели тот, что существовал в историографии последних столетий. Интерпретация этого многомерного образа требует, по-видимому, и иного, более тонкого инструментария, не сводимого ни к понятию «отсталость», ни к понятию «другой/другая». Речь идет не о том, чтобы отбросить эти понятия, но о том, чтобы дополнить их новыми, уточняющими определениями и наполнить новым смыслом. Примерно об этом с присущим ему чувством юмора еще в 2006 г. писал Дэвид Голдфранк: «Если мы не хотим использовать относительные термины “передовой” и “отсталый”, нам нужно найти другой набор “уток”, чтобы сравнивать, как эти общества выглядели, двигались и кричали» (цит. по: [H-Net]). По сути дела, речь идет о выработке нового языка науки – задаче, которая актуальна, конечно, не только для данной проблематики и о которой говорится уже давно, но пока без видимого результата. Вероятно, это связано с тем, что накопленный исследователями эмпирический материал еще не достиг критической массы, способной обеспечить качественный прорыв.

Список литературы

Булдаков В. П. Бич сатиры и революция : Вместо предисловия // Бич. 1917 : События года в сатире современников. М. : Бослен, 2017. С. 11–12.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 560 с.

Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб. : Алетей, 2010. 832 с.

Догоняющее развитие // Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь : Словарь современной экономической науки. М. : Дело, 2003. URL: <http://economicmathematics.academic.ru/1475> (дата обращения: 14.10.2017).

Екатерина II. Наказ комиссии о сочинении проекта нового уложения // Екатерина II : Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 115–189.

Ефимов А. С чего мы взяли : Три века попыток понять Россию умом. М. : Individuum, 2017. 413 с.

Жуковский В. А. Из дневника // «Путь мой лежит по земле к прекрасной и возвышенной цели...» / под ред. Е. Ю. Филькиной. М. : Рус. мир, 2008. С. 360–425.

Карп С. Я., Мельянцева В. А. Введение : Восток и Запад в XVIII веке // Всемирная история : в 6 т. М. : Наука, 2013. Т. 4. Мир в XVIII веке. С. 5–11.

Каишанов С. М. Исторические параллели: Иван III и Карл Мартелл // Россия в IX–XX вв. : Проблемы истории, историографии и источниковедения. М. : Изд-во РГГУ, 1999. С. 180–181.

Каишанов С. М. О типе Русского государства в XIV–XVI вв. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма : чтения памяти В. Б. Кобрин. М. : Изд-во РГГУ, 1992. С. 85–92.

Кивельсон В. Картография царства : Земля и ее значение в XVII в. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 357 с.

Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований : Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.

Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 611 с.

Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. М. : Древлехранилище, 2002. 461 с.

Кром М. М. Введение в историческую компаративистику. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 247 с.

Кукулин И. В тени завтрашнего дня : Сезон 2, серия 24-я // Ab Imperio. 2017. № 2. С. 225–255.

Машинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века : Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной деятельности // «Понятия о России» : К исторической семантике имперского периода : в 2 т. М. : Новое лит. обозрение, 2012. Т. 1. С. 428–463.

Межуев В. М. Россия все еще в пути... // Родина. 1997. № 9. С. 10–15.

Миллер А. И. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2003. С. 5–11.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998. 573 с.

Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России : XVIII – начало XX века. М. : Весь мир, 2012. 844 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 548 + 566 с.

Миф о вековой отсталости России // Руксперт : справочник патриота [сайт]. URL: http://ruxpert.ru/Миф_о_вековой_отсталости_России (дата обращения: 14.10.2017).

Сталин И. В. О задачах хозяйственников : речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Соч. : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 29–42.

Троцкий Л. Д. История русской революции : в 2 т. Берлин : Гранит, 1931. Т. 1. 531 с.

Устрялов Н. Г. История Петра Великого. СПб. : Тип. II-го О. С. Е. И. В. К., 1858. Т. 1. 399 с.

Флоря Б. Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.

Шенк Ф. Б. Поезд в современность : Мобильность и социальное пространство в России в век железных дорог. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 584 с.

Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective : A Book of Essays. Cambridge ; Massachusetts : Belknap Press ; Harvard Univ. Press, 1962. 456 p.

Gibson L. All Quite on the Forefront // University of Chicago Magazine. 2008. Jan. / Febr. Vol. 100. Iss. 3. URL: http://magazine.uchicago.edu/0812/investigations/all_quiet.shtml (mode of access: 14.10.2017).

H-Net : Humanities and Social Sciences Online [web-portal]. URL: <http://h-net.msu.edu/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=h-russia&month=0610&week=b&msg=1cNaeDLXdnP01yeHLtTAJA&user=&pw=> (mode of access: 07.10.2017).

Kamenskii A. Russian and Western Eighteenth-Century Towns : Possible Aspects of Comparison // Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century : Essays in Honour of Antony G. Cross. Münster : Lit, 2004. P. 62–71.

Kivelson V. Autocracy in the Provinces : The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. N. Y. : Cornell Univ. Press, 1996. 372 p.

Kivelson V. Cartographies of Tsardom : The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2006. 263 p.

Kollmann N. S. By Honor Bound : State and Society in Early Modern Russia. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 1999. 296 p.

Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. 488 p.

Martin J. "Backwardness" in Russian Peasant Culture : A Theoretical Consideration of Agricultural Practices in the Seventeenth Century // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / eds. S. H. Baron, N. S. Kollmann. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 1997. P. 19–33.

Martin T. D. The Affirmative Action Empire : Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2001. 496 p.

Migdal J. Strong Societies and Weak States : State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton : Princeton Univ. Press, 1988. 296 p.

Mironov B. N. A Social History of Imperial Russia, 1700–1917 : in 2 vols. Boulder; Colo : Westview Press, 1999–2000. 600 + 300 p.

Neumann I. B. Uses of the Other : "The East" in European Identity Formation. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1999. 281 p.

Poe M. A People Born to Slavery : Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2000. 293 p.

Stanziani A. Russian Serfdom : A Reappraisal // *Ab Imperio*. 2014. № 2. P. 71–98.

Todorova M. Imagining the Balkans. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1997. 257 p.

Todorova M. The Trap of Backwardness : Modernity, Temporality, and the Study of Eastern European Nationalism // *Slavic Rev.* 2005, Spring. Vol. 64, no. 1. P. 140–164.

Wolff L. Inventing Eastern Europe : The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Calif. : Stanford Univ. Press, 1994. 419 p.

References

Buldakov, V. P. (2017). Bich satiry i revolyutsiya. Vmesto predisloviya [The Scourge of Satire and the Revolution. Instead of a Preface]. In *Bich 1917. Sobytiya goda v satire sovremennikov*. Moscow, Boslen, pp. 11–12.

Catherine II (2010). Nakaz komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya [The Great Instruction to the Legislative Commission]. In Ekaterina II. *Izbrannoye*. Moscow, ROSSPEN, pp. 115–189.

Davydov, M. A. (2010). *Vserossiiskiy rynek v kontse XIX – nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika* [The All-Russia Market in the Late 19th – Early 20th Centuries and Railway Statistics]. St Petersburg, Aleteiya. 832 p.

Dogoniayushee razvitiye [The Catching-up Development]. (2003). In Lopatnikov, L. I. *Ekonomiko-matematicheskii slovar'. Slovar' sovremennoi ekonomicheskoi nauki*. Moscow, Delo. URL: http://economic_mathematics.academic.ru/1475 (mode of access 14.10.2017).

Efimov, A. (2017). *S chego my vzyali. Tri veka popytok ponyat' Rossiyu umom* [Why We Think so. Three Centuries of Attempts to Understand Russia with Mind alone]. Moscow, Individuum. 413 p.

Florya, B. N. (1992). "Sluzhebnyaya organizatsiya" i ee rol' v razvitiy feodal'nogo obshchestva u vostochnykh i zapadnykh slavyan [Service Organisation and its Role in the Development of Feudal Society of the Eastern and Western Slavs]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 56–74.

Gerschenkron, A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge, Massachusetts, Belknap Press of Harvard Univ. Press. 456 p.

Gibson, L. (2008). All Quiet on the Forefront. In *University of Chicago Magazine*. Jan. / Febr. Vol. 100. Iss. 3. URL: http://magazine.uchicago.edu/0812/investigations/all_quiet_shtml (mode of access: 14.10.2017).

H-Net: Humanities et Social Sciences Online [web-portal]. URL: <http://h-net.msu.edu/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=h-russia&month=0610&week=b&msg=1cNaeDLXdnp01yeHLtTAJA&user=&pw=> (mode of access: 07.10.2017).

Kamenskii, A. (2004). Russian and Western Eighteenth-Century Towns: Possible Aspects of Comparison. In *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Antony G. Cross*. Münster, Lit, pp. 62–71.

Karp, S. Ya., Mel'yantsev, V. A. (2013). Vvedenie: Vostok I Zapad v XVIII veke [Introduction: East and West in the 18th Century]. In *Vsemirnaya istoriya v 6 t.* [World History. 6 Vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 4. Mir v XVIII veke, pp. 5–11.

Kashtanov, S. M. (1992). O tipe russkogo gosudarstva v XIV–XVI vv. [On the Typology of the Russian State in the 14th–16th Centuries]. In *Cheniya pamyati V.B. Kobrina: "Problemy otechestvennoi istorii i kul'tury perioda feodalizma"*. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitranogo universiteta, pp. 85–92.

Kashtanov, S. M. (1999). Istoricheskie paralleli: Ivan III i Carl Martell [Historical Parallels: Ivan III and Carl Martell]. In *Rossiia v IX–XX v.: Problemy istorii, istoriografii I istochnikovedeniya* [Russia in the 9–20th Centuries: Issues of History, Historiography, and Source Studies]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitranogo universiteta, pp. 180–181.

Kivelson, V. (1996). *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Cornell Univ. Press. 372 p.

Kivelson, V. (2006). *Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 263 p.

Kivelson, V. (2012). *Kartografiya tsarstva. Zemlya i ee znachenie v XVII v.* [Cartographies of Tsardom. The Land and Its Meanings in 17th Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 357 p.

Kollmann, N. S. (1999). *By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia*. Cornell Univ. Press. Ithaca, L., Cornell Univ. Press. 296 p.

Kollmann, N. S. (2002). *Soedinennye chest'yu* [Bound by Honour]. Moscow, Drevlekhranilishche. 461 p.

Kollmann, N. S. (2012). *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 488 p.

Kollmann, N. S. (2016). *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 611 p.

Koval'chenko, I. D. (1995). Teoretiko-metodologicheskie problem istoricheskikh issledovaniy [Theoretical and Methodological Issues of Historical Studies]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 1, pp. 3–33.

Krom, M. M. (2015). *Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku* [An Introduction to Comparative History]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 247 p.

Kukulin, I. V. (2017). V teni zavtrashnego dnya. Sezon 2. Seriya 24 [In the Shadow of Tomorrow. Season 2. Episode 24]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 225–255.

Malinova, O. Yu. (2012). Obshchestvo, publika, obshchestvennost' v Rossii serediny XIX – nachala XX veka: Otrazhenie v ponyatiyah praktik publichnoi kommunikatsii i obshchestvennoi deyatelnosti [Society and the Public in Russia between the mid-19th and Early 20th Centuries: Notions of Public Communications and Public Activities Practices]. In *"Ponyatiya o Rossii". K istoricheskoi semantike imperskogo perioda v 2 t.* Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 428–463.

Martin, J. (1997). "Backwardness" in Russian Peasant Culture. A Theoretical Consideration of Agricultural Practices in the Seventeenth Century. In Baron, S. H., Kollmann, N. S. (Eds.). *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press, pp. 19–33.

Martin, T. D. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 496 p.

Mezhuev V.M. (1997). Rossiya vse eshche v puti [Russia is still on the Way]. In *Rodiina*. No. 9, pp. 10–15.

Mif o vekovoi otstalosti Rossii [The Myth of Russian Backwardness]. (N. d.). In *Ruk-spert. Spravochnik patriota* [website]. URL: <http://ruхpert.ru/> Миф_о_вековой_отсталости_России (mode of access: 24.10.2017).

Migdal, J. (1988). *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton, Princeton Univ. Press. 296 p.

- Miller, A. I. (2003). Predislovie [Preface]. In Wolff, L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tzivilisatsii v soznanii epohi Prosvesheniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–11.
- Milov, L. V. (1998). *Velikorusskiy pahar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Ploughman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. 573 p.
- Mironov, B. N. (1999). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. *Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v 2 t.* [The Social History of Russia of the Period of the Empire (18th – Early 20th Centuries). The Genesis of an Individual, Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 548 + 566 p.
- Mironov, B. N. (1999–2000). *A Social History of Imperial Russia, 1700–1917*. 2 Vols. Boulder, Colo, Westview Press. 600 + 300 p.
- Mironov, B. N. (2012). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii. XVIII – nachalo XX veka* [The Wealth of the Population and Revolutions in Imperial Russia. 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, Ves' mir. 844 p.
- Neumann, I. B. (1999). *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press. 281 p.
- Poe, M. (2000). *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 293 p.
- Schenk, F. B. (2016). *Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prosrstanstvo v Rossii v vek zheleznykh dorog* [A Train to Modernity. Mobility, and Social Space in Russia in the Railway Age]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 584 p.
- Stalin, I. V. (1951). O zadachakh khozyaistvennikov. Rech na Pervoi Vsesoyuznoi konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoi promyshlennosti 4 fevralya 1931 g. [On the Goals of Economy Executives. A Speech at the First All-Union Conference of the Workers of Socialist Industry on February 4, 1931]. In Stalin, I. V. *Sochineniya v 13 t.* Vol. 13. Moscow, Gospolitizdat, pp. 29–42.
- Stanziani, A. (2014). Russian Serfdom: A Reappraisal. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 71–98.
- Todorova, M. (1997). *Imagining the Balkans*. N. Y., Oxford Univ. Press. 257 p.
- Todorova, M. (2005). The Trap of Backwardness: Modernity, Temporality, and the Study of Eastern European Nationalism. In *Slavic Rev.* Vol. 64. Spring. No. 1, pp. 140–164.
- Trotskii, L. D. (1931). *Istoriya russkoi revolyutsii v 2 t.* [The History of the Russian Revolution. 2 Vols.]. Vol. 1. Berlin, Granit. 531 p.
- Ustryalov, N. G. (1858). *Istoriya Petra Velikogo* [The Story of Peter the Great]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. 399 p.
- Wolff, L. (1994). *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Calif., Stanfod Univ. Press. 419 p.
- Wolff, L. (2003). *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tzivilisatsii v soznanii epohi Prosvesheniya* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 560 p.
- Zhukovskii, V. A. (2008). Iz dnevnika [From the Diary]. In Fil'kina, E. Yu. (Ed.). *"Put' moi lezhit po zemle k prekrasnoi I vozyshhennoi tseli"*. Moscow, Russkii mir, pp. 360–425.

The article was submitted on 25.09.2017

ТЕОРИЯ ФРОНТИРА И АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА УРАЛА*

Андрей Епимахов

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

THE FRONTIER THEORY AND BRONZE AGE ARCHAEOLOGY IN THE URALS

Andrei Epimakhov

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to the interpretation of the Sintashta and Petrovka sites of the Bronze Age. The purpose of the study is to test a hypothesis regarding the appearance and functioning of a frontier in the Southern Urals between the 3rd and 2nd millennia BC. This concept has undergone significant changes and is used for the analysis of not only states but also pre-state societies. A frontier should be considered as a multicultural territory, a zone of stereotypes differing from those of neighbouring groups and original traditions. The presence of conflicts is one of the most characteristic features of the phenomenon. In historical perspective, the system of cultural stereotypes can be reproduced long after the frontier itself ceases to function. The facts accumulated so far can help us reach a new level of understanding. Archaeological sources are represented by fortified settlements and burial grounds; their distribution is very compact. Various types of monuments illustrate very well the high degree of population concentration, the variability of cultural stereotypes, social heterogeneity, the development of the military sphere (including its manifestations in the ideological sphere), etc. Thus, the Sintashta sites can be viewed as a result of the functioning of a specific type of frontier, which determined the influence of traditions and their long-term reproduction. Their evolution was due to the peculiarities of adaptation; as a result, highly concentrated populations were rejected and the forms of social complexity changed.

Keywords: Urals; Bronze Age; Sintashta culture; frontier; adaptation; cattle breeding; fortification; warfare.

---

* *Citation:* Epimakhov, A. (2018). The Frontier Theory and Bronze Age Archaeology in the Urals. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 207–219. DOI 10.15826/qr.2018.1.291

Цитирование: Epimakhov A. The Frontier Theory and Bronze Age Archaeology in the Urals // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 207–219. DOI 10.15826/qr.2018.1.291 / Epimakhov A. Теория фронта и археология бронзового века Урала // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 207–219. DOI 10.15826/qr.2018.1.291.

Работа посвящена интерпретации синташтинских и петровских памятников бронзового века. Цель исследования – тестирование гипотезы о возникновении и функционировании фронта в период конца III – начала II тыс. до н.э. на территории Южного Урала. Установлено, что концепция претерпела существенные изменения и используется при анализе не только государств, но и догосударственных социумов. Фронт должен рассматриваться как территория мультикультурности, зона формирования стереотипов, которые отличны от соседствующих групп и исходных традиций. Наличие конфликтов – одна из наиболее характерных черт феномена. В исторической перспективе в период существования фронта сложившаяся система культурных стереотипов может длительно воспроизводиться после завершения его функционирования. Накопленная к настоящему времени сумма фактов позволяет выйти на новый уровень осмысления древностей рассматриваемого региона. Археологические источники представлены укрепленными поселениями и могильниками, ареал распространения которых очень компактен. Разнотипные памятники хорошо иллюстрируют высокую степень концентрации населения, вариативность культурных стереотипов, социальную неоднородность, развитие военного дела (включая его манифестации в идеологической сфере) и др. Последнее сочетается с отсутствием следов реальных военных столкновений и единичными примерами военного травматизма. Происхождение рассматриваемой группы явно миграционное, а следов взаимодействия с субстратным населением крайне мало. Таким образом, налицо совпадение признаков, сформулированных сторонниками фронта, и археологических данных: миграционный сценарий, высокий уровень развития военной сферы, культурная вариативность. Синташтинские традиции (за вычетом яркого проявления военной сферы) нашли свое продолжение в следующий хронологический период и распространились на огромной территории. Наряду с этим, имеются и расхождения: практически нет следов реальных столкновений, следы взаимодействия с субстратным населением фиксируются минимально. По мнению автора, причин несоответствия представлениям о «классическом» фронте несколько. Во-первых, несмотря на высокий для бронзового века уровень социальной сложности, невозможно обсуждать местные древности в терминах государства, даже с добавлениями «раннее» или «формирующееся». Во-вторых, археологический источник далеко не в полной мере отражает реалии, это неизбежно влияет на степень обоснованности заключений. Однако вполне очевидно, что рассматриваемые материалы не укладываются в рамки понятия «археологическая культура». В-третьих, свою роль сыграла конкретная историческая ситуация. Военизированная культура мигрантов оказалась избыточной в условиях минимального противодействия местного населения, имевшего принципиально иной уклад экономики и социальную организацию, которые не предполагали концентрации людских ресурсов и развития сложных технологий. Таким образом, синташтинские памятники могут быть рассмотрены как результат функционирования специфической разновидности фронта, что определило влияние этих традиций и их длительное воспроизведение. Эволюция была обусловлена особенностями адаптационных процессов, в результате произошли отказ от высокой концентрации населения и изменение форм социальной сложности.

Ключевые слова: Урал; бронзовый век; синташтинская культура; фронт; адаптация; животноводство; фортификация; военное дело.

People largely agree in their identification of the core thing, to find the boundaries is more difficult.

R. Strassoldo

Археология на протяжении большей части своей истории ориентировалась на изучение центров и культур, лишь сравнительно недавно (и пока в ограниченном масштабе) взор специалистов оказался обращен к периферии и границам. Эта ситуация объективно отражает процесс первичного выделения и группировки материалов, однако уже сегодня очевидно, что многие явления и процессы не могут быть адекватно интерпретированы вне признания значимости периферии как важного, а иногда определяющего фактора реконструкций. Для уральского бронзового века число памятников с чертами культурного синкретизма явно превышает количество так называемых «чистых» (иными словами, монокультурных). Особенно отчетливо это иллюстрируют материалы поселений, в меньшей степени – погребений. Признавая фундаментальное значение внешних факторов в формировании и трансформации культурных стереотипов, мы должны конкретизировать этот тезис, сформулировав соответствующие модели. В противном случае велик риск остаться на уровне констатации факта смешения культурных компонентов и поиска причин такового. Археология прямо или косвенно формулирует свои модели с опорой на исторические, социологические и иные внешние источники. Одной из возможных перспектив нам видится использование концепции фронта в ее современной модификации с целью объяснения суммы накопленных фактов для конкретной территории и периода.

Концепция фронта в археологическом измерении

Зарождение концепции фронта связано с интерпретацией конкретной исторической ситуации [Turner], однако с момента опубликования ее первых положений пройден значительный путь в осмыслении феномена. Отчасти это определяется сменой доминирующих идей, в конечном итоге обусловленных серьезными трансформациями общественных систем в XX в. Концепция подвергалась очень серьезной критике, особенно в силу изначально заложенной колониальной направленности. Вместе с тем, важно, что первоначальное понимание фронта не столько в географическом, сколько в социальном, культурном и идеологическом аспектах прошло проверку временем (см.: [Alexander, p. 28 и др.]).

Подчеркнем, что, по мнению многих авторов, вовсе не обязательно фронт возникает в процессе колонизации и в условиях резкого различия степени сложности социальной организации. Имеющиеся примеры

хорошо иллюстрируют многообразие возможностей в использовании концепции. Правда, исторические исследования чаще всего подчеркивают асимметрию отношений взаимодействующих сторон с акцентом на политическую и экономическую составляющие. В этом смысле логична попытка Т. Холла обобщить сведения о фронтах с точки зрения мирсистемного подхода. Он предложил матрицу компаративного анализа фронтиров, куда был включен ряд показателей: тип фронта, экологическая ниша, социальная группа, взаимодействующая группа, тип включенности [Hall, p. 28]. Предложенный вариант – далеко не единственный (см., например: [Feuer, p. 19–23]). Постколониальная критика трансформировала угол зрения специалистов, изучающих фронт. Феномен стал восприниматься как «пространство гибридности», зона новаций, которые порождает сама жизнь, и мультикультурности [Naum, p. 106–107]. Многообразие форм фронтиров определялось суммой разных исторических и иных обстоятельств.

Резюмируя опыт историков, попытаемся сформулировать критерии выделения фронта как явления. Наиболее генерализующее определение предложено Н. Ю. Замятиной: «фронт – это зона неустойчивого равновесия» [Замятина]. Приведенное определение при всей его емкости, очевидно, требует конкретизации. Неустойчивость неизбежно порождает подвижность в пространстве и времени. Задача определения длительности его функционирования должна решаться в каждом конкретном случае. Видимо, подвижная фаза для каждого фронта заканчивается стадией стабилизации. Среди наиболее важных можно выделить акцент на территорию, а не на линию соприкосновения культур [Feuer, p. 11–23]. При таком варианте обитатели зоны фронта оказываются носителями традиций, нетождественных соседствующим группам. В дальнейшем собственная система культурных, социальных и технологических стереотипов может получить распространение за пределами этой среды.

Археологи в силу специфики основного источника обратились к фронтальной тематике позднее. Первоначально их интерес был сосредоточен в области исторической археологии. В рамках этой традиции изучались в основном фронтиры Римской или Китайской империи, Средневековья и Нового времени (см.: [Scott] и др.). На сегодня круг вовлекаемых в изучение эпох и территорий заметно шире, включая безгосударственные социумы (см.: [Gregg; Fuller] и др.). Археологи заимствовали представление о фронте как зоне формирования новых социальных структур, культурных взаимодействий и пр. [Lightfoot, Martinez, p. 472]. Число таких работ продолжает нарастать за счет обзорных исследований и case-study [The Archaeology of frontiers; Archéologie de la frontière и др.].

Ключевым вопросом является возможность опознания фронта в конкретных археологических источниках [Waselkov, Paul, p. 316 etc.]. В числе манифестаций чаще всего фигурируют свидетельства конфликтов (и в целом высокий уровень милитаризации), социальная

иерархия, следы торговли (обмена), мультикультурность. Подразумевается существенная трансформация предшествующих социокультурной и экономической систем. Адаптивное поведение, выработанное на первоначальном этапе, достаточно устойчиво, культурные стереотипы воспроизводятся в течение длительного периода. Можно предположить, что это касается и маркеров идентичности. Фронтир – феномен, ограниченный не только в пространстве, но и во времени. Его финал может быть разным – оформление стабильной границы между взаимодействующими субъектами, ассимиляция, исчезновение одного из них. Все перечисленное в той или иной степени может быть диагностировано в археологических материалах лишь в результате диахронного анализа.

Эпоха бронзы Южного Урала. Исходные данные

Хронологические рамки бронзового века варьируют для разных частей Урала, но в целом речь идет о III–II тыс. до н.э. Наличие хорошо фиксируемых природных границ и разработанная система периодизации [Молодин, Епимахов, Марченко] создают предпосылки для изучения этой эпохи, точнее, некоторых эпизодов, в рамках концепции фронта. С нашей точки зрения, наиболее наглядные материалы дают результаты исследования синташтинских и петровских древностей (рубеж III–II тыс. до н.э.), расположенных преимущественно в Южном Зауралье.

Поскольку исходные данные опубликованы в многочисленных работах [Генинг, Зданович, Генинг; Виноградов; Епимахов, 2005; Древнее Устье; *Multidisciplinary investigations* и др.], ограничимся самыми общими сведениями о данном периоде. Он представлен серией укрепленных поселений с замкнутой планировкой и блочной застройкой. Все они обнаружены на сравнительно компактной территории Южного Зауралья (север степи – юг лесостепи). Вариации внешнего абриса линии фортификации (деревянно-земляная стена и ров) определяли радиальное или линейное расположение жилищ в огражденном пространстве. Исследованные большими площадями памятники хорошо иллюстрируют стационарное обитание, животноводческую специализацию жителей, домашние производства, а также следы металлургической деятельности. Никаких достоверных свидетельств военных действий нет, хотя практически все поселения пострадали от пожаров.

В распоряжении специалистов имеются также сравнительно небольшие по числу захороненных курганные могильники. Погребения обнаружены не только в непосредственной близости от поселений, но также к югу, западу и востоку вне зоны стационарного обитания. На фоне большинства культур бронзового века синташтинские и петровские могильники выделяются сложной вариативной обрядностью [Епимахов, Берсенева], значительным количеством инвентаря, включающего «дорогостоящие» категории (металлическое оружие, колесничный комплекс, обильные жертвоприношения животных), а также

маркеры социального статуса (каменные навершия булав). Состав покойных в целом характеризуется примерно равным соотношением полов и значительной долей (до 60–70%) детских захоронений. Наряду с военной атрибутикой в составе инвентаря выделяется и «производственная» (металлургия и металлообработка). Подчеркнем, что для хорошо изученных антропологических коллекций достоверных следов военного травматизма не выявлено. Единственным исключением является экстраординарное тройное захоронение на поселении Малоюлдашево I на территории Предуралья, где на черепе молодой женщины обнаружены три округлых отверстия, которые определены как следы проникающего оружия [Моргунова, Евгеньев, Купцова]¹.

Интерпретируя сумму фактов, специалисты отмечают несколько важных черт. Группу характеризует весьма компактная для культур степной зоны территория, где выделяются ядро (поселения и могильники) и периферия (могильники). Общепризнанный миграционный сценарий формирования сочетается с фактическим отсутствием достоверных следов субстратного населения. В качестве отражения контактов иногда упоминается только неоднородность антропологических серий [Хохлов, Китов, с. 133–134]. По некоторым категориям находок улавливаются дальние связи. Вариативность синташтинских (в меньшей степени петровских) традиций проявляется в самых разных сферах: производство посуды, погребальная обрядность и др. Могильники явно иллюстрируют социальную неоднородность, которая никак не явлена на поселениях, где трудно выделить даже специализированные производственные помещения.

Наконец, об исторической судьбе синташтинских традиций. Для следующего хронологического периода хорошо улавливается преемственность основных культурных черт: животноводческая основа системы жизнеобеспечения, оседлость, характер архитектуры, погребальные традиции и материальная культура. Различия касаются поэтапной утраты традиции фортификационных сооружений [Берсенева, Епимахов, Носкевич и др.], почти полного исчезновения символики войны из числа посмертных атрибутов. Еще один аспект важен для интерпретации – территория «наследников» синташтинских традиций многократно превышает первоначальную площадь их распространения.

Эпоха бронзы Южного Урала в концепции фронта

Рассмотрим последовательно возможности соотнесения представленных фактов с концепцией фронта. Нет сомнений, что в рассматриваемом примере речь идет об освоении новой территории мигрирующей группой. Выбор между подвижным и статичным вариантами фронта

¹ Заключение А. А. Хохлова (Самарский государственный социально-педагогический университет).

в свете наличия стационарных поселений не вызывает затруднений – явно речь идет о последнем. Современный уровень развития методов датирования не позволяет определить длительность функционирования объектов и феномена в целом, так как местная хронология пока опирается исключительно на радиоуглеродный анализ, который оперирует сравнительно длительными вероятностными интервалами (сто лет и более). По сути, мы можем лишь указать, в каком временном промежутке произошло событие, но не можем четко определить, в какой его части. По сию пору вызывает дискуссии вопрос о синхронных культурах на сопредельной территории. В качестве таковых чаще всего упоминаются абашевские и сейминско-турбинские древности, но следы взаимодействия в материальной культуре не столь многочисленны [Виноградов, с. 132, 137, 148; Епимахов, 2005, с. 17; Епимахов, 2013; Шевнина, Логвин, с. 47; Куприянова, Зданович, с. 39]. Абашевская часть аналогий обнаруживается в основном к западу от синташтинской ойкумены, а сейминско-турбинские – к северу. Правда, в последнем случае куда заметнее следы обратного воздействия – из степной зоны на север [Корочкова, Спиридонов, с. 73]. Генетические аргументы [Allentoft, Sikora, Sjogren et al., 2015] пока в этой части отсутствуют, иллюстрируя сходства, куда более удаленные в пространстве, например, с Центральной Европой и Алтаем.

Синташтинский феномен столь существенно отличается от других культур бронзового века, что вызвал к жизни целый ряд интерпретаций. Среди главных его особенностей – компактность территории, высокий уровень культурной вариативности, военный акцент в повседневной и ритуальной сферах². Последняя черта сочетается с парадоксальной невидимостью следов реальных конфликтов в археологических и антропологических материалах. Это выглядит особенно контрастно на фоне ярких примеров травматизма в ямных погребениях более раннего периода [Богданов, рис. 23] и очевидных военных катастроф последующего алакульского времени [Чемакин]. Впрочем, некоторые факты нарушают идиллическую картину синташтинской мирной жизни, но факты эти соотносятся с периферией синташтинской ойкумены: Мало-Кизильское селище [Черных] и уже упомянутое погребение на поселении Малоюлдашево I.

Подчеркнем, что культурные синташтинские стереотипы значительно отличаются от практически всех возможных предшественников, и черты сходства улавливаются только по отдельным чертам обрядности или материальной культуры. Остается предположить, что комплекс черт формировался непосредственно на месте. Прямо противоположным образом выглядит ситуация с наследниками синташтинских традиций: в алакульских и отчасти срубных материалах³, распространенных на огромной территории, хорошо читаются трансформированные синташтинские черты.

² Иногда этот список пополняется следами деятельности по производству металла.

³ Речь, конечно, не идет о синташтинских истоках всей срубной общности.

Таким образом, основные характеристики рассмотренной группы памятников не противоречат их интерпретации как следов функционирования фронта. Едва ли не единственным очевидным противоречием в представленной сумме фактов является отсутствие следов реальных столкновений. Причиной этого, на наш взгляд, может быть конкретная историческая ситуация, в которой развивались события миграции. Вновь осваиваемая территория, видимо, оказалась крайне слабо заселена (или посещалась сезонно), в результате реальных соперников у мигрантов *de facto* не оказалось. Даже если таковые и были, то составить конкуренцию новой группе они вряд ли смогли. Причин тому несколько. Скотоводческая система жизнеобеспечения в сочетании оседлостью была главной новацией для региона⁴. Она предопределила демографическое преимущество, так как позволяла осуществить концентрацию населения на сравнительно небольших участках, климатический оптимум [Stobbe, Gumnior, Rühl et al.] обеспечил возможность оседлого образа жизни. Не стоит сбрасывать со счетов и технологическое преимущество мигрантов, к тому же консолидированных в ходе совместного передвижения. Последнее наряду с освоением новой незнакомой территории актуализировало военную функцию и закрепило ее в идеологической сфере.

Сформировавшаяся в результате этой суммы обстоятельств социальная система оказалась избыточна и претерпела серьезную эволюцию. Наиболее очевидно это проявилось в поэтапном отказе от практики создания трудоемких фортификационных объектов при сохранении технологических традиций строительства вплоть до финала бронзового века. Свою роль в этом процессе должна была сыграть и базовая отрасль экономики (животноводство), требующая смены пастбищ после сравнительно короткого периода стационарного существования. Фактически развитие пошло по экстенсивному пути, что хорошо видно при сопоставлении синташтинского и алакульского ареалов. Вторая столь же очевидная часть эволюции культурных стереотипов иллюстрируется изменениями в системе погребальной обрядности, из которой практически исчезают маркеры социального статуса, дорогостоящий инвентарь и обильные жертвоприношения. При сохранении преемственности в части возрастных и гендерных атрибутов остальные для алакульского периода фактически не фиксируются.

Описанная динамика изменений в целом укладывается в представления об адаптивном цикле, который включает четыре основных фазы: рост используемого потенциала территории в сочетании с постепенным увеличением ригидности системы; нарастание уязвимости к внешним воздействиям и снижение устойчивости, которое

---

⁴ Для более раннего периода только явное население владело навыками животноводства, но, судя по всему, принципиально иной формы, сопряженной с мобильностью.

может завершиться «творческим разрушением»; инновации и реорганизация в условиях снижения контроля; тестирование и отбор инноваций, включаемых в новую систему [Holling, p. 393–396]. Характер цикла определяется набором свойств системы, главными из которых являются ее потенциал (диапазон возможных вариантов), связанность (степень гибкости), устойчивость (мера уязвимости). Судя по длительному сохранению культурных стереотипов и их взрывному территориальному расширению, система, сложившаяся на Южном Урале на рубеже III–II тыс. до н. э., обладала способностью адаптации к изменяющимся условиям без радикальной перестройки всех элементов и связей.

* * *

Выдвинутая гипотеза о возможности использования концепции фронта для интерпретации археологических материалов южно-уральского бронзового века не противоречит имеющимся фактам, хотя и не иллюстрирует все без исключения признаки фронта. Вероятно, сказываются два обстоятельства. Во-первых, концепция в значительной степени формулировалась на материалах сложных (государственных) социальных систем. Рассматриваемый пример явно не имел отношения к этому уровню социальной организации. Отрицает ли это возможность возникновения и функционирования фронта? Полагаем, что нет, этого же мнения придерживаются и некоторые из коллег, изучавших даже более древние эпохи [Gregg]. Во-вторых, археологический источник далеко не в полной мере отражает реалии, это неизбежно влияет на степень обоснованности заключений, но никак не исключает выдвижения и проверки объяснительных гипотез, особенно в примерах, когда группа памятников не укладывается в привычные рамки понятия археологической культуры.

Список литературы

Берсенева Н. А., Епимахов А. В., Носкевич В. В., Федорова Н. В. Возможности синтеза геофизической и археологической информации при интерпретации результатов раскопок (на примере поселения бронзового века Каменный Амбар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1 (28). С. 4–14.

Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 287 с.

Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Южно-Урал. книж. изд-во, 2003. 362 с.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей : в 2 ч. Челябинск : Южно-Урал. книж. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / отв. ред. Н. Б. Виноградов ; науч. ред. А. В. Епимахов. Челябинск : Абрис, 2013. 482 с.

Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск : Челябинский дом печати, 2005. Кн. 1. 192 с.

Епимахов А. В. К вопросу о времени бытования и функции редкой разновидности каменных наветренных булав бронзового века // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 29–36.

Епимахов А. В., Берсенева Н. А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3. Археология и этнография. С. 148–170.

Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89. URL: <http://america-xix.org.ru/library/zamyatina-frontier/> (дата обращения: 09.02.2017).

Корочкова О. Н., Спиридонов И. А. Степные знаки в металле святилища Шайтанское Озеро II // Урал. ист. вестник. 2016. № 4. С. 68–76.

Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. Археология и этнография. С. 136–167.

Морзунова Н. Л., Евгеньев А. А., Купцова Л. В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 64–71.

Хохлов А. А., Котов Е. П. Специфика антропологического состава носителей погребально-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы междунар. науч. конф. Самара: Поволжск. гос. соц.-гум. акад., 2014. С. 131–142.

Челякин Ю. П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Челябинск. гос. краеведч. музей, 2015. С. 169–176.

Черных Е. Н. Металл – человек – время. М.: Наука, 1972. 208 с.

Шевнина И., Логвин А. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. 248 с. (Материалы и исследование по археологии Казахстана. Т. 7).

Alexander J. A. The “Frontier” Concept in Prehistory: The End of the Moving Frontier // Hunters, Gatherers and First Farmers beyond Europe / ed. by J. V. S. Megaw. Leicester: Leicester Univ. Press, 1977. P. 25–40.

Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G. et al. Population Genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Iss. 522. P. 167–172.

Archéologie de la frontière / eds. L. Aniceto, A. Delvoye, L. Hermenault, B. Khan, J. Treuillot. Paris: Publ. de la Sorbonne, 2016. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/6256> (mode of access: 24.03.2017).

Feuer B. Boundaries, Borders and Frontiers in Archaeology: A Study of Spatial Relationships. Jefferson: McFarland & Co. Publ., 2016. 164 p.

Fuller D. Q. Agricultural Origins and Frontiers in South Asia: A Working Synthesis // J. of World Prehistory. 2006. Vol. 20. Iss. 1. P. 1–86.

Gregg S. A. Foragers and Farmers: Population Interaction and Agricultural Expansion in Prehistoric Europe. Chicago: Chicago Univ. Press, 1988. 296 p.

Hall T. D. Puzzles in the Comparative Study of Frontiers: Problems, Some Solutions, and Methodological Implications // J. of World-Systems Research. 2009. Vol. 15, no. 1. P. 25–47.

Holling C. S. Understand the Complexity of Economic, Ecological, and Social Systems // Ecosystems. 2001. Vol. 4. No. 5. P. 390–405.

Lightfoot K. G., Martinez A. Frontiers and Boundaries in Archaeological Perspective // Annual Rev. of Anthropology. 1995. Vol. 24. P. 471–492.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds. R. Krause, L. N. Koryakova. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2013. 352 p.

Naum M. Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands // *J. of Archaeological Method and Theory*. 2010. Vol. 17. Iss. 2. P. 101–131.

Scott D.D. Studying the Archaeology of War: A Model Based on the Investigation of Frontier Military Sites in the American Trans-Mississippi West // *International Handbook of Historical Archaeology* / eds. T. Majewski, D. Gaimster. N. Y. : Springer, 2009. P. 299–318.

Stobbe A., Gumnior M., Rühl L., Schneider H. Bronze Age Human-landscape Interactions in the Southern Transural Steppe, Russia – Evidence from High-resolution Palaeobotanical Studies // *The Holocene*. 2016. Vol. 26. Iss. 10. P. 1692–1710.

Strassoldo R. The Study of Boundaries: A System-Oriented, Multidisciplinary, Bibliographical Essay // *The Jerusalem J. of Intern. Relations*. 1977. Vol. 2, no. 3. P. 81–107.

The Archaeology of Frontiers and Boundaries / ed. by S.W. Green, S.M. Perlman. Orlando : Academic Press, 1985. 344 p.

Turner F.J. The Frontier in American History. N. Y. : Holt, 1921. 375 p.

Wasselkov G. A., Paul R.E. Frontiers and Archaeology // *North American Archaeologist*. 1980–1981. Vol. 2. Iss. 4. P. 309–329.

References

Alexander, J. A. (1977). The “Frontier” Concept in Prehistory: The End of the Moving Frontier. In Megaw, J. V. S. (Ed.). *Hunters, Gatherers and First Farmers beyond Europe*. Leicester, Leicester Univ. Press, pp. 25–40.

Allentoft, M. E., Sikora, M., Sjögren, K.-G. et al. (2015). Population Genomics of Bronze Age Eurasia. In *Nature*. Iss. 522, pp. 167–172.

Aniceto, L., Delvoye, A., Hermenault, L., Khan, B., Treuillot, J. (Eds.). (2016). *Archéologie de la frontière*. Paris, Publ. de la Sorbonne. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/6256> (mode of access: 24.03.2017)

Berseneva, N. A., Epimakhov, A. V., Noskevich, V. V., Fedorova, N. V. (2015). Vozmozhnosti sinteza geofizicheskoi i arheologicheskoi informatsii pri interpretatsii rezul'tatov raskopok (na primere poseleniya bronzovogo veka Kamennyi Ambar) [The Potential of Synthesising Geophysical and Archaeological Information in the Interpretation of Excavation Results (with Reference to the Bronze Age Settlement of Kamennyi Ambar)]. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*. No. 1 (28), pp. 4–14.

Bogdanov, S. V. (2004). *Epokha medi stepnogo Priural'ya* [The Bronze Epoch in the Steppe Cis-Ural]. Yekaterinburg, Ural'skoe Otdelenie RAN. 287 p.

Chemyakin, Yu. P. (2015). Sledy voennykh konfliktov na alakul'skikh poseleniyakh [Evidence of Military Conflicts in Alakul Settlements]. In *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale. Materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei, pp. 169–176.

Chernykh, E. N. (1972). *Metall – chelovek – vremya* [Metal – Man – Time]. Moscow, Nauka. 208 p.

Epimakhov, A. V. (2005). *Rannie kompleksnye obshchestva Severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5)* [Early Complex Societies in Northern Central Eurasia (Based on the Material from the Kamennyi Ambar-5 Necropolis)]. Chelyabinsk, Chelyabinskii dom pechati. Book 1. 192 p.

Epimakhov, A. V. (2013). K voprosu o vremeni bytovaniya i funktsii redkoi raznovidnosti kamennykh naversnii bulav bronzovogo veka [On the Chronology of a Rare Variety of Stone Terminals for Bronze-Age Mace-heads]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii*. Iss. 231, pp. 29–36.

Epimakhov, A. V., Berseneva, N. A. (2012). Variativnost' pogrebal'noi praktiki sintashinskogo naseleniya (poisk ob'yasnitel'nykh modelei) [The Variability of Mortuary Practices among the Sintashta Population (the Search for Explanatory Models)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. No. 3 (11). Arkheologiya i etnografiya, pp. 148–170.

Feuer, B. (2016). *Boundaries, Borders and Frontiers in Archaeology: A Study of Spatial Relationships*. Jefferson, McFarland & Co. Publ. 164 p.

Fuller, D. Q. (2006). Agricultural Origins and Frontiers in South Asia: A Working Synthesis. In *Journal of World Prehistory*. Vol. 20. Iss. 1, pp. 1–86.

Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening V. V. (1992). *Sintashta. Arkheologicheskii pamyatnik ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei v 2 ch.* [Sintashta. The Archaeological Site of Aryan Tribes in the Steppe of the Urals and Kazakhstan. 2 Parts]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Part 1. 408 p.

Green, S. W., Perlman, S. M. (Eds.). (1985). *The Archaeology of Frontiers and Boundaries*. Orlando, Academic Press. 344 p.

Gregg, S. A. (1988). *Foragers and Farmers: Population Interaction and Agricultural Expansion in Prehistoric Europe*. Chicago, Chicago Univ. Press. 296 p.

Hall, T. D. (2009). Puzzles in the Comparative Study of Frontiers: Problems, Some Solutions, and Methodological Implications. In *Journal of World-Systems Research*. Vol. 15. No. 1, pp. 25–47.

Holling, C. S. (2001). Understand the Complexity of Economic, Ecological, and Social Systems. In *Ecosystems*. Vol. 4. No. 5, pp. 390–405.

Khokhlov, A. A., Kitov, E. P. (2014). Spetsifika antropologicheskogo sostava nositelei potapovo-sintashtinskikh kul'turnykh traditsii (po kraniologicheskim materialam Povolzh'ya i Urala perekhodnogo vremeni ot srednei k pozdnei bronze) [The Specificity of the Anthropological Composition of the Bearers of Potapovo-Sintashta Cultural Traditions (According to Craniological Materials of the Volga and the Urals in the Transitional Period from the Middle to the Late Bronze Age)]. In *Process kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Samara, Povolzhskaya gosudarstvennaya sotsial'no-gumanitarnaya akademiya, pp. 131–142.

Korochkova, O. N., Spiridonov, I. A. (2016). Stepye znaki v metalle svyatilishcha Shaitanskoe Ozero II [Signs of the Steppe in Metal from the Shaitan Lake II Sacred Place]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 4, pp. 68–76.

Krause, R., Koryakova, L. N. (Eds.). (2013). *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt. 352 p.

Kupriyanova, E. V., Zdanovich, D. G. (2015). *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ya: mogil'nik Stepnoe VII* [Antiquities of the Trans-Urals Forest-Steppe: The Stepnoe VII Burial Ground]. Chelyabinsk, Entsiklopediya. 196 p.

Lightfoot, K. G., Martinez, A. (1995). Frontiers and Boundaries in Archaeological Perspective. In *Annual Review of Anthropology*. Vol. 24, pp. 471–492.

Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, Zh. V. (2014). Radiouglerodnaya khronologiya epokhi bronzy Urala i yuga Zapadnoi Sibiri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problemy [Radiocarbon Chronology of the South Urals and the South of the Western Siberia Cultures (2000–2013 Investigations): Principles and Approaches, Achievements and Issues]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. No. 3 (13). Arkheologiya i etnografiya, pp. 136–167.

Morgunova, N. L., Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V. (2015). Pogrebal'nyi kompleks sintashtinskogo vremeni na poselenii Maloyuldashevo I v Zapadnom Orenburzh'e [A Funerary Complex of the Sintashta Age at Maloyuldashevo I, Western Orenburg Region]. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. No. 2 (43), pp. 64–71.

Naum, M. (2010). Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands. In *Journal of Archaeological Method and Theory*. Vol. 17. Iss. 2, pp. 101–131.

Scott, D. D. (2009). Studying the Archaeology of War: A Model Based on the Investigation of Frontier Military Sites in the American Trans-Mississippi West. In Majewski, T., Gaimster, D. (Eds.). *International Handbook of Historical Archaeology*. N. Y., Springer. pp. 299–318

Shevnina, I., Logvin, A. (2015) *Mogil'nik epokhi bronzy Khalvai III v Severnom Kazakhstane* [The Halvai III Bronze Age Burial Ground in North Kazakhstan]. Astana, Filial Instituta arkheologii imeni A. Kh. Margulana. 248 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana. Vol 7).

Stobbe, A., Gumnior, M., Rühl, L., Schneider, H. (2016). Bronze Age Human-Landscape Interactions in the Southern Transural Steppe, Russia – Evidence from High-resolution Palaeobotanical Studies. In *The Holocene*. Vol. 26. Iss.10, pp. 1692–1710.

Strassoldo, R. (1977.) The Study of Boundaries: A System-Oriented, Multidisciplinary, Bibliographical Essay. In *The Jerusalem Journal of International Relations*. Vol. 2. No 3, pp. 81–107.

Turner, F. J. (1921). *The Frontier in American History*. N. Y., Holt. 375 p.

Vinogradov, N. B. (2003). *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e* [Krivoe Ozero Bronze Age Necropolis in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 362 p.

Vinogradov, N. B., Epimakhov, A. V. (Eds.). (2013). *Drevnee Ust'e. Ukrepennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e* [Ancient Estuary. A Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Abris. 482 p.

Waselkov, G. A., Paul, R. E. (1980–1981). Frontiers and Archaeology. In *North American Archaeologist*. Vol. 2. Iss. 4, pp. 309–329.

Zamyatina. N. Yu. (1998). Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh [The Zone of Development (Frontier) and Its Image in American and Russian Cultures]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5, pp. 75–89. URL: <http://america-xix.org.ru/library/zamyatina-frontier/> (mode of access: 09.02.2017).

The article was submitted on 25.05.2017

ESCAPING IN TWENTIETH-CENTURY RUSSIA*

Lewis H. Siegelbaum

Leslie Page Moch

Michigan State University,
East Lansing, Michigan, USA

This article considers the escapees who populated Russia's twentieth century in astonishingly large numbers. By escapees, the authors mean not only those who had been incarcerated, exiled, and deported, but also others who ignored or willfully violated regulations limiting movement – peasant settlers moving “irregularly” to scarcely-populated or recently depopulated areas; seasonal workers making independent employment arrangements; migrants to the city without the proper papers but desperate to access resources unavailable in the countryside; officials keen to avoid inferior assignments; refugees and evacuees deviating from assigned destinations. These evasive practices are characterized as migrant *repertoires*, that is, the relationships and networks of contact marked by geographic origin, gender, kinship, friendship, and professional identity that permitted them to adapt to or evade particular migration regimes. State-organized *regimes* of migration set the terms and resources of movement for all sorts of migrants, from settlers to deportees. The range of migrants surveyed confirms the ambition of Imperial and especially Soviet authorities to manage their peoples, but also the limited capacity of these states to do so. Thus the article suggests that the assumption of people's powerlessness in the face of overwhelming state power should be reconsidered.

Keywords: migration; migration practices; seasonal labor; urbanization; unauthorized migrants; career migration; deportees.

Предметом внимания авторов статьи являются самовольные мигранты, которых в России в XX в. было поразительно много. Под самовольными мигрантами подразумеваются не только заключенные в тюрьму, сосланные и депортированные, но и те, кто игнорировал либо умышленно

---

* Citation: Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2018). Escaping in Twentieth-Century Russia. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 220–239. DOI 10.15826/qr.2018.1.292.

Цитирование: Siegelbaum L. H., Moch L. P. Escaping in Twentieth-Century Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 220–239. DOI 10.15826/qr.2018.1.292.

нарушал правила, ограничивающие передвижение, – крестьяне-поселенцы, осуществлявшие «нерегулярные» миграции в малонаселенные или недавно оставленные людьми районы; сезонные работники, самостоятельно вступавшие в трудовые отношения; мигранты в города, не имевшие необходимых документов, но отчаянно нуждавшиеся в доступе к ресурсам, отсутствующим в сельской местности; должностные лица, стремившиеся избежать невыгодных для себя назначений; беженцы и эвакуированные, отклонявшиеся от предписанного маршрута. Эти миграционные практики характеризуются в контексте межличностных взаимоотношений и сетей контактов по признакам географического происхождения, пола, родства, дружбы и профессиональной идентичности, позволяющим им адаптироваться либо уклоняться от определенных миграционных режимов. Организованные государством режимы миграции устанавливают условия и ресурсы передвижения для всех видов мигрантов, от поселенцев до депортированных. Результаты опроса ряда мигрантов подтверждают стремление имперских и особенно советских властей управлять людьми, но в то же время демонстрируют ограниченность их возможностей в этой сфере. Таким образом, авторы статьи полагают, что предположение о бессилии людей перед лицом подавляющей государственной машины преувеличено.

Ключевые слова: миграция; миграционные практики; сезонная занятость; урбанизация; самовольные мигранты; карьерная миграция; депортированные.

Escapees populated Russia's twentieth century in astonishingly large numbers and in the great variety of ways they ignored or willfully violated regulations limiting movement. They included everyone from Stalin and Trotsky – both of whom evaded their Imperial Russian captors in Siberian exile more than once – to tens of thousands of peasants deported as kulaks to special settlements during Stalin's collectivization drive in the late 1920s and early 1930s. The Soviet Union under Stalin is notorious for its carceral regimes of prison camps, labor colonies, and euphemistically defined "special settlements," but this is not the half of it.

More so than its Imperial Russian predecessor – and arguably exceeding in intent the governments of any other country in the twentieth century – the Soviet state sought to control the movements of everyone not only across its borders but also within them. It did so by establishing a plethora of procedures administered by a bevy of bureaucrats. Some of the procedures and the personnel were holdovers from the old regime; others were brand new. Together they constituted what we refer to as regimes of migration. Prospective resettlers – peasants seeking to make a new start on land somewhere else; seasonal migrants seeking to supplement their income during slow times at home; migrants to the city escaping starvation or simply limited opportunities; technical specialists and bureaucrats assigned to posts remote from major cities; military inductees; evacuees; and deportees –

all had to obtain approval for moving to a new location or follow instructions, travel in mandated convoys, and obey officials in charge of arranging their transport and accommodation. Except that many didn't.

In what follows we synoptically analyze the evasive practices of different categories of migrants. We consider these practices characteristic of migrants' repertoires, that is, the relationships and networks of contact marked by geographic origin, gender, kinship, friendship, and professional identity that permitted them to adapt to – or evade – particular migration regimes. As in our larger study, we proceed from less to more coercive regimes [Siegelbaum, Moch]. Our argument throughout hinges on the observation that a dialectical relationship existed between the ambitions of the Imperial Russian and Soviet states to regulate migration within their borders and the resort to evasive action by migrants. The word, invented by state officials to characterize such action was *samovol'nost'*. Literally this translates as “self-willed”; most often it is rendered in English as “irregular.” Neither quite captures the relational dynamic we seek to emphasize.

“Irregular” Resettlers

Many who sought to resettle beyond the Urals in the late nineteenth and early twentieth centuries did so illegally, as often happens in long-distance migration. Moving from one place to another was common, and although most managed to adjust to conditions on the frontier, a substantial proportion returned home. The legality of migration of course depended on the conditions imposed by the state. These initially were quite stringent. Peasants had to obtain permission from both their own commune and the one they wished to join. Certain regions remained off limits. Officials eventually began to look more favorably upon resettlement as a means of alleviating population pressure in the central Russian heartland and strengthening the Russian presence in the Asian part of the empire to counterbalance what they perceived as growing threats from Japanese expansionists, incursions of Chinese migrants, and the “backwardness” of indigenous Kazakh nomads. The problem then became how to ensure “correct colonization,” that is, matching resources to population and rationally distributing services [Treadgold, p. 67-81; Coquin, p. 349-385; Sunderland, p. 177-220; Holquist].

“Irregular” (*samovol'nye*) migrants shadowed the state's regime at every stage of its long, tortured evolution. Even after 1896 when the Resettlement Administration made reduced fares and other assistance contingent on following proper procedures for registering land, a significant proportion of migrants did not do so. If slightly over one in every four passing through the Siberian gateway town of Cheliabinsk in 1895 lacked authorization to settle, then in the following year irregulars made up 44 percent of all settlers and by 1899 over half (53 percent) of the total [Кайфман, 1901, с. 51]. The proportion would decline thereafter but rarely dip below 20 percent. It would be overly romantic to ascribe such behavior to a longing for

freedom or the persistence of resistance against the weight of the tutelary state. For every group of settlers who squatted on land in remote regions undetected – at least for a while – by agents of the state, or who had decided from the beginning to have nothing to do with officialdom, most migrated irregularly for quite mundane reasons [Комитет Сибирской железной дороги, с. 202–203; Ядринцев, с. 473–474; Кауфман, 1897, с. 27–28, 33].¹ Some migrants registered for a certain parcel, but only to take advantage of the reduced fare so that they could have a look around, perhaps settling somewhere else, or working for wages [Сборник узаконений]. More often, they set out for a parcel on which they were registered only to run out of funds or otherwise change their minds en route causing them to end their journey somewhere else. Other settlers sought to follow the rules only to be confronted by local officials' refusal to grant them permission to leave their commune, or delays in the processing of requests that could drag on for years (by which time applicants might already have sold their property), or assignments to places the applicants had not requested [Кауфман, 1895, т. 1, ч. 1, с. 11, 16, 33, 37, 82, 84, 118, 129, 181, 257, 269; ч. 2, с. 44; ч. 3, с. 2; Станкевич, с. 117].

Whatever the reason, irregular settlers violated the Resettlement Administration's commitment to rational settlement as well as officials' own *amour propre*. No less troublesome for officials were settlers who had registered with a particular commune or received permission to form their own but who, after awhile, picked up stakes again and moved on. In some cases, according to ethnographers' investigations, this was because new settlers wore out their welcome with old settlers or grew weary of being exploited by them. In others, relations among new settlers became intolerably fractious, causing some families to abandon the settlement where they were registered and seek a new one².

We are fortunate to have traces of peasants' own explanations in the form of petitions requesting the right to move from one parcel to another. For example, in October 1907, three peasants representing a recently settled community in Siberia's Tomsk province, addressed Her Highness Mariia Fedorovna. They had left their "dear homeland" with "hopes of improving our condition," but the parcel assigned by the Resettlement Administration had proven "less beneficial and even unsuitable." They asked for another and were quite specific about which one – "near the Gulinsk river at the site of the Nikolaev yurt." More desperate still were peasants from Vitebsk province who had settled in another district of Tomsk province on a parcel that turned out "to be without water." "Cattle and people are dying," wrote their spokesman, who reported that the petitioners intended to abandon the parcel for state land in "the Martynov ravine." Another plenipotentiary, Pavel Efimov Tsvikh, saw fit to address his petition to the tsar. His clients,

---

¹ For the earlier "peculiar case of the 'rock people' of the Altai, see [Znamenskii].

² Settlers who rented land from Kazakhs in the steppe region were notorious for being peripatetic, moving every year; see [Кауфман, 1897, с. 33].

ten families with over a hundred members, had settled in 1908 in yet another district of Tomsk but the parcel's swampiness and complete unsuitability for grain cultivation "forced" them to seek another section. Tsvikh claimed that both the local resettlement official and surveyor had assisted them in locating and moving to "the only available parcel in the district," but it turned out not to be available after all. Ejected from the parcel, the families were "dispersed, living in utter dependence, wherever and however" [РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 417. Л. 3, 12, 58-59]³. Like letters to authority in general, these petitions conformed in both the choice of words and their content to certain conventions, one of which undoubtedly was to exaggerate the neediness of the petitioners. Nevertheless, it would be unwise to minimize the disappointment these people must have felt after resettling, and the challenges they confronted in re-resettling.

According to the law of 13 July 1889, the state reserved the right to expel and return to their homes peasants who migrated to Siberia without permission. The law, however, was without practical application because rounding up such individuals and their families and supervising their expulsion went far beyond the state's capacities [Кауфман, 1901, с. 23]. Ironically, much of the state's campaign against irregular settlers stemmed from its assertion that they were more likely to return home than those who followed prescribed procedures⁴. That may have been, but as so often occurs with migrants, actual experience defied official categories.

As under the tsars, so in the 1920s and 1930s, higher authorities "categorically" enjoined officials on the ground to "struggle against irregular resettlers" whose actions disrupted the rational distribution of land among those from over-crowded areas.⁵ But as before, a substantial number of peasants traveled at their own initiative and bore the expenses associated with irregular resettlement.⁶ A report to the Communist Party's central committee in the mid-1930s referred to "a lot of 'unplanned settlers'... as many as planned [ones]" among families resettling from the Western oblast to Dnepropetrovsk. Another report claimed, "if the number of people refusing to go is very small, the number of those going outside planned settlement is enormous" [Трагедия советской деревни, т. 4, с. 448; РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 48. Л. 28-29, 54, 73]. Some peasants desirous of resettling and apparently oblivious to the regulations defined their own terms to the Resettlement Committee. "After receiving permission to resettle," wrote the spokesman for a group of 25 householders in a communication of July

³ All three petitions were rejected by the Resettlement Administration.

⁴ For example, whereas 4.9 percent of registered settlers (amounting to 14,877 individuals) returned home in 1909, 11.9% (33,139) of irregulars returned. See: [Турчанинов, 1910, с. 20-21].

⁵ See for example the memo distributed in Samara province in 1925: [РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2958. Л. 1-4].

⁶ "Almost certainly exaggerated" data from *Ekonomicheskoe obozrenie*, reports that 80 percent of the 111,000 settlers in 1924/25 were irregulars. A year later, the number of settlers "was said to have reached 120,000 of whom more than half were planned and aided" [Carr, p. 556, 558].

1935, “we will inspect the place and, finding one that we like, will inform you of its location” [РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 106. Л. 34]. The remark must have struck his respondents as either inspired by ignorance or the height of insolence.

Just as some settlers relocated irrespective of state regulations, returnees included a substantial proportion who took it upon themselves to repatriate “irregularly.” Such families thereby failed to repay the loans extended to them at the time of their settlement despite state efforts – even in postwar years – to track down irregular returnees and collect on them. But as with earlier instances of irregularity, this was a battle the state could not win.⁷

Invisible Seasonal Laborers

Institutional records on seasonal migrants are notoriously sparse. Arrangements before the October Revolution between seasonal laborers from the countryside and contracting agents for large landowners, mining establishments, and even urban employers precluded the kind of record keeping that would enable us to determine how many laborers returned to their villages before fulfilling their end of the bargain. During the 1920s Soviet authorities began to replace the institutions on which seasonal laborers relied for negotiating contracts with supposedly less exploitative so-called labor correspondents. The record of their successes is patchy and they in any case were soon overtaken by the introduction of organized recruitment (*orgnabor*). This regime of seasonal migration depended on agents of the Commissariat of Labor (and after its disbandment, individual enterprises under industrial-branch commissariats) negotiating with collective farm administrators on the basis of pre-determined quotas.

In practice, employers of seasonal workers rarely reached the *orgnabor* quotas. They generally preferred to hire people who came of their own accord thereby relieving themselves of the obligation to construct housing and otherwise provide for their occasional labor force [Правда, 1931, 9 сент., с. 3; 1931, 10 сент., с. 4; 1931, 24 сент., с. 3; 1932, 16 мая, с. 2]. Thus, at the giant construction sites that would become the industrial city of Magnitogorsk, over half of the incoming population in 1931 consisted of people who arrived on their own. The region of origin for more than two-thirds of them – some 42,000 people – was listed as unknown [Правда, 1932, 12 янв.; Kotkin, p. 70, 73].⁸

Nor is it possible to say how many who left the collective farms either on their own or via *orgnabor* stayed away permanently. What is known is that these out migrants from the countryside took up one job after another with amazing frequency, some because they found the work too arduous

---

⁷ See materials on Aleksandr Salov and Nikolai Belousov, both of who left Kaliningrad oblast in 1947–1948: [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 475. Л. 4–10, 16–21]. For the draft resolution sent by RSFSR Council of Ministers’ chairman M. I. Rodionov to Lavrentii Beria, see: [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 610. Л. 33–34].

⁸ See also: [Filtzer, p. 61].

or the living conditions unbearable, others in search of additional income. Stephen Kotkin, in reference to such labor fluidity, observed that “the train, that ally of the Bolshevik leadership and its bureaucrats and planners, was being used against them: construction workers were using the trains to tour the country” [Kotkin, p. 85]. This was exactly what Soviet authorities feared – that migrants who “had crowded the stations and are traveling to all ends of the Soviet Union, will head for secondary construction sites, leaving Dneprostroi, Magnitostroi, and Traktorstroi without workers” [Правда, 1930, 26 марта, с. 5; 1930, 3 окт., с. 4]. Such wandering or “drift” (*samotek*) was the bad kind of seasonal employment; it made a mockery of *orgnabor*.

The Soviet Union crossed the demographic threshold to become a predominantly urban society in the early 1960s. It was then that a new term appeared referring to people who traveled far from their homes to supplement the waning rural labor force and work off the books by contracting with collective farm administrations or other rural-based enterprises. The term was *shabashniki* derived from the Russian word for Sabbath (*shabash*) but more closely corresponding to the verb *shabashnit'*, meaning “to finish work” or “to take a break from work” [Ожегов, с. 874; Толковый словарь, т. 4, стлб. 1310] *Shabashniki* were in effect the opposite of rural outmigrants. If their permanent homes were not always in cities, their destinations were almost always rural. They were by definition self-organized, traveling and working together as “on the side” or “wild” brigades. The private nature of the transactions into which they entered fundamentally violated the state’s authority to govern labor activity via the mechanism of planning. It also meant that they could be paid far more than if they went through official channels, but it seems this was fair compensation for working longer hours and taking more responsibility for their work than was normal.

But in what sense were *shabashniki* escapees? For one thing, they were almost invisible to legal authorities, unless their contracting partners saw fit to expose them. Then, sentences could be severe. In one case, a “parasite” and “swindler” received 15-years from a court in Rostov-on-Don for bilking collective and state farms. “He could do anything,” farm managers (who also were prosecuted) explained in defense of their payment of advances to him.

He went to work with his own building materials and no one had to worry about trying to obtain centrally allocated materials. [He] made deals with the head of the warehouses of... the Rostov Civil Construction Trust that enabled him to pilfer pipe, cement, crushed rock and metal from its construction projects [Правда, 1984, 5 окт., с. 6].

He got caught, but many others like him successfully cut through the multi-layered bureaucratic system. They were highly sought after by kolkhoz bosses anxious to complete projects and weary of cajoling collective farmers, but they must have irritated accountants, planners, law enforcement officers, and other elements of Soviet society responsible for checking up on what people did and at what cost they did it.

Second, resorting to work on the side for some portion of the year meant escaping from the humdrum existence captured in the Soviet saying “They pretend to pay us and we pretend to work.” We can illustrate this point by referring to the experiences of Viktor Gal’chenko. In March 1987 when “The Life of One *Shabashnik*” appeared in print, many previously taboo subjects and views long restricted to private conversations were emerging in the media, the result of Mikhail Gorbachev’s policy of glasnost. “As the world is reflected in a drop of water, so the fate of this one man reveals several features characteristic of *shabashnichestvo*,” wrote the sympathetic journalist who interviewed Gal’chenko and edited his story [Гальченко, Максимова, с. 101].⁹

For the 50 days of work that Gal’chenko put in building houses near the Siberian town of Tiumen, he received 1200 rubles. This represented more than he earned in a year working as a lab technician in Novosibirsk. Plus there was the camaraderie of the brigade he formed from among his childhood companions, including his younger brother – “the healthiest collective I ever knew.” The group remained intact for several seasons, living in tents and wagons, buying and preparing food themselves like temporary workers everywhere [Piore]. The normal working day lasted 10 to 12 hours with one half day off on Saturdays. Members of the brigade lived and breathed for their work. For this reason, they shunned alcohol and avoided contact with locals. They also reverted to a state of illiteracy and inaudibility, refraining from reading newspapers or listening to the radio. The brigade found work primarily along the Enisei and Angara Rivers, and in the Saian Mountains in Siberia. “Of course, we didn’t go just to smell the taiga,” Gal’chenko pointed out, “but we also didn’t go only for the money.” They yearned for new impressions, for self-affirmation, to test their endurance, to go to the limits. The rest of the year, like Superman’s alter ego Clark Kent, they blended in with everyone else.

Wanted but not welcome in the city

We can be briefer about rural-to-urban migrants because so many of them, as we have indicated already, started out as working on a seasonal basis. The Soviet state reacted to the sheer, unprecedented volume of movement to cities in the 1930s with an aggressively restrictive regime of migration restriction. In addition to the *orgnabor* system, it introduced the internal passport, which became the legal requirement for residence in border regions and an expanding list of important cities, labeled “regime cities,” at the end of December 1932. Whereas passports in the tsarist era were distributed locally to enable peasants to move, in Soviet times they would be bestowed upon urban adults. The goal of the passport was exclusion – to keep certain kinds of people out of certain kinds of places. Nonetheless, the passport was not entirely effective as a mechanism of

---

⁹ The following paragraph is based on [Гальченко, Максимова].

control; that is, country people continued to find their way to the city. Many traveled as noncollectivized peasants (*edinolichniki*), not bound by kolkhoz rules, others by legally going out for temporary work, on *otkhod*. Still others obtained passports and urban registration “by informal means” after being hired at the gate by a new employer, left the collective farm without permission, or stayed on in town after military service or education [Fitzpatrick, p. 32]. Where there was a will, there were many ways, and consequently, by 1934, peasants were increasingly finding their way to cities once again, passports or no passports. Almost 12 million newcomers arrived in cities in that year, and cities showed a net gain of two to three million in 1934 and 1935 [Ibid., p. 31].

While not matching the intensity of the early 1930s, rural-to-urban migration in the post-Stalin decades (1950s–1970s) sapped thousands of villages in the central Russian oblasts of their youthful population. Their departures amounted to escaping the material deprivation and spiritual poverty of the Soviet countryside. But this is not what we have in mind when referring to escapees. More appropriate to the definition of people who ignored or willfully violated regulations limiting movement were the so-called *limitchiki*, holders of permits to reside temporarily in Moscow, Leningrad and other “regime” (restricted) cities. Like the contemporaneous *Gastarbeiter* in West Germany, many *limitchiki* found ways of overstaying their permits, confident that their employers would cooperate in masking the illegality of their continued residence [Zaslavsky, p. 144–145].¹⁰

Later still, during the turbulent years of perestroika at the end of the Soviet era, the regulations were flouted with increasing abandon. This was the period when jobs previously dominated by *limitchiki* began to go to migrants from Central Asia and the Caucasus. In the 1990s, the growing presence of these migrants in the major cities of the Russian Federation echoed “new forms and degrees of ethnic, racial, linguistic, and religious heterogeneity” characteristic of Western Europe [Brubaker, p. 153]. Thanks to stark inequalities of income, access to relatively cheap air and rail tickets, and lax enforcement of migration restrictions, their numbers sharply increased. Perhaps as many as three of every four resided illegally in the case of Moscow [Воробьева, Леженкина, с. 248–250].

Young specialists staying in or returning to the city

Priding itself on its rational distribution of resources, the Soviet state introduced in 1933 a system for assigning graduates of higher educational institutions to places where they were needed – rather than where they would have wanted to go. This, so it was pointed out to the young specialists, was only fair compensation to the state that had provided them with their education [Постановление ЦИК, с. 436–438]. Fair or not, some graduates

¹⁰ For another case of internal migrants widely regarded as aliens, see: [Moch].

fled their assigned posts at the earliest opportunity to return to the relative comfort of the city where they had studied. Others resorted to the ploy of fictitiously marrying an urban dweller. Still others simply refused assignments, never showed up, or went missing. *Pravda* described such people as “deserters” – this, on the eve of the Great Patriotic War [Правда, 1941, 29 марта, с. 1; 1941, 29 апр., с. 4].

Nevertheless, the same “tricks” turned up again in newspaper accounts from the postwar years. So successful were specialists in avoiding assignments that among the 54 sent by one ministry in 1962 to such “important” (but remote) districts of the country as Magadan, Chita, Tiumen’ and the Maritime krai, not one actually arrived [Правда, 1962, 20 июля, с. 3].¹¹ As of the mid-1970s, the not nearly so remote but nonetheless rural Non-Black Earth region’s need for 200,000 agricultural specialists went only half met [Денисова, с. 53]. Many who agreed to serve for the requisite two years “did not linger.” Huge tasks, long working hours, low pay, and the lack of creature comforts sent them back to the city. They probably would not have been able to get away with their desertion without the collaboration of urban-based institutes willing to claim a need for their freshly minted expertise.

Refugees and self-evacuees

With refugees we encounter a category of migrants that by its very nature involved escape – from the danger of “collateral damage” or falling into enemy hands. But among refugees were large numbers – distressingly large from the standpoint of authorities responsible for transporting, feeding and accommodating them – who escaped from authorities’ ministrations and calculations. As the historian Gennadii Kornilov notes with respect to refugees during World War I, “these migrations were largely spontaneous and disorganized, so that in a majority of cases it was impossible to register origins, numbers and destinations of displaced persons” [Kornilov, p. 156]. Likewise during the Civil War and succeeding famine years, it becomes impossible to keep track of the numbers of refugees, their peregrinations, and even the causes of their displacement. Did they take to the road to evade impressment into Red and White armies, locate lost family members, stave off hunger, or return to their homes abandoned during the Great War? The sources contain evidence of all these itineraries, but they are incomplete, more so than for any other period. Their incompleteness was a function of the unusual haphazardness of data collection, the frequency with which territories changed hands, and the elusiveness of the refugees themselves.¹² One

---

¹¹ See also: [Правда, 1954, 23 июня, с. 2; Болдырев, с. 27; Правда, 1958, 11 июня, с. 1].

¹² For a history of everyday life in the Urals as catastrophe, И. Narskii, who notes that the “weakness of state services and the extraordinary scale of the human catastrophe was reflected... in the imprecision and lack of coordination of data by which the authorities operated” [Нарский, с. 128].

could have fled the advancing enemy in 1914–1915, settled in the interior for a couple of years only to have had to pick up stakes again because of armed conflict within Russia and then once more owing to the Mid-Volga-based famine in 1921–1922.¹³

Immediately after the after the Nazi invasion of June 1941, the Soviet government, determined to avoid the chaos of refugee flight that occurred during World War I, set up an extensive system of evacuation councils. Nevertheless, many evacuees assigned to a particular destination wound up somewhere else – either through their own doing or because of what frustrated higher authorities referred to as “irregular” (*samovol'nye*) reassignments by regional personnel. Counting on the strategy of family connections, some evacuees reportedly insisted on being deposited at places where they claimed to have relatives rather than proceeding on to the Altai or Novosibirsk even when it turned out they did not have any relatives where they claimed they did. One instance of irregular reassignments occurred in January 1942 when Sverdlovsk oblast officials “readdressed” a convoy of 750 Leningraders to Omsk in southwest Siberia; it happened again when authorities in Omsk readdressed the same convoy to Petropavlovsk 150 miles away in northern Kazakhstan [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 68. Л. 15; Оп. 2. Д. 50. Л. 33, 103–106].

Urbanites who had been evacuated eastward were especially eager to return home in this country where an urban place of residence was privileged and conditions outside cities were generally grim. None outdid Muscovites, seized by “suitcase moods” early on, as denizens of the most privileged city [Manley, p. 240].¹⁴ Already in December 1941, after the worst of the battle for the capital city was over, some started on the return journey despite the fact that the railroad administration was forbidden to issue tickets. Evacuation officials in the central Russian town of Penza reported in January 1942 that Muscovites had heard from relatives they could come home, and so they filled the stations. Without permission, came a report from Riazan', a thousand people showed up at the railroad station every day trying to get to Moscow, 125 miles away. Other reports came from cities both near and far [ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 68. Л. 10, 13].

¹³ The paucity of reliable data raises a question that speaks to the discursive nature of “refugee.” It had opposite connotations: carriers of panic and disease on the one hand, helpless victims on the other. See: [Gatrell, p. 14, 29]. Who gets to designate someone as a refugee? Is displacement from one’s home with no immediate prospect of returning sufficient? Or does it require some state or non-governmental authority to identify the refugee and treat him or her accordingly? But what if authorities failed to see displaced people as refugees, either because of their capacity for blending in, or because authority lacked interest in seeing them? For the argument that, decades before UN definitions, co-nationals heading and participating in relief agencies “saw” refugees better than Russian authorities and relief agencies, and sought to redeem them as part of nation-building projects, see: [Homelands].

¹⁴ According to G. A. Kumanev, 46 of the 65 resolutions about re-evacuation that the State Defense Committee and the USSR Council of People’s Commissars adopted between January 3 and March 9, 1942 concerned Moscow. See: [Куманев, т. 2, с. 77].

Fugitives from exile and deportation

In 1900, Lev Davidovich Bronshtein, who would become known as Leon Trotsky, started serving a sentence of 4 years' exile in Eastern Siberia with fellow leaders of the South Russian Workers Union. Thanks to sympathetic peasants and friends he escaped in 1902 [Trotsky, p. 123-125; Deutscher, 1965, p. 55]. Seven years later, Trotsky received the more severe penalty of exile in perpetuity to a settlement near the mouth of the Ob River within the Arctic Circle. The destination – a thousand miles from the nearest railroad with spotty postal communication – was sufficiently foreboding to inspire escape. Informed by knowledgeable locals, he took off due west over roadless terrain to arrive at a rail connection in the Urals, and thence to St. Petersburg [Trotsky, p. 190-197]. Josef Stalin's carceral travels included exile north of Irkutsk in 1903; deportation to a little settlement in Northern Vologda in 1908, a return visit in 1910 to the same hellhole; and then in 1913 consignment to northern Siberia. From each of these places, Stalin escaped [Deutscher, 1972, p. 56-58, 102-103, 108-111].

Exiles and deportees also tried to escape under Stalin, and some of them succeeded. After 1931, even though substantial numbers of forced migrants would continue to arrive in the special settlements, the population of the settlements declined from one year to the next. The excess of deaths over births – an average of 78,000 for the years 1932-1934 – explains only some of the decline. After 1934, recorded births actually exceeded deaths for each year of the remainder of the decade. Transfers of minors and the elderly to relatives back home, the provision after 1938 of passports to enable those reaching the age of 16 to work and study elsewhere, and other ameliorative acts contributed. But far more significant was the excess of escapees over those caught and returned – nearly 125,000 on average during 1932-1934 [Земсков, с. 20-21, 71-72].¹⁵

The extraordinary extent of flight – over half a million people during the years 1932-1934, or about one in six of all special settlers – hints at the intolerable conditions in the settlements.¹⁶ It also implies that escape was not that difficult. As in the case of Siberian exiles during the tsarist era, authorities counted on the settlements' isolation rather than carceral structures or the presence of guards to deter runaways. But so determined were many of the condemned not to succumb to the state's coercive migration regime that they drew on their own repertoires.

People escaped from the special settlements early and often. They escaped individually and in groups. Able-bodied young people predominated among escapees. Some who were caught and sent into exile a second time found a way to escape again. According to one report from the assistant

---

¹⁵ The figures for returned runaways include those who “returned voluntarily” as well as those who were caught. Although after 1937 returned runaways actually exceeded those escaping, the numbers were relatively small and the differences slight.

¹⁶ For a discussion of the settlements' living conditions and their gradual improvement during the 1930s see: [Славко, с. 88-114; Климин, с. 426-449].

director of the OGPU in the Urals, kulaks intending to escape obtained false documents from relatives and the local population, or fashioned them themselves, forging the signatures of commandants [Политбюро и крестьянство, т. 2, с. 943].¹⁷ “The flight of kulaks is our main scourge,” admitted Rudolf Austrin, the head of the OGPU in the Northern krai, in a report from September 1930. Figures from October show that more than 29,000 had escaped from settlements in his region, although more than half had been caught. This was a significantly higher rate of apprehensions than in Western Siberia where of 12,000 runaways only 30 percent were caught. In some districts, one almost wonders why anyone remained in the settlements at all. Of the nearly 9000 people who had arrived in the spring of 1930 in one police district about 250 miles northeast of Omsk, only 1246 were left by August. So unpopular was the Narym territory, some 250 miles up the Ob River from Tomsk, that 23,400 of the 28,400 sent there had escaped by the autumn of 1930. The OGPU offered bounties to informers and punished escapees with penalties up to confinement in labor camps, but the hemorrhaging remained heavy until conditions in the settlements improved toward the middle of the decade [Климин, с. 530-545; Красильников, с. 161, 163; Политбюро и крестьянство, т. 2, с. 551-553].¹⁸

Where did they go? In most cases it is not possible to answer this question because runaways tried to avoid detection by authorities, and we depend heavily on official sources. Heavily, but fortunately not entirely. In recent years, individuals and civic societies have published accounts of deportees who escaped and survived. Among them is Tat'iana Timofeevna Malakhveeva whose odyssey back to her village in Voronezh oblast followed four years of exile in the North. Only sixteen, Tat'iana traveled alone through the taiga covering hundreds of miles on foot and by boat. Reaching Kotlas, she was approached by two policemen on the docks. She grabbed her knapsack and fled. When she returned to the harbor, they were gone, and she boarded a steamer for Vologda, 300 miles to the southwest. Although the police did not check documents at embarkation, they did during the journey. Tat'iana leapt from the upper to lower deck, hiding among the ship's cargo and then in the toilet until the coast was clear. Her luck seemed to run out in Vologda, though. Seized by the authorities, she was taken to an orphanage. Fortunately for her, it only accepted small children. She once again escaped the clutches of the police, bought a ticket on the train to Moscow, and again hid in the toilet to avoid the authorities. In Moscow she spent a night sleeping on a park bench – it was August – then took a train to Riazan'. Her money ran out, but two peasant women gave her the necessary amount for a ticket to Voronezh; after another night on another bench, and the

¹⁷ The report was from August 1930.

¹⁸ Klimin argues that the figures for runaways are likely to be lower than the true numbers because commandants whose reports are the main sources had an incentive to underreport escapes.

intercession of a kindly cashier, she boarded the train, the last leg of her journey [Пути следования, с. 61-73].

Mikhail Akimov wanted to go home too, but did not succeed. His is a story of the long-term, adverse consequences of defying the special settler regime. Exiled in 1931 from Rostov oblast to a special settlement in the Urals, nineteen-year-old Mikhail worked with his father Artëm at logging. In 1933 both his father and mother Dar'ia died. Alone, he escaped from the settlement in January 1934, "because," as he later told the authorities, "I wanted to go home, as I had received a letter [telling me] that things were good at home and I would be accepted into the kolkhoz." He made it to a town north of Perm, from where he took a train to Sverdlovsk, winding up in a village south of the city. He "escaped again" (from what is not clear) but was caught at a railroad station almost 200 miles south of Sverdlovsk. All in all, he had been on the run for three months [Бердинских, с. 244-247].¹⁹

Topophilia - the pull of home - is undeniable in these accounts as it is in the case of N. N. Pavlov from Belorussia. Deported to a special settlement in Sverdlovsk oblast with his parents, he traveled from one village to another within the region of his family's confinement begging and doing odd jobs. He sometimes heard people singing "pessimistic songs" such as the one with the words:

Стороны родной лиши
За крестьянский труд честной.
Ох, умру, похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могилка моя (цит. по: [Славко, с. 156-157]).²⁰

But Pavlov's parents did not want their youngest child to die far from home and so arranged for him to escape with a woman who had been deported from a village a mere four miles from his own. Because "patrols operated at all the train stations of the northern railroads" to catch runaways, the two escapees chose a southern route. They hired a coachman to drive them to Tiumen', a distance of about 75 miles. From there they headed by train not west but east toward Omsk; only after reaching that city did they turn west, passing through Kurgan, Cheliabinsk, Ufa, and Kuibyshev. Their money eventually ran out and so they took to begging. Upon reaching the city of Bobruisk in Belorussia, less than 45 miles from home, Pavlov's traveling companion abandoned him, claiming his parents had not given her enough money. For a while, he carried luggage for railroad passengers to earn enough to hire a driver. With still some 12 miles to go, the driver learned where he had been and why, and drove him the rest of the way for nothing [Славко, с. 157].

¹⁹ Mikhail Akimov was freed from the special settlement in 1947.

²⁰ The song, "Akh, ty, dolia moia, dolia," is attributed to Sergei Sinegub, a revolutionary populist who went to the people in 1874 as part of the Chaikovskii movement. For three variants, see: [Ах ты, доля моя, доля...].

As for the Gulag, contrary to Aleksandr Solzhenitsyn's claim that escape was "an enterprise for giants among men – but for doomed giants," escapees numbered in the tens of thousands every year for several years, and many of them succeeded in eluding capture. In 1933 the Gulag logged nearly 46,000 people as having escaped of whom 38 percent got away for good. The following year, 1934, was an all-time high, with the NKVD reporting over 83,000 escapees. Thereafter, even as the camp population swelled, the number escaping tailed off, suggesting not improved conditions as in the case of the special settlements, but rather an increasingly strict regimen that made escapes harder to pull off and successful ones rarer still. By 1941, escapes were down to about 10,500 [Solzhenitsyn, p. 97; Applebaum, p. 393-394; Barnes, p. 139; Khlevniuk, p. 308]. Their numbers dropped further still during the war. Postwar fugitives, some of whom had been toughened for escape by service in the Soviet armed forces and time in German POW camps, had greater success remaining at large – in 1947, for example, nearly three-quarters got away [Applebaum, p. 395; Solzhenitsyn, p. 126, 193-194].

* * *

Escapees from state regulations and carceral institutions were the inevitable result of state officials' attempts to control movement within the vastness of the Eurasian continent. The more ambitious the state became in prescribing and proscribing migrations, the more likely it was to provoke evasive action. The ambitiousness of the state – both tsarist and Soviet – stemmed from two sources: a paternalistic assumption of responsibility for its subjects/citizens who otherwise could not rationally utilize resources necessary for their and the state's well-being; and a heightened sense of insecurity toward the loyalties of its subjects/citizens, particularly those with cross-border ties. The mass deportations by Imperial Russian forces of Jews, Germans, and Poles into the interior of the empire during World War I thus reflected the same impulse as evident in the expulsion of Circassians as hostile elements from areas bordering on the Ottoman Empire during the 1860s and 1870s. It presaged deportations both beyond Soviet borders and into relatively inhospitable parts of the country of "class alien elements" and diasporic nationalities during the 1930s and 1940s.

What could account for the substantial numbers and persistence of people defying the state's rules governing mobility, other than their inconvenience or onerousness? For one thing, the limited capacity of the state to prevent them. Working through the records of the tsarist and Soviet Resettlement Administrations, the Evacuation Council, or the NKVD's officials responsible for deportations conveys a palpable sense of emergency, overwork, and a shortage of resources. Many people consequently fell through the cracks. The other factor is the vastness of the country, which compounded difficulties in communications and transportation among different state agencies as well as their ability to patrol territories inhabited by migrants (including those escaping from confinement). In some ways, space and the sparseness of population was an ally of the state as it developed and applied migration regimes; in others, it was an enemy.

Finally, what are the implications for our finding that “escapees populated Russia’s twentieth century in astonishingly large numbers?” The most obvious is that perhaps assumptions about people’s powerlessness in the face of overwhelming state power needs to be rethought. Sometimes, individuals could take it upon themselves to desert from the army or escape from a special settlement. But far more often actions such as these, as well as choosing where and when to settle, contracting with an employer, and re-evacuating without permission to do so required “relationships and networks of contact” among members of families, kin, and occupational cohorts. As state authorities sought to coordinate, and control human mobility, they more than met their match in the artful dodgers and their friends.

Список литературы

Ах ты, доля моя, доля... // А-PESNI: песенник анархиста-подпольщика [сайт]. URL: <http://a-pesni.org/popular20/ahtydola.htm> (дата обращения: 27.03.2013).

Бердинских В. А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. Киров : Киров. обл. тип., 2003. 527 с.

Болдырев Н. И. О моральном облике советской молодежи. М.: Молодая гвардия, 1954. 84 с.

Воробьева О. Д., Леженкина О. Н. Интеграция мигрантов в новую среду и экономические издержки миграционного обмена // Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: Академия, 2009.

Гальченко В., Максимова Н. Житие одного шабашника // ЭКО. 1987. № 3. С. 101–136. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 50, 68, 475, 610.

Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России : Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. 216 с.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 304 с.

Кауфман А. А. Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации : в 2 ч. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко., 1897. Ч. 2. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. VII + 205 + 140 с.

Кауфман А. А. Сибирское переселение на исходе XIX века, историко-статистический очерк. 2-е изд. СПб. : Киришбаум, 1901. 112 с.

Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии : в 2 т. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко., 1895. Т. 1. Описание отдельных поселков и поселенные таблицы. Ч. 1. Хозяйственное положение переселенцев в посёлках и приселениях Мариинского округа. 177 с.

Климин И. И. Российское крестьянство в завершающий период сплошной коллективизации сельского хозяйства (1933–1937). СПб. : ВВМ, 2012. 545 с.

Комитет Сибирской железной дороги, колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. : Гос. тип., 1900. 374 с.

Красильников С. Серп и молот : Крестьянская ссылка в западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 285 с.

Куманев Г. А. Эвакуация населения из угрожаемых районов СССР в 1941–1942 гг. // Население России в XX веке : ист. очерки : в 3 т. / под ред. Ю. А. Полякова, В. Б. Жиромской. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 1940–1959. С. 60–81.

Нарский И. Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 4-е изд. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 900 с.

Политбюро и крестьянство : Высылка, спецпоселение : 1930–1940 : в 2 кн. / под ред. Н. Н. Покровского. М.: РОССПЭН, 2005–2006. 912 + 1120 с.

Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.09.1933 об улучшении использования молодых специалистов // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет : в 5 т. / под ред. К. У. Черненко, М. С. Смертюкова, М. : Изд-во полит. лит., 1967. Т. 2. С. 436–438.

Правда. 1930. 26 марта. С. 5; 1930. 3 окт. С. 4; 1931. 9 сент. С. 3; 1931. 10 сент. С. 4; 1931. 24 сент. С. 3; 1932. 12 янв. С. 4; 1932. 16 мая. С. 2; 1941. 29 марта. С. 1; 1941. 29 апр. С. 4; 1958. 11 июня. С. 1; 1962. 20 июля. С. 3.

Пути следования : Российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века / под ред. И. Щербаковой. М. : Мемориал, 2011. 388 с.

РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2958; Ф. 5675. Оп. 1. Д. 48, 106.

РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 417.

Сборник узаконений и распоряжений о переселении. Вып. 16. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1897.

Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930–1936. М.: Мосгорархив, 1995. 173 с.

Станкевич А. Материалы для изучения быта переселенцев Тобольской губернии за 15 лет, с конца 70-х годов по 1893 г. : в 2 т. М. : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1895. Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. V + 541 с.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся : в 2 т. Нью Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956. 398 + 432 с.

Толковый словарь : в 4 т. / под ред. Б. М. Волина, Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во инстр. и нац. слов., 1940. Т. 4. С – Ящурный. 1502 стлб.

Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М. : РОССПЭН, 2002. Т. 4. 1934–1936. 1056 с.

Турчанинов Н. Переселенческое движение в 1909 году // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С. 1–26.

Ядринцев Н. Наши выселения и колонизация // Вестн. Европы. 1880. № 6. С. 448–486.

Applebaum A. GULAG, A History. N. Y. : Random House, 2003. 677 p.

Barnes S. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton ; N. Jersey : Princeton Univ. Press, 2011. 352 p.

Brubaker R. Ethnicity Without Groups. Cambridge ; Massachusetts : Harvard Univ. Press, 2004. 283 p.

Carr E. H. A History of Soviet Russia: 14 Vols. Harmondsworth: Macmillan, 1958. Vol. 1. Socialism in One Country, 1924–1926. 392 p.

Coquin F.-X. La Sibirie: Peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle. Paris: Inst. d'Etudes Slaves, 1969. 790 p.

Deutscher I. Stalin: A Political Biography. Oxford : Oxford Univ. Press, 1972. 661 p.

Deutscher I. The Prophet Armed. Trotsky : 1879–1921. N. Y. : Vintage, 1965. 540 p.

Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization : The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. Armonk ; N. Y. : M. E. Sharpe, 1986. 338 p.

Fitzpatrick S. The Great Departure: Rural-Urban Migration in the Soviet Union // Social Dimensions of Soviet Industrialization / ed. by W. G. Rosenberg, L. H. Siegelbaum. Bloomington ; Indiana : Indiana Univ. Press, 1993. P. 15–40.

Gatrell P. The Making of the Modern Refugee. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. 312 p.

Holquist P. 'In Accord with State Interests and the People's Wishes' : The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Rev. 2010. Vol. 69, no. 1. P. 151–180.

Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924 / ed. by N. Baron, P. Gatrell. L. : Anthem Press, 2004. 257 p.

Khlevniuk O. The History of the Gulag from Collectivization to the Great Terror / Transl. by V. A. Staklo. N. Haven ; Connecticut : Yale Univ. Press, 2003. 418 p.

Kornilov G. Refugees in the Urals Region, 1917–25 // Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924 / Ed. by N. Baron, P. Gatrell. L. : Anthem Press, 2004. P. 156–178.

Kotkin S. Peopling Magnitostroi : The Politics of Demography // Social Dimensions of Soviet Industrialization / Ed. by W. G. Rosenberg, L. H. Siegelbaum. Bloomington ; Indiana : Indiana Univ. Press, 1993. P. 63–104.

Manley R. To the Tashkent Station : Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2009. 282 p.

Moch L. P. The Pariahs of Yesterday : Breton Migrants in Paris. Durham ; North Carolina: Duke Univ. Press, 2012. 255 p.

Piore M. J. Birds of Passage : Migrant Labor and Industrial Societies. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1979. 229 p.

Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad is my Native Land : Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.

Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago, 1918–1956 : An Experiment in Literary Investigation V–VII / transl. by H. Willetts. N. Y. : Harper & Row, 1978. 558 p.

Sunderland W. Taming the Wild Field : Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2004. 239 p.

Treadgold D. The Great Siberian Migration : Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton : Princeton Univ. Press, 1957. 278 p.

Trotsky L. My Life: An Attempt at an Autobiography. N. Y. : Pathfinder Press, 1970. 695 p.

Zaslavsky V. The Neo-Stalinist State : Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society. Armonk ; N. Y. : M. E. Sharpe, 1982. 193 p.

Znamenskii A. 'The Ethic of Empire' on the Siberian Borderland: The Peculiar Case of the 'Rock People,' 1791–1878 // Peopling the Russian Periphery : Borderland Colonization in Eurasian History / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L. : Routledge, 2007. P. 106–126.

References

Akh ty, dolya moy, dolya... In *A-PESNI: pesennik anarkhista-podpol'shchika* [website]. URL: <http://a-pesni.org/popular20/ahtydola.htm> (mode of access: 27.03.2013).

Applebaum, A. (2003). *GULAG, A History*. N. Y., Random House. 677 p.

Barnes, S. (2011). *Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society*. Princeton, N. Jersey, Princeton Univ. Press. 352 p.

Baron, N., Gatrell, P. (Eds.). (2004). *Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924*. L., Anthem Press. 257 p.

Berdinskikh, V. A. (2003). *Spetsposelentsy: politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii* [Special Settlers: Political Exile of Peoples of Soviet Russia]. Kirov, Kirovskaya oblastnaya tipografiya, 2003. 527 p.

Boldyrev, N. I. (1954). *O moral'nom oblike sovetskoi molodezhi* [On the Moral Image of Soviet Youth]. Moscow, Molodaya gvardiya. 84 p.

Brubaker, R. (2004). *Ethnicity Without Groups*. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. Press. 283 p.

Carr, E. H. (1958). *History of Soviet Russia in 14 Vols.* Harmondsworth, Macmillan. Vol. 1. Socialism in One Country, 1924–1926. 392 p.

Coquin, F.-X. (1969). *La Sibérie: Peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle*. Paris, Inst. d'Etudes Slaves. 790 p.

Danilov, V. P., Manning, R., Viola, L. (Eds.). (2002). *Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy v 5 t.* [The Tragedy of the Russian Countryside. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials. 5 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 4. 1934–1946. 1056 p.

Denisova, L. N. (1996). *Ischezayushchaya derevnya Rossii. Nechernozem'e v 1960–1980-e gody* [The Disappearing Village of Russia. Non-Black Earth Region in the 1960s–1980s]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 216 p.

Deutscher, I. (1965). *The Prophet Armed. Trotsky: 1879–1921*. N. Y., Vintage. 540 p.

Deutscher, I. (1972). *Stalin: A Political Biography*. Oxford, Oxford Univ. Press. 661 p.

Filtzer, D. (1986). *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe. 338 p.

Fitzpatrick, S. (1993). The Great Departure: Rural-Urban Migration in the Soviet Union. In Rosenberg, W. G., Siegelbaum, L. H. (Eds.). *Social Dimensions of Soviet Industrialization*. Bloomington, Indiana, Indiana Univ. Press, pp. 15–40.

Gal'chenko, V., Maksimova, N. (1987). Zhitie odnogo shabashnika [The Life of a Shabashnik]. In *EKO*. No. 3, pp. 101–136.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock A-327. List 2. Dos. 50, 68, 475, 610.

Gatrell, P. (2013). *The Making of the Modern Refugee*. Oxford, Oxford Univ. Press. 312 p.

Holquist, P. (2010). 'In Accord with State Interests and the People's Wishes': The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration. In *Slavic Rev. Vol. 69*. No. 1, pp. 151–180.

Kaufman, A. A. (1895). *Khozyaistvennoe polozhenie Pereselentsev vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoi gubernii v 2 t.* [The Economic Condition of Settlers Installed on State Lands of Tomsk Province. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i Ko. Vol. 1. Opisaniye otdel'nykh poselkov i poselennyye tablitsy. Part 1. Khozyaistvennoe polozhenie pereselentsev v poselkakh i priseleniyakh Mariinskogo okruga. 177 p.

Kaufman, A. A. (1897). *Otchet starshego proizvoditelya rabot Kaufmana po komandirovke v Turgaiskuyu oblast' dlya vyyasneniya voprosa o vozmozhnosti ee kolonizatsii v 2 ch.* [The Report of the Senior Producer of Kaufman's Work on a Business Trip to Turgai Region to Clarify the Possibility of its Colonization. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i Ko. Part 2. Pereselentsy-arendatory Turgaiskoi oblasti. VII + 205 + 140 p.

Kaufman, A. A. (1901). *Sibirskoe pereselenie na iskhode XIX veka, istoriko-statisticheskii ocherk* [Siberian Resettlement at the End of the 19th Century, an Historical-statistical Analysis]. Ed. 2. St Petersburg, Kirshbaum. 112 p.

Khlevnyuk, O. (2004). *The History of the Gulag from Collectivization to the Great Terror* / Transl. by V.A. Staklo. N. Haven, Connecticut, Yale Univ. Press. 418 p.

Klimin, I. I. (2012). *Rossiiskoe krest'yanstvo v zavershayushchii period sploshnoi kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva (1933–1937)* [The Russian Peasantry in the Culminating Phase of Complete Collectivization of Agriculture (1933–1937)]. St Petersburg, VVM. 545 p.

Knyshevskii, P. N. (1992). *Skrytaya pravda voyny: 1941 god* [The Hidden Truth of War: The Year 1941]. Moscow, Russkaya kniga. 380 p.

Komitet Sibirskoi Zheleznoi Dorogi, kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom [Colonization of Siberia in Connection with the General Resettlement Question]. (1900). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 374 p.

Kornilov, G. (2004). Refugees in the Urals Region, 1917–25. In Baron, N., Gatrell, P. (Eds.). *Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924*. L., Anthem Press, pp. 156–178.

Kotkin, S. (1993). Peopling Magnitostroi: The Politics of Demography. In Rosenberg, W. G., Siegelbaum, L. H. (Eds.). *Social Dimensions of Soviet Industrialization*. Bloomington, Indiana, Indiana Univ. Press, pp. 63–104.

Krasil'nikov, S. (2003). *Serp i molot: Krest'yanskaya ssylka v zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [The Sickle and the Hammer: Peasant Exile to Western Siberia in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN. 285 p.

Kumanev, G. A. (2001). Evakuatsiya naseleniya iz ugrozhaemykh raionov SSSR v 1941–1942 gg. [Evacuation of the Population from the Threatened Areas of the USSR in 1941–1942]. In Polyakov, Yu. A., Zhiromskaya, V. B. (Eds.). *Naselenie Rossii v XX veke, istoricheskie ocherki v 3 t.* Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 1940–1959, pp. 60–81.

Manley, R. (2009). *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 282 p.

Moch, L. P. (2012). *The Pariahs of Yesterday: Breton Migrants in Paris*. Durham, North Carolina, Duke Univ. Press. 255 p.

Narskii, I. (2001). *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in Catastrophe. Daily Life of the Ural Population in 1917–1922]. Moscow, ROSSPEN. 613 p.

Ozhegov, S. I. (1961). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Ed. 4. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo innostrannykh i natsional'nykh slovarei. 900 p.

Piore, M. J. (1979). *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*. N. Y., Cambridge Univ. Press. 229 p.

Pokrovskii, N. N. (Ed.). (2005–2006). *Politbyuro i krest'yanstvo. Vysylka, spetsposelenie. 1930–1940 v 2 t.* [The Politburo and the Peasantry. Exile, Special Settlement. 1930–1940]. 2 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. 912 + 1120 p.

Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 15.09.1933 ob uluchshenii ispol'zovaniya molodykh spetsialistov [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of 15.09.1933 on Improving the Use of Young Specialists]. (1967). In Chernenko, K. U., Smertyukov, M. S. (Eds.). *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam. Sbornik dokumentov za 50 let v 5 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 2, pp. 436–438.

Pravda [*Pravda*]. 1930. March 26, p. 5; 1930. October 3, p. 4; 1931. September 9, p. 3; 1931. September 10, p. 4; 1931. September 24, p. 3; 1932. January 12, p. 4; 1932. May 16, p. 2; 1941. March 29, p. 1; 1941. April 29, p. 4; 1958. June 11, p. 1; 1962. July 20, p. 3.

RGAE [Russian State Economic Archive]. Stock 478. List 7, Dos. 2958; Stock 5675. List 1. Dos. 48, 106.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 391. List 2. Dos. 417.

Sbornik uzakonenii i rasporyazhenii o pereselenii [Collection of Statutes and Directives on Resettlement] (1897). Vol. 16.

Shcherbakova, I. (Ed.). (2011). *Puti sledovaniya: Rossiiskie shkol'niki o migratsiyakh, evakuatsiyakh i deportatsiyakh XX veka* [Paths of Posterity: Russian School Children on Migration, Evacuation and Deportation in the 20th Century]. Moscow, Memorial. 388 p.

Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2014). *Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 421 p.

Slavko, T. I. (1995). *Kulatskaya ssylka na Urale. 1930–1936* [Kulak Exile in the Urals. 1930–1936]. Moscow, Mosgorarkhiv. 173 p.

Solzhenitsyn, A. I. (1978). *The Gulag Archipelago, 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation V–VII* / Transl. by H. Willetts. N. Y., Harper & Row. 558 p.

Stankevich, A. (1895). *Materialy dlya izucheniya byta pereselentsev Tobol'skoi gubernii za 15 let, s kontsa 70-kh godov po 1893 g. v 2 t.* [Materials for Studying the Daily Life of Settlers in Tobolsk Province for the 15 Years from the End of the 1870s until 1893. 2 Vols.]. Moscow, Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig. Vol. 1. Istoriko-statisticheskoe opisanie 100 poselkov. V + 541 p.

Stepun, F. A. (1956). *Byvshee i nesbyvsheesya v 2 t.* [The Past and the Unfulfilled. 2 Vols.]. N. Y., Izdatel'stvo imeni Chekhova. 398 + 432 p.

Sunderland, W. (2004). *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 239 p.

Treadgold, D. (1957). *The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Princeton, Princeton Univ. Press. 278 p.

Trotsky, L. (1970). *My Life: An Attempt at an Autobiography*. N. Y., Pathfinder Press. 695 p.

Turchaninov, N. (1910). Pereselencheskoe dvizhenie v 1909 godu [The Resettlement Movement in 1909]. In *Voprosy kolonizatsii*. No. 6, pp. 1–26.

Volin, B. M., Ushakov, D. N. (Eds.). (1940). *Tolkovyi slovar' v 4 t.* [Explanatory Dictionary. 4 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo innostrannykh i natsional'nykh slovari. Vol. 4. S–Yashchurnyi. 1502 stlb.

Vorob'eva, O. D., Lezhenkina, O. N. (2009). Integratsiya migrantov v novuyu sredu i ekonomicheskie izderzhki migratsionnogo obmena [The Integration of Migrants into New Environment and the Economic Costs of Migrant Exchange]. In Rybakovskii, L. L. (Ed.). *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve*. Moscow, Akademiya.

Yadrintsev, N. (1880). *Nashi vyseleniya i kolonizatsiya* [Our Evictions and Colonization]. In *Vestnik Evropy*. No. 6, pp. 448–486.

Zaslavsky, V. (1982). *The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society*. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe. 193 p.

Zemskov, V. N. (2003). *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka. 304 p.

Znamenskii, A. (2007). 'The Ethic of Empire' on the Siberian Borderland: The Peculiar Case of the 'Rock People,' 1791–1878. In Breyfogle, N., Schrader, A., Sunderland, W. (Eds.). *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. L., Routledge, pp. 106–126.

DOI 10.15826/qr.2018.1.293
УДК 325.2+325.111+94(470)"19"

МИГРАНТЫ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XX в.: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ*

Олег Горбачев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

MIGRANTS AND THE RUSSIAN STATE IN THE 20TH CENTURY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS**

Oleg Gorbachev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article continues to examine the issue of ‘escapees’ raised by L. Siegelbaum and L. P. Moch in their work *Escaping in Twentieth-Century Russia*. In the author’s opinion, during most of the 20th century the Russian state reacted most strongly to violations of the political regime, often preferring not to notice economic migration. This was due to the carefully concealed inability of the authorities to control the population totally. Violations of the regime of territorial movement by individual migrants were possible due to the uncoordinated actions of central and local authorities. With the gradual liberalisation of the Soviet system in the second half of the twentieth century, migrants were increasingly able to move legally. Refusing to coercively regulate migratory flows led to the displacement of the political factor in migrations by the economic one, which in turn caused a narrowing of ‘autocratic’ space.

Keywords: migration; migration regimes; migration practices; seasonal employment; urbanisation.

---

* Тема публикации поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

** *Citation:* Gorbachev, O. (2018). Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 240–248. DOI 10.15826/qr.2018.1.293.

Цитирование: Gorbachev O. Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 240–248. DOI 10.15826/qr.2018.1.293 / Горбачев О. Мигранты и Российское государство в XX в.: возможности и ограничения // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 240–248. DOI 10.15826/qr.2018.1.293.

Статья продолжает тему «самовольных мигрантов», поднятую Л. Сигельбаумом и Л. П. Мох в работе “Escaping in Twentieth-Century Russia”. По мнению автора, Российское государство в течение большей части XX столетия наиболее остро реагировало на нарушения политического режима, часто предпочитая не замечать экономическую миграцию. Это происходило из-за тщательно скрываемой неспособности власти тотально контролировать население. Нарушения режима территориальных перемещений индивидуальными мигрантами были возможны по причине несогласованных действий центральных и местных органов власти. По мере постепенной либерализации советской системы во второй половине XX в. у мигрантов появлялось все больше возможностей для легальных перемещений. Отказ от силового регулирования миграционных потоков, вытеснение политического фактора в миграциях экономических привели к сужению пространства «самовольности».

Ключевые слова: миграция; миграционные режимы; миграционные практики; сезонная занятость; урбанизация.

Проблема, поднятая Л. Сигельбаумом и Л. П. Мох в статье “Escaping in Twentieth-Century Russia” (см. также: [Siegelbaum, Moch] и ред. на это исследование: [Горбачев, 2016]), далеко не сводится к историографическому спору по поводу наличия либо отсутствия свободной воли у человека перед лицом авторитарного государства. Уже довольно давно тема зловещего советского тоталитаризма, подавляющего все живое, перестала будоражить умы историков. Более того, тема взаимоотношений индивидуума и власти в представлениях современных авторов перемещается из сферы романтизированных представлений о героических борцах с режимом в область частной жизни. В результате эти взаимоотношения не могут не приобретать черт дополнительной достоверности и убедительности.

Миграционная проблематика, выбранная в качестве объекта анализа, позволяет наилучшим образом увидеть пределы возможностей власти контролировать население в этократическом обществе. Обширная, преимущественно равнинная территория России – важнейший фактор, который формирует как стремление государства освоить это пространство, так и низовую миграционную активность населения. Стремление к жесткому регулированию миграционной политики со стороны власти возникает потому, что цели государства и его граждан не всегда совпадают.

В зависимости от текущей ситуации и провозглашенных приоритетов государство более или менее активно вмешивается в стихийные миграционные процессы, определяя границы допустимого для населения, то есть *режимы* миграции. *Миграционные практики* жителей страны (*repertoires*, в терминологии Л. Сигельбаума и Л. П. Мох) находятся в рамках этих режимов либо их нарушают. Соответственно, словом «беглецы» (*escapees*) авторы обозначают нарушителей режимов миграции.

На протяжении XX столетия на территории России – СССР мы наблюдаем довольно большое разнообразие миграционных режимов. Их, в зависимости от активности государства в сфере перемещения населения, можно представить скорее в виде синусоиды, чем предлагаемой американскими историками нарастающей кривой, соответствующей усилению насильственного характера миграции. Пик государственной активности приходится на принудительные миграции сталинской эпохи. В интенсивной миграционной политике хрущевского времени, в том числе в кампании освоения целины, пропагандистская составляющая уже заменила прежнюю насильственную практику.

Что касается низовой миграционной активности в течение советского периода, то она определялась несколькими параметрами: программами освоения отдаленных территорий, уровнем государственного давления на личность, усложнением социальной структуры населения и нарастающей индивидуализацией, неизбежной при разрушении традиционного патриархального строя.

Различные этапы российской миграционной политики получили довольно широкое освещение в литературе (см., например: [Бердинских; Бородкин, Максимов; Горбачев, 2003; Занданова; Земсков; Массовые аграрные переселения; Пискунов; Платунов; Полян; Чернышева, Бровцын и др.]). Индивидуальная миграционная активность привлекает внимание исследователей гораздо реже (см., например: [Бердинских]). А труды, где соотносились бы институциональная и личностная составляющая в миграции при анализе разнообразных ее форм на длительном временном отрезке, на российском материале отсутствуют. Именно это обстоятельство придает работам Л. Сигельбаума и Л. П. Мох особый интерес.

Как показывает история XX столетия, даже в периоды наибольшей репрессивной активности государства для обуздания *самовольных мигрантов*¹ далеко не всегда использовались рестриктивные меры. В конечном счете в росте их количества не были заинтересованы ни власть, ни общество. Поэтому с нарастанием разнообразия индивидуальных миграций государственная политика неизбежно должна была становиться все более вариативной с тем, чтобы «режимы» возможно в большей степени соответствовали «миграционным практикам».

При взгляде на российскую миграционную политику обращает на себя внимание то обстоятельство, что государство тем сильнее демонстрировало жесткие намерения в отношении самовольных мигрантов, чем меньше занималось практической деятельностью в этой сфере. Закон от 13 июля 1889 г. о насильственном возвращении крестьян, самовольно переселившихся в Сибирь, о котором упоминают

---

¹ Л. Сигельбаум и Л. П. Мох справедливо отмечают, что ни одно из существующих определений не передает в полной мере смысла процесса. Поэтому используемый здесь термин «самовольные мигранты», как и английское *escapes*, неизбежно содержит долю условности.

Сигельбаум и Мох, очень показателен. Это было намерение из тех, которое легче декларировать, чем исполнить. Правительство Александра III, пытаясь восстановить дворянский контроль над общиной, относилось к переселению как к «неизбежному злу» [Кауфман, с. 240]. Реальные контуры миграционная политика начинает приобретать лишь с организацией в 1896 г. Переселенческого управления при МВД. Количество самовольных мигрантов после этого шага уменьшилось, но не кардинально. И если принять тезис Сигельбаума и Мох, что в акте самовольной миграции проявилась не столько романтическая тяга к свободе, сколько вполне житейская мотивация, то учреждение Переселенческого управления выглядело попыткой согласовать цели правительства с устремлениями населения.

Та же логика просматривается в поведении советского правительства, когда в условиях роста неконтролируемой миграции на восток страны в 1926 г. был создан Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР [Об учреждении...]. Привычная жесткая риторика по отношению к самовольным мигрантам не соответствовала реальному поведению власти: Сигельбаум и Мох констатируют, что, несмотря на лозунг «кадры решают все», государство очень долго мирилось с текучкой кадров на стройках первых пятилеток; мало что делалось для борьбы с сокращением численности спецпоселений в 1930-е гг., и отток удалось уменьшить не с помощью репрессий, а благодаря улучшению условий жизни в них в середине десятилетия. Эти примеры заставляют задуматься о том, что реально стоит за стереотипами восприятия «авторитарности» и «тоталитарности», то есть о том, как выглядела частная жизнь в условиях постоянного давления государства на личность. Борьба с текучестью кадров на стройках первых пятилеток было столь же затратно и неэффективно, сколь пытаться вернуть самовольных переселенцев в Сибирь при Александре III. С точки зрения сталинского режима гораздо более верным способом решения проблемы трудовых ресурсов было постепенное расширение экономических функций ГУЛАГа. Те же, кто оставались на свободе, очень часто имели возможность избежать недреманного ока государства (по выражению Сигельбаума и Мох, «провалиться сквозь трещины»).

Сигельбаум и Мох иронически замечают, что движимая патерналистскими убеждениями власть полагала, будто бы самовольные мигранты более склонны к возвращению, нежели переселившиеся с ее участием. И если стремление российского государства контролировать миграционную подвижность населения в течение долгого времени определялось традиционными представлениями о необходимости патерналистской опеки, то тяга к самостоятельности собственно в мигрантской среде диктовалась разными причинами. В общем виде эти причины можно рассматривать как политические (беглецы из мест заключения, ссылки и дезертиры), экономические (самовольные крестьяне-переселенцы, «шабашники») и относящи-

еся к обстоятельствам частной жизни. Очевидно, что политические причины преобладали в условиях усиления репрессий и в военное время; личные обстоятельства существовали всегда.

Как правило, государство обостренно реагировало на нарушения политического порядка, для чего не жалело ни сил, ни средств, но просчитывало «цену вопроса» в случае отступлений от экономических правил. Самовольных экономических мигрантов чаще всего выгоднее было не замечать. Упомянутый Сигельбаумом и Мох 15-летний приговор «шабашнику» за «незаконную экономическую деятельность» в качестве типичного примера ограничительной деятельности государства на самом деле был единичным демонстративным актом, относящимся к кратковременной антикоррупционной кампании Ю. В. Андропова. Как и в других похожих случаях, центральная власть тщательно скрывала свою неспособность контролировать всю страну, отсюда ее стремление к показательным наказаниям тех, кто попался под руку.

В чем причины миграционного экономического либерализма? Концепция «режимов» и «миграционных практик» оставляет в тени то обстоятельство, что власть не была монолитной. Именно несогласованность действий центральных и местных органов власти порождала те самые «трещины», в которые проваливались «самовольные мигранты». В разные периоды советской истории руководители промышленных предприятий способствовали получению паспортов беглецами из колхозов; председатели колхозов, в свою очередь, желая сохранить рабочие руки, открыто конфликтовали с конторами по переселению и оргнабору, принимали на работу уклонистов и дезертиров с военной службы, а позже прикрывали «шабашников». При этом они нередко встречали понимание у руководителей районного звена. Сигельбаум и Мох констатируют, что руководители городских учреждений были заинтересованы в труде еще одной категории «самовольных мигрантов» – молодых специалистов, уехавших из мест, куда они были первоначально распределены. Общей причиной противоречий между центром и регионами и вытекающих из них возможностей индивидуальных «миграционных практик» в условиях советской административно-командной системы было несоответствие между масштабностью провозглашенных экономических целей и недостатком наличных людских ресурсов для их реализации. В этом контексте алгоритм «самовольности» становится наиболее понятным.

В том же ключе следует рассматривать миграционное поведение «лимитчиков» 1950–1980-х гг. в крупных городах, где действовало ограничение на прописку. «Самовольность» этих людей, как считают Сигельбаум и Мох, выражалась в стремлении остаться в городе по истечении срока трудового договора. Здесь следует сделать оговорку, что реальных оснований для нарушения договора у «лимитчиков», то есть неквалифицированных иногородних работников, было не так много: для них гораздо важнее была не зарплата, а прописка

в большом городе, право на которую давало государственное или ведомственное жилье. Нарушитель договора исключался из жилищной очереди. Но даже при нарушении договора администрация предприятия, как правило, не была заинтересована в расставании с работником ввиду острого дефицита неквалифицированной рабочей силы [Переведенцев]. Поэтому работа «по лимиту» в большей степени должна рассматриваться в качестве узаконенного социального лифта для активных провинциалов, то есть к «лимитчикам» применима та же оценка, которую Сигельбаум и Мох дают всем мигрантам из деревни в город. Люди, ехавшие из села (как и все прочие, кто переезжали из мелких населенных пунктов в более крупные), действительно не были «самовольными мигрантами», поскольку они использовали для переезда довольно многочисленные даже в сталинское время легальные возможности – от службы в армии и учебы в городе до брака с городским жителем.

Мигранты из Средней Азии, пришедшие в 1990-е гг. на смену «лимитчикам», уже были частью рыночной экономики – они не боролись за социальные блага в советской распределительной системе, а зарабатывали деньги.

Очень интересна смена приоритетов самодельных мигрантов на протяжении XX столетия. В крестьянской миграции раннесоветского периода, как и в начале века, еще усматриваются извечные российские мотивы поиска «воли», «райской земли», где не будет государственной опеки ни в каком виде:

Весь год – и летом и зимой –
Ныряют утки в озере.
И никакой, ни боже мой,
Коммунии, колхозии!.. [Твардовский, с. 245].

Несколькими десятилетиями спустя самовольные мигранты – носители советского сознания – практически не питали иллюзий относительно возможности скрыться от государства. Их целью было занятие более выгодного места в установленной властью системе координат. Именно с этой целью эвакуированные москвичи стремились для сохранения прописки вернуться домой в обход действовавших ограничений сразу же после завершения победоносной битвы за Москву, а распределенные в сельскую местность либо в отдаленный регион специалисты уезжали оттуда при первой возможности.

В антинормии эвакуированных и беженцев наилучшим образом проявляется противостояние между режимами миграции и индивидуальными миграционными практиками. Слово «беженец» содержит очевидную негативную коннотацию: он перемещается хаотично, это «носитель паники, болезней и беспорядка», то есть объективно он противостоит государственному плану перемещения людей. Напротив, эвакуированные – это лояльные объекты

государственной политики. Характерно, что понятие «самовольность» в процессе эвакуации вполне применимо не только к мигрантам (беженцам и «самозвакуированным»), но и к местным властям, перераспределявшим потоки эвакуированных по своему разумению, – еще одно свидетельство несогласованных действий разных уровней системы управления.

Сигельбаум и Мох справедливо задаются вопросом, в какой степени можно считать самовольными мигрантами «шабашников», но не дают на него однозначного ответа. Они обращают внимание на то, что понятие самовольности у «шабашников» в брежневские годы трансформируется в стремление заниматься более интенсивным трудом – с большей ответственностью и за гораздо большие деньги, чем в сфере государственного найма. То есть, если прежние «самовольные мигранты» пытались избежать опеки чрезмерно заботливого государства, то с вырождением патернализма в урбанизированном обществе 1970-х гг. «шабашники» противостояли не очередному режиму миграции, в то время уже довольно либеральному, а своду мертвых бюрократических правил, мешавших деловой активности. В этом смысле их можно называть *escapees*, но больше в фигуральном смысле – беглецами от советской действительности. Свобода передвижения «шабашников» никем не ограничивалась. Сигельбаум и Мох предлагают очень выразительный образ – после героического летнего труда в сельской местности, часто вдали от цивилизации, «шабашники» возвращались в город к привычным занятиям, смешиваясь с толпой, подобно супермену, совершившему очередной подвиг.

Итак, «шабашники» не были «самовольными мигрантами» по причине размытия смысла этого понятия в позднесоветские годы. После распада СССР в результате политической и экономической либерализации термин «самовольность» окончательно исчезает, а внимание государства переключается с внутренних нарушителей миграционного режима на нелегальную внешнюю миграцию.

Интерес Сигельбаума и Мох не в том, чтобы противопоставить «самовольных мигрантов» государству, которое не могло или не хотело видеть этих людей. Авторам важнее было показать само наличие частной жизни, независимой от государства. Эту задачу они выполнили сполна. В силу разных причин, которые упоминаются в статье, пространство частной жизни в условиях СССР даже в самые суровые периоды его существования было много шире, чем принято считать. Подход американских историков, заинтересованный и сочувственный по отношению к героям повествования, позволяет увидеть реальные человеческие судьбы за пределами миграционной статистики, а также в многочисленных ситуациях, когда этой статистики не было вовсе. И нельзя не видеть, что большинство представленных авторами видов «самовольных» миграций были всего лишь выражением естественного права человека самому определять свою судьбу.

Список литературы

- Бердинских В.* Спецпоселенцы : Политическая ссылка народов Советской России. М. : Новое лит. обозрение, 2005. 768 с.
- Бородин Л. И., Максимов С. В.* Крестьянские миграции в России. СССР в первой четверти XX века : (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143.
- Горбачев О.* «Широка страна моя родная»: измерения российской миграции // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3. С. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187.
- Горбачев О. В.* Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. // *Вопр. истории*. 2003. № 2. С. 138–149.
- Занданова Л. В.* Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997. 157 с.
- Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // *Социол. исслед.* 1990. № 11. С. 3–17.
- Кауфман А. А.* Община. Переселение. Статистика : сб. ст. М. : Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. 511 с.
- Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2010. 206 с.
- Об учреждении Всесоюзного переселенческого комитета при ЦИК Союза ССР // *Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР*. Отд. 1. 1925. № 30.
- Переведенцев В. И.* Зацепиться за Москву // *Демоскоп Weekly*. 2003. № 133–134. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0133/gazeta03.php> (дата обращения: 21.10.2017).
- Пискунов С. А.* Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940–1980-х гг. Благовещенск : БГПУ, 2016. 340 с.
- Платунов Н. И.* Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июль 1941 г.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1976. 383 с.
- Полян П. М.* Не по своей воле... : История и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
- Твардовский А. Т.* Страна Муравья // *Твардовский А. Т. Стихотворения и поэмы*. М. : Худож. лит., 1971. С. 233–308.
- Чернышева Н. В., Бровцин А. В.* Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 гг. Киров : Радуга-Пресс, 2015. 226 с.
- Siegelbaum L. H., Moch L. P.* Broad is my Native Land : Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.

References

- Berdinskikh, V. (2005). *Spetsposelentsy: Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii*. [Special Settlers. Political Deportation of the Peoples of Soviet Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 768 p.
- Borodkin, L. I., Maksimov, S. V. (1993). Krest'yanskii migratsii v Rossii/SSSR v pervoi chetverti XX veka (Makroanaliz struktury migratsionnykh potokov) [Peasant Migrations in Russia / the USSR in the First Quarter of the 20th Century (Macroanalysis of the Structure of Migration Flows)]. *Otechestvennaya istoriya*. No. 5, pp. 124–143.
- Chernysheva, N. V., Brovtzin, A. V. (2015). *Trudovye migratsii naseleniya Kirovskoi oblasti v 1945–1967 gg.* [Labour Migration of the Population of Kirov Region between 1945 and 1967]. Kirov, Raduga-Press. 226 p.
- Gorbachev, O. (2016). “Shiroka strana moy rodnoy”: izmereniya rossiiskoi migratsii [“Broad is My Native Land”: The Dimensions of Russian Migration]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3, pp. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187.
- Gorbachev, O. V. (2003). Organizovannaya migratsiya iz sela Tsentral'nogo Nечернозем'ya vo vtoroi polovine 1940-kh – 1960-e gg. [Organised Migration from the

Countryside of the Russian Central Non-Black Soil Region, Second Half of the 1940s–1960s]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 138–149.

Kaufman, A. A. (1915). *Obshchina. Pereselenie. Statistika: sbornik statei* [Community. Resettlement. Statistics: An Anthology of Articles]. Moscow, Izdatel'stvo G.A. Lemana i B.D. Pletneva. 511 p.

Krasil'nikov, S. A. (Ed.). (2010). *Massovye agrarnye pereseleniya na vostok Rossii (konets XIX – seredina XX v.)* [Mass Agrarian Resettlements to the East of Russia (Late 19th – Mid-20th Centuries)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 206 p.

Ob uchrezhdenii Vsesoyuznogo Pereselencheskogo Komiteta pri TsIK Soyuza SSR [On the Establishment of the All-Union Resettlement Committee under the Central Executive Committee of the USSR]. (1925). In *Sobranie zakonov i rasporyazhenii rabochekrest'yanskogo pravitel'stva SSSR. Otd 1*. No. 30.

Perevedentsev, V. I. (2003). Zatselit'sya za Moskvu [Clinging to Moscow]. In *Demoskop Weekly*. No. 133–134. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0133/gazeta03.php> (mode of access: 21.10. 2017).

Piskunov, S. A. (2016). *Planovoe sel'skokhozyaistvennoe pereselenie v RSFSR: opyt vtoroi poloviny 1940–1980-kh gg.* [Planned Agricultural Resettlement in the RSFSR: The Experience of the Second Half of the 1940s–1980s]. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 340 p.

Platunov, N. I. (1976). *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyul' 1941 g.)* [Resettlement Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 – July 1941)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 383 p.

Polyan, P. M. (2001). *Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Not Willingly... The History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow, OGI–Memorial. 328 p.

Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2014). *Broad is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 421 p.

Tvardovsky, A. T. (1971). Strana Muraviya [The Country of Muravia]. In Tvardovsky, A. T. *Stikhotvoreniya i poemy*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 233–308.

Zandanova, L. V. (1997). *Pereselenie krest'yanstva v Aziatskuyu Rossiyu (konets 40-kh – seredina 60-kh gg. XX v.)* [The Resettlement of the Peasantry to Asian Russia (Late 1940s – Mid-1960s)]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 157 p.

Zemskov, V. N. (1990). Spetsposelentsy (po dokumentam NKVD-MVD SSSR) [Special Settlers (According to the Documents of the NKVD-MVD USSR)]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 11, pp. 3–17.

The article was submitted on 22.07.2017

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2018.1.294
УДК 327.8+394.912+327.2(73)+323(470)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКИХ
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 1990-е гг.***

Валерий Юнгблюд

Артем Збоев

Вятский государственный университет,
Киров, Россия

**THE ACTIVITY OF AMERICAN NON-GOVERNMENTAL
ORGANISATIONS IN THE POST-SOVIET STATES
DURING THE 1990s****

Valery Yungblud

Artyom Zboyev

Vyatka State University,
Kirov, Russia

Non-governmental human rights organisations play an increasingly important role in the modern world. One of the most famous of them is the National Endowment for Democracy (NED) established in the United States in 1983. This article considers the activity of the NED in the post-Soviet countries during the first decade after the collapse of the Soviet Union. The author aims to identify the main directions, methods, and patterns of the work of the Endowment. The research is based on annual financial reports of the NED, which provide information on the money received by the fund from US government agencies, and other contributors, and the directions in which the funds are spent. These reports also comment on the development of the democratic process in the states where the NED carries out its projects. The comparison of the amounts allocated

---

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

** *Citation:* Yungblud, V., Zboyev, A. (2018). The Activity of American Non-Governmental Organisations in the Post-Soviet States during the 1990s. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 251–266. DOI 10.15826/qr.2018.1.294.

Цитирование: Yungblud V., Zboyev A. The Activity of American Non-Governmental Organisations in the Post-Soviet States during the 1990s // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 251–266. DOI 10.15826/qr.2018.1.294 / Юнгблюд В., Збоев А. Деятельность американских неправительственных организаций на постсоветском пространстве в 1990-е гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 251–266. DOI 10.15826/qr.2018.1.294.

to certain countries demonstrates how the priorities of the NED changed, and what problems were given more attention. In the 1990s, the NED paid special attention to the countries of the former Soviet Union, regarding them as promising, but also posing risks to the development of the democratic process in the world. The financing of various democratic and human rights groups in these countries gradually increased: in 2000, the amount allocated to them was almost twice as high as in 1991, with Russia, Ukraine, and Belarus being the most important post-Soviet countries for the NED. It financed several dozens of organisations in them, and the range of its activities in these countries was the most extensive. It is noteworthy that in Russia, the NED actively supported various historical projects aimed at revising Soviet history. After the euphoria of the early 1990s, the NED analytics admitted that the development of the democratic process in many countries of the former USSR faced economic and political difficulties. They stated that in some countries (Belarus, and from 2000, Russia), authoritarian tendencies began to increase, with cases of human rights violations becoming more frequent. As a result, the activity of the NED in the post-Soviet space did not bear fruit everywhere, but increased the hostility of the official authorities towards foreign non-governmental organisations.

Keywords: non-governmental organisations; National Endowment for Democracy (NED); post-Soviet space; liberal world order; US foreign policy.

В современной мировой политике видную роль играют негосударственные институты, в частности, неправительственные правозащитные организации. Одной из наиболее известных является Национальный фонд в поддержку демократии (НФПД), созданный в США в 1983 г. В статье рассматривается деятельность НФПД на постсоветском пространстве в первое десятилетие после распада СССР с целью определить главные направления, формы и методы его работы. Исследование проводилось на основании годовых финансовых отчетов фонда, в которых представлена информация об общих суммах, полученных от государственных органов США и других вкладчиков, и о направлениях, на которые тратились полученные средства. Также в отчетах комментируется развитие демократического процесса в государствах, выступающих объектами деятельности фонда. Сопоставление выделенных сумм на те или иные страны наглядно демонстрирует, как изменялись приоритеты НФПД, каким проблемам уделялось большее внимание. В 1990-е гг. фонд уделял повышенное внимание странам бывшего Советского Союза, видя в них как перспективы, так и риски для развития демократического процесса в мире. Финансирование демократических и правозащитных групп в этих странах постепенно росло: в 2000 г. сумма выделенных на них средств почти в два раза превышала показатели 1991 г. Наибольшее значение для фонда среди бывших советских республик имели Россия, Украина и Белоруссия. В них фонд финансировал несколько десятков организаций, спектр деятельности в этих странах был наиболее широким. Примечательным фактом для России была ак-

тивная поддержка исторических проектов, позволяющих открывать новые материалы о советском прошлом. После эйфории начала 1990-х гг. аналитики НФПД пришли к выводу, что развитие демократического процесса столкнулось с трудностями экономического и политического плана. Они утверждали, что в ряде стран (в Белоруссии, а с 2000 г. также и в России) стали набирать силу авторитарные тенденции, участились случаи нарушения прав человека. Итоги деятельности НФПД на постсоветском пространстве не везде принесли свои плоды, но усилили враждебность официальных властей по отношению к иностранным НПО.

Ключевые слова: неправительственные организации; Национальный фонд в поддержку демократии; постсоветское пространство; либеральный миропорядок; внешняя политика США.

Неправительственные организации (НПО) существуют во всем мире уже довольно давно, старейшей организацией подобного типа иногда называют фабианское общество Бернарда Шоу, основанное в 1884 г. [Roeder, Simard, p. 5]. К концу XX в. многие НПО превратились в крупномасштабные международные организации, оказывающие влияние на мировую политику. Декларируемые ими цели, как правило, носят гуманитарный характер, направлены на защиту прав человека, продвижение демократических институтов, повышение уровня жизни населения, решение экологических проблем и т. д. Однако зачастую их деятельность вызывает обвинения в неправомерном вмешательстве во внутренние дела суверенных государств. Это, в частности, относится к таким американским НПО, как Национальный фонд в поддержку демократии (НФПД), «Фридом хаус», Фонд Сороса, «Хьюман райтс вотч».

Во второй половине XX в. проблемы демократизации и защиты прав человека стали постоянными элементами идеологического сопровождения внешней политики США¹. Одной из наиболее известных НПО является Национальный фонд в поддержку демократии (НФПД), созданный в США в 1983 г.

Деятелями фонда всегда подчеркивалось, что он является неправительственной независимой организацией и проводит самостоятельную политику. Значительная часть бюджета фонда формировалась

---

¹ В 1961 г. было создано Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), в 1977 г. при Госдепартаменте США было создано Бюро прав человека и гуманитарных проблем (Bureau of Human Rights and Humanitarian Affairs, BHRH), позже создание специализированных фондов и управлений продолжалось. Президенты Джеральд Форд (1974–1977) и Джими Картер (1977–1981) включали борьбу за права человека в список приоритетов деятельности своих администраций. Эту линию продолжил и Рональд Рейган (1981–1989), который сделал ставку на НПО. При нем в 1983 г. был учрежден Национальный фонд в поддержку демократии (The National Endowment for Democracy, NED), ставший одной из крупнейших американских НПО по продвижению демократии за рубежом.

за счет ассигнований, выделяемых Конгрессом США, ему же фонд отчитывается о своих расходах, а в составе его руководства были представлены бывшие и действующие члены органов власти. Бессменным президентом фонда с 1984 г. является Карл Гершман – бывший старший советник представителя США в ООН. В составе совета директоров в разное время заседали конгрессмены, политики и политологи, такие, например, как Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Мадлен Олбрайт, Фрэнсис Фукуяма. Денежные средства распределяются на основании предложений членов правления НФПД (для одобрения требуется согласие двух третей членов правления).

В статье речь пойдет о деятельности НФПД на постсоветском пространстве в 1990-е гг. – в период между распадом СССР и 2000 г., когда в России президентом был избран В. В. Путин, а в Сербии произошла «бульдозерная революция», считающаяся первой в череде революций, перекинувшихся позже на Грузию (2003), Украину (2004) и Киргизию (2005). Динамика финансирования фондом отдельных стран бывшего СССР, сопоставление масштабов региональных направлений его деятельности позволяют оценить результаты влияния НФПД на внутриполитическое развитие этих стран и определить степень вовлеченности этой организации в реализацию внешнеполитической стратегии США. Основной источник – годовые финансовые отчеты фонда [National Endowment for Democracy. Annual Reports (1984–1993)]. Однако стоит отметить ряд факторов: некоторые проекты имели региональный и мультирегиональный характер, что не позволяет сделать точную привязку части выделенных средств к отдельной стране; содержащиеся сведения о проектах фонда зачастую недостаточно конкретизированы и представлены весьма обтекаемыми формулировками типа «выделение средств на поддержку демократических институтов / независимых изданий» и т. п.; надо иметь в виду, что НФПД был не единственной американской НПО, действовавшей на территории России и соседних с ней стран, поэтому объемы «западной помощи» не могут быть сведены к одним только средствам НФПД.

Одним из приоритетных направлений деятельности НФПД на начальном этапе его существования было продвижение демократии в странах Восточной Европы. Фонд предоставлял гранты на поддержку независимых профсоюзов, СМИ, деятелей культуры, диссидентских организаций и т. д., чем сыграл определенную роль в подготовке условий для свержения коммунистических режимов в Восточной Европе в ходе «бархатных» революций 1989 г. [Збоев].

Завершение холодной войны поставило на повестку дня вопрос о целесообразности дальнейшего существования некоторых организаций. Ряд сенаторов США в начале 1990-х гг. выступали за прекращение финансирования НФПД, полагая, что этот «реликт холодной войны» понапрасну тратит деньги налогоплательщиков на подготовку политических заговоров за рубежом [Carothers, p. 123].

Даже после полного отказа Москвы при М. С. Горбачеве от вмешательства в дела соседних стран [Горбачев, с. 281–282] американские

эксперты не спешили списывать «российскую угрозу» со счетов. Историческое противостояние Запада и России в начале 1990-х гг. не закончилось, а перешло в новый формат. Фокус борьбы за влияние переместился с Восточной Европы на территории бывших советских республик. Обретя независимость, они стали стремиться к интеграции с развитыми западными странами, но в то же время по-прежнему оставались тесно связанными экономическими, культурными и политическими связями с Российской Федерацией.

Новая геополитическая ситуация в Восточной Европе, а также на территории России и отколовшихся от СССР независимых республик существенно скорректировала американские представления о наиболее актуальных угрозах национальной безопасности. Один из учредителей «Журнала демократии» (печатного органа НФПД) Л. Даймонд в 1992 г. писал, что ни один регион мира так не нуждался в программах в области демократизации, как республики бывшего Советского Союза, так как без стабильных демократических институтов в них с высокой степенью вероятности могли развиваться процессы, ведущие либо к установлению авторитарных и фашистских режимов, склонных к развязыванию военных конфликтов, либо к всеобщему хаосу и гражданским войнам, неизбежными спутниками которых являются многочисленные жертвы и потоки беженцев. Причем оба сценария были чреваты утратой контроля над ядерным оружием, экологическими катастрофами и другими бедами [Diamond, p. 30]. В результате проблемы защиты прав человека и демократизации переместились из области преимущественно идеологической в сферу практической политики и, как следствие, НФПД существенно расширил свою деятельность. Его расходы на Россию и так называемые новые независимые государства демонстрировали высокое место постсоветского пространства на шкале внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Доля этого региона в общих расходах фонда выросла с 5% в 1990 г. и 6,6% в 1991 г. до 17% в следующем 1992 г. Наметившийся тренд не был проходным тактическим маневром, он положил начало внешнеполитической программе, рассчитанной на перспективу. Ее продолжением позднее фактически стала стратегия «включения и расширения», провозглашенная Клинтонем в 1995 г.: «Наша стратегия национальной безопасности основана на расширении сообщества рыночных демократий... Чем больше демократия и политическая и экономическая либерализация утверждаются в мире, особенно в странах, в отношении которых у нас есть стратегический интерес, тем в большей безопасности, вероятно, будет наша страна, и тем больше будут процветать наши граждане» (пер. Е. Гусевой) [National Security Strategy].

К началу 1990-х гг. фонд уже накопил существенный опыт в продвижении интересов «сообщества рыночных демократий». Вскоре после своего образования НФПД приступил к финансированию проектов на территории Восточной Европы. Первой и главной целью стала Польша, где на деятельность, направленную на «политическую и экономическую либерализацию», различным организациям в течение 1980-х гг.

было выделено около 50 млн долл. Позже западная помощь распространилась и на другие страны Варшавского договора. С 1986 г. реализовывались проекты, связанные напрямую с СССР. Среди первых получателей грантов НФПД в 1980-е гг. были советские, американские и смешанные организации, такие как «Американские друзья свободы слова за границей», «Центр демократии», «Фридом хаус», «Институт Сахарова», «Межпарламентская группа по правам человека в СССР». Под лозунгами поддержки политики гласности, укрепления свободы слова и политического просвещения в стране проводились различные книжные выставки, оказывалась помощь в публикации и распространении газет и журналов демократической направленности (бюллетень «Гласность», альманах «Минувшее», журнал «Синтаксис»).

С 1988 г. в финансовых отчетах НФПД стали фигурировать и региональные проекты, обращенные к поддержке демократии в отдельных национальных республиках и автономиях СССР. Раньше всего началась поддержка прибалтийских республик, Украины, Армении² (табл. 1).

Сравнивая проекты НФПД 1980-х гг. в Восточной Европе с таковыми в советских республиках, можно увидеть, что в отношении СССР американцы придерживались более осторожной политики и воздерживались от финансирования явно антисоветских и сепаратистских движений. Для всех перечисленных республик было характерно выделение денег на поддержку демократического и правозащитного движения и независимой культуры, распространение информации о западных демократических традициях и процессах, проведение исследований по истории движения за права человека, публикационную деятельность.

С конца 1988 г. начался «парад суверенитетов». Первой свою независимость декларировала Эстония (16 ноября 1988 г.), после чего республики одна за другой стали выходить из состава СССР. В 1990 г. это уже не декларативно, а фактически сделали Литва, Латвия, Эстония и Армения, в 1991 г. – остальные. Беловежское соглашение 8 декабря 1991 г. поставило точку в существовании СССР как государства. Перед западными неправительственными организациями открывался широкий фронт работ. Аналитик НФПД в 1991 г. констатировал: «Крушение коммунизма и упадок власти Москвы в обособившихся республиках создали потребность в срочной поддержке и предоставили фонду уникальную возможность укрепить новые демократические институты и гражданское общество... Резкая смена режимов не привела к автоматическому установлению всеобщего мира и демократии, но обернулась обнищанием населения, усилением социальных и межнациональных противоречий, ростом национализма, свертыванием демократических реформ и усилением авторитарных тенденций в отдельных странах» [NED Annual Report, 1991, p. 50].

---

² Среди организаций – получателей грантов были «Американо-латвийская организация», «Объединенный балтийский американский комитет» и Эстонский центр помощи узникам совести в Стокгольме, «Эстонско-американский национальный совет», «Литовская лига католической помощи», «Американцы за права человека в Украине», «Альянс за самоопределение Армении».

Среди государств, образовавшихся на месте СССР, приоритетное внимание со стороны американского руководства и неправительственных организаций на протяжении всех 1990-х гг. уделялось России и Украине [NED Annual Report, 1993, p. 56; NED Annual Report, 1994, p. 70].

На поддержку проектов, связанных с Российской Федерацией, была выделена наибольшая сумма денежных средств. Среди адресатов, получавших финансовую поддержку на цели развития демократических процессов в России, было около 60 различных организаций³. Масштабы финансирования этих организаций варьировались от нескольких десятков тысяч долларов (в год) до миллиона и более (самые щедрые пожертвования шли через аффилированный фонд FTUI для поддержки профсоюзного движения), при этом продуктивность этих затрат была различной. В 2000 г. наиболее эффективным получателем помощи от фонда на всем постсоветском пространстве был назван Информационный центр движения за права человека, который с грантом всего в 40 тыс. долл. организовал множество мероприятий, стимулировал публикацию статей, направленных на преодоление информационного вакуума в российском обществе по проблеме защиты прав человека [NED Annual Report, 2000, p. 47].

В географическом аспекте в фокусе внимания НФПД были прежде всего Москва и Санкт-Петербург, однако, помимо них, различные программы реализовывались и в других крупных городах⁴. Из национальных автономий наиболее активно мониторинг прав человека проводился в Чечне и Татарстане. В России деятельность НФПД охватывала как «традиционные» направления, связанные с продвижением демократических и либеральных принципов, так и специфические, нацеленные на идеологическую трансформацию общественного сознания.

Правозащитная деятельность НФПД заключалась в поддержке местных организаций, рабочих объединений и профсоюзов, женских организаций, экологических групп, некоторых политических партий. Им предоставлялись адвокатская помощь, юридические консультации, техническая поддержка (поставка компьютеров, факсов, подключение к Интернету, помощь в усовершенствовании сайтов). Фонд зачастую покрывал транспортные и прочие расходы участников программ обмена.

Большое внимание НФПД привлекали всевозможные выборы и референдумы, проводившиеся в 1990-е гг. в России и на постсоветском пространстве. Фонд выделял средства на подготовку наблюдателей на выборах, организацию семинаров, направленных на популяризацию демократических идей, привлечение граждан к более активно-

---

³ Московская Хельсинкская группа, Московский антифашистский центр, «Американские друзья свободы слова за рубежом», Комитет защиты прав человека в Татарстане, ЛАМ-Центр в Чечне, Центр поддержки реформ во Владимирской области, многочисленные издательские дома, фонды, аналитические центры и т. д.

⁴ Архангельск, Астрахань, Владимир, Воронеж, Екатеринбург, Киров, Краснодар, Нижний Тагил, Новокузнецк, Пермь, Саратов, Тольятти, Томск, Хабаровск, Челябинск, Чита, Ярославль. Получателем средств фонда стала также «Независимая газета» города Снежинска Челябинской области.

му участию в политической жизни, ознакомление общественности с программами политических партий и т. д. Среди последних особым вниманием пользовались партии «Наш дом – Россия» и «Яблоко», представителям которых была предоставлена возможность посетить США для наблюдения за процессом губернаторских и президентских выборов. В Россию направлялись западные эксперты для изучения хода демократических и экономических реформ и выработки рекомендаций для их дальнейшего развития.

В экономической сфере гранты НФПД были направлены на поддержку процессов приватизации, либерализации рынка, развития частного предпринимательства. Проводились конференции, мастер-классы, семинары (например, «Кто такой русский предприниматель?», 1992). Большое значение имела американская техническая и финансовая помощь для ряда информационных изданий (как собственно российских, так и русскоязычных за рубежом)⁵. Наиболее важной среди российских изданий признавалась газета «Экспресс-хроника», редактором которой был известный правозащитник А. Подрабинек. Отмечалось, что эта газета освещала наиболее актуальные темы (среди них – война в Чечне, проблема беженцев, деятельность спецслужб, коррупция, нарушения прав человека), однако она была практически недоступна массовому читателю [NED Annual Report, 1995, p. 45].

Ряд проектов НФПД имел просветительскую и образовательную направленность с уклоном в популяризацию либеральных идей. В Москве, Петербурге, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле были открыты публичные библиотеки, наполнявшиеся литературой по истории демократии, правозащитного движения, истории США, политологии, философии. В образовательной сфере проводились семинары и мастер-классы для учителей с целью актуализации проблем демократии и прав человека в школьном курсе. Для оценки состояния образования, учебников и преподавательских методик в 1997 г. в России впервые была проведена олимпиада по граждановедению, в которой около 10 тыс. школьников и студентов демонстрировали свои знания основ демократии.

Особенно стоит отметить внимание к историческим проектам в России, чего почти не наблюдалось в других странах бывшего СССР. Получателями грантов стали Архив Сахарова, общество «Мемориал» и его региональные филиалы, фонд «Гласность», Музей жертв политических репрессий и тоталитаризма и другие организации. Целью финансируемых проектов провозглашалось развитие неподцензурной советской исторической науки и ее представление российской публике и всему миру. В частности, проект Юрия Афанасьева⁶ был направ-

---

⁵ В отчетах НФПД 1990-х гг. упоминались журналы «Время и мы», «Континент», «Проблемы Восточной Европы», парижский журнал «Синтаксис», газеты «Граждановедение», «Дело», «Европеец», «XX век и мир», «Учительская газета».

⁶ Юрий Афанасьев (1934–2015) – советский и российский историк, публицист, политик, основатель и первый ректор Российского государственного гуманитарного университета. Был активным участником либерально-демократической оппозиции в СССР и России, одним из создателей движения «Демократическая Россия».

лен на сбор свидетельств о политических репрессиях 1920–1960-х гг., поддерживались проекты по истории ГУЛАГа. Архив Сахарова и смежные организации занимались исследованием истории правозащитного движения в СССР и сохранением исторического наследия Андрея Сахарова.

Не меньшее внимание уделялось и современным проблемам российского общества. Фонд «Гласность» получил средства на изучение деятельности КГБ и прочих спецслужб, их влияния на политические процессы в России. Совет советских евреев и журнал «Новое время» при поддержке фонда организовали публикацию материалов по проблемам фашизма, антисемитизма и русского шовинизма.

Во многих странах Восточной Европы и бывшего СССР с начала 1990-х гг. обострились шовинистические тенденции. Наибольшее внимание сотрудники НФПД акцентировали на проблеме русского шовинизма, который им представлялся не только внутренней проблемой России, но и фактором, угрожающим суверенитету соседних стран. Экономические кризисы 1992 и 1998 г. создали затруднения для деятельности НФПД и других некоммерческих организаций. Главнейшей проблемой, препятствовавшей экономическому и политическому развитию в России, на Украине и в Белоруссии, в отчетах называлась коррупция.

Отчеты НФПД констатировали, что советское наследие и его «авторитарные структуры» не могли быть изжиты во вновь образованных государствах в короткие сроки. Отмечалось, что к концу десятилетия в ряде государств начавшаяся было демократизация общественной жизни стала замедляться. В России это связывалось с приходом к власти В. В. Путина уже с первого года его президентства. Уже в 2000 г. отмечалось, что быстрое укрепление личной власти нового лидера стало причиной ограничения свободы слова и собраний и в целом участвовавших случаев ущемления прав человека (табл. 2).

Второй по объемам финансирования со стороны НФПД славянской страной (а если в пересчете на численность населения, то даже первой) была Украина. Получателями помощи от фонда в рассматриваемое десятилетие выступили около 40 организаций «незалежной»⁷. Средства фонда направлялись в Киев, Днепропетровск, Донецк, Львов, Харьков, видно, что большая часть проектов была ориентирована на города восточной части Украины. Особое место занимал Крым, где еще с конца 1980-х гг. осуществлялось наблюдение за соблюдением прав крымских татар, устанавливались связи татарских активистов с Киевом, Львовом и Варшавой. Спецификой украинских

---

⁷ Среди них «Американцы за права человека на Украине», Всеукраинское педагогическое общество Вашенко, Донецкая школа прав человека, Европейско-Украинский культурный и образовательный фонд, издательство «Смолоскип» («Факел»), Союз украинских студентов, Харьковская группа защиты прав человека и др. Из политических партий это были Народное движение Украины «Рух», Народно-демократическая партия Украины, Христианский демократический союз, «Мист».

проектов НФПД было стремление к установлению более широких контактов политиков, правозащитников и предпринимателей Украины с их коллегами на Западе, особенно в США и Польше. Продвижение этнической и религиозной толерантности поляков и украинцев было одним из важных направлений деятельности фонда.

В середине 1990-х гг. Украина называлась среди стран, достигших наиболее значительных успехов на пути демократизации, а активисты этой страны принимали участие в проектах НФПД в соседних странах, в том числе в Белоруссии, которая приводилась как противоположный пример⁸. Там переход власти от коммунистов к новым политическим силам не сопровождался установлением демократических традиций (отчет фонда за 1994 г.). Примерно два десятка организаций при поддержке НФПД проводили мероприятия по защите прав человека, установлению контактов с зарубежными правозащитными группами, складыванию демократической коалиции внутри страны⁹.

Однако сотрудники НФПД отмечали серьезные проблемы в реализации своих проектов в Белоруссии. Избранный в 1994 г. президент А. Г. Лукашенко назывался в числе лидеров, стремящихся повернуть демократические процессы вспять и установить авторитарный режим правления [NED Annual Report, 1996, p. 30]. К концу 1990-х гг. сообщения из этой страны становились все более тревожными, отмечалось, что все независимые печатные издания были закрыты властью, мирные демонстрации разгонялись, правозащитники и оппозиционеры подвергались физическому насилию и ограблению [NED Annual Report, 1999, p. 40-41; NED Annual Report, 2000, p. 40]. Растущая озабоченность западных НПО сопровождалась и ростом финансирования белорусской оппозиции. В 1999 г. НФПД выделил на проекты в Белоруссии почти столько же средств, сколько и на Украине, а в 2000 г. – больше, чем для Украины. При этом значительная часть таких проектов в 1998–1999 гг. проходила с пометкой «Специальный фонд Информационного агентства США для Белоруссии», что свидетельствовало об особом внимании к этой стране со стороны официального Вашингтона. Действия белорусского руководства также официально осуждались Евросоюзом и ОБСЕ [NED Annual Report, 2000, p. 40].

Помощь НФПД Молдавии оказалась совсем незначительной. В 1994–1995 гг. фонд выделил 50 тыс. долл. на поддержку независимых новостных агентств в этой стране. Вряд ли можно объяснить это полным экономическим и политическим благополучием Молдавии. Приднестровский кризис, обострение проблемы беженцев, учащение конфликтов на национальной почве, общие для всех стран ближнего

---

⁸ Такое положение сохранялось по крайней мере до конца 2000 г., когда на Украине разразился политический скандал («Кассетный скандал», «Кучмагейт») в связи с убийством известного журналиста Георгия Гонгадзе, в причастности к которому обвинялся действовавший президент страны [Jacobsson, Saxonberg, p. 239].

⁹ Хельсинкская группа Белоруссии, гражданская организация «Ратуша», «Дети Чернобыля», Фонд Льва Сапеги, «Супольносьць», радио «Рацьця», «Белорусская деловая газета», газета «Свабода».

зарубежья Российской Федерации проблемы нищеты и коррупции, казалось бы, должны были побудить фонд к более щедрой политике в отношении этой республики. Однако этого не произошло, что можно объяснить ее слабым влиянием на дела региона. Американские НПО в определении своих приоритетов исходят как из существующих проблем с защитой прав человека, так и из геополитических интересов Вашингтона. Причем второй фактор чаще всего является определяющим.

Прибалтийские страны, наряду с Украиной и Арменией, были в числе тех республик, которые, еще будучи в составе СССР, стали получателями грантов от НФПД. Стоит отметить, что после распада Советского Союза эти страны в отчетах фонда фигурировали не в разделе «Новые независимые государства» вместе с Россией, Молдавией и т. д., а в разделе «Восточная Европа» вместе с Польшей, Чехией, Венгрией – примечательный штрих, отражающий сложившуюся традицию непризнания американскими националистическими диаспорами прибалтийских народов включения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР в 1940 г.¹⁰ Общая сумма, выделенная фондом этим странам в 1991–2000 гг., составила около 3,1 млн долл., почти две трети этой суммы получили литовские организации. Их деятельность была направлена на изучение природы этнических конфликтов, развитие институтов местного самоуправления и частного предпринимательства. Значительная доля грантов в системе образования предназначалась на разработку новых образовательных программ, преимущественно по гуманитарным дисциплинам, призванным концептуально и содержательно нейтрализовать опыт десятилетий просоветской истории и создать принципиально новую информационную среду. Это реализовывалось в программах подготовки новых учебников и организации семинаров для учителей (табл. 3).

Около 3,5 млн долл. в 1990-е гг. НФПД выделил демократическим организациям стран Закавказья – Грузии, Армении, Азербайджана. Заметной тенденцией стала усиленная поддержка женского движения в этих странах, нашедшая отражение в стимулировании участия женщин в политической и общественной жизни, особенно в Армении (табл. 4).

Выявление конкретных статей расходов и результатов использования средств НФПД требует детального исследования на основе более широкой документальной базы, которая на данный момент мало

---

¹⁰ Такая позиция получала существенную поддержку со стороны официального Вашингтона. Еще в 1953 г. специальный комитет Конгресса США, созданный для исследования обстоятельств присоединения прибалтийских республик к СССР в 1940 г., признал данный акт незаконной аннексией. В 1979 г. была одобрена резолюция Конгресса № 33, рекомендовавшая президенту требовать от издателей карт изображать Латвию, Литву и Эстонию как независимые государства с пояснением, что «вооруженная оккупация и насильственное инкорпорирование в состав Союза ССР... никогда не были признаны Соединенными Штатами». В 1984 г. прибалтийские редакции радио «Свобода» (вещавшего на территорию СССР) были переведены в структуру радио «Свободная Европа» (ориентированного на социалистические страны Восточной Европы) (см.: [Короткова, с. 209–211]).

доступна для исследований. И все-таки можно говорить о некоторых общих тенденциях деятельности данной организации:

– Динамика финансовых показателей отражает неослабевающее внимание к государствам постсоветского пространства. Грантовая поддержка демократических движений в этих странах с начала 1990-х гг. постепенно нарастала. Она достигла пика в 1994 г. (7,6 млн долл.), но к 1996 г. спала до 4,5 млн (в основном за счет сокращения российских и украинских проектов) после чего снова продолжила рост.

– Явным приоритетом в 1990-е гг. среди стран бывшего СССР пользовались Россия, Украина и Белоруссия, причем Белоруссия к концу десятилетия вышла на второе место по финансированию. На проекты в трех славянских странах фонд стабильно выделял в среднем 50–60 % средств, предназначавшихся для всех 15 республик. Главным объектом НФПД была Российская Федерация.

Говоря о влиянии НФПД на внутривосточное развитие стран постсоветского пространства, важно отметить, что фонд поддерживал на плаву многие демократические группы, позволяя им публиковать свои печатные издания, участвовать в программах обмена опытом, проводить различные мероприятия. Однако эта деятельность в рассматриваемый период не могла решающим образом воздействовать на расстановку сил в политической жизни государств и вряд ли такую задачу ставила, хотя в ряде случаев проекты фонда становились реальными центрами притяжения для оппозиционных групп и движений преимущественно либерального толка. В ближней и среднесрочной перспективе ход политических процессов в республиках постсоветского пространства определялся состоянием экономики, промышленным потенциалом, историческими традициями, политической зрелостью элит и рядом других факторов. Наиболее существенные результаты деятельности фонда носили отложенный характер и проявлялись в изменении состояния массового сознания, в том числе в отношении вопросов истории, культурного наследия, гуманитарного образования и проч. Констатация экспертами фонда нарастания авторитарных тенденций в Белоруссии привела к увеличению расходов на поддержку проектов на ее территории, но не смогла повлиять на изменение этих тенденций. Авторитарный крен сопровождался введением ограничений на деятельность иностранных НПО [Luong, Weinthal, p. 1276].

Современные исследователи различным, иногда диаметрально противоположным образом оценивают деятельность НФПД на постсоветском пространстве. Одни авторы считают небезосновательными предположения о связи НФПД с ЦРУ и политикой официального Вашингтона. Другие признают самостоятельное позитивное влияние НПО на продвижение демократических ценностей [Carey, p. 13, 145]. Л. Митчелл, посвятивший специальное исследование цветным революциям, полагает, что объяснение их происхождения иностранными влияниями не соответствует действительности, поскольку в каждой отдельной стране политический процесс имел уникальные характери-

Таблица 1

Распределение грантов НФПД на проекты в 1986–1990 гг. (в долл. США)

Адресат	1986	1987	1988	1989	1990	Итого по странам
СССР в целом без учета нац. республик	594 900	371 250	438 000	358 189	1 189 207	2 951 546
Украина	-	-	60 000	40 000	85 000	185 000
Эстония	-	-	27 500	25 000	35 000	87 500
Латвия	-	-	27 500	25 000	30 000	82 500
Литва	-	-	-	35 000	35 000	70 000
Армения	-	-	-	25 000	25 000	50 000
Итого по годам	594 900	371 250	553 000	508 189	1 399 207	3 426 546

Таблица 2

Распределение грантов НФПД на проекты в России, Украине и Белоруссии в 1991–2000 гг. (в долл. США)

Адресат	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	Итого
Белоруссия	-	-	69 510	252 429	242 463	449 156	548 525	668 004	909074	778 753	3 917 914
Молдова	-	-	-	25 000	25 000	-	-	-	-	-	50 000
Украина	309 740	435 938	1 290 129	1 703 290	1 131 289	604 611	705 728	1 092 565	1 023 502	650 768	8 947 560
Россия	1 023 692	473 869	2 213 059	2 638 595	2 166 711	1 335 301	1 551 303	2 002 725	1 393 015	1 573 492	16 371 762

Таблица 3

**Распределение грантов НФПД на проекты
в прибалтийских республиках в 1991–2000 гг. (в долл. США)**

Адресат	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	Итого
Латвия	45 000	–	–	50 000	50 000	125 187	60 000	–	20 000	–	350 187
Литва	50 000	–	–	579 141	95 358	261 355	449 665	389 806	269 967	24 500	2 119 792
Эстония	–	–	–	39 271	25 000	29 993	71 843	–	31 000	–	197 107
Межрегиональные прибалтийские гранты	50 000	60 240	165 349	77 780	75 000	–	–	–	–	–	428 369

Таблица 4

**Распределение грантов НФПД на проекты
в закавказских республиках в 1991–2000 гг. (в долл. США)**

Адресат	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	Итого
Грузия	25 000	–	27 500	55 000	55 000	27 237	–	69 115	156 239	90 572	505 663
Армения	–	15 450	25 000	–	91 688	122 666	53 733	132 974	158 867	84 375	684 753
Азербайджан	–	–	125 617	30 000	288 268	390 838	329 005	198 877	227 460	220 594	1 810 659
Межрегиональные закавказские гранты	–	–	–	–	–	–	–	250 001	89 854	245 692	585 547

ки, и одни и те же факторы (в том числе и деятельность НПО) должны были приводить к разным последствиям [Mitchell, p. 77]. Компромиссную версию предлагает Дж. Герлах, утверждая, что вмешательство НПО в политический процесс некоторых стран бывшего СССР имело место, но революции в них произошли бы и без влияния Запада, правда, возможно, в других масштабах и с иными результатами [Gerlach, p. 15].

Свидетельством сохраняющегося интереса американской власти к этому фонду служит растущее год от года его финансирование: если стартовый капитал НФПД составлял в 1984 г. около 30 млн долл., то к 2015 г. он достиг уже 155,7 млн долл. [NED Annual Report, 2015, p. 136; Bush, p. 109]. НФПД как инструмент либеральной демократии и сегодня остается действенным подспорьем внешней политики США, с высокой степенью автономии, но почти всегда работающим на американские интересы. Как отметил в интервью изданию «Вашингтон Пост» Барак Обама в 2008 г., «Мы [то есть Соединенные Штаты] выигрываем от расширения демократии: демократии – наши лучшие торговые партнеры, наши самые ценные союзники, это страны, с которыми мы разделяем наши самые глубокие ценности» [Fulfilled – and Broken]. Поддержка демократических и правозащитных групп по-прежнему является важным направлением внешней политики США, ориентированной на стимулирование политического развития зарубежных государств в наиболее приемлемом для Белого дома русле.

Список литературы

- Горбачев М. С.* Остаюсь оптимистом. М.: АСТ, 2017. 416 с.
- Збоев А. В.* Участие США в ослаблении советского влияния в Восточной Европе в период президентства Р. Рейгана (1981–1989 гг.) // Вестн. Вятск. гос. ун-та. 2016. № 12. С. 54–63.
- Короткова М. В.* Политика США по непризнанию вхождения прибалтийских республик в состав СССР // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства : сб. материалов Всерос. науч. конф., посв. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, г. Киров, 29–30 апреля 2015 г. / под ред. В. Т. Юнгблуда. Киров : Радуга-Пресс, 2015. С. 208–214.
- Bush S. S.* The Taming of Democracy Assistance : Why Democracy Promotion Does Not Confront Dictators. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. 288 p.
- Carey H. F.* Privatizing the Democratic Peace : Policy Dilemmas of NGO Peacebuilding. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2012. 284 p.
- Carothers T.* The NED at 10 // Foreign Policy. 1994. No. 95. P. 123–138.
- Diamond L.* Promoting Democracy // Foreign Policy. 1992. No. 87. P. 25–46.
- Fulfilled – and Broken – Promises for America's New Role in the World // The Washington Post [official website]. Nov. 18, 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/national/obama-legacy/2008-election-foreign-policy-interview.html> (mode of access: 08.10.2017).
- Gerlach J.* Color Revolutions in Eurasia. Berlin : Springer Intern. Publ., 2014. 56 p.
- Jacobsson K., Saxonberg S.* Beyond NGO-ization : The Development of Social Movements in Central and Eastern Europe. Farnham : Ashgate, 2013. 268 p.
- Luong P. J., Weinthal E.* The NGO Paradox : Democratic Goals and Non-Democratic Outcomes in Kazakhstan // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51, no. 7. P. 1267–1284.
- Mitchell L. A.* The Color Revolutions. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2012. 256 p.
- NED. 1991 Annual Report. Oct. 1, 1990 – Sept. 30, 1991. Washington : [S. n.], 1991. 81 p.

- NED. 1993 Annual Report. Oct. 1, 1992 – Sept. 30, 1993. Washington : [S. n.] 1993. 90 p.
 NED. 1994 Annual Report. Oct. 1, 1993 – Sept. 30, 1994. Washington : [S. n.], 1994. 106 p.
 NED. 1995 Annual Report. Oct. 1, 1994 – Sept. 30, 1995. Washington : [S. n.], 1995. 82 p.
 NED. 1996 Annual Report. Washington : [S. n.], 1996. 75 p.
 NED. 1999 Annual Report. Washington : [S. n.], 1999. 92 p.
 NED. 2000 Annual Report. Washington : [S. n.], 2000. 88 p.
 NED. 2015 Annual Report. Washington : [S. n.], 2015. 151 p.
 National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington : The White House, 1995. 32 p.
 Roeder L. W. Jr., Simard A. Diplomacy and Negotiation for Humanitarian NGOs. N. Y. : Springer, 2013. 456 p.

References

- Bush, S. S. (2015). *The Taming of Democracy Assistance : Why Democracy Promotion Does Not Confront Dictators*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 288 p.
 Carey, H. F. (2012). *Privatizing the Democratic Peace: Policy Dilemmas of NGO Peacebuilding*. N. Y., Palgrave Macmillan. 284 p.
 Carothers, T. (1994). The NED at 10. In *Foreign Policy*. No. 95, pp. 123–138.
 Diamond, L. (1992). Promoting Democracy. In *Foreign Policy*. No. 87, pp. 25–46.
 Fulfilled – and Broken – Promises for America’s New Role in the World. (2016). In *Washington Post* [website]. Nov. 18. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/national/obama-legacy/2008-election-foreign-policy-interview.html> (mode of access: 08.10.2017).
 Gerlach, J. (2014). *Color Revolutions in Eurasia*. Berlin, Springer Intern. Publ. 56 p.
 Gorbachev, M. S. (2017). *Ostayus’ optimistom* [I am still an Optimist]. Moscow, AST. 416 p.
 Jacobsson, K., Saxonberg, S. (2013). *Beyond NGO-ization: The Development of Social Movements in Central and Eastern Europe*. Farnham, Ashgate. 268 p.
 Korotkova, M. V. (2015). Politika SShA po nepriznaniyu vkhozhdeniya pribaltiiskikh respublik v sostav SSSR [US Policy of Non-Recognition of the Baltic Republics as Part of the USSR]. In Yungblud, V. T. (Ed.). *1945 god: formirovanie osnov poslevoennogo miroustroistva: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, g. Kirov, 29–30 aprelya 2015 g.* Kirov, Raduga-Press, pp. 208–214.
 Luong, P. J., Weinthal, E. (1999). The NGO Paradox: Democratic Goals and Non-Democratic Outcomes in Kazakhstan. In *Europe-Asia Studies*. Vol. 51. No. 7, pp. 1267–1284.
 Mitchell, L. A. (2012). *The Color Revolutions*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press. 256 p.
 NED. 1991 Annual Report. Oct. 1, 1990 – Sept. 30, 1991. Washington, S. n. 81 p.
 NED. 1993 Annual Report. Oct. 1, 1992 – Sept. 30, 1993. Washington, S. n. 90 p.
 NED. 1994 Annual Report. Oct. 1, 1993 – Sept. 30, 1994. Washington, S. n. 106 p.
 NED. 1995 Annual Report. Oct. 1, 1994 – Sept. 30, 1995. Washington, S. n. 82 p.
 NED. 1996 Annual Report. Washington, S. n. 75 p.
 NED. 1999 Annual Report. Washington, S. n. 92 p.
 NED. 2000 Annual Report. Washington, S. n. 88 p.
 NED. 2015 Annual Report. Washington, S. n. 151 p.
 National Security Strategy of Engagement and Enlargement. (1995). Washington, The White House. 32 p.
 Roeder, L. W. Jr., Simard, A. (2013). *Diplomacy and Negotiation for Humanitarian NGOs*. N. Y., Springer. 456 p.
 Zboev, A. V. (2016). Uchastie SShA v oslablenii sovetskogo vliyaniiya v Vostochnoi Evrope v period prezidentstva R. Reigana (1981–1989 gg.) [US Participation in the Weakening of Soviet Influence in Eastern Europe during the Presidency of Ronald Reagan (1981–1989)]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 12, pp. 54–63.

The article was submitted on 11.09.2017

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2018.1.295

УДК 930(470)"17"+94(100)"05/..." +332.021.8

**СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
РОССИИ ПРЕДПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ:
НОВЫЕ АСПЕКТЫ***

Ольга Кошелева

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

**CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
ON THE PRE-PETRINE ERA: NEW ASPECTS****

Olga Kosheleva

Institute of General History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This review focuses on the most remarkable works in contemporary Russian historiography from recent decades on the pre-Petrine seventeenth century. Consciously ignoring the literature dedicated to diplomacy and war because of the sheer size of the available material, the author isolates questions connected with the socio-political and cultural development of the Muscovite state and society. In particular, she examines works looking at the intensity and direction of pre-Petrine Russia's socio-cultural contacts with the West and the Orthodox East and the extent of their influence on the country's historical development. Noting how the exhaustion of Marxist methodology (in its Soviet variant) has led contemporary Russian historiography to revive the opposition of the Slavophiles and Westernisers, the author nevertheless emphasises its new foundations, which are based on different methodological principles. There has been a shift of scholarly interest away from the 'base' to the 'superstructure' (to use the old Soviet terminology): now dominant is the attention placed on the discursive practices of the epoch and on the problems of intellectual history, the

---

* Вариант статьи был опубликован в 2015 г. на итальянском языке: [Košeleva].

** *Citation*: Kosheleva, O. (2018). Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

Цитирование: Kosheleva O. Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295 / Кошелева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

history of personhood, the network-actor interactions that created the fabric of social and cultural reality, and the increasing need to study the sources. The article's main conclusion is that the varied (and sometimes mutually exclusive) interpretations of the meaning and significance of the cultural changes in the second half of the seventeenth century can scarcely be reduced to some generalising representation of the epoch. This will require the further accumulation and interpretation of empirical materials in the framework of new research paradigms. It is necessary to understand this period as part of an integral whole with the era of the Petrine reforms.

Keywords: historiography; innovation; cultural transfer; traditional culture; modernity; Modern era; transition period; dead-ends of development; reforms.

В представленном обзоре фокусируется внимание на наиболее заметных явлениях современной отечественной историографии XVII в., преимущественно последних десятилетий, предшествовавших воцарению Петра I. Осознанно (в силу обширности материала) оставляя за скобками литературу, посвященную истории дипломатии и войн, автор вычленяет дискуссионные вопросы, связанные с оценками уровня социально-политического и культурного развития Московского государства и общества указанного периода, интенсивности и направленности социокультурных контактов предпетровской России с Западной Европой и православным Востоком, степени их влияния на векторы исторического развития страны. Отмечая, что исчерпанность марксистской (в ее советском варианте) методологии привела современную российскую историографию к своеобразному возрождению оппозиции славянофилов и западников, автор подчеркивает ее новые основания, которые базируются на иных методико-методологических принципах. В первую очередь это смещение фокуса исследовательского интереса от «базиса» к «надстройке» (если использовать старую советскую терминологию) – доминирующее внимание к дискурсивным практикам изучаемой эпохи, к проблемам интеллектуальной истории, истории личности, к сетевым акторным взаимодействиям, создававшим ткань социальных и культурных реалий, к повышенным требованиям источниковедческой и археографической составляющих научного исследования и проч. Главный итоговый вывод гласит, что разнообразные, порой взаимоисключающие трактовки смысла и значения происходивших во второй половине XVII в. перемен в культурном облике России едва ли возможно свести к какому-то генерализирующему представлению об эпохе. Это требует дальнейшего накопления и интерпретации эмпирического материала в рамках новых исследовательских направлений и парадигм. Необходимо осмысление этого периода в системной целостности со временем Петровских реформ.

Ключевые слова: историография; культурный трансфер; новации; традиционная культура; Новое время; переходный период; тупиковый путь развития; реформы.

Пересказать вкратце – значит заменить
живой организм музейным чучелом.

В. М. Живов

Статьи историографического характера в силу ограниченности объема всегда показывают область своего исследования в несколько ущербном виде: приходится выбирать лишь некоторые работы из множества достойных анализа. Данная статья очерчивает поле исследования самым схематичным образом, однако на схеме легче выделить новые тенденции и повороты мысли.

Вплоть до 1980-х гг. общий ход советских исследований строился на исторической модели, созданной К. Марксом на основе феноменов европейской истории, к которым пытались найти аналогии в истории России. В ее основе лежала идея прохождения всеми странами одинаковых этапов развития, хотя и не одновременно. Марксистский путь, до конца пройденный советской историографией, оказался поучительным и даже травмирующим для последующих поколений историков. Он показал, как легко можно подбирать исторические факты под заранее заданную схему и как быстро исследование, построенное таким образом, теряет свое значение. Это демонстрируют с особой четкостью исследования, посвященные истории XVII в., поскольку именно они в наибольшей степени оказались «нагружены» марксистскими историческими концепциями.

Я не буду рассматривать здесь советскую историографию как таковую, но она оказывается необходимой для сравнения с сегодняшним днем. В марксистской парадигме давно уже работают единицы, хотя у многих она продолжает находиться в подсознании, ибо почти невозможно оставаться за рамками той или иной из уже существующих исследовательских парадигм. Возродились вновь, но на новых основаниях два издревле существовавших в российском сознании направления – западное и славянофильское. В отношении к XVII в. они делят исследователей 1) на тех, кто видит корни новых явлений в том, что Россия в своем развитии с неизбежностью следовала по западному пути, однако шла в арьергарде; 2) на тех, кто считает, что причинами возникших новшеств стали собственно российские реалии и особенности ее исторического развития; 3) на тех, кто считает, что одно дополняло другое, а не противоречило ему.

То, как изменилась тематика в современных исследованиях XVII в. по сравнению с советской эпохой, хорошо видно в сопоставлении с написанным в 1975 г. датским исследователем Свенном Кристенсеном историографическим обзором советских работ [Кристенсен]. Он отмечал, что не только советские, но и зарубежные историки считают наиболее важным работать по тем направлениям, которые

в марксизме считались «базисом» (то есть экономика и классовая борьба), и мало уделяют внимания «надстройке», то есть проблемам культуры и религии. Сегодня тематика работ ориентирована в первую очередь на области культуры и религии, мышления и мировоззрения. Популярны персональная история (в том числе «человек второго плана»), интеллектуальная история, история повседневности, культурные трансферы и др. Этим направлениям я уделю преимущественное внимание, к сожалению, оставив за скобками многие работы последних лет, например, из области военной или дипломатической истории.

Россия на пути модернизации: где он начинается и какие новации его определяют?

XVII в. историки единодушно называют новым периодом в истории России¹. Однако за этим единодушием скрывается разное понимание новизны. Кроме того, «новый период» внутри самого XVII в. имеет в историографии разные точки отсчета². Но два первых десятилетия XVII в. в «новое время» определенно не попадают. Это трагический период истории, который имеет красноречивое название «Смутное время». С начала века проблемы начались с неурожаев и экономической разрухи, в результате которых население стало бежать из центра России на южные окраины в поисках пропитания. Одновременно разразился кризис власти: московский трон оказался пуст, и на него нашлось множество претендентов, вступавших между собой в отчаянную борьбу. Подняли восстание крестьяне, в столицу с юга двинулось казачество. Началась иностранная интервенция: в страну вторглись польские и шведские войска и захватили Москву. В России возникло несколько центров власти, и началась гражданская война. Иначе говоря, это был не просто кризис, а катастрофа, поставившая государство на грань его дальнейшего существования. Она, однако, оказалась с величайшим трудом преодолена. Известно, что именно кризисы открывают путь новшествам. Так произошло и в данном случае.

Историография Смутного времени обширна, и здесь я скажу о ней лишь несколько слов. Богатство событий Смутного времени, в котором социальные противоречия смешались с внешнеполитическими коллизиями, явилось резервуаром, из которого историки могли черпать самые различные конструкции, а политики – брать их себе на вооружение. На материалах Смутного времени легко пропагандировать патриотическую идею, идею народного самодержавия, идею истоков формирования гражданского общества, идею успешной народной борьбы с внешними

---

¹ Первыми это сделали С. М. Соловьев и В. О. Ключевский [Соловьев, кн. 6, т. 12, с. 623; Ключевский, т. 1, с. 33–34].

² Его отсчет начинают по-разному: с 1613 г., то есть с воцарения новой династии Романовых, или «приблизительно с середины XVII в.», когда государство стабилизировалось после кризиса начала века, или с 1676 г., когда правительство встало на путь реформ. Называют и другие даты, например, 1666 г.

захватчиками (что, в частности, происходило во время Первой и Второй мировых войн) и ряд других идей. И сегодня политические потенции темы Смутного времени активно эксплуатируются в связи с введением в России праздника под названием «День народного единства» (4 ноября), который знаменует успешный выход страны из кризиса Смутного времени. Изучение литературы об этом периоде с эпистемологической точки зрения очень продуктивно, и такие историографические работы в последнее время написаны [(см., например: [Токарев]). Но из-за своей неисчерпаемой «конъюнктурности» период Смутного времени оказался и достаточно хорошо изучен во всех аспектах. В последнее время вышли новые значимые работы, о которых надо писать особо (см., например: [Эскин; Лисейцев, 2003; Лисейцев, 2009; Рыбалко]).

О сущности «новизны»

Основная идея «новизны» № 1: к власти пришла новая социальная группа – дворянство, сменившая боярство. Именно с окончанием Смутного времени и достаточно быстрым восстановлением российской государственности начался, по словам В.О. Ключевского, «новый период русской истории». Он характеризовал его как «всероссийский, имперско-дворянский период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского» [Ключевский, т. 1, с. 33–34]. Именно это высказывание самого авторитетного историка дореволюционного времени модифицировалось в марксистском духе в разных его аспектах.

Основная идея «новизны» № 2: начало развития капитализма в России. В.И. Ленин, учивший историю по Ключевскому, связывал «новый период» русской истории с генезисом развития капитализма; он чисто умозрительно датировал начало перехода от натурального хозяйства к складыванию единого всероссийского рынка приблизительно серединой XVII в. Советские историки пытались подтвердить ленинский тезис конкретным материалом, но этого не получилось за отсутствием такового. Очевидно, что в течение XVII в. существенных изменений в сфере производства и потребления не произошло. Напротив, тяжелые последствия Смутного времени привели к усилению крепостной зависимости крестьян, препятствовавшей развитию капиталистических отношений.

Основная идея «новизны» № 3: возникновение абсолютной монархии. Соответственно якобы случившимся экономическим переменам, в советское время стремились показать и изменения во власти – переход от самодержавного правления к абсолютизму. Речь шла о борьбе якобы реакционного боярства с якобы передовым дворянством, каковым советским историкам пришлось подменить буржуазию за неимением таковой. «Сконструировать» эту борьбу было необходимо для того, чтобы, действуя в логике марксизма, доказать формирование в XVII в. абсолютизма (по типу французской модели). Конкрет-

ные исследования и в этом случае опровергли данный тезис. Радикальных перемен политического устройства по сравнению с XVI в. не произошло, несмотря на новое политическое образование – Земские Соборы. Не снизилось в XVII в., как показывают исследования последнего времени, и значение Боярской думы.

Основная идея «новизны» № 4: массовые народные движения. Особенно популярна в марксистской парадигме была тема классовой борьбы, и именно XVII в., который называют «бунташным», давал для нее богатейший материал. Количество бунтов в этот период превосходит все иные времена. Мощные крестьянские восстания, начавшиеся уже в Смутное время, городские восстания, волнения на религиозной почве продолжались в течение всего XVII в. Ранее историк-марксист охватывал их все одним взглядом, приходя к выводу, что мы сталкиваемся с явлением, схожим с буржуазными революциями в Европе, например, с Английской революцией 1649 г. Находились подтверждения тезису, что и в России «низы не могут жить по-старому», они тоже вступили в «новое время», продвигая его к революции. Впрочем, многие возражали, называя эти движения типичными для Средневековья.

Но «новизна» XVII в., которую историкам не удалось обнаружить ни в экономике, ни в государственном устройстве, видна и не вооруженным историческими окулярами глазом во всех областях культуры. Поэтому о ней далее и пойдет речь.

Современная интерпретация сакрального и светского в культуре XVII в.

Два направления являются доминирующими в рассмотрении процессов секуляризации культуры в XVII в.: исследование западных влияний и изучение процессов в традиционной средневековой культуре.

Следует напомнить, что русская средневековая письменная культура сильно отличалась от западноевропейской культуры XVI–XVII вв. – в ней не допускалось ни светских, ни развлекательных произведений: письменность была сакральна сама по себе и могла быть использована только в православно-религиозных целях. В XVII в. эта ситуация стала меняться.

Процесс секуляризации церковной культуры, начавшийся в XVII в., в советское время получил название «обмирщение», понимаемое как вторжение в религиозную культуру светских элементов. Черты «новой» культуры обнаруживались в интересе к личности человека, к индивидуальным проявлениям в творчестве, во внимании к иноконфессиональным культурам, в решении вопросов образования, в появлении новых жанров и мн. др. В характеристиках «новой культуры» делался акцент на развитии городов, которые формировали интересы горожан и закладывали основы светской городской культуры [Сахаров; Муравьев, Сахаров], подчеркивалась «открытость» «новой» культуры XVII в., которая вступила в диалог с культу-

рами других стран [Краснобаев], отмечались «динамизм», «энергичность» героев литературы и реальных персон, пришедших на смену средневековой «тихости» [Демин], рассматривалось столкновение различных направлений в культуре XVII в. [Робинсон].

Исследования культуры XVII в., носящие концептуальный характер, немногочисленны (см. : [Черная, 1999, с. 13–30; Бусева-Давыдова, 2009, с. 7–11]). В трудах Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, М. Б. Плюхановой, А. М. Панченко, Б. И. Краснобаева, В. М. Живова, Л. И. Сазоновой, И. Л. Бусевой-Давыдовой сделаны попытки объяснить глубинные причины зарождения секуляризационных процессов в сакрализованной средневековой православной культуре. Однако каждый из них ставит во главу угла разные феномены культуры, акцентируя их на иных пластах исторического материала.

В советское время господствовала ренессансная концепция Д. С. Лихачева [Лихачев, 1973; Лихачев, 1988, кн. 1, с. 5–26]. Она основывалась на идее того, что все европейские культуры проходили стадию перехода от Средневековья к Новому времени через Ренессанс. В России же не было периода Ренессанса. Но и здесь в XVII в., когда в моду вошло барокко, человек начал становиться в центр внимания произведений культуры и искусства, стала формироваться светская культура. Поэтому, считал Лихачев, функции Ренессанса взяла на себя культура барокко.

Новый философско-антропологический подход, опирающийся на работы немецкого философа Макса Шелера, предложила Л. А. Черная, занимающаяся проблемой человека в русской культуре [Черная, 1999; Черная, 2008; Черная, 2012]. Она выделила определенные периоды в развитии культуры – «Тела», «Души», «Разума», «Экзистенции». В XVII в. исследовательница видит переход от «культуры Души» к «культуре Разума». Для «культуры Разума», отмечает Черная, свойственно стремление к новому, в то время как «культура Души» не принимала «новое», она видела его в дальнейшем развитии традиции, уснащении ее новыми элементами.

Иные концепции, исходящие из того, что русская культура секуляризировалась в результате причин, в ней самой зародившихся (которые, впрочем не отменяли, а дополняли влияния других культур), были разработаны филологом и культурологом В. М. Живовым [Живов, 2000; Живов, 2004, с. 7–34] и искусствоведом И. Л. Бусевой-Давыдовой [Бусева-Давыдова, 2009]. Вместо «запоздалого и странного на вид Ренессанса» В. М. Живов видел причину радикальной трансформации всей русской культуры в ее рефлексии над собственными проблемами, поставленными Смутным временем. В дальнейшем этот путь привел к «диалогам» с западной культурой и к восприятию многих ее элементов. Живов не считал, что средневековая православная культура обмирщалась. Напротив, он видел в ней процесс усиления религиозности и праведности как результат тяжелого опыта Смутного времени, как желание людей избежать новых кар Божьих. Такие настроения он характеризовал как религиозную «нравственную

реформу», отторгавшую ранее допустимые светские произведения, развлечения и обряды. Именно это привело к начавшейся *оппозиции* светского и религиозного направлений в культуре, ранее мирно сосуществовавших, к появлению новой жанровой системы в литературе.

И. Л. Бусева-Давыдова разделяет мысль В. М. Живова о начавшемся разъединении культуры на конфессиональную и внеконфессиональную и поддерживает идею о том, что источники XVII в. свидетельствуют не об обмирщении русской культуры, а, наоборот, об усилении ее религиозной направленности. Прежде чем новации стали заимствоваться с Запада во второй половине века, для них созрели предпосылки внутри самой русской культуры. «Смутное время» усилило средневековое ощущение губительности новизны и стремилось вернуть традиционализм русского общества. Тем не менее, новое прокладывало себе дорогу в скрытом виде – как «возобновляемое старое». Бусева-Давыдова определяет стремление к новому как главную сущностную характеристику эпохи. И, в отличие от Живова, она считает, что «новое» далеко не всегда вступало в борьбу со «старым», новации не отменяли традицию, это создавало возможность относительно бесконфликтного развития русской культуры. Само по себе обращение к новоевропейскому искусству не означало умаления религиозности в русском обществе XVII в.

Бусева-Давыдова тоже отмечает процесс становления личности как индивида, по сути своей ренессансный. Но тем сильнее, по ее мнению, становится стремление одинокого человека получить Божию помощь. Новый характер религиозного чувства нашел отражение в искусстве. Бусева-Давыдова концентрирует свое внимание на общем расширении поля культуры, на появлении новых видов искусства и литературы. Ее методологический подход таков: через обращение к разным сферам культуры (живопись, литературу, архитектуру, фольклор и проч.) выделить общие черты произошедших в них перемен.

В целом Бусева-Давыдова рассматривает культуру XVII в. как результат глубинных социокультурных процессов эпохи. Она отмечает, что мироощущение верующего русского человека XVII столетия и соприкасалось с ренессансным, и отчасти напоминало «новое благочестие» заката западного Средневековья, а отчасти – протестантизм, «но в целом оно не отрешалось от греко-православных истоков и поэтому не уклонялось ни в экзальтацию, ни в индивидуализм» [Бусева-Давыдова, 2008, с. 30].

Современное изучение традиционной культуры XVII в.

Работы, посвященные изучению традиционной российской культуры и ее внутренним изменениям, также многочисленны и привносят много нового. Остановлюсь только на книжности. Церковный раскол, произошедший из-за исправления богослужебных книг по указу патриарха Никона (1653), насытил книжность множеством по-

лемических сочинений. Объемные монографии, посвященные наиболее известным книжникам XVII в., были написаны еще в XIX в. и постоянно использовались исследователями до недавнего времени. Сейчас многие из них подвергнуты пересмотру, который происходит в археографической плоскости. По сегодняшним меркам стиль работы авторов XIX в. был небрежен, не возбранялось включение в исследование домыслов и мифов. Сегодня же творчество книжников рассматривается в системе: тщательный палеографический и археографический анализ всего наследия определенной персоны предшествует его интерпретации, что вносит много корректив в прежние представления. В качестве примера сошлюсь на работы Т. В. Панич об Афанасии Холмогорском [Панич] или работы А. П. Богданова о Карионе Истомина [Богданов, 2012]. Показательна критическая характеристика Богдановым труда его предшественника С. Н. Брайловского, писавшего об Истомина («Один из пестрых XVII столетия»): «По этим ничтожным сравнительно с объемом творчества придворного поэта (Истомина. – О. К.) отрывкам нельзя было судить... да, в общем-то, ни о чем. Даже описание трех основных сборников авторского архива поэта, сделанное С. Н. Брайловским и целое столетие не проверявшееся, оказалось крайне фрагментарным» [Там же, с. 19].

Появляются книги о малоизвестных сегодня книжниках, которые в свое время не были таковыми. В пример приведу книгу о монахе Сергии Шелонине, жизнь которого была посвящена книжному делу. Он создавал огромные энциклопедические компендиумы, разыскивая везде рукописи, сверяя их друг с другом. Его система перекрестных ссылок между множеством сочинений не имеет аналогов в древнерусской книжности. Автор книги о Шелонине восстанавливает его биографию, раскрывает все методы его работы [Сапожникова]. Шелонин оказывается одновременно и традиционалистом, и новатором, что для его времени скорее правило, чем исключение. Не могу не упомянуть замечательную книгу итальянки Кристины Брагоне, посвященную практически не известной учебной рукописной книге конца XVII в. «Алфавитарь». Это одновременно и публикация, и исследование: все строки рукописи в публикации имеют номер, и к каждой строке (!) автор дает развернутый комментарий [Bragone]! Книга хорошо известна специалистам в России и может считаться образцом для будущих исследований.

Трансфер иных культур

Сегодня широко принятая формулировка «"западные влияния" на русскую культуру» представляется слишком абстрактной. «"Влияние", – писал В. М. Живов, – это плохая категория описания, поскольку указание на источник заменяет в таком описании диалогичность культурного процесса – отбор того, что рецепируется из культуры-

донатора, и трансформацию усвоенных элементов в новом культурном контексте» [Живов, 2001, р. 328]. Немецкий исследователь К. Шарф также отмечает, что привычные обиходные формулировки вроде «идеи распространялись» или «просвещение повлияло» неудовлетворительны. Вместо них предлагается понятие «трансфер», которое требует предельной конкретики [Шарф, с. 17]. «Понятие “трансфер” идей приемлемо лишь в идеальном случае, когда могут быть отслежены точка его отсчета, пути и “приемщики» [Там же]. «Трансфер» погружает историю идей в историю повседневности, через которую, собственно, и распространяются идеи, обычаи, понятия.

Скажу о нескольких исследованиях, сделанных в рамках такого подхода, хотя сами авторы не употребляют понятие «трансфер».

В работах Маргариты Корзо показываются техники и приемы православных книжников, с помощью которых «чужой» текст приспособлялся к собственной традиции [Корзо, 2007; Корзо, 2011]. Оба рассматриваемых ею православных автора (Симеон Полоцкий и Инокентий Гизель) не были москвичами, они учились в западно- и южнорусских колледжах, отчего были хорошо знакомы с латинской литературой. Корзо «препарирует» тексты их сочинений («Мир с Богом человеку», 1669, и «Венец веры», 1671) и выявляет основные приемы работы этих книжников с иноконфессиональными текстами, а именно: 1) из «чужой» традиции берется только каркас (структура и логика), который заполняется православным содержанием; 2) заимствуются некоторые богословские понятия, которые сначала функционируют параллельно с привычными, но потом оказываются основными; 3) латинские авторы цитируются без указания на источник, или цитаты из сочинений западных схоластов приводятся как цитаты из греческих отцов; 4) пространные фрагменты «чужого» текста перелагаются дословно, но при этом они обрамляются привычными для православных примерами. Работы М. А. Корзо впервые наглядно показали, что наряду с открытой борьбой православия с «латинством», происходило его скрытное проникновение в православную книжность.

В последние годы стало признаваться замалчиваемое ранее культурное влияние Польши и Киевской Украины на Московское царство XVII в., сравнимое с влиянием Франции в XVIII в. При этом оно не просто декларируется, а демонстрируется на фактах. Таковым, например, является внушительный каталог переводных произведений с польского языка на русский, сопровождаемый полной библиографией к каждому тексту [Николаев].

Другое направление трансфера – православная Греция, связи с которой у Руси традиционно были очень тесными. Здесь отмечу только одно новаторское исследование Б. Л. Фонкича, которое основано на внимательнейшей работе с источниками, как русскими, так и греческими. Они раскрывают обоюдный процесс русско-греческих связей по вопросу организации в России школ с обучением греческому языку [Фонкич, 2009]. Главным, по словам автора, для него был палео-

графический метод исследования, позволивший уточнить и датировки, и авторство многих документов, а также уровень знания языков деятелей просвещения. Однако именно палеографические трактовки текстов вызвали резкую критику со стороны молодого поколения историков, на которые Б. Л. Фонкичу даже пришлось ответить особой книгой [Фонкич, 2012].

Эта полемика хоть и резка, но она идет на пользу исследовательской работе, ученики Б. Л. Фонкича продолжают развивать начатое им направление. Такова работа его ученицы Н. Чесноковой о взаимодействии России и православных народов в составе Османской империи, в которой тоже сделан акцент на собрании полного комплекса документов и вещей, прошедших процесс пересечения границ в ту или иную сторону [Чеснокова].

Трансферы изучаются не только в конфессиональной области, но и в политической, и в повседневной. Яркий пример – изучение «курантов», то есть информации из иностранной прессы, которую отбирали и переводили на русский язык в правительственных учреждениях (в Тайном и Посольском приказах). «Куранты» широко использовались в исторической литературе, но из-за отсутствия серьезного источниковедческого анализа многие тексты исследователи принимали за русские произведения, а просто устные передачи «вестей» из разных стран – за перевод из иностранных газет. Многолетний труд Семена Шамина и Ингрид Майер (Швеция), основанный на детальной археографической работе в российских архивах и на поиске европейских оригиналов за рубежом, поистине титанический, но он приносит отличные плоды. Исследование дает возможность увидеть то, чего раньше не замечали – то, как эти иностранные газетные тексты функционировали в русской традиции. Обычно считалось, что раз переводы делались для царя и бояр, то ими и ограничивался круг читателей. Авторы показывают, как быстро тексты распространялись за стены Кремля и из европейских газет переходили в русскую рукописную книжность, читались людьми, далекими от дипломатии, даже крестьянами. Их иностранное происхождение переставало быть заметным.

Комплексное совместное исследование «курантов» в России и Швеции позволяет авторам не только делать наблюдения над знанием в России о современной политике, но также дает сведения о событиях в России, которые не отразили российские источники, однако подметили иностранцы [Шамин].

Культурный трансфер постоянно проходил через сферу повседневности. В ней осуществлялись прямые контакты русских с иностранцами, которые, однако, скудно отражены в источниках. Поэтому личный архив английского купца, найденный в Лондоне, дает уникальную возможность узнать о них подробно. Ему посвящена книга, в которой анализируются и публикуются все документы архива, а также воссоздается контекст их создания. В архиве содер-

жится переписка английского и русского купцов (более 20 писем за 1686–1687 гг.). Оба проживали в Пскове, и даже какое-то время в одном доме [Стефанович, Морозов]. Писали они друг другу потому, что англичанин таким образом целенаправленно обучался русскому языку и осваивал местную торговую документацию. Русский адресат, тоже купец, прямо называет себя учителем. Видимо, он имел и других учеников-иностранцев. Архив содержит также литературные новинки и образцы документов. Дружеские отношения между адресатами очевидны. Эти купцы принадлежали тому кругу людей, которых торговля вовлекала в международное общение, им были свойственны культурно-религиозная открытость и толерантность.

Сети связей между русским населением и иностранцами, жившими в России, возможно проследить, если нам известны судьбы этих иноземцев. Тема «иноземцы в России» – одна из новых, ранее она совершенно не разрабатывалась [Ковригина; Орленко; Опарина и др.]. Сейчас же рассматриваются не только группы, например, иноземных торговцев [Демкин], но и отдельные персоны, открываются новые имена. Появились биографические сочинения, посвященные иноземцам, работавшим в России ([Юркин]; рец. на указ соч.: [Тимошина]). Самое большое количество русских источников хранят шведские архивы, в последнее время они активно осваиваются.

Таким образом, лучшие работы последних десятилетий, написанные в русле «трансфера», отличает очень полная комплектация материалов по проблеме, причем не только русских, но и зарубежных, доскональная проработка самих источников. Часто исследовательское поле в таких работах ограничено, но «вспахано» полностью и дает хороший урожай новых сведений. К настоящему времени достаточно фрагментов разнообразной информации, чтобы сложить из них общую картину процессов, происходивших в русской культуре XVII в., в том числе и в аспекте отношений с другими странами. Такое обобщенное исследование уже было сделано в 70-е гг. XX в. [Алпатов]. Теперь можно предвидеть наступление нового этапа «сбора камней», ибо «разбросано» их много.

XVII в. как переходный период

XVII в. называют не только новым, но и переходным периодом. Переходным к чему? Ответ: к «настоящему» новому времени, которое видят в Петровских реформах начала XVIII в. те, кто их изучают, и те, кто читают популярную литературу. Именно в XVII в. издавна ищут причины этих реформ. Они тесно связаны с продолжающейся уже более 150 лет дискуссией о необходимости петровских преобразований и о той цене, которую Россия за них заплатила. Новшества, происходившие в культуре и мировоззрении в XVII в., если смотреть на них с точки зрения Петровских реформ, оцениваются в историографии очень по-разному. Одни видят *прямую преемственность*

между новшествами XVII в. и Петровскими реформами («Петр пошел уже по проложенному пути» – С. Ф. Платонов). Современная исследовательница, например, пишет так: «Реформы Петра стали не сменой курса, а логическим интенсифицированным продолжением политики отца, царя Алексея Михайловича» [Дергачева]. Другие подчеркивают, что модернизация страны уже началась до Петра и могла бы идти в мягких формах, а Петр выбрал жесткий путь реформ, принесший много страданий и жертв³. Третьи признают, что культурные новшества и социальные реформы были начаты до Петра, но они вылились в тупиковый вариант [Седов]. Четвертые видят разразившийся в конце XVII в. системный кризис, который и вызвал столь острую необходимость радикальных реформ. О системном кризисе в 90-е гг. говорили ведущие историки XVIII в. Е. В. Анисимов и А. Б. Каменский [Анисимов, 1997, с. 10–12, 291; Каменский, с. 55–58, 520–521], но позднее Е. В. Анисимов отказался от этой точки зрения. При этом он впервые в историографии высказался прямо и четко: «Историки допетровской России и историки Петра никогда не понимали друг друга» [Анисимов, 2007, с. 2]. Сейчас о системном кризисе уже мало кто вспоминает, хотя именно такое простое объяснение осталось в учебниках.

XVII в. как тупиковый путь развития

Одним из спорных вопросов перемен второй половины XVII в. являются новшества в сфере образования. До этого времени в России не существовало института школ как такового, обучение шло с учителем частным образом. В XVII в. в Москве было создано несколько школ с изучением греческого и латинского языков и высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия.

Одни исследователи сам факт появления института школ считали перспективной линией исторического развития [Прилежаев], другие же – тупиковым путем. Тупиковым потому, что эти школы давали только церковную образованность, будущее же было за светской образованностью, за математическими и инженерными школами [Забелин, № 4, с. 12, 18, 22]. Однако школы XVII в., по мнению православных историков, развились в сеть церковных семинарий и стали давать совершенно новое церковное образование [Иоанн (Экономцев)]. Обучение латинскому языку уже в конце XVII в. оказалось дополнено современным итальянским. Он был нужен в первую очередь для того, чтобы изучать корабельное дело Венеции.

---

³ А. П. Богданов так характеризует время правления царя Федора Алексеевича (1676–1682): «Россия представляла собой самодостаточное государство с положительным торговым балансом, признанное на международной арене как мировая держава – в ранге империи. Внутри страны шло ускоренное развитие, позволявшее надеяться на преодоление технического и научного отставания от весьма немногих более передовых, но менее сильных стран Западной и Центральной Европы» [Богданов, 2003, с. 50].

«Тупиковость» видят не только в развитии школ, но и в живописи, где парсуна не превратилась в портрет, и в сатирической литературе, и в театре, которые при Петре начали свое существование заново. Концепции тупикового развития «новаций» в культуре XVII в. сегодня критикуются с точки зрения неверных методологических подходов к материалу [Бусева-Давыдова, 2008, с. 42]. Каждая эпоха имеет не только связь с будущим, но она и самостоятельный замкнутый вариант культурных направлений, ценных самих по себе.

Однако идея «тупиковости» применяется не только к изучению культуры XVII в., но и к реформам, которые были проведены в конце 70-х – 80-е гг. XVII в. при царе Федоре и царевне Софье. Сами по себе эти реформы стали изучаться только в последнее время именно в результате более кропотливой работы с источниками. Их изучение – яркий пример того, когда исследователи попадают под влияние риторики текстов и начинают следовать за ними. Дело в том, что, хотя сам феномен реформ и существовал в XVII в., но в документах он так не назывался, а само введение в жизнь новшеств не воспринималось людьми положительно. Поэтому, когда вводилось нечто новое царским указом, в нем специально отмечалось, что это возврат к забытому старому [Кошелева, Наседкин]. В петровское время идея новизны вышла из-под спуда ее открытого неприятия и стала частью государственной политики, поставившей «на конвейер» производство новшеств во всех сферах жизни. В своих указах Петр прямо говорил о разрыве с прежней традицией. Но это не поддерживалось большинством населения, думавшего еще по старинке, поэтому Петру приходилось в указах так или иначе разъяснять подданным пользу нововведений, обосновывать их, приводя примеры и обращаясь к их разуму.

Уже при жизни Петра I был создан большой комплекс текстов, образно прославлявших его правление. Одной из главных метафор была метафора о Петре-строителе, создававшем новое на пустом месте (новый флот, новую столицу, новую армию, новую Академию и т. д.). Мысль о том, что в допетровские времена в России, по большому счету, ничего, кроме добрых нравов, не существовало – ни просвещения, ни торговли, ни ремесел, ни флота, ни войска, ни крупных городов – продолжала присутствовать во многих литературных и исторических сочинениях, в обыденном сознании до сегодняшнего дня (подробнее см. : [Кошелева, с. 22–32]). Это, однако, миф, в который не верили современники, но поверили потомки.

Реформы второй половины XVII в., в отличие от петровских, не были окружены пафосной риторикой новизны, они оставались для историков малоприметными и оценивались как тупиковые. В настоящее время им уделяется большое внимание, они изучаются не только на уровне законодательных актов, но и на уровне их реализации на практике. Оказывается, что они эффективно были проведены в жизнь, функционировали и в петровский период.

В связи с дискуссиями о значении предпетровского времени (то есть царствования старшего брата Петра Федора Алексеевича) наиболее значимым событием стал выход книги петербургского историка П. В. Седова с говорящим само за себя названием «Закат Московского царства. Царский двор XVII в.» (СПб., 2006). Седов систематизировал гигантский фактический материал, введя в научный оборот множество новых источников. Главное, что интересует исследователя, – взаимоотношения придворных и влияние тех или иных лиц на политику, которое он стремился проследить в деталях. Самого царя, который был молод и нездоров, Седов выводит за скобки. Таким простым приемом он полностью перечеркивает утвердившееся в советское время мнение об усилении самодержавия, превращении его в абсолютную монархию и полном отстранении от государственной деятельности думных бояр. Седов хорошо показывает готовность правительства к проведению реформ, которые, однако, осуществлялись, по его мнению, вяло и полностью зависели от личных и клановых интересов придворных кругов. Проведенные реформы по направленности были схожи с петровскими, но лишь внешне – они не затрагивали основ «старомосковской жизни», Петр же стал ее целенаправленно разрушать. А без этого разрушения модернизация была невозможна, считает П. В. Седов. Книга «Закат Московского царства» вызвала необычный всплеск отзывов и рецензий, мнения их авторов в целом совпадали – с одной стороны, высокая оценка собранному разностороннему и новому материалу и его систематизации и, с другой, оторванные от него выводы, искусственные и натянутые. Идея «заката» (который по смыслу равен системному кризису) никем из рецензентов не была поддержана. Если сторонники идеи системного кризиса XVII в. конструировали его, глядя из «своего» петровского времени, то Седов, наоборот, как специалист по истории XVII в. поверхностно характеризовал реформы Петра. А ведь они, если отвлечься от их литературных восхвалений, шли не менее вяло и были столь же зависимы от дворцовых интриг и народного сопротивления. Английская исследовательница Линдси Хьюс, подробно рассмотревшая в своих работах о Петре I метафору «пустого места», справедливо писала, что «идея о том, что Россия была “чистым листом” до явления Петра, делала даже очень скромные достижения весьма значительными» [Hughes].

Представляется, что первая исследовательская парадигма, основанная на идее кризиса, случившегося во второй половине XVII в., и созидания Петром всего нового на пустом месте, как и вторая парадигма, выраженная в метафоре преемственности, «быстрого движения по старому пути», к настоящему моменту полностью исчерпали свои возможности. Победы не одержала ни одна из них. Мне (и не только мне) представляется, что нормальному изучению истории указанного периода мешает существующий в головах историков хронологический барьер, разделяющий XVII и XVIII в. Из-за него, как из-за высокого забора, плохо видно, что происходило на другой его

стороне. Следует рассматривать вторую половину XVII в. и первую четверть XVIII в. комплексно, и такие работы – залог новых исследовательских находок.

Список литературы

- Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII – первая четверть XVIII в. М. : Наука, 1976. 455 с.
- Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
- Анисимов Е. В.* Почему Петр? Была ли альтернатива для России? // Родина. 2007. № 11. С. 2–4.
- Богданов А. П.* Конец «Третьего Рима» и утверждение имперского самосознания накануне крушения московского царства // Человек между царством и империей : сб. материалов междунар. конф. / под ред. М. С. Киселевой. М. : Ин-т человека РАН, 2003. С. 47–59.
- Богданов А. П.* Стих торжества. Рождение русской оды : Последняя четверть XVII–XVIII вв. : в 2 ч. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2012. 380 + 296 с.
- Бусева-Давыдова И. Л.* Культура и искусство в эпоху перемен: Россия XVII столетия. М. : Индрик, 2008. 364 с.
- Бусева-Давыдова И. Л.* Россия XVII века: культура и искусство в эпоху перемен : автореф. дис. ... докт. искусствоведения. М. : [Б. и.], 2005. 48 с.
- Демин А. С.* Русская литература второй половины XVII – начала XVIII в.: новые художественные представления о мире, природе, человеке. М. : Наука, 1977. 296 с.
- Демкин А. В.* Западноевропейские купцы и их приказчики в России XVII века. М. : [Б. и.], 1992. 55 с.
- Дергачева И. В.* «Лекарство душевное» как памятник религиозной антропологической литературы // Человек между царством и империей : сб. материалов междунар. конф. / под ред. М. С. Киселевой. М. : Ин-т человека РАН, 2003. С. 379–389.
- Живов В. М.* Заметки о византийской культуре в России раннего Нового времени // Russia medievalis. Т. 10. 2001. № 1. München : Wilhelm Fink, 2001. P. 325–344.
- Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого : Исслед. и материалы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 368 с.
- Живов В. М.* Об исторической науке у Карло Гинзбурга // Новое лит. обозрение [сайт]. 2004. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zh1.html> (дата обращения: 10.09.2017).
- Живов В. М.* Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII в. // Из истории русской культуры : в 5 т. М. : Языки рус. культуры, 2000. Т. 3. XVII – начало XVIII в. С. 460–485.
- Забелин И. Е.* Первое водворение в Москве греколатинской и общей европейской науки // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1886. Окт.-Дек. Кн. 4. С. 7–30.
- Иоанн (Экономцев), игумен.* Православие: Византия. Россия : сб. ст. М. : Христиан. лит., 1992. 238 с.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 575 с.
- Ключевский В. О.* Сочинения : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1956–1959. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. 1957. 425 с.
- Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – XVIII в. М. : Археографич. центр, 1998. 440 с.
- Корзо М. А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII в. М. : Ин-т философии РАН, 2011. 155 с.
- Корзо М. А.* Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVII–XVIII в. М. : Канон+, 2007. 672 с.

Кошелева О. Е. Изучение Петровских реформ в рамках разных парадигм // IV научные чтения памяти Ю. С. Булыгина : сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2007. С. 22–32.

Кошелева О. Е., Наседкин Е. Н. Феномен реформ в XVII столетии в России и их интерпретация в XVIII веке // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М. М. Крома и Л. А. Пименовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2013. С. 179–191.

Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 224 с.

Кристенсен С. История России XVII в. М. : Прогресс, 1989. 256 с.

Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты : в 2 т. М. : Ин-т рос. ист. РАН, 2003. 264 + 219 с.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. : Ин-т рос. ист. РАН ; Тула : Гриф и К°, 2009. 788 с.

Лихачев Д. С. XVII век в русской литературе // Памятники литературы Древней Руси : XVII в. Кн. 1. М. : Худож. лит., 1988. С. 6–26.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков : Эпохи и стили. Л. : Наука, 1973. 254 с.

Муравьев А. В., Сахаров А. М. Очерки истории русской культуры XI–XVII вв. : кн. для учителя. М. : Просвещение, 1984. 336 с.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиогр. материалы. СПб. : Нестор-история, 2008. 248 с.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. : Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М. : Древлехранилище, 2004. 344 с.

Панич Т. В. Литературное творчество Афанасия Холмогорского. Новосибирск : Сибир. хронограф, 1996. 210 с.

Прилежаев Е. М. Школьное дело в России до Петра Великого и в начале XVIII в. // Странник. 1881. № 1. С. 1–25. № 2. С. 195–218. № 3. С. 387–407.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М. : Наука, 1974. 407 с.

Рыбалко Н. Б. Российская приказная бюрократия в Смутное время : Начало XVII в. М. : Квадрига ; МБА, 2011. 656 с.

Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 560 с.

Сахаров А. М. Россия и ее культура в XVII столетии // Очерки русской культуры XVII в. : в 2 ч. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй. С. 5–24.

Седов П. В. Закат Московского царства. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Соцэкгиз ; Мысль, 1960–1966. Кн. 6. Т. 11–12. 1961. 682 с.

Стефанович П. С., Морозов Б. Н. Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов. М. : Индрик, 2009. 176 с.

Тимошина Л. А. О научной биографии Андрея Андреевича Виниуса : рецензия // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2010. С. 530–557.

Токарев В. А. Возвращение на пьедестал: тема русской Смуты в социокультурном контексте 1930-х гг. // День народного единства : Биография праздника. М. : Дрофа, 2009. С. 303–335.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М. : Языки славян. культуры, 2009. 339 с.

Фонкич Б. Л. О современных методах исследования греческих и русских документов XVII века : Критические заметки. М. : Языки славян. культуры, 2012. 184 с.

Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М. : Языки славян. культуры, 2008. 463 с.

Черная Л. А. Основные проблемы изучения русской культуры переходного периода // Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому

времени : Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой трети XVIII в. М. : Языки рус. культуры, 1999. С. 13–29.

Черная Л. А. Русские в переломную эпоху от Средневековья к Новому времени : учеб. пособие. М. : Логос, 2012. 248 с.

Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам РГАДА). М. : Индрик, 2011. 288 с.

Шамин С. М. Куранты XVII столетия : Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М. : Альянс-Архео, 2011. 352 с.

Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии : Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / под ред. А. В. Доронина. М. : РОССПЭН, 2008. С. 9–45.

Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М. : Квадрига; Зебра Е, 2013. 352 с.

Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М. : Наука, 2007. 558 с.

Bragone M. C. Alfavitar radi učenija malych detej : Un abbecedario nella Russia del Seicento. Firenze : Firenze Univ. Press, 2008. 288 p.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 1998. 640 p.

Koševa O. E. La Storiographia Russa Moderna sull'epoca pre-petrina (secolo XVII): problemi, metodi, orientamenti // Acme. 2015. No. 1. P. 83–98. DOI: <http://dx.doi.org.10.13130/2282-0035/5137>.

References

Alpatov, M. A. (1976). *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa. XVII – pervaya chetvert' XVIII v.* [Russian Historical Thought and Western Europe. 17th – First Quarter of 18th Centuries]. Moscow, Nauka. 455 p.

Anisimov, E. V. (1997). Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo [State Transformations and Autocracy of Peter the Great]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 331 p.

Anisimov, E. V. (2007). Pochemu Petr? Byla li al'ternativa dlya Rossii? [Why Peter? Was there an Alternative for Russia?]. In Rodina. No. 11, pp. 2–4.

Bogdanov, A. P. (2003). Konets “Tret'ego Rima” i utverzhdenie imperskogo samosoznaniya nakanune krusheniya moskovskogo tsarstva [The End of ‘The Third Rome’ and the Formation of Imperial Consciousness on the Eve of the Collapse of the Tsardom of Muscovy]. In Kiseleva, M. S. (Ed.). *Chelovek mezhdru tsarstvom i imperiei. Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, Institut cheloveka RAN, pp. 47–59.

Bogdanov, A. P. (2012). *Stikh torzhestva. Rozhdenie russkoi ody. Poslednyaya chetvert' XVII–XVIII vv. v 2 ch.* [The Verse of Triumph. The Birth of the Russian Ode. Last Quarter of the 17th – 18th Centuries. 2 Parts]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 380 + 296 p.

Bragone, M. C. (2008). *Alfavitar radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze, Firenze Univ. Press. 288 p.

Buseva-Davydova, I. L. (2005). *Rossiya XVII veka: kul'tura i iskusstvo v epokhu peremen* [Russia in the 17th Century. Culture and Art during the Epoch of Changes]. Avtoref. dis. ... dokt. iskusstvovedeniya. Moscow, S. n. 48 p.

Buseva-Davydova, I. L. (2008). *Kul'tura i iskusstvo v epokhu peremen. Rossiya XVII stoletiya* [Culture and Art during the Epoch of Changes. Russia of the 17th Century]. Moscow, Indrik. 364 p.

Chernaya, L. A. (1999). Osnovnye problemy izucheniya russkoi kul'tury perekhodnogo perioda [The Basic Issues of Studying Russian Culture in a Transition Period]. In Chernaya, L. A. *Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. Filosofsko-antropologicheskii analiz russkoi kul'tury XVII – pervoi treti XVIII v.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 13–29.

Chernaya, L. A. (2008). *Antropologicheskii kod drevnerusskoi kul'tury* [The Anthropological Code of Old Russian Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 463 p.

Chernaya, L. A. (2012). *Russkie v perelomnuyu epokhu ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. Uchebnoe posobie* [Russians during the Transition Epoch from the Middle Ages to the Modern Era. A Textbook]. Moscow, Logos. 248 p.

Chesnokova, N. P. (2011). *Khristianskii Vostok i Rossiya: politicheskoe i kul'turnoe vzaimodeistvie v seredine XVII veka (po dokumentam RGADA)* [The Christian East and Russia. Political and Cultural Interaction in the Mid-17th Century (with Reference to RGADA Documents)]. Moscow, Indrik. 288 p.

Demin, A. S. (1977). *Russkaya literatura vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII v.: novye khudozhestvennye predstavleniya o mire, prirode, cheloveke* [The Russian Literature of the 2nd Half of the 17th – Early 18th Centuries. New Artistic Ideas of the World, Nature, and Man]. Moscow, Nauka. 296 p.

Demkin, A. V. (1992). *Zapadnoevropeiskie kuptsy i ikh prikazchiki v Rossii XVII veka* [The West European Merchants and their Salesmen in 17th-Century Russia]. Moscow, S. n. 55 p.

Dergacheva, I. V. (2003). “Lekarstvo dushevnoe” kak pamyatnik religioznoi antropologicheskoi literatury [*Spiritual Remedy as an Artefact of Religious Anthropological Literature*]. In Kiseleva, M. S. (Ed.). *Chelovek mezhdu tsarstvom i imperiei. Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, Institut cheloveka RAN, pp. 379–389.

Eskin, Yu. M. (2013). *Dmitrii Mikhailovich Pozharskii* [Dmitry Mikhailovich Pozharsky]. Moscow, Kvadriga, Zebra E. 352 p.

Fonkich, B. L. (2009). *Greko-slavyanskii shkoly v Moskve v XVII veke* [Graeco-Slavic Schools in 17th-Century Moscow]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 339 p.

Fonkich, B. L. (2012). *O sovremennykh metodakh issledovaniya grecheskikh i russkikh dokumentov XVII veka. Kriticheskie zametki* [On Modern Methods of Researching the Greek and Russian Documents of the 17th Century. Critical Notes]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 184 p.

Hughes, L. (1998). *Russia in the Age of Peter the Great*. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 640 p.

Ioann, (Economtsev), Father Superior. (1992). *Pravoslavie. Vizantiya. Rossiya. Sbornik statei* [Orthodoxy. Byzantium. Russia. A Collection of Articles]. Moscow, Khristianskaya literatura. 238 p.

Kamenskii, A. B. (2001). *Ot Petra I do Pavla I* [From Peter I to Paul I]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 575 p.

Klyuchevskii, V. O. (1957). *Sochineniya v 8 t.* [Works. 8 Vols.]. Moscow, Gospolitizdat. Vol. 1. Kurs russkoi istorii. Part 1. 425 p.

Korzo, M. A. (2007). *Ukrainskaya i belorusskaya katekheticheskaya traditsiya kontsa XVII–XVIII v.* [The Ukrainian and Belarusian Catechetical Tradition of the Late 17th – 18th Centuries]. Moscow, Kanon+. 672 p.

Korzo, M. A. (2011). *Nravstvennoe bogoslovie Simeona Polotskogo: osvoenie katolicheskoi traditsii moskovskimi knizhnikami vtoroi poloviny XVII v.* [Simeon of Polotsk's Moral Theology. The Development of the Catholic Tradition by Moscow Scribes of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Institut filosofii RAN. 155 p.

Košeleva, O. E. (2015). La Storiographia Russa Moderna sull'epoca pre-petrina (secolo XVII): problemi, metodi, orientamenti. In *Acme*, no. 1, pp. 83–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.13130/2282-0035/5137>.

Košeleva, O. E. (2007). *Izuchenie petrovskikh reform v ramkakh raznykh paradigim* [The Study of Petrine Reforms within the Framework of Different Paradigms]. In Goncharov, Yu. M. (Ed.). *IV nauchnye chteniya pamyati Yu. S. Bulygina. Sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 22–32.

Košeleva, O. E., Nasedkin, E. N. (2013). Fenomen reform v XVII stoletii v Rossii i ikh interpretatsiya v XVIII veke [The Phenomenon of Reforms in 17th-Century Russia and Their Interpretation in the 18th Century]. In Krom, M. M., Pimenova, L. A. (Eds.). *Fenomen reform na zapade i vostokey Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.)*. [The Phenomenon of Reform in Western and Eastern Europe at the Beginning of the Modern Period (16th to 18th Centuries)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskii universitet, pp. 179–191.

Kovrigina, V. A. (1998). *Nemetskaya sloboda Moskvy i ee zhiteli v kontse XVII – XVIII vv.* [The German Quarter of Moscow and Its Inhabitants at the End of the 17th – 18th Centuries]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr. 440 p.

Krasnobaev, B. I. (1983). *Russkaya kul'tura vtoroi poloviny XVII – nachala XIX v.* [The Russian Culture of the Second Half of the 17th – Early 19th Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 224 p.

Kristensen, S. (1989). *Istoriya Rossii XVII v.* [The History of 17th-Century Russia]. Moscow, Progress. 256 p.

Likhachev, D. S. (1973). *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili* [The Development of Russian Literature between the 10th and 17th Centuries. Epochs and Styles]. Leningrad, Nauka. 254 p.

Likhachev, D. S. (1988). XVII vek v russkoi literature [The 17th Century in Russian Literature]. In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XVII v. Book 1.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 6–26.

Liseitsev, D. V. (2003). *Posol'skii prikaz v epokhu Smuty v 2 t.* [The Ambassadorial Prikaz during the Time of Troubles. 2 Vols.]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 264 + 219 p.

Liseitsev, D. V. (2009). *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty* [The Prikaz System of the Tsardom of Muscovy during the Time of Troubles]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tula, Grif i K°. 788 p.

Murav'ev, A. V., Sakharov, A. M. (1984). *Ocherki istorii russkoi kul'tury XI–XVII vv. Kniga dlya uchitel'ya* [Essays on the History of Russian Culture of the 11th – 17th Centuries. Teacher's Book]. Moscow, Prosveshchenie. 336 p.

Nikolaev, S. I. (2008). *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy* [Polono-Russian Literary Communications between the 16th and 18th Centuries. Bibliographic Materials]. St Petersburg, Nestor-istoriya. 248 p.

Oparina, T. A. (2007). *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia between the 16th and 17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow, Progress&Traditsiya. 384 p.

Orlenko, S. P. (2004). *Vykhodtsy iz Zapadnoi Evropy v Rossii XVII v. (pravovoi status i real'noe polozhenie)* [Western Europeans in 17th-Century Russia (Legal Status and Real Position)]. Moscow, Drevlekhranilishche. 344 p.

Panich, T. V. (1996). *Literaturnoe tvorchestvo Afanasiya Kholmogorskogo* [Athanasius of Kholmogory's Literary Heritage]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 210 p.

Prilezhaev, E. M. (1881). Shkol'noe delo v Rossii do Petra Velikogo i v nachale XVIII v. [Schools in Russia before Peter the Great and in the Early 18th Century]. In *Strannik*. No. 1, pp. 1–25. No. 2, pp. 195–218. No. 3, pp. 387–407.

Robinson, A. N. (1974). *Bor'ba idei v russkoi literature XVII v.* [The Struggle of Ideas in the Russian Literature of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 407 p.

Rybalko, N. B. (2011). *Rossiiskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya. Nachalo XVII v.* [Russian Prikaz Bureaucracy in the Time of Troubles. Early 17th Century]. Moscow, Kvadriga, MBA. 656 p.

Sakharov, A. M. (1979). Rossiya i ee kul'tura v XVII stoletii [Russia and Its Culture in the 17th Century]. In *Ocherki russkoi kul'tury XVII v. v 2 ch.* [Essays on 17th-Century Russian Culture. 2 Parts]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Part 1. Material'naya kul'tura. Gosudarstvennyi stroi, pp. 5–24.

Sapozhnikova, O. S. (2010). *Russkii knizhnik XVII veka Sergei Shelonin* [The 17th-Century Russian Scribe Sergey Shelonin]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 560 p.

Sedov, P. V. (2006). *Zakat Moskovskogo tsarstva* [The Decline of the Tsardom of Muscovy]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 604 p.

Shamin, S. M. (2011). *Kuranty XVII stoletiya. Evropeiskaya pressa v Rossii i vozniknovenie russkoi periodicheskoi pechati* [The Chiming Clock of the 17th Century. The European Press in Russia and the Emergence of Russian Periodicals]. Moscow, Al'yans-Arkheo. 352 p.

Sharf, K. (2008). Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii. Transfer i adaptatsiya evropeiskikh idei i evolyutsiya vozzrenii na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya [A Monarchy Based on Law instead of Despotism. The Transfer and Adaptation of European Ideas and the Evolution of Views on the State in Russia during the Era of Enlightenment]. In Doronin, A. V. (Ed.). *“Vyodya nravy i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode”*. K probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi imperii. Moscow, ROSSPEN, pp. 9–45.

Solov'ev, S. M. (1961). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 15 kn.* [The History of Russia from the Ancient Times. 15 Books]. Moscow, Sotsekgiz, Mysl'. Book 6. Vol. 11–12. 682 p.

Stefanovich, P. S., Morozov, B. N. (2009). *Roman Vilimovich v gostyakh u Petra Ignat'evicha: pskovskii arkhiv angliiskogo kuptsa 1680-kh godov* [Roman Vilimovich Visiting Pyotr Ignatyevich. The Pskov Archive of an English Merchant of the 1680s]. Moscow, Indrik. 176 p.

Timoshina, L. A. (2010). O nauchnoi biografii Andreya Andreevicha Viniusa: retsenziya [On A. A. Vinius's Academic Biography. A Review]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Iss. 14. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkhéo, pp. 530–557.

Tokarev, V. A. (2009). Vozvrashchenie na p'edestal: tema russkoi Smuty v sotsiokul'turnom kontekste 1930-kh gg. [Returning to the Pedestal. The Theme of the Russian Time of Troubles in the Sociocultural Context of the 1930s]. In *Den' narodnogo edinstva: Biografiya prazdnika*. Moscow, Drofa, pp. 303–335.

Yurkin, I. N. (2007). *Andrei Andreevich Vinius, 1641–1716* [Andrey Andreevich Vinius, 1641–1716]. Moscow, Nauka. 558 p.

Zabelin, I. E. (1886). Pervoe vodvorenje v Moskve grekolatinskoi i obshchei evropeiskoi nauki [The First Introduction of Graeco-Latin and General European Science in Moscow]. In *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Oktyabr'-Dekabr'. Book 4, pp. 7–30.

Zhivov, V. M. (2000). Religioznaya reforma i individual'noe nachalo v russkoi literature XVII v. [Religious Reform and Individualism in Russian Literature of the 17th Century]. In *Iz istorii russkoi kul'tury v 5 t.* [From the History of Russian Culture. 5 Vols.]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 3. XVII – nachalo XVIII v., pp. 460–485.

Zhivov, V. M. (2001). Zаметки о византийской культуре в России раннего нового времени [Notes on Byzantine Culture in Russia in the Early Modern Period]. In *Russia medievalis*. Vol. 10. No. 1. München, Wilhelm Fink, pp. 325–344.

Zhivov, V. M. (2004). *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo. Issledovaniya i materialy* [From the Church History of the Epoch of Peter the Great. Studies and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Zhivov, V. M. (2004). Ob istoricheskoi nauke u Karlo Ginzburga [On Historical Science in Carlo Ginzburg's Works]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zh1.html> (mode of access: 10.09.2017).

The article was submitted on 17.08.2017

DOI 10.15826/qr.2018.1.296
УДК 94(470)"19"+325.2+81'373.231+81'271

В МИРЕ ПСЕВДОИМЕН РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ*

Рец. на кн.: Псевдонимы русского зарубежья : Материалы
и исследования / под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. –
М. : Новое лит. обозрение, 2016. – 656 с.

Юлия Матвеева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

IN THE WORLD OF PSEUDONYMS OF THE RUSSIAN ABROAD

Rev. of: *Pseudonyms of the Russian Abroad: Materials and Studies* /
ed. M. Schruba, O. Korostelev. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. –
656 p. (*Pseudonimy russkogo zarubezh'ya: Materialy i issledovaniya* / pod red.
M. Schruby i O. Korosteleva. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 656 p.)

Yulia Matveeva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review presents the result of an analysis of the structure and content of *Pseudonyms of the Russian Abroad: Materials and Studies*, published by the Novoe Literaturnoe Obozrenie publishing house. The book is an important event in Russia's scholarly and cultural life, and can substantially enrich Russian and world literary studies that focus on the cultural heritage of Russian emigration in the 20th century. The three large sections of the book (*Articles, Materials, Bibliography*) demonstrate not only the syncretism and fundamental nature of the overall concept, but also various types of scholarly research, such as analysis, commentary, publishing, and bibliography. The book is of special interest to those who deal with pseudonymy issues, including pseudonyms of Russians abroad. The 19 scholarly articles of the first section uncover a number of “pseudonymous” secrets of the first two waves of Russians abroad and examine the principles of emigrant self-surrender. The second section republishes some inacces-

---

* Citation: Matveeva, Y. (2018). In the World of Pseudonyms of the Russian Abroad. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 290–298. DOI 10.15826/qr.2018.1.296.

Цитирование: Matveeva Y. In the World of Pseudonyms of the Russian Abroad // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 290–298. DOI 10.15826/qr.2018.1.296 / Матвеева Ю. В мире псевдонимов русского зарубежья // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 290–298. DOI 10.15826/qr.2018.1.296.

sible texts of the writers of the first wave. The third section contains three unique bibliographical archives, as well as a list of contents of four émigré journals.

Keywords: Russian abroad; emigration; pseudonym; pseudonymy.

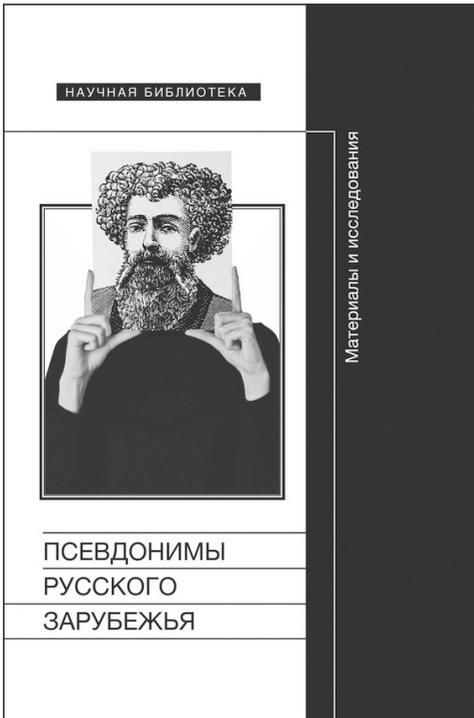
В рецензии представлен результат анализа структуры и содержания вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение» книги «Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования». Издание оценивается как важное событие в научной и культурной жизни России, способное существенно обогатить ту часть российской и мировой филологической науки, которая обращена к изучению культурного наследия русской эмиграции XX в. Три больших раздела книги («Статьи», «Материалы», «Библиография») демонстрируют не только синкретизм и фундаментальность общего замысла, но и различные типы научного исследования, такие, например, как анализ, комментирование, публикаторская деятельность, работа по составлению библиографий. Книга имеет особый интерес для тех, кто занимается вопросами псевдономастики, в том числе псевдономастики русского зарубежья. В 19 научных статьях первого раздела открываются многие «псевдонимные» тайны двух первых волн русской эмиграции, рассматриваются принципы эмигрантского самонаречения. Второй раздел содержит републикацию малоизвестных текстов, принадлежащих писателям первой волны. В третьем разделе размещены три уникальных библиографических свода, а также роспись содержания четырех эмигрантских журналов.

Ключевые слова: русское зарубежье; эмиграция; псевдоним; псевдономастика.

Понять, кто есть кто в литературном и общественно-культурном пространстве русского зарубежья, далеко не просто. Мир, внеаходимый чисто географически по отношению к Советской России и внутреннеаходимый относительно глобального и непрерывного единства русской культуры, имел свои резоны. Кто-то хотел в нем укрыться, спрятать как можно надежнее свое прошлое, кто-то, напротив, прославиться, обрести себя, кто-то балансировал на грани между желанием высказаться и нежеланием навредить оставшимся в Советской России близким. В любом случае эмиграция каждый раз была новым выбором себя, своего пути и своего имиджа, своего имени и лица. Этот процесс пересмотра ментальной идентичности неизбежно приводил к проблемам антропоники и псевдономастики, где ключевым вопросом являлся вопрос псевдоимен. Однако до самого последнего времени вопрос этот в сфере эмигрантики оставался в тени, подразумеваясь как само собой разумеющееся в подтексте отдельных исследований. Но настало время собирать камни – обобщить, выстроить, систематизировать, дополнить многочисленные наблюдения и находки. Первым и очень значительным, очень важным этапом

этого процесса оказался выход в издательстве «Новое литературное обозрение» внушительного тома «Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования».

При том, что основой книги, как пишут ее составители и редакторы М. Шруба и О. Коростелев, стали материалы конференции «Псев-

донимы русской эмиграции в Европе (1917–1945)» (3–5 сентября 2014 г., Рурский университет в Бохуме), ее нельзя назвать сборником научных статей. Это массивное многоаспектное и многофункциональное издание, включающее в себя три больших раздела – «Статьи», «Материалы», «Библиография», благодаря чему синкретизм и фундаментальность замысла значительно возрастают, а увлекательная «охота за псевдонимами» [Тименчик, с. 17] прирастает републикацией газетных фельетонов известных писателей русского зарубежья, тремя уникальными библиографическими сводами, а также расписанным содержанием четырех эмигрантских журналов.

Остановимся коротко на каждом из вышеперечисленных разделов.

Раздел «Статьи» включает 19 исследовательских текстов, принадлежащих ученым из разных стран. Среди них есть работы общетеоретической направленности, работы, посвященные конкретным случаям, конкретным псевдонимам, работы, посвященные псевдонимному списку отдельных периодических изданий. Начальную ноту дает теоретическая и в то же время насыщенная эмигрантской конкретикой статья Р. Тименчика «Об эмигрантских ложноименах». Ее можно считать постановочной для всего раздела. Отталкиваясь от идей В. Виноградова и Ю. Тынянова, автор рассматривает псевдоним, с одной стороны, как некий микротекст, как особый жанр, в котором по-своему реализуется образ автора, а, с другой, как символ, который должен «развертываться получателем» [Там же, с. 10]. Кроме того, статья прекрасно погружает в философию именно эмигрантской псевдонимастики. Эмигрантский этос, считает ученый, вырабатывает собственные принципы самонаречения, «вырастающие из глубинных неомифологических мотивов философии изгнания» [Там же, с. 14].

Соответственно этим принципам формируются псевдонимы, среди которых исследователь выделяет инкогнитонимы, мартиронимы, аллонимы, гетеронимы, цитатные псевдонимы, псевдонимы, использующие морфологию негации. В целом же эмигрантская псевдономастика, по мнению Р. Тименчика, является элементом общеэмигрантской поэтики.

Теоретический аспект проблемы эмигрантской псевдономастики и, шире, псевдономастики в России продолжает развивать *Ш. Шмидт*. Статья этого ученого («К поэтике псевдонима. Краткий обзор исследований») – четкая, ясная, с хорошо сгруппированным материалом – имеет большую ценность для всех, кто хотел бы познакомиться с историей изучения псевдонимов, анонимов, литературных подделок и мистификаций в России. Это своего рода история вопроса, лаконичная, но полновесная историографическая справка.

Объемные статьи О. Коростелева и М. Шрубы тоже содержат в своей основе теоретический и некий универсально-обобщающий посыл, хоть и поднимают при этом огромный историко-литературный материал. О. Коростелев рассматривает так называемые авторские рубрики в эмигрантской периодической печати, которые были подписаны псевдоименами Г. Адамовича (Пенгс, Сизиф, Г. А.), М. Осоргина (Старый Книгоед, Книжник) В. Ходасевича, Н. Берберовой (Гулливер), М. Кантора (Дикс), В. Вейдле (Д. Лейс), В. Яновского (В. С. Мирный) и др. Анализируя внутреннее соответствие между «авторской колонкой», которая в эмигрантских периодических изданиях всецело определялась личностью автора, и псевдонимным имиджем ее создателя, исследователь приходит к заключению, что увлечение Серебряного века игрой, и в том числе гетеронимией, перешло в эмиграцию, а потому «эмигрантские литературные маски были продолжением традиции, в метрополии в XX веке надолго оборвавшейся» [Коростелев, с. 29].

Исследование М. Шрубы, можно сказать, имеет аспект психологический – изучив (и опубликовав совместно с О. Коростелевым переписку редакторов «Современных записок» с авторами журнала [Современные записки]), ученый выделил в этом обширном наследии особый сюжет – сюжет обсуждения имен и подписей тех, кто печатался в журнале или собирался это сделать. Множество рассмотренных и проанализированных случаев приводят автора статьи к такому выводу: псевдонимы в литературной среде русского зарубежья имели разное назначение, исполняли разные функции – они могли «утаивать» «тождество пользователя», могли делать его прозрачным для определенного круга лиц, но могли и служить цели «расширения личностной сферы» [Шруба, с. 39]. Интересны наблюдения Шрубы о том, что писатели русского зарубежья (как, по видимому, и писатели вообще) делились на тех, кто любили псевдонимы, активно ими пользовались (З. Гиппиус, М. Осоргин), и тех, кто предпочитали свое невымышленное имя (И. Бунин, Б. Зайцев, Д. Мережковский, Ф. Степун, И. Шмелев).

К целому ряду научных статей, размещенных в первом разделе книги, можно было бы применить жанровое определение «статья-детектив», в которой осуществляется самое настоящее научное расследование тех или иных случаев использования и расшифровки ложных имен. Такова, например, статья *В. Хазана*, в которой на малоизвестном материале (русско-еврейская печать зарубежья) не просто выявляются истинные обладатели многих вымышленных имен (Б. Мирский, М. Берхин, И. Шехтман), но и воспроизводится методика этого выявления, учитывающая общую и выборочную статистику, единство проблематики разноименных публикаций, общность стилистики. Такова же статья *Э. Димитрова* о «русско-болгарских встречах псевдонимов», состоящая из двух «историй»: первая – о человеческом, научном и псевдонимном контакте двух ученых – русского филолога М. Г. Попруженко и болгарского филолога М. Арнаудова, которые под одним общим псевдонимом («М. и М.») составили в 1920 г. разговорник «Русский в Болгарии»; вторая – о расшифровке криптонима «К. Б.», которым был подписан болгарский перевод трактата Г. Флоровского «Достоевский и Европа», изданный в 1922 г. «Славянской библиотекой» в Болгарии.

К жанру научного расследования также можно отнести статьи *М. Бирмана* (о псевдонимах и криптонимах П. М. Бицилли), *М. Хагемейстера* (опровержение утвердившегося мнения, что Евгений Брандт, автор трехтомника «Ритуальное убийство у евреев» (Белград, 1926–1929), это псевдоним), *П. Лавринца* (распознавание многочисленных псевдонимов А. С. Бухова, редактора и автора ковенской газеты «Эхо»), *Л. Спроге* (о казуалистическом псевдониме «Л. К. Старец» и криптониме «Л. К.», за которыми скрывался писатель И. С. Лукаш), *А. Меймре* (об этимологии некоторых из многочисленных псевдонимов П. М. Пильского).

Особняком в этом ряду оказываются две статьи – *Б. Равдина* («На полях комментария (в поисках И. Горского и др.)» и *И. Толстого* («Псевдоним у микрофона. Судьба Николая Горчакова»). Обе посвящены эмигрантам второй волны, чья псевдонимная история имеет совершенно особый статус. Думается, крупные исследования на эту тему еще впереди, но и двух указанных научных работ достаточно, чтобы представить, насколько важен был псевдонимный вопрос для представителей послевоенной эмиграции, а, с другой стороны, насколько важен сегодня вопрос выявления подлинного имени многих литераторов, журналистов и общественных деятелей эпохи Ди Пи. Так, Б. Равдин, сравнивая публикации в довоенных советских журналах «Антирелигиозник» и «Безбожник» материалов Иг. Зубковского с публикациями в коллаборационистских смоленских изданиях 1942 г. И. Горского, используя дневниковые свидетельства А. К. Гладкова, а также тщательно изучив биографию редактора калужской (в период оккупации) газеты «Новый путь» Е. Е. Бунескула, приходит к эвристическому выводу о возможности полного тождества между тремя упо-

мянутыми именами. Кем в действительности был этот человек, какие цели преследовал и преследовал ли вообще – сюжет для другой статьи, в которой, по-видимому, автор договорит до конца то, что оставляет пока в качестве увлекательной незаконченной интриги.

И. Толстой в своей почти художественно написанной статье «снимает многослойные покровы выдуманных имен» [Толстой, с. 286] с другого исторического лица – диктора «Радио “Освобождение (Свобода)”» Николая Александровича Горчакова, который за этим самозванным именем – «Н. Горчаков» – и целым списком других псевдонимов умудрился настолько глубоко и надежно скрыть имя подлинное, что даже, казалось бы, самые неопровержимые догадки (а именно такой является вывод И. Толстого, что Н. А. Горчаков – это бывший режиссер Камерного театра Николай Соколовский) все еще нуждаются в фактографическом подкреплении.

Среди других научных публикаций первого раздела привлекает внимание и заставляет включиться в логику обдумывания интереснейших фактов и рискованных предположений статья И. Белобровцевой о М. Булгакове и А. Ветлугине (В. И. Рындзюне), удивительный параллелизм биографий которых и совпадение в интерпретации образа и поведения генерала Слащева не могут не задеть любого филолога.

Почти романное разрешение с его всегдашним акцентом на судьбе героя имеют статьи Н. Богомолова, Г. Кратца, М. Вендитти – во всех трех речь идет о человеческих судьбах, в которых псевдоним играл отнюдь не последнюю роль. Так, известный исследователь Серебряного века Н. Богомолов обращается к сложной, весьма замысловатой судьбе одного из его представителей С. А. Соколова, адвоката и общественника, основателя издательства «Гриф», редактора журнала «Искусство», поэта, артиллерийского прапорщика, участника двух войн, политического деятеля русского зарубежья. Три псевдонима С. А. Соколова (Сергей Кречетов, Гриф, атаман Кречет), показывает ученый, как нельзя лучше отражают его невероятную жизненную активность, удивительную разноплановость его личности. Немецкий ученый Г. Кратц тоже рассматривает не случайного для себя персонажа – немецко-русского критика, переводчика, историка литературы Артура Лютера, родившегося в России, но сделавшего себе имя и прожившего свои зрелые годы в Германии, а потому совместившего в себе – в том числе и на уровне литературных псевдонимов – арийское происхождение и русское прошлое. Неожиданный поворот общей темы дает М. Вендитти, рассказывая о судьбе Б. И. Ярхо, близкого формалистам ученого-филолога, оставшегося в Советской России и в конце концов репрессированного. Ярхо – единственный среди огромного числа персонажей, изученных и упомянутых в пределах данной книги, неэмигрант. Однако благодаря псевдониму «Б. де Люнель» он смог вырваться из советской реальности, опубликовав в журнале «Воля России» (1924, 1925) две свои пьесы: «Вид из нашего окошка» и «Верный Иаков». В данном случае псевдоним рассматривается как уни-

кальное средство трансполитической проводимости – конспиративное и вместе с тем освобождающее.

Своеобразной разрядкой, похожей на интермедию между двумя весьма объемными и по-академически серьезными частями книги, стал небольшой, но по-человечески веселый и любопытный раздел под названием «Материалы», где усилиями публикаторов (О. Коростелева, А. Меймре, М. Шрубы) оказались собраны статьи, заметки, фельетоны писателей и публицистов русского зарубежья, посвященные так называемой «псевдонимной теме». И о собственных псевдонимах, и о большевистских «кличках» и «прозвищах» здесь начинают говорить сами эмигранты – В. Белов, А. Ренников, Н. Тэффи, В. Ходаевич, А. Яблоновский.

Наконец, третий раздел книги – «Библиография». Казалось бы, как любая библиографическая часть работы он должен иметь прикладное значение, однако в данном случае это совсем не так. Достаточно сказать, что раздел этот насчитывает 261 страницу из общего объема книги в 656 страниц. В плане необходимой и чрезвычайно важной научной информации перечислим блоки, которые в него входят: 1) составленная О. Коростелевым библиография всех русскоязычных работ, посвященных проблеме псевдонимистики [Псевдонимистика], следовавших за известным «Словарем псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова [Масанов, 1941–1949; Масанов, 1956–1960]; 2) составленный О. Коростелевым и М. Шрубой «Список доступных в Интернете периодических изданий русского зарубежья 1917–1945 гг.» с указателем о возможностях доступа [Список доступных в Интернете периодических изданий русского зарубежья]; 3) составленная М. Шрубой библиография периодической россики с 1917 по 1940 г. [Повременные издания о России на иностранных языках]; 4) составленная М. Шрубой роспись содержания двух русских эмигрантских журналов, выходивших в Берлине в 1921–1923 гг., – «Русская книга» и «Новая русская книга»; 5) составленная Т. Подгаецкой роспись содержания издававшегося в Праге с 1924 по 1926 г. журнала «Своими путями»; 6) составленная В. Хазаном (при участии Х. Кюнелт) роспись содержания издававшегося сначала в Нью-Йорке (1942–1948), а потом в Париже (1949–1950) журнала «Новоселье» с большой подробной статьей В. Хазана об истории журнала и его литературной политике. Конечно, не все блоки третьего раздела (и это видно из короткого их перечня) напрямую соответствуют заданной теме – псевдонимистике, но все они эту тему расширяют, уводят дальше – в россику, эмигрантику. И такая избыточность, такая открытость научных границ оправдана, ибо лишний раз подтверждает живой интерес к поставленной и обозначенной проблеме, а также дает представление о накопленном потенциале знаний по истории русского зарубежья. Отдельно надо отметить ту безусловную тщательность и широчайшую научную

осведомленность авторов четвертого раздела книги, которая проявляется в полноте приведенных сведений, в стремлении многие вещи объяснить и прокомментировать.

В результате соединения различных форм и различных жанров научных исследований, таких, например, как анализ, комментирование, публикаторская работа и работа по составлению библиографий, книга «Псевдонимы русского зарубежья» получилась не только чрезвычайно интересной в смысле репрезентации новых гипотез и обнаружения научных находок, но и в высшей степени информативной. Словарь псевдонимов русского зарубежья, над которым трудятся многие авторы представленной книги, и прежде всего ее составители, станет, по-видимому, закономерным продолжением начатой работы.

Список литературы

Коростелев О. Литературные маски и критические рубрики в периодике русского Парижа // Псевдонимы русского зарубежья : Материалы и исслед. / под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М. : Новое лит. обозрение, 2016. С. 20–30.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 3 т. М. : Изд-во Всесоюз. книж. палаты, 1941–1949. 572 + 835 + 836 стлб.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М. : Изд-во Всесоюз. книж. палаты, 1956–1960. 442 + 387 + 415 + 558 с.

Повременные издания о России на иностранных языках (периодическая руссика) межвоенных лет : материалы к библиографии / сост. М. Шруба // Псевдонимы русского зарубежья : Материалы и исслед. / под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М. : Новое лит. обозрение, 2016. С. 413–443.

Псевдонимистика : Материалы к библиографии / сост. О. Коростелев // Псевдонимы русского зарубежья : Материалы и исслед. / под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М. : Новое лит. обозрение, 2016. С. 337–351.

«Современные записки» (Париж, 1920–1940) : Из архива редакции : в 4 т. / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М. : Новое лит. обозрение, 2011–2014. 952 + 976 + 1016 + 1152 с.

Список доступных в Интернете периодических изданий русского зарубежья 1917–1945 гг. / сост. О. Коростелев, М. Шруба // Псевдонимы русского зарубежья : Материалы и исслед. / под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М. : Новое лит. обозрение, 2016. С. 352–412.

Тименчик Р. Об эмигрантских ложноименах // Псевдонимы русского зарубежья : Материалы и исслед. / под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М. : Новое лит. обозрение, 2016. С. 9–19.

Толстой И. Псевдоним у микрофона : Судьба Николая Горчакова // Псевдонимы русского зарубежья : Материалы и исслед. / под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М. : Новое лит. обозрение, 2016. С. 285–297.

Шруба М. О функциях псевдонимов (по переписке деятелей русской эмиграции первой волны) // Псевдонимы русского зарубежья : Материалы и исслед. / под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М. : Новое лит. обозрение, 2016. С. 38–53.

References

Korostelev, O. (2016). Literaturnye maski i kriticheskie rubriki v periodike russkogo Parizha [Literary Masks and Critical Rubrics in the Periodicals of Russian Paris].

In Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). *Pseudonimy russkogo zarubezh'ya: Materialy i issledovaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 20–30.

Korostelev, O. (Ed.). (2016). Pseudonimistika: Materialy k bibliografii [Pseudonymics: Materials for a Bibliography]. In Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). *Pseudonimy russkogo zarubezh'ya: Materialy i issledovaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 337–351.

Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). (2011–2014). “Sovremennye zapiski” (*Parizh, 1920–1940*): *Iz arkhiva redaktsii* [Contemporary Notes (Paris, 1920–1940)]. From the Archive of the Editorial Office]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, Vols. 1–4. 952 + 976 + 1016 + 1152 p.

Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). (2016). Spisok dostupnykh v Internetse periodicheskikh izdaniy russkogo zarubezh'ya 1917–1945 gg. [A List of Periodicals of the Russian Abroad from 1917 to 1945 Available on the Internet]. In Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). *Pseudonimy russkogo zarubezh'ya: Materialy i issledovaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 352–412.

Masanov, I. F. (1941–1949). *Slovar psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh dejateley* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists, and Public Figures]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoi knizhnoi palaty. Vols. 1–3. 572 + 835 + 836 stlb.

Masanov, I. F. (1956–1960). *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists, and Public Figures]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoi knizhnoi palaty. Vols. 1–4. 442 + 387 + 415 + 558 p.

Shruba, M. (2016). O funktsiyakh psevdonimov (po perepiske deyatelei russkoi emigratsii pervoi volny) [About the Functions of Pseudonyms (on the Correspondence of Figures of the First Wave of Russian Emigration)]. In Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). *Pseudonimy russkogo zarubezh'ya: Materialy i issledovaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 38–53.

Shruba, M. (Ed.). (2016). Povremennye izdaniya o Rossii na inostrannykh yazykakh (periodicheskaya rossika) mezhvoennykh let: Materialy k bibliografii [Timed Editions about Russia in Foreign Languages (Periodicals of Russian Studies) of the Interwar Years: Materials for a Bibliography]. In Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). *Pseudonimy russkogo zarubezh'ya: Materialy i issledovaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 413–443.

Timenchik, R. (2016). Ob emigrantskikh lozhnoimenakh [On Emigrant Fictitious Names]. In Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). *Pseudonimy russkogo zarubezh'ya: Materialy i issledovaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 9–19.

Tolstoy, I. (2016). Pseudonim u mikroфона: Sud'ba Nikolaya Gorchakova [A Pseudonym at the Microphone. The Fate of Nikolai Gorchakov]. In Korostelev, O., Shruba, M. (Eds.). *Pseudonimy russkogo zarubezh'ya: Materialy i issledovaniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 285–297.

The article was submitted on 10.07.2017

DOI 10.15826/qr.2018.1.297
УДК 502.1(985)+502.1(470.1/.2)+504

ЦЕНА АРКТИКИ*

Рец. на: Bruno A. The Nature of Soviet Power : An Arctic Environmental History. – Cambridge Univ. Press, 2016. – 288 с.

Юлия Подлубнова

Уральский федеральный университет,
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

THE PRICE OF THE ARCTIC

Rev. of: Bruno, A. (2016). The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History. Cambridge Univ. Press. 288 p.

Yulia Podlubnova

Ural Federal University,
Institute for History and Archaeology
Ural Branch of RAS,
Yekaterinburg, Russia

This review explores the relevance of environmental and historical environmental research in Russia, focusing on Andy Bruno's *The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History* as a complex study of environmental changes in the Kola Peninsula, and, more particularly, of such projects as the construction of a railway, the mining and enrichment of apatite, the smelting of nickel and copper, the construction and operation of thermal, hydroelectric, and nuclear power plants, etc. While stating that the book contains a great many facts, the reviewer emphasises that what is more important about this research is its analytical approach, generalisations, and a hypothesis that regards nature as an active participant in the Soviet project. The book consists of several essays about Arctic nature management which provide a detailed description of the development and practical application of the idea of the conquest of nature, crucial for the Soviet era and still topical today.

Keywords: environmental history; nature management; Soviet industry; Soviet Arctic; Kola Peninsula.

---

* *Citation:* Podlubnova, Y. (2018). The Price of the Arctic. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 299–305. DOI 10.15826/qr.2018.1.297.

Цитирование: Podlubnova Y. The Price of the Arctic // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 299–305. DOI 10.15826/qr.2018.1.297 / Подлубнова Ю. Цена Арктики // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 299–305. DOI 10.15826/qr.2018.1.297.

В рецензии оценивается востребованность исследований экологической и историко-экологической тематики в России. Рассматривается книга Энди Бруно «Природа Советской власти. Экологическая история Арктики» как комплексный продукт, посвященный изменениям окружающей среды Кольского полуострова, в частности, таким проектам, как строительство железной дороги, добыча и обогащение апатитов, плавка никеля и меди, строительство и работа тепло-, гидроэлектростанций и АЭС и проч. Утверждается, что книга содержит богатую фактологию, но ценна скорее аналитикой, обобщениями и гипотезой, предполагающей рассмотрение природы как активного участника советского проекта. По сути, это очерки арктического природопользования, довольно детально прорабатывающие аспект становления и применения на практике идеи завоевания природы, ключевой для советской эпохи, да и ныне отнюдь не отправленной на свалку истории.

Ключевые слова: экологическая история; природопользование; советская промышленность; Советская Арктика; Кольский полуостров.

Исследование Энди Бруно из Университета Северного Иллинойса выполнено в рамках популярного на Западе направления экологических (энвайроментальных) наук – многопрофильной научной области, изучающей комплексное взаимодействие человека и окружающей среды. Ставшая академической еще в середине XX в. область включает в себя теоретические и практические разделы экологии, различные науки об окружающей среде, а также связанные с ними дисциплины, такие как этика, география, политика, юриспруденция, экономика, философия, экологическая социология и экологическая справедливость, управление природными ресурсами и т. д. Как написано на сайте Ассоциации экологических исследований и наук (AEISS), «ученые-экологи неизбежно обнаруживают, что проблемы, с которыми мы сталкиваемся, превосходят дисциплинарные знания, которые практикуют многие из нас», поэтому основополагающим «является представление о том, что широкое развитие экологических знаний, полезных как для людей, так и для окружающей среды, требует дисциплинарных, междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов к исследованиям и обучению» [AEISS]. В рассматриваемой нами книге приведен список других проектов из серии экологических исследований – «Бремя человечества: глобальная история малярии», «Рыба против силы: история экологии реки Фрайзер», «Бульдозер в сельской местности: расширение пригородов и подъем американского экологического движения», «Тигры, рис, шелк и ил: экология и экономика Поздней империи Южного Китая», «Зеленое и коричневое: история охраны окружающей среды в нацистской Германии» и т. д. Данный список, ко всему прочему, обещающий выход обновленной версии «Экологической истории России», свидетельствует о самой широкой проблематике, внуши-

тельной географии и специфическом инструментарии представленных работ, а также об их несомненной междисциплинарности.

Исследования подобного типа зачастую довольно сложно классифицировать. По крайней мере, в России, где экология и история окружающей среды не являются приоритетными областями знаний и научных поисков, а потому имеют скорее спорадическое развитие. При чтении и переводе текстов соответствующей тематики возникают даже элементарные терминологические сложности, ибо английское *environment* в зависимости от контекста – это и экология, и природа, и окружающая среда, в строгом пони-

мании не являющиеся синонимами в русском языке¹. И все-таки нет сомнений, что данные исследования ценны – главным образом своим модернизированным взглядом на отношения человека и природы и историю развития общества в целом, а также специфическим ракурсом, в основе которого находятся идеи экогуманизма и биоэтики.

Рассматриваемая книга Энди Бруно создана на стыке экологии, истории и экономики. Перед нами комплексный продукт, посвященный истории Арктики, изменениям окружающей среды, которые вызваны непосредственным вмешательством человека и техногенными процессами, обусловленными экономической прагматикой и попытками реализации глобальных проектов – от индустриализации, экономического проекта Александра III до нового витка освоения арктических недр в современной России, чья экономика базируется большей частью на добыче и продаже природных ресурсов. Автор показательно начинает исследование со слов А. П. Энгельгардта, главы Архангельской губернии (1893–1901), написавшего в 1896 г. книгу путевых записок «Русский Север»: «...так и кажется, что в этих берегах сокрыты силы, которые лишь временно объаты тяжелым сном; мысленному же взору путешественника в мираже этой вековой тишины и спокойствия как бы рисуется уже несущийся сюда паровоз,

The Nature of Soviet Power

An Arctic Environmental History

Andy Bruno

¹ См. замечание А. Л. Болотовой: [Болотова, с. 80].

который разбудит дремлющие кругом силы и оживит молчаливо-угрюмую, безлюдную в настоящее время местность» [Энгельгардт]. Приход цивилизованного человека в «край непуганых птиц», нарушение первоначального «величественного спокойствия» – центральная тематика исследования.

Книга представляет собой ряд научных очерков, детально рассматривающих разные аспекты человеческой деятельности на Кольском полуострове: строительство железной дороги, вырубку лесов, добычу и обогащение апатитов, плавку никеля и меди, работу тепло-, гидроэлектростанций и АЭС, проблемы утилизации ядерных отходов, изменение принципов оленеводства и т. д. – все то, что существенным образом влияло на естественную среду обитания людей и животных, превращало мир природный в мир техногенный и вело к экологической катастрофе, пик которой пришелся на экономически успешные 1980-е гг., а последствия ощущаются и сегодня. «В течение XX века Советский Союз превращал Кольский полуостров, северо-западный угол страны, в один из самых населенных, индустриализированных, милитаризированных и загрязненных районов Арктики» (р. 1)².

Автор привлек широкую базу источников: он работал как в российских архивах (архиве РАН, Государственном архиве РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве экономики, Государственном архиве Мурманской области), так и с системами Бентли и Гарварда. Приведенные в исследовании факты и цифры нередко уточняют те, что встречаются в публикациях предшественников, ученых и публицистов, писавших на эту тему. Однако нельзя сказать, что фактология в книге существенно обновляет представления о процессе индустриализации Кольского полуострова. Работа Энди Бруно ценна скорее аналитикой.

К примеру, показательна часть, посвященная истории Мурманской железной дороги, идею строительства которой отстаивал еще А. П. Энгельгардт. Работы по вырубке леса и укладыванию шпал и рельсов на конкретных участках начались только в 1914 г., то есть когда Россия оказалась вовлечена в большую войну и ей стали жизненно необходимы укрепление стратегических рубежей и дополнительный выход к морю. Строительство велось ускоренными темпами в режиме мобилизации: далеко не каждый из строителей (особенно это касается иностранцев) выдерживал жесткие условия труда – суровый климат, большие нагрузки, проблемы с продовольствием и жильем, антисанитарию, эпидемии и т. д. Было принято решение использовать силы военнопленных. Их условия жизни оказались еще жестче. Так, из 70 тыс. военнопленных, перемещенных на строительный фронт, 25 тыс. умерли, а из оставшихся 45 тыс. 32 тыс. заболели цингой, туберкулезом,

---

² Здесь и далее при цитировании рецензируемого издания номера страниц приводятся в круглых скобках.

ревматизмом и диареей (р. 53). Таким образом, перед нами неизбежно встает прообраз ГУЛАГа, сталинских строек, широко использовавших труд заключенных (рассматривавшихся как один из ресурсов, подлежащих расходованию). Для автора книги приоритетно проследить становление и развитие различных технологий индустриализации (в том числе привлечения и использования рабочей силы), меняющих экологию региона и жизнь человека в целом.

Не случайно в центре исследования оказался большой советский проект, с разной степенью успешности использующий эти технологии. Энди Бруно утверждает, что взаимодействие человека с миром природы способствовало промышленному росту СССР, при этом «сама природа была участником коммунистического проекта», «драмы советской истории» (р. 7, 8). «В то время как советская власть изменила природу, природа также переделала советскую власть» (р. 1).

Заметим, что в этом контексте название книги, где понятие «природа» явно синонимично понятию «сущность», мерцает дополнительным смыслом, позволяющим превратить в единый гибрид природу и власть. Но власть здесь оказывается не только властью, то есть государством, вырабатывающим внутривластные приоритеты и реализующим определенные стратегии, а также цивилизаторской силой (*power*) или даже волей, близкой тому, как ее понимали постгегельянцы, а еще ранее – Фома Аквинский. «Государство есть существо мистическое», – писал П. Струве, отражая умонастроения эпохи начала XX в. Идеалистическая мысль разного времени наделяла активным волевым началом и природу, и государство. Если оба начала сходятся в диалектической борьбе, есть ли место синтезу?

По словам Энди Бруно, он предлагает «более сложный, полный нюансов и точный способ характеристики взаимодействия советского проекта с природой» (р. 11). Трудно не согласиться: исследование содержит множество ценных нюансов, проливающих свет на экономическую историю Арктики, однако гипотеза Энди Бруно про природу – участницу советского проекта, сколько бы меня ни убеждали в обратном, так и остается неverified. Сосредоточиваясь на технологиях и результатах, выраженных большей частью в количественных показателях, автор уводит фокус исследования от активного начала самой природы. В итоге сюжеты очерков сводятся все к той же давно знакомой истории покорения природы человеком, к природопользованию. Даже мончегорская скульптура лося, поставленная в центре города как «воплощение полярной природы» (р. 195), которую упоминает ученый, вовсе не есть однозначный знак гармоничных отношений окружающей среды и человека, но и рукодельный бронзовый символ победы последнего.

Просторы и климат оказали влияние на формирование пейзажа русской души – это мы знаем из размышлений Н. Бердяева, а отнюдь не энвайроменталистов, чей в целом антропоцентрический взгляд так и не уводит в глубины онтологии. Так или иначе, в книге Бруно

ощущается некоторая размытость понятий и, следовательно, ее общей концепции, при всей фактологической и аналитической проработанности эмпирической части.

С другой стороны, несомненное значение очерков связано с довольно детальной проработкой аспекта становления и применения на практике идеи завоевания природы, ключевой для советской эпохи, да и ныне отнюдь не отправленной на свалку истории. И здесь исследователем проведено как минимум два важных сопоставления. Во-первых, лишний раз можно убедиться, что сталинская индустриализация, взявшая идею на вооружение, есть практическая реализация в обновленных общественно-политических условиях замыслов Александра III, а затем и Николая II, ибо изначально логику использования природы как набора ресурсов, необходимых для развития экономики, апробировали именно царские функционеры. Энергия войны – Первой мировой, а затем и Гражданской – в конце 1920-х была направлена в относительно мирное русло, на преодоление естественных трудностей, что, впрочем, все равно работало на поддержку милитаристского настроения в стране. Во-вторых, в своем утилитарном отношении к природе СССР отнюдь не был одинок – его политику можно и нужно сопоставлять с политикой развитых капиталистических стран и стран развивающегося мира: «...в конкретном историческом контексте коммунизм в экологическом отношении оказался хуже, чем капитализм», но, как оговаривает автор, только в некоторых аспектах (р. 20). Куба, Кения, Замбия и др. также создают различные промышленные и экологические контексты, необходимые для понимания механизмов и последствий их работы в рамках советского проекта (р. 210). Однако нельзя не подчеркнуть: опыт покорения природы в СССР был радикальным, экстремальным, а проект освоения и заселения арктических территорий – во многих своих решениях уникальным.

Господство идеи завоевания природы и предельно утилитарного использования ее ресурсов в СССР привело к довольно краткосрочному экономическому подъему (в 1960–1980-е гг.), а затем обернулось серьезными экологическими проблемами (в 1970–1980-е). Развитие экологического движения в 1970–1990-е гг. было связано с осознанием необходимости гуманитаризации процесса общения с природой и в большей степени с обозначением болевых точек на карте страны (самой болевой стал Чернобыль), однако в корне не поменяло ситуацию: Россия – до сих пор страна, живущая за счет природных ресурсов, в том числе Арктики.

Наверное, самое важное, что остается от прочтения книги, – осознание реальной цены индустриализации СССР. Ведь, по сути, за каждую промышленную стройку, каждое производство, каждый грандиозный проект заплачено не только советскими золотом, деньгами, людьми, но еще и капитальным расходом природных ресурсов. Новые поколения жителей Кольского полуострова ли, всей ли страны

приходили и приходят уже в иную материальную среду, в чем-то более комфортную, но в природной своей части уже истощенную, причем, если следовать советской риторике, во имя этих самых «будущих поколений», которым, по иронии судьбы, выпало жить в постиндустриальную эпоху в экологически неблагоприятной обстановке.

Список литературы

Болотова А. Л. Экологическая политика повседневности в западных странах и России // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 80–89.

Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки // Lib.ru: «Классика» [электронная библиотека]. URL: http://az.lib.ru/e/engelgardt_a_p/text_0010.shtml (дата обращения: 05.06.2017).

Association for Environmental Studies and Sciences [official website]. URL: <https://aessonline.org/about-aess/history> (дата обращения: 05.06.2017) (AESS).

Bruno A. *The Nature of Soviet Power : An Arctic Environmental History*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. 288 p.

References

Association for Environmental Studies and Sciences [official website]. URL: <https://aessonline.org/about-aess/history> (mode of access: 05.06.2017) (AESS).

Bolotova, A. L. (2002). *Ekologicheskaya politika povsednevnosti v zapadnykh stranakh i Rossii* [The Environmental Policy of Everyday Life in Western Countries and Russia]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1, pp. 80–89.

Bruno, A. (2016). *The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 288 p.

Engelgardt, A. P. (N. d.). *Russkii Sever. Putevye zapiski* [The Russian North. Travel Notes]. In *Lib.ru: "Klassika"* [e-library]. URL: http://az.lib.ru/e/engelgardt_a_p/text_0010.shtml (mode of access: 05.06.2017).

The article was submitted on 21.09.2017

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Андреева Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж.
190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34.
kiseleva@hermitage.ru

Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующий Научно-историческим архивом и группой источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН.
197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.
tbazarova@yandex.ru

Будрина Людмила Алексеевна, кандидат искусствоведения, заведующий отделом декоративно-прикладного искусства, Екатеринбургский музей изобразительных искусств; доцент, Уральский федеральный университет.
620014, Россия, Екатеринбург, ул. Воеводина, 5.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ludmila.budrina@gmail.com

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
og_06@mail.ru

Гузевич Дмитрий Юрьевич, кандидат технических наук, инженер-исследователь, Центр исследований России, Кавказа и Восточной Европы, Школа высших социальных исследований.
75006, Франция, Париж, boulevard Raspail, 54.
dgouzevit@yahoo.fr

Епимахов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
eav74@rambler.ru

Збоев Артем Вячеславович, кандидат исторических наук, ассистент, Вятский государственный университет.
610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.
zboev.art@mail.ru

Каменский Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
akamenskii@hse.ru

Коньшева Евгения Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).
454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 76.
e_kon@mail.ru

Кошелева Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
okosheleva@mail.ru

Кюнтцель-Витт Кристина, PhD, Habilitandin, Гамбургский университет.
22297, Германия, Гамбург, Überseering, 35.
kristina.kuentzel@t-online.de

Лавров Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Университет Париж-Сорбонна.
75005, Франция, Париж, rue Victor Cousin, 1.
allavrov@yahoo.com

Леруа Ладюри Эммануэль, доктор исторических наук, Институт Франции (Академия моральных и политических наук); почетный профессор, Коллеж де Франс.
75231, Франция, Париж, Cedex 05, place Marcelin-Berthelot, 11.
e.le-roy-ladurie@college-de-france.fr

Лиштенан Франсин-Доминик, доктор исторических наук, профессор, директор по исследованиям, Центр имени Ролана Мунье; Национальный центр научных исследований, Университет Париж-Сорбонна; главный редактор журнала "Quaestio Rossica".
75005, Франция, Париж, rue Victor Cousin, 1.
liechtenhan@sfr.fr

Матвеева Юлия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
julia-matveeva@yandex.ru

Мох Лесли Пейдж, PhD, почетный профессор, Университет штата Мичиган.
48824, США, Мичиган, Ист-Лансинг, Trowbridge Rd, 220.
leslie@msu.edu

Мустафин Артур Рашидович, магистр истории, соискатель кафедры отечественной истории, Казанский федеральный университет; стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
art-staf@yandex.ru

Нахтигаль Райнхард, PhD, научный сотрудник, Фрайбургский университет имени Альберта и Людвиг.
79098, Германия, Фрайбург, Friedrichstr., 39.
runacht@hotmail.com

Подлубнова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет; научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
tristia@yandex.ru

Реброва Роксана Викторовна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Государственный Эрмитаж.

190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34.
rox-rebr@yandex.ru

Ржеуцкий Владислав Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Германский исторический институт (Москва).

109044, Россия, Москва, ул. Воронцовская, 8/7.
rjeoutski@gmail.com

Сигельбаум Льюис, PhD, профессор истории, Университет штата Мичиган. 48824, США, Мичиган, Ист-Лансинг, Trowbridge Rd, 220.

siegelba@msu.edu

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, ответственный редактор журнала "Quaestio Rossica", Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
l.s.soboleva@mail.ru

Юнгблюд Валерий Теодорович, доктор исторических наук, профессор, Вятский государственный университет.

610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.
youngblood@vyatsu.ru

Andreeva Ekaterina, PhD (History), Senior Researcher, State Hermitage Museum. 34, Dvortsovaya Embankment, 190000, St Petersburg, Russia.

kiseleva@hermitage.ru

Bazarova Tatiana, PhD (History), Head of Scientific and Historical Archive and Group of Source Studies, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
tbazarova@yandex.ru

Budrina Ludmila, PhD (Art Studies), Head of Department of Decorative and Applied Arts, Yekaterinburg Museum of Fine Arts, Associate Professor, Ural Federal University,

5, Voyevodina Str., 620014, Yekaterinburg, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ludmila.budrina@gmail.com

Gorbachev Oleg, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
og_06@mail.ru

Gouzévitch Dmitri, ScD, Research Engineer, Centre for the Study of Russian, Caucasian, and Central European Worlds, School for Advanced Studies in the Social Sciences.

54, boulevard Raspail, 75006, Paris, France.
dgouzevit@yahoo.fr

Epimakhov Andrei, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
eav74@rambler.ru

Kamensky Alexander, Dr. Hab. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
akamenskii@hse.ru

Konyshева Evgeniya, PhD (Art Studies), Associate Professor, South Ural State University.

76, Lenin Ave., 454080, Chelyabinsk, Russia.
e_kon@mail.ru

Kosheleva Olga, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
okosheleva@mail.ru

Kuentzel-Witt Kristina, PhD, Habilitandin, University of Hamburg.

35, Überseering, 22297, Hamburg, Germany.
kristina.kuentzel@t-online.de

Lavrov Aleksander, Dr. Hab. (History), Professor, Université Paris-Sorbonne.

1, rue Victor Cousin, 75005, Paris, France.
allavrov@yahoo.com

Le Roy Ladurie Emmanuel, Membre de l'Institut (Académie des sciences morales et politiques); Professeur Émérite, Collège de France.

11, place Marcelin-Berthelot, 75231, Cedex 05, Paris, France.
e.le-roy-ladurie@college-de-france.fr

Liechtenhan Francine-Dominique, Professor, Directrice de recherche, Centre Roland Mousnier, Le Centre national de la recherche scientifique, Université Paris-Sorbonne; Editor-in-Chief, "Quaestio Rossica" Journal.

1, rue Victor Cousin, 75005, Paris, France.
liechtenhan@sfr.fr

Matveeva Yulia, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
julia-matveeva@yandex.ru

Moch Leslie Page, PhD, Professor of History Emerita, Michigan State University.

220, Trowbridge Rd, 48824, East Lansing, Michigan, USA.
leslie@msu.edu

Mustafin Arthur, PhD Candidate, Kazan Federal University, Intern Researcher, National Research University Higher School of Economics.

21/4, Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, Russia.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
art-staf@yandex.ru

Nachtigal Reinhard, PhD, Research Fellow, Albert Ludwig University of Freiburg.

39, Friedrichstr., 79098, Freiburg, Germany.
runacht@hotmail.com

Podlubnova Yulia, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University, Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
tristia@yandex.ru

Rebrova Roksana, PhD (Art Studies), Research Fellow, State Hermitage Museum.
34, Dvortsovaya Naberezhnaya, 190000, St Petersburg, Russia.

rox-rebr@yandex.ru

Rjeoutski Vladislav, PhD (History), Research Fellow, German Historical Institute in Moscow.

8/7, Vorontsovskaya Str., 109044, Moscow, Russia.
rjeoutski@gmail.com

Siegelbaum Lewis H., PhD, Jack and Margaret Sweet Professor of History, Michigan State University.

220, Trowbridge Rd, 48824, East Lansing, Michigan, USA.
siegelba@msu.edu

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Section editor "Quaestio Rossica" Journal, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Yungblud Valery, Dr. Hab. (History), Professor, Vyatka State University.

36, Moskovskaya Str., 610000, Kirov, Russia.
youngblood@vyatsu.ru

Zboev Artem, PhD (History), Assistant, Vyatka State University.

36, Moskovskaya Str., 610000, Kirov, Russia.
zboev.art@mail.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук
Arkhiv SPbII RAN – Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii Rossiiskoi Akademii nauk

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ZhMNP – Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya

ИРИО – Императорское русское историческое общество
IRIO – Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshchestvo

КСИА – Краткие сообщения Института археологии
KSIA – Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание
PSZ-I – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Pervoe sobranie

РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
RGAVMF – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-Morskogo Flota

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГБ ОР – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей
RGB OR – Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisei

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

ANF – Archives nationales de France, Paris

BNF – Bibliothèque nationale de France, Paris

NED – National Endowment for Democracy

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 6, 2018, № 1

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Подписано в печать 30.03.2018. Формат 70x100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,5.

Тираж 500 экз. Заказ № 120.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

Illustration for the article:
*Tatiana Bazarova. The Journey of Vice-Chancellor Pyotr Shafirov
to Western Europe (1716–1717)*

Иллюстрация к статье:
*Татьяна Базарова. Путешествие вице-канцлера П. П. Шафирова
в Западную Европу (1716–1717)*

П. П. Шафиров. Портрет неизвестного художника. 1-я половина XIX в.
P. P. Shafirov. Portrait by an unknown artist. First half of the 19th century

Illustration for the article:
Lyudmila Budrina. Two Malachite Vases by Yekaterinburg Masters in Imperial Diplomacy

Иллюстрации к статье:
*Людмила Будрина. Пара малахитовых ваз екатеринбургских мастеров
в имперской дипломатии*

1. Ваза из пары. Екатеринбург. 1864–1865. Малахит, талкохлорит, резьба, мозаика. Екатеринбургская императорская гранильная фабрика, по проекту И. И. Гальберга. 1838. Уоддесдон. Коллекция Ротшильдов. Фото М. Фира

Vase from a set of two. Yekaterinburg. 1864–1865. Malachite, talcochlorit, carving, mosaic. Yekaterinburg Lapidary Factory, design of I. Galberg. 1838. Waddesdon, The Rothschild Collection (Rothschild Family Trusts); Photograph by M. Fear

2. Ваза из пары. Екатеринбург. 1864–1865. Малахит, талкохлорит, резьба, мозаика. Екатеринбургская императорская гранильная фабрика, по проекту И. И. Гальберга. 1838. Дворец Голестан. Библиотека рукописей. Тегеран. Иран

Vase from a set of two. Yekaterinburg. 1864–1865. Malachite, talcochlorit, carving, mosaic. Yekaterinburg Lapidary Factory, design of Ivan Galberg. 1838. Golestan Palace. Manuscripts Library. Tehran. Iran